

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Политические трансформации в России и мире: исторический опыт и прогнозные сценарии»

Political Transformations in Russia and the World: Historical Experience and Forecast Scenarios

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, A.A. Lagutina, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up: *O.N. Yadykina*
Technical editing: *E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina*

Passed for printing June 14, 2023.
Date of publication: July 27, 2023. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 26.1. Published pages 28.1.
Number of copies 500 (1st printing 1–33 copies). Order 73. «С» 14.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru
Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>
Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

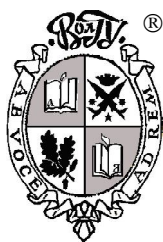
Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка *О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 14.06.2023 г.
Дата выхода в свет: 27.07.2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 26,1. Уч.-изд. л. 28,1.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–33 экз.). Заказ 73. «С» 14.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru
Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>
Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023

Том 28. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2023

Volume 28. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023. Vol. 28. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

**Topic of the issue: Political Transformations in Russia and the World:
Historical Experience and Forecast Scenarios**

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Giryay* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov*
takes the position of the Executive Editor
of the present issue (Volgograd)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023. Т. 28. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

**Тема номера: «Политические трансформации в России и мире:
исторический опыт и прогнозные сценарии»**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И. О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В. А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е. В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П. И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т. А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М. А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т. В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А. Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М. В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С. И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И. Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С. И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е. В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О. В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А. В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А. И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В. А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А. И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А. П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н. Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А. А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю. Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е. Ю. Гирия* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С. В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С. А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е. Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И. И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И. И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И. П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н. А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б. А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М. А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н. Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А. Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С. А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора проф. И. О. Тюменцева выпускающим редактором номера является д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕХАНИЗМЫ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

- Усманов Р.Х., Оськина О.И., Кудряшова Е.В. Политические аспекты «доверия» как фактора влияния в условиях кризиса: понятие, ресурсность и современные тренды 6
- Морозов С.И., Макаренко К.М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений 16
- Косов Г.В., Ярмак О.В., Литвишко О.М., Гапич А.Э. Вооруженный конфликт как медиапроект XXI в.: украинский кейс 29

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

- Бабаджанов Х.Б., Абдуллаев А.К. Влияние экономических трансформаций в Узбекской ССР на состояние трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны [На англ. яз.] 42
- Абрамов А.В., Алексеев Р.А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем 54
- Данакари Р.А., Подуруева-Милоевич В.Ю. Постсоветские общества и мир повседневности удин: специфика формирования новой идентичности [На англ. яз.] 65
- Инь Сымэн. Российская цифровая дипломатия в отношении Китая в контексте специальной военной операции на Украине: пример Weibo-аккаунта Посольства РФ в КНР [На англ. яз.] 76

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В США

- Соков И.А. Климатическая повестка США как возможность социально-политической трансформации американского общества 85
- Ефанова Е.В. Twitter-дипломатия в формировании внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа 97

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Баранов А.В. Тенденции преодоления кризиса Народной партии Испании (2018–2022 гг.) в контексте электоральных процессов 104

- Тарасов И.Н. Эволюционный путь внешней политики современной Венгрии 115
- Бхагват Джавахар Вишну, Рогачев И.В. Сотрудничество России и Норвегии: к укреплению диалога в Арктике [На англ. яз.] 128

АЗИАТСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

- Ли Инань. Кадровые перестановки на китайском направлении внешней политики СССР в 1986 году 137
- Вэй Чжан, Панкратова Л.С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации 151
- Струкова П.Э. «Культура Сунь Ятсена» – социокультурный бренд для консолидации района Большого залива Китая и мира 165
- Мармонтова Т.В., Жиенбаев М.Б., Васенёва Е.А. Трансформация политики неоосманизма в годы правления Партии справедливости и развития в Турции (2002–2022 гг.): центральноазиатский вектор [На англ. яз.] 178
- Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Тимошенко А.Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития 187

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Митрофанова И.В., Чернова О.А. Трансформация политики южнороссийских регионов в условиях внешних шоков 197
- Соколов А.В., Фролов А.А., Гребенко Е.Д. Цифровые сервисы как этап развития экосистем в современной российской политике 210

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТЕКСТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

- Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации 226
- Горелкин В.А. Российские журналы категории «History» в Scopus: основные показатели и оценка влияния на международном уровне 239

CONTENTS

MECHANISMS

OF POLITICAL TRANSFORMATION

- Usmanov R.H., Oskina O.I., Kudryashova E.V.*
Political Aspects of “Trust”
as a Factor of Influence in a Crisis:
The Concept, Resources and Modern Trends 6
- Morozov S.I., Makarenko K.M.* Trust
of Modern Russian Youth in Political Institutions
in Conditions of Crisis Shocks 16
- Kosov G.V., Yarmak O.V., Litvishko O.M., Gapich A.E.*
Armed Conflict as a Media Project of the 21st Century:
Ukrainian Case 29

SOVIET AND POST-SOVIET SPACE

- Babadjanov Kh.B., Abdullaev A.K.* The Influence
of the Transformations in Uzbekistan’s Economy
on Personnel Issues During the Great Patriotic War 42
- Abramov A.V., Alekseev R.A.* To the Evaluation
of Trajectories of Transformations
of Post-Soviet Political Systems 54
- Danakari R.A., Podurueva-Miloevich V.Yu.*
Post-Soviet Societies
and the World of the Everyday Life of the Udis:
Features of Formation of New Identity 65
- Yin Simeng.* Russian Digital Diplomacy
Towards China in the Context
of the Russian Special Military Operation in Ukraine:
The Instance of the Official Weibo Account
of the Embassy of the Russian Federation in China 76

POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE USA

- Sokov I.A.* The US Climate Agenda
as an Opportunity for American Society’s
Socio-Political Transformation 85
- Efanova E.V.* Twitter Diplomacy in Shaping
the Foreign Policy Agenda
of the United States of America
During the Presidency of D. Trump 97

EUROPEAN POLITICAL PROCESSES

- Baranov A.V.* Trends in Overcoming the Crisis
of the People’s Party of Spain (2018–2022)
in the Context of Electoral Processes 104

- Tarasov I.N.* Contemporary Hungary’s
Foreign Policy Evolution 115
- Bhagwat Jawahar Vishnu, Rogachev I.V.*
Cooperation Between Russia and Norway:
Strengthening Dialogue in the Arctic 128

ASIAN POLITICAL SPACE

- Li Yinan.* Personnel Changes
in the Chinese Direction
of Soviet Foreign Policy in 1986 137
- Wei Zhang, Pankratova L.S.* Transformation
of Public Communication of Government
and Citizens in China and Russia
in the Context of Digitalization 151
- Strukova P.E.* “Sun Yat-sen Culture” –
Socio-Cultural Brand for the Greater Bay Area
of China and the World Consolidation 165
- Marmontova T.V., Zhiyenbayev M.B., Vaseneva E.A.*
The Transformation of Neo-Ottomanism
Under Justice and Development Party (JDP) Rule
in Turkey (2002–2022):
The Central Asian Vector 178
- Dzhorobekova A.E., Troitskiy E.F., Yun S.M.,
Timoshenko A.G.* Regional Security
in Central Asia
After the Return of the Taliban to Power:
Challenges and Threats, Scenarios 187

POLITICAL TRANSFORMATIONS

IN MODERN RUSSIA

- Mitrofanova I.V., Chernova O.A.*
Transformation of Policy
of the Southern Russian Regions
Under the Conditions of External Shocks 197
- Sokolov A.V., Frolov A.A., Grebenko E.D.*
Digital Services as a Stage of Ecosystem Development
in Modern Russian Politics 210

INTERNATIONAL CONTEXTS

OF TRANSFORMATION

- Pankratov S.A., Klinshans E.V.* Russia
in Contemporary Architecture
of International Relations: Forecast Scenarios
and Limits of Acceptable Restructuring 226
- Gorelkin V.A.* Russian Journals
in the Subject Category “History” in Scopus:
Key Indicators and Impact Assessment
at the International Level 239

МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.1>

UDC 32.019.5

LBC 66.041, 66.042, 66.043

Submitted: 24.11.2022

Accepted: 11.05.2023

POLITICAL ASPECTS OF “TRUST” AS A FACTOR OF INFLUENCE IN A CRISIS: THE CONCEPT, RESOURCES AND MODERN TRENDS ¹

Rafik H. Usmanov

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Olga I. Oskina

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Ekaterina V. Kudryashova

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to topical issues and political aspects of “trust” in the conditions of the modern crisis. This article analyzes the political aspects and manifestations of “trust” and characterizes its resource capacity depending on the level of application. *Methods and materials.* The article used a certain set of methods that were used to substantiate and solve problems and contributed to the achievement of the goals and objectives of the authors. The historical-retrospective method, which made it possible to trace the process of evolution and changes in the essential interpretations of “trust”, can be attributed to the number of significant ones. The typological and systematic methods made it possible to identify the types of trust and reflect the resource potential of political trust. In addition, the method of actualization, which was used in the process of working on the problem, contributed to the identification of modern trends and prospects. *Analysis.* The authors dwell in detail on the features of the evolution of “trust” in the context of modern processes and crisis phenomena. The article analyzes various approaches to exploring the essence and characteristics of “trust” as a scientific and practical phenomenon. The levels and types of trust functioning are considered, and certain aspects that have found application in the political sphere and are actualized at the present stage are highlighted. The authors note the influence of information and communication processes on the state of public trust in political institutions, processes, and phenomena. In the context of scaling fake information, the state of counter-suggestiveness of the individual in relation to information stuffing and suggestions that differ from its value orientations, views, and beliefs is highlighted. *Results.* The study of the category of trust within the framework of an interdisciplinary approach allows us to attribute it to significant elements and factors of the socio-political process and track its dynamics under the influence of deep global transformational shifts taking place in the socio-political sphere. The authors, in their results, note the need for systematic monitoring and the accumulation of objective data on the social mood in the issue of trust in the power and the presence of threats in the conditions of dissonance of the political line of power and unsatisfied interests of citizens, which can lead to a crisis of institutional trust. *Authors' contribution.* R.H. Usmanov presented the justification and conceptualization of the study, took part in planning the stages of the study, summarized the results of the work, and formulated conclusions, advising on certain issues of manifestations of trust in the political sphere. O.I. Oskina carried out direct analysis and generalization of data sources and scientific literature, conducted a review and analytical study of the data, and participated in the interpretation of the results. E.V. Kudryashova collected data from sources and scientific literature, designed the manuscript and the list of references, edited and processed them, and worked with empirical data.

© Усманов Р.Х., Оськина О.И., Кудряшова Е.В., 2023

Key words: political institution, trust, power, globalization, resources, human factor, motivation, civil society.

Citation. Usmanov R.H., Oskina O.I., Kudryashova E.V. Political Aspects of “Trust” as a Factor of Influence in a Crisis: The Concept, Resources and Modern Trends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.1>

УДК 32.019.5
ББК 66.041, 66.042, 66.043

Дата поступления статьи: 24.11.2022
Дата принятия статьи: 11.05.2023

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ДОВЕРИЯ» КАК ФАКТОРА ВЛИЯНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПОНЯТИЕ, РЕСУРСНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ¹

Рафик Хамматович Усманов

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Ольга Ивановна Оськина

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Екатерина Викторовна Кудряшова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена актуальным вопросам и политическим аспектам «доверия» в условиях современного кризиса. В данной статье анализируются политические аспекты и проявления «доверия», дается характеристика его ресурсности в зависимости от уровня применения. *Методы и материалы.* В статье был использован определенный набор методов, которые применялись для обоснования и решения проблем и способствовали достижению стоящих перед авторами целей и задач. К числу значимых можно отнести историко-ретроспективный метод, позволивший проследить процесс эволюционирования и изменения сущностных трактовок «доверия». Типологический и системный методы позволили выделить виды доверия и отразить ресурсный потенциал политического доверия. Кроме этого, примененный в процессе работы метод актуализации над проблемой исследования способствовал выделению современных трендов и перспектив. *Анализ.* Авторы подробно останавливаются на особенностях эволюционирования «доверия» в контексте современных процессов и кризисных явлений. В статье анализируются различные подходы, исследующие сущность и характеристики «доверия» как научного феномена и практического явления. Рассматриваются уровни и виды функционирования доверия, выделяются отдельные аспекты, используемые в политической сфере и актуализированные на современном этапе. Авторы отмечают влияние информационно-коммуникативных процессов на состояние доверия населения к политическим институтам, процессам и явлениям. В условиях масштабирования фейковой информации выделяют состояние контрсуггестивности личности по отношению к информационным вбросам и внушениям, которые расходятся с ее ценностными ориентациями, взглядами и убеждениями. *Результаты.* Изучение категории доверия в рамках междисциплинарного подхода позволяет отнести его к значимым элементам и факторам общественно-политического процесса, отследить его динамику под воздействием глубоких глобальных трансформационных сдвигов, происходящих в социально-политической сфере. Авторы в своих результатах отмечают необходимость системного мониторинга и накопления объективных данных социального настроения в вопросе доверия к власти, а также наличие угроз в условиях диссонанса политической линии власти и неудовлетворенных интересов граждан, что может привести к кризису институционального доверия. *Вклад авторов.* Р.Х. Усманов выступил с обоснованием и концептуализацией исследования, принимал участие в планировании этапов исследования, обобщил результаты работы и сформулировал выводы; консультирование по определенным вопросам проявлений доверия в политической сфере. О.И. Оськина осуществляла непосредственный анализ и обобщение данных источников и научной литературы, проводила обзорно-аналитическое исследование данных и участвовала в интерпретации результатов. Е.В. Кудряшова провела сбор данных источников и науч-

ной литературы; оформление рукописи, редактирование и переработка, работа с эмпирическими данными, оформление списка литературы.

Ключевые слова: политический институт, доверие, власть, глобализация, ресурсы, человеческий фактор, мотивация, гражданское общество.

Цитирование. Усманов Р. Х., Оськина О. И., Кудряшова Е. В. Политические аспекты «доверия» как фактора влияния в условиях кризиса: понятие, ресурсность и современные тренды // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.1>

Введение. В последние годы проблема «доверия» относится к числу широко используемых и часто употребляемых понятий как в публичном пространстве, так и научных кругах. Исследование категории доверия на современном этапе представляется нам чрезвычайно актуальным. Обращает внимание тот факт, что исследовательский интерес значительно возрастает к доверию в сложные, кризисные периоды, в ходе серьезных структурных и трансформационных процессов. Обладая высокой социальной релевантностью, доверие в такие периоды становится важным элементом межличностных конструкций, отношений, легитимизирующим элементом любой институционализированной системы, сквозь призму которой можно объективно оценить ее эффективность и определить уровень стабильности / нестабильности, что приобретает особое значение в условиях необходимости принятия стратегически значимых решений. Долгое время «доверие» рассматривалось в контексте социопсихологических, культурологических и философских подходов. Действительно, в работах отечественных и зарубежных авторов можно найти содержательные характеристики и перечень социокультурных детерминант доверия в контексте происходящих процессов. В данной статье авторы предпринимают попытку обобщения ряда концепций и подходов, а также имеющегося нарратива понятия доверия / недоверия и их интерпретации в контексте меняющихся социально-политических практик и складывающихся современных трендов.

Методы. Политические аспекты и проявления «доверия» в условиях современного кризиса представляют собой сложное явление, побуждающее исследовательский интерес. Применение в данном исследовании историко-ретроспективного метода позволило проследить процесс эволюционирования и из-

менения сущностных трактовок «доверия», обобщить, имеющиеся позиции и подходы на проблему понятия доверия / недоверия и их интерпретации в контексте меняющихся социально-политических практик и складывающихся современных трендов. В работе были широко использованы типологический и классификационный методы исследования, которые позволили выделить виды доверия и отразить ресурсный потенциал политического доверия. Проводится анализ мониторинговых исследований социального настроения в вопросах доверия к власти в публичном и цифровом пространстве. В качестве одного из методов в данной работе используется системный анализ, ведь от уровня компетенции доверия зависит устойчивость государства, его органов и структур, а также эффективность и легитимизация системы политической власти и ее отдельных институтов. Кроме этого, примененный в процессе работы метод актуализации над проблемой исследования способствовал выделению современных трендов и перспектив.

Анализ. Определение роли феномена доверия / недоверия в структуре и динамике самоопределения как индивидуального, так и группового субъекта способствовало систематизации различных проявлений самоидентифицируемого субъекта в содержательных и формально динамических характеристиках в рамках психологического подхода. Так, Э. Эриксон рассматривал «доверие» в качестве социализационного механизма между детьми и взрослыми как на уровне социальных институтов, так и на межличностном уровне [9]. Ученый считает: «На личностном уровне “доверие” – это нравственно-психологическая установка, обобщенное ожидание от участников взаимодействия справедливости в действиях, выполнения ими взятых на себя обязательств». Н. Луман объясняет потреб-

ность в доверии онтологической свободой человека, а доверие к личностям определяет ожиданием того, что человек не воспользуется своей свободой в ущерб другому [13, с. 39]. Г. Зиммель, К. Кук, Г. Петерсон, в рамках теорий общественного и социального обмена, считают «доверие» универсальной характеристикой общества, функционирующего на основе обмена ресурсами. В связи с вышеизложенным, следует отметить, что «доверие» играет значимую роль в механизмах ресурсного обмена и способствует их оптимизации. Философы и теологи активно разрабатывали доверие через нравственные императивы, коррелируя «доверие» через понятие веры, убежденности в ответственности и правдивости. Э. Бенвенист считает, что понятие веры является шире, чем понятие «доверие»: «Акт веры всегда включает в себе уверенность в вознаграждении: посвящение себя богу совершается для того, чтобы извлечь выгоду из того, что отдается в заклад» [2, с. 127]. Прежде всего доверие – это особая связь, в первую очередь между людьми и богами, а потом уже и между самими людьми. М. Бубер в работе «Два образа веры» [3] выводит тезис о том, что вера и доверие не нуждаются в достаточных основаниях для признания истинности чего-либо. В основе доверия может лежать вера, которая отдаленно напоминает религиозное чувство. Несмотря на то что понятие «вера» и «доверие» в русском языке часто употребляются как синонимы, доверие, в отличие от слепой веры, возникает в течение процесса социального взаимодействия, нуждаясь в основаниях и доказательствах. Таким образом, доверие переходит в новую сферу коммуникативного взаимодействия, где происходит интенсификация международных связей, использование электронных коммуникаций, сетевого взаимодействия.

Развивая культурологические проявления «доверия», Ф. Фукуяма утверждает, что данное понятие относится к системам этики, формирующим моральную общность: «...ибо является тем языком добра и зла, который позволяет владеющим им вести совместную моральную жизнь». Ф. Фукуяма видит стабилизирующую ресурсность доверия в следующем: «...где члены сообщества будут вести

себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами» [19].

XX в. актуализировал исследования и пополнил процесс концептуализации «доверия» новыми взглядами и теориями. Динамика перемен, социокультурные сдвиги, вызванные Первой и Второй мировыми войнами и новой информационно-технологической революцией, привели к глубоким культурным разломам и социальным девиациям. В условиях роста трансформационных изменений исследователи столкнулись и выявили новые закономерности и формы психологической защиты, противостоящей нежелательным внушениям личности – контрсуггестии (недоверие) (В.Н. Куликов, Б.Ф. Поршневу) [16]. Эмпирически удалось выявить ценностно-смысловую сущность доверия и контрсуггестивность личности по отношению к информационным вбросам и внушениям, которые расходятся с ее ценностными ориентациями, взглядами и убеждениями. В этой связи «доверие» выходит на новый общественный уровень, выполняя роль скрепы в социальном и культурном взаимодействии, создавая возможности диалоговой коммуникации между различными социальными акторами, находящимися в одном ценностно-смысловом пространстве.

Отдельные значимые аспекты «доверия» разрабатывались известными классиками в области социологии в более ранний период. Так, например, Т. Парсонс, обосновавший идею о социетальной самодостаточности общества и способности его сохранять себя как систему, утверждал, что «общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может “полагаться” на то, что деяния его членов будут служить адекватным “вкладом” в его социетальное функционирование» [15, с. 21]. Встроенность доверия в системы общественных отношений и взаимодействий признавал и Э. Дюркгейм, отмечая наличие «до договорного» элемента в общественных установлениях, относил к ним моральные нормы, обладающие потенциалом управления [18].

Подобные размышления можно встретить и в работах Дж. Локка, отмечающего, что результатом длительного развития нравственного сознания людей выступает феномен «доверия», который специфически проявляет-

ся в разных культурах, в каждом обществе. Однако на современном этапе ученые фиксируют значительные сдвиги и переход от так называемого «традиционного доверия» к смешанному доверию. В условиях роста рисковости происходящих процессов доверие становится более функциональным и рациональным, активно работающим на групповом уровне сообществ (неперсонифицированный уровень) и в меньшей степени на личностном [12].

По мере становления политической науки происходило становление и политологического подхода, в рамках которого затрагиваемые проблемы нашли новое прочтение. Рассматривая «доверие», как основу общественной стабильности, политологи отмечают обязательность, в соответствии с ожиданиями от поведения людей в обществе их реальному поведению, адекватность в определенных действиях и поступках индивидов, направленных на воспроизводство социальных отношений и функционирование институтов политической системы, обеспечивающих в конечном итоге их устойчивость. Доверие, являясь отражением солидарности общества и функциональности государства, актуализирует зеркальную проблему недоверия и потенциальных рисков, особенно в условиях развития демократии.

Попытки выделения механизма формирования доверия в политической сфере принадлежат французскому ученому П. Бурдьё. Он представлял политическое доверие основой политического капитала, который выступает формой символического капитала. Политическое доверие – это кредит, основанный на вере, признании и надежде, что кандидаты будут «выражать и отстаивать интересы определенного лица или группы» [4, с. 208]. Общество делегирует некоторое количество компетенций, позволяющих осуществлять функции власти, правительству, которое обладает правом принимать решения и проявляет готовность к подчинению им. Доверие в политической сфере представляется здесь, как социальное взаимодействие, которое ориентировано на высокую вероятность, что действие индивида, группы, института будет осуществляться в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанным на взаимных обязательствах [8, с. 14].

Доверие можно относить к числу одних из самых объемных терминов, которые усваиваются на интуитивном, иррациональном уровне. В обобщенном варианте доверие означает «уверенность граждан в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, политических и государственных деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказать им поддержку» [11, с. 81].

Политологический подход помог определить, что к компетенции доверия относятся целый ряд важных задач. В первую очередь – это является устойчивостью государства и его органов, деятельность которого тесно связана с системой отношений, основанной на доверии и недоверии. Показатели доверия могут меняться в зависимости от факторов, условий и обстоятельств, а также коррелироваться с эффективностью системы политической власти и ее отдельными институтами. Доверие преобразовывается в синтетическую субстанцию, которая пронизывает различные факторы (технологические, кадровые, политико-культурные и т. д.). Наличие доверия предоставляет власти более значительные ресурсы для того, чтобы реализовать те или иные политические решения [20].

Сторонники институционального подхода в политологии рассматривают доверие, как базовый внутренний элемент институциональной системы, встраивая доверие в управленческие теории об эффективном государстве. На основании доверия образуется институт приверженности к власти государства, политической партии или лидеру. Доверие является основным элементом конструирования институтов национальной идентичности и их легитимации в правящем режиме [18, с. 186].

В то же время категория «доверие» не ограничивается доверием к институциональным структурам. Оно проявляется в доверии к политике в целом, отражая уровень развития политического сознания и гражданского общества. В развитие данной идеи добавим, что при теоретическом осмыслении проблемы доверия просматривается тесная связь с феноменом гражданского общества. Таким

образом, выстраивается триада «нравственные основания – гражданское общество – доверие» [7].

В истории немало примеров, когда правящая власть, теряя доверие, свергается. В этот момент раскрывается реальное нравственное состояние гражданского общества, где, возможно, место для проявления аморальной человеческой сущности. И, по мнению некоторых исследователей, доверие вполне может быть иррациональным, спонтанным и даже немотивированным [1]. Современные условия влияют на формирование демократических институтов и изменение картины мира, что значительно меняет «радиусы доверия» населения.

П. Штомпка выделял виды доверия [21] в зависимости от их объективации. Можно говорить о первичном доверии, основанном на непосредственном контакте, и так называемые «вторичные объекты», с которыми происходит опосредованное взаимодействие через различные коммуникативные источники и экспертное сообщество. В идеале доверие стабилизирует социальные связи, оно может снизить чувство рисковости и опасности, сделать окружающее пространство более понятным, воспроизводя ощущение надежности и предсказуемости. Однако в условиях высокой турбулентности, неэффективных и слабо развитых государственных институтов, доверие утрачивает свой позитивные ресурс.

Информационная пропаганда и ложные «лидеры общественного мнения» выступают деструктивными маркерами, способными в отсутствие социальной солидарности и ответственного государственного управления подорвать баланс доверия. Поэтому важной составляющей является такая категория, как ресурс доверия. В связи с этим, обобщая имеющиеся позиции и подходы, выделим несколько, на наш взгляд, значимых моментов доверия, обладающих выраженной ресурсностью в условиях нарастающих социально-политических изменений и кризисных явлений.

Во-первых, – это личностная ресурсность. Это уровень личностного доверия, как фундаментального, на котором основаны более сложные социально-психологические аспекты проявления доверия, как группового и общественного.

Во-вторых, – социальная капитализация. Доверие выступает показателем имеющейся в системе нормативной согласованности, консолидированности и стабильности социально-политического порядка, накопительный эффект от которого влияет на консолидацию политической демократии и глубину проявлений кризисных явлений.

В-третьих, – информационно-коммуникативная ресурсность. Современные информационно-коммуникативные процессы характеризуются часто, как неоднородные, избыточные, а в условиях нарастающих кризисных явлений способствуют созданию фрагментарной, однобокой и противоречивой картины мира. Доверие выступает категорией, способной поддержать контур инфраструктуры безопасности общественной системы, основанной на цепочке доверительных, личностно окрашенных социальных связей, формирующей круги «своих», стабилизирующей систему в преддверии принятия стратегически важных решений.

Результаты. Современные информационно-коммуникативные процессы создают пространство для широкого сетевого взаимодействия с низким уровнем критичности, широкими возможностями для манипулирования и сомнительным экспертным мнением.

Современный пользователь Сети находится в пространстве переизбытка информации, так называемого «информационного изобилия», где устойчив информационный шум в виде смеси правдивой и ложной информации. В декабре 2021 г. автономной некоммерческой организацией (АНО) «Диалог» и Региональным общественным центром интернет-технологий (РОЦИТ) в России было проведено исследование и выявлено, что 97 % пользователей Интернета знают, что такое фейковая информация, а главным источником фейков 74 % респондентов называют интернет-порталы СМИ, реже (64 %) – традиционную прессу и телевидение, гораздо реже (38 %) – мессенджеры и социальные сети [14].

Изобилие фейков приводит к тому, что потребитель перестает селекционировать и фильтровать информацию. А возрастающий интерес со стороны манипуляторов к дипфейкам, способным создавать правдоподобные изображения и видеостории, глубоко проникает в сознание потребителей.

По данным ВЦИОМ (опрос 2021 г.), наибольшая доля жителей России ежедневно используют различные мессенджеры и социальные сети: WhatsApp (70 %, чаще в возрасте 25–44 лет – 77 %), «ВКонтакте» (50 %, чаще молодежь 18–25 лет – 72–74 %), заходят в «Одноклассники» (37 %). Стоит отметить, что более 50 % жителей России утверждают, что всегда или почти всегда в Интернете можно распознать фейковую информацию. Так чаще считают молодые люди 18–24 лет (78 %), а также россияне среднего возраста 25–34 лет (62 %). В основном жители России называют следующие причины для удаления и блокировки публикаций или страниц в социальных сетях российских пользователей или организаций: распространение фейков, то есть лживой, недостоверной информации (9 %), политические причины (9 %) или неудобство этой информации (6 %) [6].

Население, не способное адекватно воспринимать события, в конечном итоге не может принимать взвешенные решения. Мы наблюдаем, как происходит манипулирование эмоциями граждан. Их может захватить чувство страха, которое приведет к обезличиванию и конформизму. Такое эмоциональное состояние в эпоху постправды, где факты не занимают центрального места, а эффект высказывания превалирует над его истинностью, приводит к недостоверности получаемых данных в результате социологических исследований, что в свою очередь вполне может подорвать фактор доверия.

Так, исследования ВЦИОМ фиксируют, что в 2019 г. каждый пятый (20 %) опрошенный встречал фейковые новости на телевидении (26 % среди людей с высшим образованием). Еще 7 % замечали новости, не соответствующие действительности, в газетах, а 5 % – на радио. Треть (31 %) респондентов сначала поверили ложной информации, а потом узнали о ее неверности (42 % среди жителей сел). Около 10 % респондентов признаются, что они сами виноваты в распространении фейков, так как делятся фальшивыми новостями и альтернативными фактами на платформах социальных сетей, соответственно, это является еще одной причиной распространения ложной информации.

Стоит отметить, что 74 % опрошенных заявили, что большинство случаев недостоверных новостей в Интернете и СМИ были опубликованы умышленно (82 % опрошенных 35–44 лет). Почти 17 % респондентов, высказывая обратное мнение (объясняя это тем, что большая часть недостоверных новостей была опубликована случайно), считают эти предположения ошибочными. Большую долю из них составляют молодые люди 18–24 лет (26 %) [5].

Не стоит забывать, что доверие гражданского общества – это не причина эффективности политических институтов, а следствие. Доверие неразрывно связано с легитимностью, поэтому система «циркулирующего доверия» должна действовать непрерывно, чтобы предотвратить развитие кризиса легитимности [10, с. 52].

Одна из наиболее очевидных гипотетических причин провала веры в политическую власть, его лидеров и институты заключается в том, что современная политическая аудитория и общественность слишком часто осознают, что они являются объектами лжи, обмана и мошенничества, несбывшихся и неосуществимых обещаний во время предвыборной агитации. Данное явление получило название «кризис доверия». На данный момент крайне важно проводить системные мониторинговые исследования и получать на регулярной основе объективные данные социального настроения в вопросах доверия к власти, так как навязываемый в публичном и цифровом пространстве диссонанс политической линии власти и неудовлетворенными интересами граждан может привести к кризису институционального доверия.

Вместе с этим необходимо отметить, что кризисы доверия происходят практически во всех политических и социальных системах. При этом важным является то, что современные нарастающие глобализационные процессы в мире самым непосредственным образом повлияли на кризисные явления в целом на все мировые политические системы, включая отечественную.

Выделенные векторы, ресурсность и тренды динамики доверия позволяют сделать некоторые выводы о дальнейшем процессе усложнения эволюции проблем доверия в россий-

ском обществе. Налицо рост межличностного доверия, которое имеет тенденцию трансформации в институциональную сферу при условии укрепления институтов общества, преодоления конфликтных практик и роста социетально безопасного взаимодействия. Однако, вместе с тем, необходимо учитывать, что проблема «доверия» в социуме сегодня выходит на новый общественный уровень, выполняя роль более тесного взаимодействия в социально-политических и культурных сферах. Именно политологический подход способствует своевременному определению уровня компетенции доверия, как одной из важных задач исследования, таких как: устойчивость государства, его органов и структур, а также эффективность и легитимизация системы политической власти и ее отдельных институтов. При этом учитывая, что сторонники институционального подхода в политологии, рассматривая доверие как базовый внутренний элемент институциональной системы, способствуют совершенствованию таких институтов приверженности к власти, как непосредственно само государство, так и политические партии, общественные организации. Что впоследствии приведет к доверию общества к политике в целом, показывая высокий уровень развития политической культуры и гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья публикуется в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ проекта в сфере социально-политических наук, соглашение № 075-03-2022-201/2 от 21.09.2022 г. Код научной темы FZMS – 2022-0006.

The article is published within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of the project in the field of socio-political sciences, agreement No. 075-03-2022-201/2 of 21.09.2022. FZMS Research Topic Code. 2022. 0006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин А. В., Зинченко В. П. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Бубер М. Два образа веры / ред. П. С. Гуревич, С. Я. Левит, С. В. Лёзов. М., 1995. С. 237–238.
4. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
5. ВЦИОМ. Новости: «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-masshtab-problemy>
6. ВЦИОМ: половина россиян считает важным блокировать фейки в соцсетях // Hi-Tech. Селдон Новости. 2021. 16 марта. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247303648>
7. Гараев О. М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 4. С. 1509–1515.
8. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. Апрель – июнь. С. 8–48.
9. Доверие // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2630035>
10. Кобелева Х. А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Воронежский государственный университет. 2016. № 1. С. 51–53.
11. Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник института социологии. 2015. № 1 (12). С. 79–99.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
13. Луман Н. Доверие и власть. Чичестер: Джон Уайли и сыновья Инк., 1979. 208 с.
14. Нараева А. 74 % россиян считают главным источником фейков интернет // Ведомости. 2021. 9 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/09/899872-74-rossiyan>
15. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
16. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история: (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 185–219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrsuggestiya-i-istoriya-elementarnoe-sotsialno-psihologicheskoe-yavlenie-i-ego-transformatsii-v-razviti-chelovechestva>
17. Рыбчак П. Н. Доверие как категория политологического анализа // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 164–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-politologicheskogo-analiza>
18. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
19. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постин-

дустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1997. 640 с.

20. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.

21. Штомпка П. Доверие: социологическая теория. Кембридж: Изд-во Кембридж. ун-та, 1999. 214 с.

REFERENCES

1. Beljanin A.V., Zinchenko V.P. *Doverie v ekonomike i obshhestvennoj zhizni* [Trust in the Economy and Public Life]. Moscow, Fond «Liberalnaja missija», 2010. 164 p.

2. Benvenist E. *Slovar indoevropskih socialnyh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 p.

3. Buber M. *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow, 1995, pp. 237-238.

4. Burdye P. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 336 p.

5. VCIOM. *Novosti: «Fejk-njus»: masshtab problemy* [VCIOM. News: “Fake News”: The Scale of the Problem]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-masshtab-problemy->

6. VCIOM: polovina rossijan schitaet vazhnym blokirovat fejki v socsetjah [Half of Russians Consider It Important to Block Fakes in Social Networks]. *Hi-Tech. Seldon Novosti*, 2021, 16 Mar. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247303648>

7. Garaev O.M. *Doverie grazhdan kak factor ukrepleniya politicheskoy vlasti v sovremennoj Rossii* [Citizens’ Trust as a Factor in Strengthening Political Power in Modern Russia]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2014, vol. 19, no. 4, pp. 1509-1515.

8. Gudkov L. «Doverie» v Rossii: smysl, funkcii, struktura [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, and Structure]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija* [Bulletin of Public Opinion], 2012, Apr. – Jun., pp. 8-48.

9. *Doverie* [Trust]. *Bolshaja rossijskaja enciklopedija* [Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2630035>

10. Kobeleva H.A. *Institucionalnoe doverie v sovremennoj Rossii cherez prizmu politicheskogo genotipa* [Institutional Trust in Modern Russia Through the Prism of the Political Genotype]. *Voronezhskij gosudarstvennyj universitet* [Voronezh State University], 2016, no. 1, pp. 51-53.

11. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. *Politicheskoe doverie v Rossii: nekotorye osobennosti i problema optimalnosti* [Political Trust in Russia: Some Features and the Problem of Optimality]. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2015, no. 1 (12), pp. 79-99.

12. Lokk Dzh. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises on Government]. *Sochinenija: v 3 t. T. 3* [Works. In 3 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 668 p.

13. Luman N. *Doverie i vlast* [Trust and Power]. Chichester, Dzhon Uajli i synovja Ink., 1979. 208 p.

14. Narayeva A. 74 % rossijan schitajut glavnym istochnikom fejkov internet [74% of Russians Consider the Internet to Be the Main Source of Fakes]. *Vedomosti*, 2021, 9 Dec. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/09/899872-74-rossijan>

15. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p.

16. Porshnev B.F. *Kontrsuggestija i istorija* (Elementarnoe socialno-psihologicheskoe javlenie i ego transformacii v razvitii chelovechestva) [Countersuggestion and History (An Elementary Socio-Psychological Phenomenon and Its Transformation in the Development of Mankind)]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 2010, no. 2, pp. 185-219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrsuggestiya-i-istoriya-elementarnoe-sotsialno-psihologicheskoe-yavlenie-i-ego-transformatsii-v-razvitii-chelovechestva>

17. Rybchak P.N. *Doverie kak kategorija politologicheskogo analiza* [Trust as a Category of Political Analysis]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2015, no. 9 (81), pp. 164-174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-politologicheskogo-analiza>

18. Seligmen A. *Problema doverija* [The Problem of Trust]. Moscow, Ideja-Press, 2002. 256 p.

19. Fukujama F. *Doverie. Socialnye dobrodeteli i sozidanie blagosostojanija* [Trust. Social Virtues and Wealth Creation]. Inozemcev V.L., ed. *Novaja postindustrialnaja volna na Zapade. Antologiya* [New Post-Industrial Wave in the West. Antology]. Moscow, 1997. 640 p.

20. Fukujama F. *Doverie: socialnye dobrodeteli i put k procvetaniu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow, AST Publ., 2004. 730 p.

21. Shtompka P. *Doverie: sociologicheskaja teorija* [Trust: A Sociological Theory]. Cambridge, Izd-vo Kembridzh. un-та, 1999. 214 p.

Information About the Authors

Rafik H. Usmanov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, usmanr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-7667>

Olga I. Oskina, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Dean of the Faculty of Social Communications, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, oskina_olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

Ekaterina V. Kudryashova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, eafanasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9943-6394>

Информация об авторах

Рафик Хамматович Усманов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, usmanr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-7667>

Ольга Ивановна Оськина, кандидат политических наук, доцент, декан факультета социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, oskina_olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

Екатерина Викторовна Кудряшова, кандидат политических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, eafanasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9943-6394>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>

UDC 323.21

LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 13.03.2023

Accepted: 10.06.2023

TRUST OF MODERN RUSSIAN YOUTH IN POLITICAL INSTITUTIONS IN CONDITIONS OF CRISIS SHOCKS

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the interaction between government and society in modern Russia, expressed in the phenomenon of trust. The focus of the authors' attention is directed to the study of the impact of crisis upheavals (the COVID-19 pandemic and the implementation of the Special Military Operation in Ukraine) on the change in the trust of the population of the Russian Federation in the main political institutions. The relevance of the study is determined by the need to fix the existing forms of interaction between the authorities and society as well as identify the prospects for changing these practices in the perspective of society's transition to a post-crisis state. *Methods and materials.* The methodological basis of the study was the neo-institutional approach, which made it possible to present trust because of the activity of political institutions in building and observing the "rules of the game." The empirical basis of the study is public opinion polls conducted by the largest Russian sociological centers. *Analysis and results.* Trust in political institutions is presented as an important phenomenon of civilized societies, characterizing the importance of rules rather than specific personalities. The study revealed that in Russia, crisis situations, which are institutionally determined trajectories caused by external shocks that change the "rules of the game" that have developed in society and forms of communication with the authorities, are a condition for an exponential growth of trust (both generalized and institutional). At the same time, during crises, an increase in the level of trust is observed even for institutions that are traditionally criticized by most of society (such as the government and the State Duma). The youth, being reactionary and variable in their political behavior, show increased trust in political institutions. However, if adult trust is based on emotional hope for the future, youth trust is usually based on rational grounds. Yet a sharp increase in trust in the main political institutions during crises can be replaced by the same rapid decline in the conditions of "normality" when the traditional problems of socio-economic development again come to the fore on the agenda formed by society. *Authors' contributions.* S.I. Morozov carried out an analysis of studies on institutional trust in modern Russia, chose and substantiated the theoretical and methodological framework of the work, and also formed the general concept of the study. K.M. Makarenko summarized and analyzed empirical data on the research topic, substantiated the role and impact of crisis shocks on institutional trust in the Russian Federation, and formulated the main conclusions of the work.

Key words: political trust, youth, political institutions, political crisis, political communications, modern Russia.

Citation. Morozov S.I., Makarenko K.M. Trust of Modern Russian Youth in Political Institutions in Conditions of Crisis Shocks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 16-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>

ДОВЕРИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ПОТряСЕНИЙ

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу взаимодействия власти и общества в современной России, выраженного в феномене доверия. Фокус внимания авторов направлен на исследование влияния кризисных потрясений (пандемия COVID-19 и проведение СВО на Украине) на изменение доверия населения РФ основным политическим институтам. Актуальность исследования определяется необходимостью фиксации сложившихся форм взаимодействия власти и общества, а также выявлением перспектив изменения данных практик в ситуации перехода общества в посткризисное состояние. *Методы и материалы.* Методологической основой исследования выступил неоинституциональный подход, позволивший представить доверие как результат деятельности политических институтов по выстраиванию и соблюдению «правил игры». Эмпирической основой исследования выступают опросы общественного мнения населения, проведенные крупнейшими отечественными социологическими центрами, такими как ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр (данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации). *Анализ и результаты.* Доверие политическим институтам представляется как важный феномен цивилизованных обществ, характеризующий важность не столько конкретных персоналий, сколько системных правил. В ходе исследования было выявлено, что в России кризисные ситуации, которые представляют собой вызванные внешними шоками институционально обусловленные траектории изменения сложившихся в обществе «правил игры» и форм коммуникации власти и общества, являются условием экспоненциального роста доверия (как обобщенного, так и институционального). При этом в период кризисов рост уровня доверия наблюдается даже для институтов, традиционно подвергаемых критике со стороны большей части общества (таким как Правительство и Государственная дума). Молодежь, характеризующаяся как наиболее реакционная и вариативная в плане используемых моделей политического поведения социально-демографическая группа, также демонстрирует рост доверия основным политическим институтам, однако если доверие «взрослых» построено по принципу эмоциональной надежды на будущее, то доверие молодежи обусловлено, как правило, рациональными основаниями. Однако резкий рост доверия основным политическим институтам в период кризисов может смениться таким же стремительным падением в условиях «нормальности», когда традиционные проблемы социально-экономического развития вновь выйдут на первый план формируемой обществом повестки дня. *Вклад авторов.* С.А. Морозовым был осуществлен анализ исследований по институциональному доверию в современной России, выбрана и обоснована теоретико-методологическая рамка работы, а также сформирована общая концепция исследования. К.М. Макаренко обобщил и проанализировал эмпирические данные по теме исследования, обосновал роль и влияние кризисных потрясений на институциональное доверие в РФ, сформулировал основные выводы работы.

Ключевые слова: политическое доверие, молодежь, политические институты, политический кризис, политические коммуникации, современная Россия.

Цитирование. Морозов С. И., Макаренко К. М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 16–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>

Введение. Глобальные кризисы и потрясения последних лет в России и мире актуализировали вопросы доверия граждан к власти в целом и конкретным политическим институтам в частности. Проблема снижения уровня доверия приводит к нежеланию людей принимать участие в различных формах гражданской и политической активности, что приводит к кризису демократических институтов. Разгерметизация привычных практик коммуникации власти и общества обуславливает необходимость поиска альтернативных источников информации, место которых нередко занимают различные версии теорий заговора [2; 27] (которые представляют построенные на предубеждениях, незнании и откровенной лжи внутренне логичные объяснительные модели относительно различных ситуаций, кризисов и т. д.). Культура доверия в любом современном обществе претерпевает значительные изменения, вызванные глобализационными процессами, сопровождаемыми ростом неопределенности, повышением рискогенности и усложнением практик взаимодействия с властью ввиду роста количества бюрократических барьеров.

Проблема доверия является одной из наиболее «прикладных» в науке, что обусловлено ее неразрывной связью с практикой. «Доверие» становится объектом изучения в периоды проведения электоральных кампаний и после них, в рамках изучения роли и места молодежи в гражданско-политических процессах и т. д. Вместе с тем различные кризисы, то есть процессы реконфигурации и перестроения привычных социально-политических «правил игры», вновь обращают внимание на такую значимую проблему. Показательным является выбор заявок на предоставление финансирования по грантам Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ). В 2022 г. проблема доверия и ценностной трансформации общества стала одной из магистральных (23 % от общего количества выигранных заявок), что показывает объективную заинтересованность в поиске объяснений сложившейся ситуации, а также выявлении технологий решения существующих и потенциальных проблем.

Доверие как феномен социальный – необходимое свойство не только межличностных,

но и индивидуально-институциональных отношений. Уровень доверия граждан институтам определяет цивилизованность и степень развития гражданского общества. Доверие, по большому счету, определяет готовность человека придерживаться устоявшихся в обществе правил и определенных конвенциональных моделей поведения, а рост доверия обуславливается ощущением сопричастности принимаемым решениям или ощущением того, что решения принимаются в интересах граждан.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования выступает неинституциональный подход, позволяющий представить доверие как реакцию граждан на деятельность политических институтов (как на реальные ее результаты, так и транслируемые через различные информационные источники). Сам институциональный подход к доверию выражается в идее о том, что политическое доверие рационально по своей основе, а его уровень зависит от знаний о деятельности определенного института и опыта [24], позволяющего оценить работу института в сравнении с его деятельностью в прошлом. Именно данный аспект особо важен для понимания феномена «доверия», так как даже при отсутствии значимых достижений со стороны политических институтов граждане могут им доверять, основываясь на прошлом негативном опыте. Подобная практика зачастую выражается в фразе «лишь бы не было хуже». Институциональное доверие является важным критерием развития общества, так как определяет потенциал исполнения «правил игры» со стороны граждан.

Теоретическая основа исследования базируется на работах П. Штомпки и Ф. Фукуямы, согласно которым доверие представляется в качестве основы общества, определяемой доминирующим типом культуры. Согласно П. Штомпке, «доверие» выражает ориентации на будущее. Интерес также вызывает сюжет, который использует П. Штомпка для иллюстрации феномена «доверия»: находясь в ситуации бессилия, при принятии высшими должностными лицами определенных решений, не контролируя ситуацию, индивид находит спасение в доверии (то есть ощущении того, что у данного действия были серьезные причины). Таким образом, доверие «приходит нам на помощь

в том случае, когда мы не имеем полного контроля над будущими событиями» [21, с. 72]. Помимо этого, нам видится логичным объяснение политического доверия через призму эффективности политической системы [26]. Тем самым проявляется бинарный характер политического доверия: с одной стороны, данный феномен базируется на рациональных основаниях, обусловленных видением реальных дел власти, а с другой – на эмоциональных, связанных с надеждами на будущее.

Отношение между властью и обществом определяется во многом сложившимся типом политической культуры. В этой связи интересны наблюдения А. Папакостаса, который писал о наличии существенной разницы в восприятии как социального, так и институционального доверия в разных странах (Швеция и Греция), отмечая, что это существенно влияет на взаимоотношения людей, комфорт жизни и возможности самореализации. Высокий уровень доверия позволяет избегать излишнего риска при взаимодействии с другими индивидами или даже институтами [5, с. 86], сокращая временные и ресурсные издержки при принятии бытовых и политических решений [11]. Культура доверия продуцирует формирование более активного гражданина, целью которого является развитие сообщества (на местном и национальном уровнях).

Институты являются одной из важнейших категорий в социально-политических науках, так как именно от их работы зависит формирование правил, по которым осуществляются человеческие взаимодействия. Ввиду того что в рамках исследования нас интересуют «институты» как объект, на который направлено внимание молодежи современной России, а следовательно, именно по отношению к ним формируется внутренняя оценка доверия / недоверия, то под «институтами» следует понимать различные политические образования, учреждения, организации, то есть политические структуры.

Молодежь представляется как «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения» [9]. Наиболее важными характеристиками молодежи выделяют возраст, маргинальное положение на рынке труда, а также про-

хождение стадии усвоения и формирования социальных ролей и установок. Молодежь традиционно является наиболее реакционной социальной группой, интенсивно реагирующей на инициативы и действия властей, что обуславливает исследовательский интерес к ней в рамках работы.

В вопросе определения дефиниции «кризис», а точнее «политический кризис», мы солидарны с позицией Г.В. Пушкаревой, которая рассматривала данное понятие как «частичную или полную дезорганизацию институционального политического порядка, когда нормы и правила, регулирующие политические взаимодействия, перестают выполнять свою основную функцию» [16, с. 140]. Самая важная характеристика кризиса – это отход от рутинной жизни, нормальности. В связи с этим кризис представляется в первую очередь как элемент перехода к ненормальности, экстраординарности, когда предыдущие правила не работают, а задача власти состоит в выработке новых условий и правил взаимодействия с обществом. «Кризисные потрясения», обозначенные в заглавии статьи, являются разновидностью кризисов и характеризуются высокой степенью воздействия на общество.

Анализ. На Западе проблема институционального доверия активно изучается с 1990-х гг., однако в последние годы актуальность данных исследований стала повышаться. В исследовании Международного валютного фонда отмечается, что пандемия COVID-19 обозначила довольно серьезную проблему: вероятность соблюдения советов, протоколов и рекомендаций по снижению темпов заболеваемости коронавирусом коррелировала с доверием общественности в отношении правительственных чиновников, ученых и связанных с ними институций [23]. Индивиды, не выражающие доверия официальным институтам, склонны искать альтернативные источники информации, а также прямо пренебрегать исходящими от власти рекомендациями.

Известный отечественный социолог Л. Гудков отмечал амбивалентный характер «доверия» в российском обществе, который, с одной стороны, проявляется в социальном недоверии, то есть отсутствии доверия окружающим (малознакомым) людям, а с другой – «высоким декларативным доверием» институ-

там: 1) главе государства; 2) церкви; 3) армии [4, с. 11]. Однако П.М. Козырева и А.И. Смирнов отмечали наличие связи между обобщенным и институциональным доверием, то есть чем в большей степени люди готовы доверять окружающим, тем в большей степени они доверяют и политическим институтам [8].

С учетом влияния типа политической культуры на отношения власти и общества нередко говорится о том, что в современной России (в отличие, например, от периода существования СССР) наличествует низкий уровень обобщенного (социального, межличностного) доверия. В статье П.М. Козыревой и А.И. Смирнова приводится следующая статистика: в 2018 г. 15,9 % респондентов отвечали, что «большинству людей можно доверять», 42,8 % – «с людьми всегда надо быть осторожным», 39,8 % – «и то, и другое, в зависимости от человека, условий». Что интересно – уровень доверия существенно не менялся за период с 2006 по 2018 г. [8, с. 137]. Фактически подобные результаты фиксируют докризисное состояние российского общества, которое значительно изменилось после пандемии и в еще большей степени после начала проведения специальной военной операции.

В период рутинности «высвечиваются» традиционные социально-экономические проблемы в России, которые со временем приобретают политический характер. Снижение уровня жизни населения приводит к делегитимации политических институтов, деятельность которых направлена на решение вопросов внутренней политики в первую очередь. При этом фигура Президента делегитимации практически не подвержена, что выражается как в типе политической культуры, присущей России, так и в связи с использованием технологий отмежевания («ухода») Президента от наиболее спорных тем и проблемных вопросов, когда основной удар общественного недовольства перекладывается на другие институты (подобные практики наблюдались как в период принятия «пенсионной реформы», так и в случае с решениями по пандемии COVID-19). Объяснение этого во многом базируется на характерных элементах российской политической культуры – этатизме и патернализме, а также на особой практике сакрализации представителей верховной власти,

противопоставляемой в общественном сознании чиновникам. Х.А. Кобелева отмечала, что в массовом политическом сознании россиян в условиях низкого уровня доверия политическим институтам содержится интенция к переадресации доверия на более высокий уровень, то есть на уровень главы государства, «в котором сосредотачивается все желаемое и невостребованное доверие» [7, с. 52]. Тем самым формируется система, при которой Президент является источником (наиболее сильным в публичном плане субъектом) доверия к власти, рост доверия к которому сопровождается ростом доверия и к другим политическим институтам. При этом падение уровня доверия иным политическим институтам может никак не сказываться на доверии к главе государства.

Проблема кризисов не раз уже актуализировалась в сфере социальных наук в современной России. Интерес вызывает статья А. Колесникова «Шесть кризисов власти», опубликованная на сайте «Ведомостей». Автор отмечал, что период коронакризиса обострил ряд социально-политических проблем в России, где экономические последствия вызывают политические кризисы: 1) кризис имиджа; 2) кризис восприятия действительности; 3) кризис социального контракта; 4) кризис сервисного государства; 5) кризис мобилизации масс; 6) кризис целеполагания [20]. Несмотря на то что озвученные кризисы имели место в условиях экстраординарной ситуации, такой как коронавирус + последующая мировая экономическая рецессия, в условиях СВО «кризисность» данных событий требует значительной переоценки. Возникновение тотально кризисной ситуации, приводящей к тектоническим изменениям во всей социально-политической системе, привело к тому, что часть проблем обозначенных кризисов была снята с повестки дня.

Оценка доверия деятельности социально-политических институтов в современной России достаточно вариабельна. Наиболее отчетливые линии демаркации проводятся по возрасту: молодежь и представители более старшего поколения придерживаются кардинально разных позиций, актуализируя свойственную нашему обществу проблему «отцов и детей». В среде молодежи отмечается

«если не кризис доверия социальным и политическим институтам со стороны молодежи, то как минимум раскол в оценках» [13, с. 612]. В этой связи показательной является классификация групп молодежи по уровню доверия. Было выделено четыре группы, где абсолютно политически не доверяющих – 26,4 %, демонстрирующих низкий уровень политического доверия – 32,9 %, со средним уровнем доверия – 24,8 %, с высоким – 15,8 % [13, с. 604].

В работе В.А. Федотовой высказывался тезис о том, что представители современной российской молодежи больше склонны к социальному цинизму, выраженному в доминировании следующих ценностей: «Важно расширять свой кругозор, открыто выражать свою точку зрения, хорошо проводить время и наслаждаться удовольствиями, которые предоставляет им жизнь, при этом им важно иметь достаточно денег, чтобы защищать свои интересы» [19, с. 19]. Также интерес вызывает ряд выводов В.А. Федотовой о ценностях, оказывающих наиболее сильное влияние на доверие к власти: «Репутация», «Универсализм: толерантность» и «Благожелательность: чувство долга». Помимо этого, был сделан вывод о том, что ценность материальных благ приводит к формированию недоверия власти [19, с. 20]. Подтверждение данного тезиса также присутствует в статье Н.К. Бинеевой, где отмечается наличие зависимости между уровнем доверия и субъективной оценкой индивидом его материального благополучия [2, с. 488]. Объяснение данному выводу лежит в плоскости субъектности, так как экономически независимый индивид традиционно является основой демократии: ввиду того что его экономический статус не зависит от государства, он может спокойно критиковать деятельность публичных лиц и политических институтов.

Как показывают результаты исследования 2021 г. коллектива авторов из Пензенского государственного университета, уровень доверия к властным институтам в среде молодежи может кардинально отличаться в зависимости от различных переменных. Наиболее интересными, а одновременно с этим и наиболее различающимися по уровню доверия к власти являются следующие: уровень обеспеченности семьи (респонденты из обеспеченных семей значительно чаще выражают доверие вла-

сти, нежели молодые люди из малообеспеченных семей); уровень образования (подавляющее большинство учащихся СПО доверяют власти, в то время как среди учащихся вузов – диаметрально противоположная позиция); род деятельности (государственные служащие в большинстве своем доверяют власти, тогда как молодые предприниматели – нет). Возраст также является значимым показателем, однако корреляция по возрастным когортам не такая выраженная: более всего власти доверяет молодежь 14–17 лет, а также 25–29, при этом менее всего выражают доверие молодые люди в возрасте 18–24, а также 30–34 лет [17, с. 11].

В период после начала СВО рейтинг доверия Президенту и основным политическим институтам значительно вырос. Индекс доверия увеличился более чем на 15 %. Многие эксперты связывают это с мобилизацией «вокруг флага» или «вокруг лидера». ФОМ – одна из крупнейших социологических служб в России – проводит масштабную аналитику по важнейшим социально-политическим индикаторам с самого начала СВО. Доклады «Доминанты. Поле мнений», выпускаемые на еженедельной основе, позволяют увидеть динамику движения общественного мнения и зафиксировать некоторые (в первую очередь коммуникативные) тренды. Значения доверия Президенту РФ фиксируют эмоционально-мобилизационный аспект российского общества [6]. Схожую динамику демонстрируют и результаты опросов ВЦИОМ (база результатов опросов россиян «Спутник»). Как мы можем убедиться, за период после начала СВО существенно изменился процент людей, «безусловно доверяющих» и «скорее, не доверяющих». При этом показатели «скорее, доверяющих» и «безусловно не доверяющих» остались практически неизменными (см. рис. 1) [1].

Существенные изменения уровня доверия Президенту наблюдаются и в среде молодежи. Нами была выбрана молодежная когорта 18–24 лет как наиболее реакционная. Ситуация разительно отличается от результатов опроса по общей совокупности всего населения РФ, однако тренд на повышение уровня доверия активно проявляется и здесь. При этом мы видим, что в случае молодежи движение показателей отличается большей вариативностью и волновым характером (см. рис. 2).

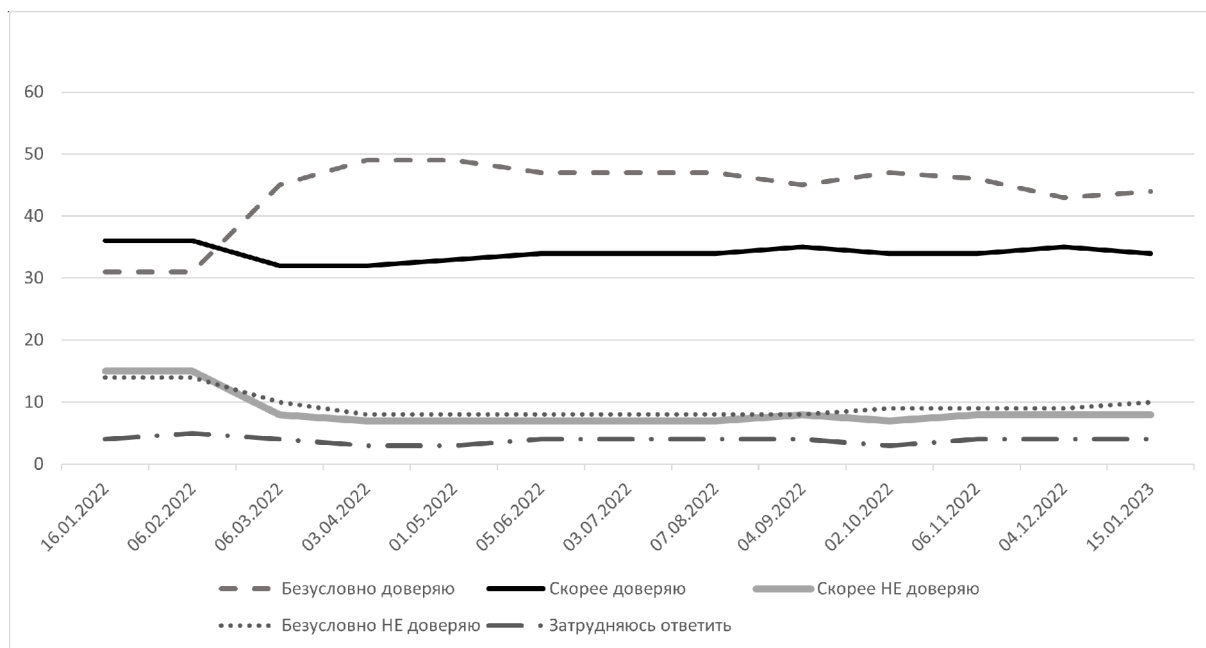

Рис. 1. Уровень доверия В. Путину (по данным ВЦИОМ)
 Fig. 1. Level of confidence in V. Putin (according to VCIOM)

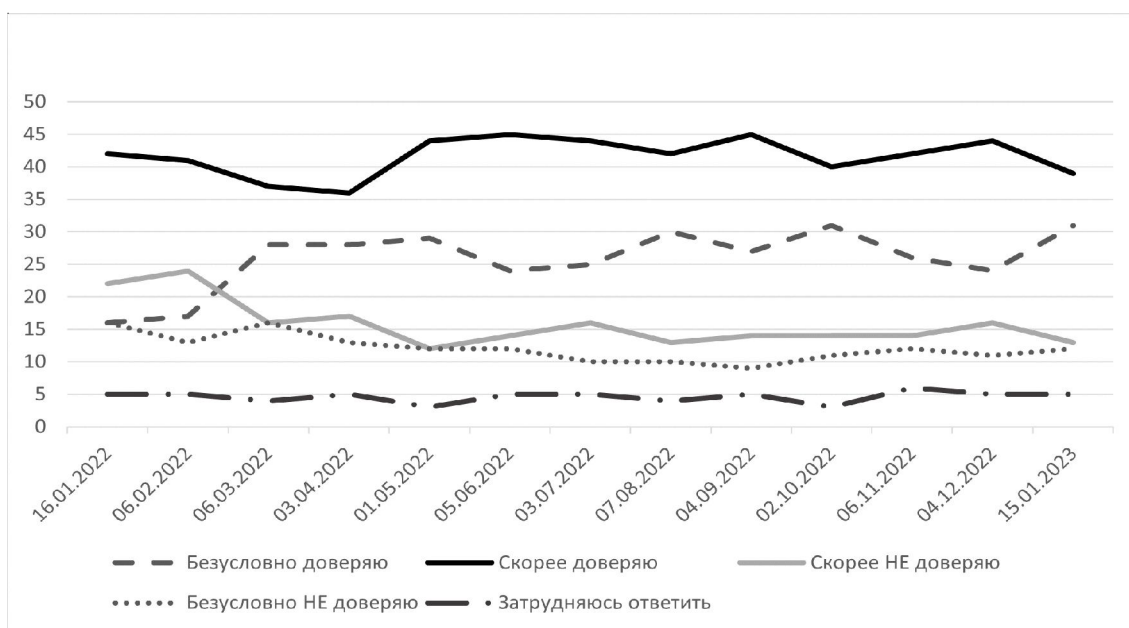

Рис. 2. Уровень доверия В. Путину (молодежь 18–24 лет, по данным ВЦИОМ)
 Fig. 2. Level of confidence in V. Putin (youth aged 18–24, according to VCIOM)

Повышение доверия в современной России во многом обусловлено не рутинными практиками, а кризисными обстоятельствами. Так, в период активной фазы пандемии коронавируса резко вырос уровень доверия службам доставки, а также различным технологическим сервисам, которым ранее граждане не доверяли. Показательным является много-

кратно возросший спрос на покупку товаров в крупных сетях по типу Wildberries и Ozon. В период СВО наблюдается активное повышение доверия основным политическим институтам, даже тем, которые традиционно не демонстрировали высокого уровня одобрения со стороны граждан. Так, показательным является рост доверия Правительству: 20 февраля

2022 г. 37 % респондентов «скорее, хорошо» относились к деятельности данного института, при этом уже 27 февраля данный показатель поднялся на уровень 50 % и продолжил рост, дойдя до пиковых значений (57 %) в апреле 2022 г. [6]. Традиционно именно Правительство испытывало проблемы с низким уровнем доверия, так как несло ответственность за решение проблем внутренней политики, которые во многом оставались наиболее острыми. Однако переориентация фокуса внимания граждан с проблем личного характера в сферу внешнего или даже глобального привела к существенному увеличению доверия данному институту. Схожая ситуация также наблюдается в отношении Государственной думы, которая с начала СВО демонстрирует более агрессивный дискурс в отношении внешнего и внутреннего «врага», что сказывается на росте доверия данному институту.

Тезис о расколе в оценках доверия политическим институтам со стороны молодежи подчеркивается и в исследовании О.В. Поповой и Н.В. Гришина, которые отмечают заметный рост показателей антирейтинга доверия (по отношению к исследованиям 2014–2019 гг.) в отношении основных политических институтов (начиная от Президента, заканчивая органами местного самоуправления). Как отмечают исследователи, доля респондентов, уклоняющихся от ответа или же отвечающих «В чем-то доверяю, в чем-то нет», для каждого из институтов превышает треть опрошенных [13, с. 604]. При этом уровень доверия тем выше, чем более высокое место во властной иерархии занимает тот или иной институт. Связано это как с особенностями политической культуры, отмеченными нами ранее, так и с формированием информационной повестки в СМИ, где большее внимание уделяется Президенту и Правительству с заметным снижением фокуса на региональной и муниципальной власти. В этой связи относительно низкий уровень доверия к власти муниципального уровня обусловлен малым уровнем информированности о деятельности власти на местах. При этом уровень доверия МСУ слабо коррелирует с доверием Президенту, то есть при повышении уровня доверия к федеральным институтам не происходит рост доверия к муниципальным, что создает проблему «ни-

зовой» неудовлетворенности. Именно подобная ситуация становится одной из причин низкого уровня заинтересованности индивидов и групп в гражданском и политическом участии на местном уровне. В этой связи важно отметить, что участие в политике и, как следствие, возможность влиять на принятие политических решений являются одним из факторов доверия политическим институтам со стороны молодежи [15, с. 147]. Дополнительный интерес вызывает то, что распределение институционального доверия в других современных обществах может иметь диаметрально противоположный характер. В США, например, в кризисных обстоятельствах граждане склонны в большей степени доверять местным властям, затем региональным (властям штатов) и только потом федеральным [25].

Исследователь А.В. Щекотуров выделяет три группы институтов в разрезе доверия со стороны молодежи: 1) вызывающие доверие; 2) вызывающие недоверие; 3) вызывающие двойственное отношение. При этом автор фиксирует существенные различия внутри молодежной когорты. Например, лояльная действующей власти молодежь проявляет высокий уровень доверия церкви, вооруженным силам, полиции и судам, а оппозиционная часть молодежи доверяет электронным СМИ (интернет-ресурсы), частным вузам, благотворительным фондам и международным организациям [22, с. 576–577]. Тем самым подчеркивается гетерогенность российской молодежи, линия демаркации которой проводится в разрезе политических ценностей и видения будущего.

Доверие политическим и гражданским институтам во многом зависит от экономического положения государства, то есть экономические кризисы, снижение реальных доходов граждан выражаются в уменьшении уровня доверия политическим институтам. В случае с молодежью данная корреляция становится более явной, так как молодежь является одной из тех групп, на которых экономические кризисы сказываются сильнее всего, что обусловлено в первую очередь их неустойчивостью на рынке труда. Однако, как мы можем видеть сейчас, данный вывод релевантен для обычного, нормального состояния общества и государства, так как в период проведения СВО, в

условиях ухудшения экономических показателей и снижения реального уровня и качества жизни населения, доверие политическим институтам значительно выросло во всех возрастных когортах, в том числе и у молодежи. Обратим внимание на график «Индекс социальных ожиданий» ВЦИОМ (рис. 3). Как мы можем убедиться, большая часть опрошенных полагает, что экономический кризис и проблемы, связанные с ним, «еще впереди».

При этом рейтинги основных государственных институтов показывают крайне высокие значения. В этой связи абсолютно обоснованным выглядит тезис о том, что в условиях кризисных обстоятельств корреляции, свойственные «нормальному» времени (состоянию общества), не работают. По всей видимости, на данный момент рейтинги основных институтов по большей части связаны с успехами (либо неудачами) на фронте и транслируемыми результатами СВО в СМИ (как традиционных, так и новых медиа).

Одновременно с этим резко выросла и оценка текущего положения дел в стране, регулярно замеряемого Левада-центром *. От-

метим, что максимальные уровни положительной оценки дел в стране, начиная с первых замеров в 2006 г., совпадали с периодами нарастания конфронтации со странами Запада: декабрь 2007 г. – 4 %, август 2014 г. – 64 %, март 2022 г. – 69 % [10]. В России традиционно доверие национальной элите и основным политическим институтам растет в результате обострения противостояния с «другим», обозначаемым как внешним, врагом (и его пособниками внутри общества). В последние годы во власти активно усиливается антизападная риторика, что, судя по опросам общественного мнения, разделяется большей частью общества. Так, только в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2023 г. Президент РФ В.В. Путин 14 раз упомянул США, особенно с учетом того, что темы СВО и противостояния с Западом стали магистральными для всей его речи [14].

Результаты. Во многом рост доверия обусловлен эффектом коленки как склонности к воспроизведению удачных социальных и политических практик [18, с. 76]. В качестве традиционно консолидированной идеи являет-

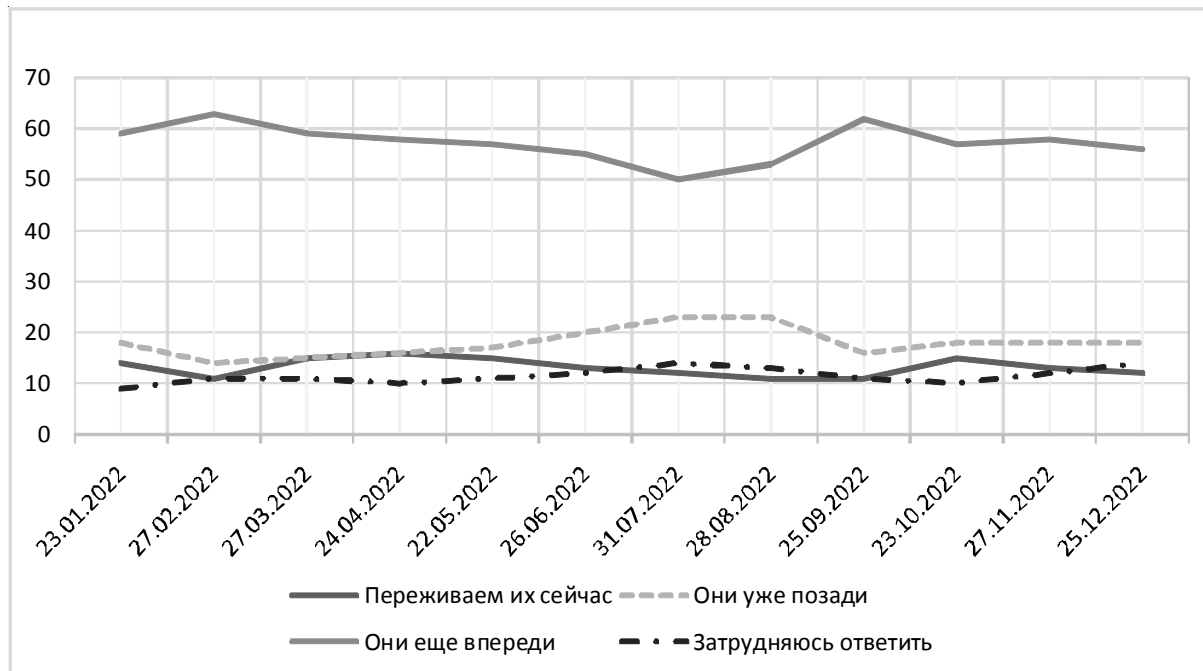

Рис. 3. Индекс социальных ожиданий (по данным ВЦИОМ)
Fig. 3. Index of social expectations (according to VCIOM)

* Данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

ся Победа в Великой Отечественной войне, с которой нередко создают осознанные ассоциации. По поводу значимости Победы в ВОВ в российском обществе существует утвердившийся консенсус: 95 % считают это событие важнейшим в истории XX в. для России [3]. Одновременно с этим власть в лице Президента продуцирует сплочение населения и повышение уровня доверия через дискурс «желания» стран Запада разделить «русский народ»: «Я не знаю даже, сможет ли сохраниться такой этнос, как русский народ, в том виде, в котором есть сегодня», – заявил Президент РФ В.В. Путин [12].

Высокий уровень доверия является отражением двух феноменов: с одной стороны, он фиксирует единение народа и власти, а с другой – является маркером возросших требований к власти со стороны общества. Высокий уровень доверия к власти в период кризиса станет поводом для возросшего уровня требований в будущем. Если в период проведения СВО часть вопросов личного и общественного характера уходит из поля зрения взаимодействия народа и власти, то после окончания конфликта – возвращение к ним неизбежно. Нерешение назревших вопросов вызовет сильный кризис доверия, а также деполитизацию общества. При этом кризис доверия будет демонстрировать движение снизу-вверх по иерархии власти, то есть первыми с возросшим уровнем требований со стороны граждан столкнутся органы местного самоуправления, затем региональная власть и лишь после этого федеральный уровень. Подобная ситуация является результатом значительного перекоса внутри системы коммуникации власти и общества. Федеральная власть является бенефициаром распределения доверия граждан, в то время как власть муниципального и регионального уровней выполняет определенную функцию громоотвода, принимая на себя основную волну недовольства граждан. Именно этим обусловлен эффект более низкого роста доверия к местной власти по сравнению с иными основными политическими институтами в условиях кризисных потрясений.

Интерес вызывает вопрос длительности эффекта доверия к власти как со стороны общества в целом, так и со стороны молодежи

в частности. В отношении молодежи данный вопрос стоит острее, что обуславливается более вариативными моделями поведения данной социально-демографической группы. Гибкость поведения и поиск рациональности приводят к формированию более откровенных и быстрых реакций на действия властей. В условиях возвращения общества в стадию «нормальности» многие проблемы рискуют усилить свой довлеющий эффект в отношении молодежи. Вероятно, формирование доверия в отношении молодежи связано с внедрением различных моделей самоуправления, когда власть дает возможность молодежи самой регулировать некоторые аспекты «правил» окружающей действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. База результатов опросов россиян «Спутнику». URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/
2. Бинева Н. К. Проблема справедливости и доверия в межэтнических отношениях на Юге России // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 484–499.
3. Великая победа – главное событие в истории нашей страны в XX веке // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashey-strany-v-xx-veke>
4. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
5. Гулевич О. А., Сариева И. Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 74–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>
6. Доминанты. Поле мнений. Вып. 7. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14841>
7. Кобелева Х. А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 51–53.
8. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134–147. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>
9. Кон И. С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989. 375 с.

10. Оценка текущего положения дел в стране // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>

11. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы : Недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.

12. Планы Запада о разделении России изложены на бумаге, заявил Путин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230226/putin-1854377654.html>

13. Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

14. Послание Президента Федеральному Собранию 2023 // ЦПК. URL: https://cprk.ru/issledovaniya/budushchee/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-2023/?sphrase_id=7530

15. Прохода В. А. Факторы доверия молодежи политическим институтам российского общества // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Минск, БГЭУ, 2021. С. 145–148.

16. Пушкарева Г. В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2016. № 1. С. 140–164.

17. Рожкова Л. В., Влазнева С. А., Сальникова О. В., Дубина А. Ш. Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1 (61). С. 5–17.

18. Розов Н. С. Динамика доверия и отчуждения в период социально-политического кризиса // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 1. С. 70–83.

19. Федотова В. А. Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности // Политика и общество. 2022. № 2. С. 14–27.

20. Шесть кризисов власти. И нет никакой уверенности, что очистительные URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/14/828057-shest-krizisov>

21. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

22. Щекотуров А. В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавному регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 23 (4). С. 570–583.

23. Covid-19 and Trust Among the Young // International Monetary Fund. June 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/>

2022/06/covid-19-and-trust-among-the-young-aksoy-eichengreen-saka

24. Hetherington M. J. The Political Relevance of Trust // American Political Science Review. 1998. Vol. 92. P. 791–808.

25. O’Leary J., Welle A., Agarwal S. Improving Trust in State and Local Government. Insight from Data // Deloitte. Insight. URL: <https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/industry/public-sector/trust-in-state-local-government.html>

26. Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. Ethnic Diversity and Support for Populist Parties. The “Right” Road Through Political Cynicism and Lack of Trust // Social Psychology. 2018. Vol. 49. P. 182–189.

27. Van Proijen, J-W., Douglas K. M. Conspiracy Theories as Part of History: The Role of Societal Crisis Situations // Memory Studies. 2017. № 10 (3). P. 323–333.

REFERENCES

1. *Baza rezultatov oprosov rossijan «Sputnik»* [Base of Results of Surveys of Russians “Sputnik”]. URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/

2. Bineeva N.K. Problema spravedlivosti i doverija v mezhetnicheskikh otnoshenijah na Juge Rossii [The Problem of Justice and Trust in Interethnic Relations in the South of Russia]. *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik. Vyp. 20* [Russia in Reform: Yearbook. Iss. 20]. Moscow, Novy Khronograf Publ., 2022, pp. 484–499.

3. Velikaja pobeda – glavnoe sobytie v istorii nashej strany v XX veke [The Great Victory Is the Main Event in the History of Our Country in the 20th Century]. *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke>

4. Gudkov L.D. «Doverie» v Rossii: smysl, funkcii, struktura [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, and Structure]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija* [The Russian Public Opinion Herald], 2012, no. 2 (112), pp. 8–47.

5. Gulevich O.A., Sarieva I.R. Socialnye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost k politicheskomu povedeniju: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social Beliefs, Political Trust and Readiness to Participate in Political Actions: Comparison of Russia and Ukraine]. *Socialnaja psihologija i obshhestvo* [Social Psychology and Society], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>

6. *Dominanty. Pole mnenij. Vyp. 7. Rezultaty ezhenedelnyh vserossijskih oprosov FOM* [Dominants. Field of Opinion. Issue 7. The Results of the Weekly All-Russian Polls by the Foundation “Public Opinion”]. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14841>

7. Kobeleva Kh.A. Institucionalnoe doverie v sovremennoj Rossii cherez prizmu politicheskogo genotipa [Institutional Trust in Modern Russia Through the Prism of the Political Genotype]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2016, no. 1, pp. 51-53.
8. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Doverie v nestabilnom rossijskom obshhestve [Trust in Unstable Russian Society]. *Polis. Politicheskie issledovanija* ["Polis. Political Studies" Journal], 2019, no 5, pp. 134-147. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>
9. Kon I.S. Molodezh [Youth]. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1989. 375 p.
10. Ocenka tekushhego polozhenija del v strane [Assessment of Situation in the Country] // *Levada-sentr* [Levada-Center]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>
11. Papakostas A. *Stanovlenie civilizovannoj publichnoj sfery: Nedoverie, doverie i korrupcija* [Formation of a Civilized Public Sphere: Mistrust, Trust and Corruption]. Moscow, VCIOM, 2016. 224 p.
12. Plany Zapada o razdelenii Rossii izlozheny na bumage, zajavil Putin [The West's Plans to Divide Russia Are on Paper, Putin Said]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20230226/putin-1854377654.html>
13. Popova O.V., Lagutin O.V. Politicheskie nastroyeniya molodezhi: lojalnost ili protest? [Political Views of the Youth: Loyalty or Protest?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2019, vol. 21, no. 4, pp. 599-619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
14. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniju 2023 [Presidential Address to the Federal Assembly 2023]. *CPK*. URL: https://cprk.ru/issledovaniya/budushchee/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-2023/?sphrase_id=7530
15. Prohoda V.A. Faktory doverija molodezhi politicheskim institutam rossijskogo obshhestva [Factors of Young People's Trust in the Political Institutions of the Russian Society]. *Sovremennaja politicheskaja nauka o traektorijah razvitija gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshhestva* ["Modern Political Science on the Trajectories of Development of the State, Business and Civil Society"]. Minsk, BSEU, 2021, pp. 145-148.
16. Pushkareva G.V. Politicheskie krizisy: sodержanie, vidy i faktory eskalacii [Political Crises: Content, Types and Factors of Escalation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)* [Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration], 2016, no. 1, pp. 140-164.
17. Rozhkova L.V., Vlazneva S.A., Salnikova O.V., Dubina A.Sh. Otnoshenie molodezhi k politicheskim institutam: uroven doverija i odobrenija [The Attitude of Young People to Political Institutions: The Level of Trust and Approval]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences], 2022, no. 1 (61), pp. 5-17.
18. Rozov N. S. Dinamika doverija i otchuzhdenija v period socialno-politicheskogo krizisa [Dynamics of Trust and Alienation During the Socio-Political Crisis]. *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 70-83.
19. Fedotova V.A. Doverie k vlasti u sovremennoj rossijskoj molodezhi: rol cennostej i etnicheskoy identichnosti [Trust in Power Among Modern Russian Youth: The Role of Values and Ethnic Identity]. *Politika i obshhestvo* [Politics and Society], 2022, no. 2, pp. 14-27.
20. *Shest krizisov vlasti. I net nikakoy uverenosti, chto ochistitelnye* [Six Crises of Power. And There Is No Certainty That They Are Purifying]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/14/828057-shest-krizisov>
21. Shtompka P. *Doverie – osnova obshhestva* [Trust Is the Basis of Society]. Moscow, Logos Publ., 2012. 440 p.
22. Shchekoturov A.V. Politicheskoe doverie i cennosti lojal'noj i oppozicionnoj molodezhi v eksklavnom regione Rossii [Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], 2021, no. 23 (4), pp. 570-583.
23. Covid-19 and Trust Among the Young. *International Monetary Fund*. June 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/covid-19-and-trust-among-the-young-aksoy-eichengreen-saka>
24. Hetherington M.J. The Political Relevance of Trust. *American Political Science Review*, 1998, vol. 92, pp. 791-808.
25. O'Leary J., Welle A., Agarwal S. Improving Trust in State and Local Government. Insight from Data. *Deloitte. Insight*. URL: <https://www2.deloitte.com/x/en/insights/industry/public-sector/trust-in-state-local-government.html>
26. Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. Ethnic Diversity and Support for Populist Parties. The "Right" Road Through Political Cynicism and Lack of Trust. *Social Psychology*, 2018, vol. 49, pp. 182-189.
27. Van Proijen J-W., Douglas K.M. Conspiracy Theories as Part of History. The Role of Societal Crisis Situations. *Memory Studies*, 2017, no. 10 (3), pp. 323-333.

Information About the Authors

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Kirill M. Makarenko, Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Информация об авторах

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Кирилл Михайлович Макаренко, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.3>

UDC 32.019.57, 316.485.26
LBC 60.561.3, 66.2(4/8)

Submitted: 01.12.2022
Accepted: 09.04.2023

ARMED CONFLICT AS A MEDIA PROJECT OF THE 21st CENTURY: UKRAINIAN CASE ¹

Gennady V. Kosov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Olga M. Litvishko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Alexandr E. Gapich

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Modern armed confrontation has an obligatory information component and, moreover, can be a kind of media project in a situation where the confrontation is based on a contradiction between military and political goals. Based on the results obtained, the authors concluded that new media are a mechanism for implementing a media project to transform “real” reality, change the media and supra-real (cognitive, mental, or reflective) realities. *Methods and materials.* During the study, over 1900 images and videos were analyzed posted in the network communities of social media VKontakte, Odnoklassniki, and Twitter, as well as the Telegram communication messenger, from February to May 2022. *Analysis.* Modern armed confrontation is a new type of social connection since the Internet, social media, and politics form new political and communicative ties in society, which, in turn, create or destroy political forces and change political regimes and economic players for markets. *Result.* The authors propose a model connecting physical, informational, and virtual spaces, explaining network communication creation and functioning. This model influences politics, economics, resources, and territories through people’s mass consciousness. *Authors’ contribution.* G.V. Kosov developed the theoretical basis of the study and carried out the general scientific editing of the article. O.V. Yarmak analyzed the dominant trends in modern media projects and the Ukrainian case. O.M. Litvishko interpreted the results of theoretical and empirical studies characterizing the process of forming a new media project. A.E. Gapich organized studies of images and videos posted in the network communities of social media (VKontakte, Odnoklassniki, Twitter), as well as the Telegram messenger.

Key words: armed conflict, information war, political and communication networks, social media, big data, Ukrainianization of world politics, media project, Ukraine.

Citation. Kosov G.V., Yarmak O.V., Litvishko O.M., Gapich A.E. Armed Conflict as a Media Project of the 21st Century: Ukrainian Case. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 29–41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.3>

УДК 32.019.57, 316.485.26
ББК 60.561.3, 66.2(4/8)

Дата поступления статьи: 01.12.2022
Дата принятия статьи: 09.04.2023

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК МЕДИАПРОЕКТ XXI в.: УКРАИНСКИЙ КЕЙС ¹

Геннадий Владимирович Косов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Ольга Валерьевна Ярмак

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Ольга Михайловна Литвишко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Александр Эрикович Гапич

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Современное вооруженное противостояние имеет обязательную информационную составляющую и, более того, может быть своеобразным медиапроектом в ситуации, когда в основу противостояния заложено противоречие между военными и политическими целями. Основываясь на полученных результатах, авторами было зафиксировано, что новые медиа являются механизмом реализации медиапроекта по трансформации «реальной» реальности, изменению медийной и надреальной (когнитивной / ментальной / рефлексивной) реальностей. *Методы и материалы.* В ходе исследования было проанализировано свыше 1 900 изображений и роликов, размещенных в сетевых сообществах социальных медиа ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, а также коммуникационного мессенджера Телеграм с февраля по май 2022 года. *Анализ.* Современное вооруженное противостояние – это новый тип социальной связанности, поскольку и Интернет, и социальные медиа, и политика формируют новые политико-коммуникативные связи в обществе, которые, в свою очередь, создают или уничтожают политические силы, меняют политические режимы, экономических игроков на рынках. *Результат.* Авторы на базе исследований украинского сегмента Интернета и сетевых сообществ новых российских территорий предлагают рабочую модель, в которой соединяется три пространства – физическое, информационное и виртуально-сетевое, объясняющую создание и функционирование сетевых коммуникаций, обуславливающую контроль над политикой, экономикой, ресурсами и территориями через влияние на массовое сознание людей. *Вклад авторов.* Г.В. Косов разработал теоретическую базу исследования и осуществил общее научное редактирование статьи. О.В. Ярмак проанализировала доминирующие тенденции в современных медиапроектах и украинский кейс. О.М. Литвишко интерпретировала результаты теоретических и эмпирических исследований, характеризующих процесс формирования нового медиапроекта. А.Э. Гапич организовал исследования изображений и роликов, размещенных в сетевых сообществах социальных медиа ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, а также коммуникационного мессенджера Телеграм.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, информационная война, политико-коммуникативные сети, социальные медиа, большие данные, украинизация мировой политики, медиапроект, Украина.

Цитирование. Косов Г. В., Ярмак О. В., Литвишко О. М., Гапич А. Э. Вооруженный конфликт как медиапроект XXI в.: украинский кейс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 29–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.3>

Введение. Разрастание международных акторов и, как следствие, умножение в разы их целей и интересов привело к дисфункции в работе традиционных / существующих политических / международных институтов, что, в свою очередь, породило процессы хаотизации мирового политического и экономического пространств, деградации международного правового поля. Все это неизбежно привело к борьбе мировых акторов за трансформацию мирового порядка, за формирование новых «правил игры» на международной арене.

Экономические санкции и монетарная политика; экологическая повестка как элемент

неоколониализма; политизация религии и десекуляризация общества; акцентуализация социума на идее исключительности и поиск мирового антигероя; переустройство мира через формирование территорий хаоса и создание зон распада (Ирак, Ливия, Сирия. Украина и т. д.) являются технологиями формирования нового мирового порядка (поддержания существующего, старого), активно используемыми «западным» миром.

Активное использование таких детерминант внешнеполитического поведения («роли») государств, как коллективные (сформированные сознательно или возникшие стихийно) ком-

плексы – жертва, герой и т. д., – психозы, сформированные из-за несбывшихся надежд больших социумов, и геополитическое жонглирование эмоциями – страх, унижение, надежда, – раскалывает традиционно сложившиеся связи, союзы, регионы, ввергая огромные территории в состоянии коллапса. Все это так же является механизмами трансформации мира, формирования западноориентированного Мирового порядка – 2.0.

Противоборство вокруг принципов конструирования Мирового порядка – 2.0 происходит в ситуации одновременного сосуществования трех реальностей: «реальная» реальность, медийная реальность, надреальная (когнитивная / ментальная / рефлексивная) реальность (в сознании у людей), что, несомненно, утяжеляет процесс конструирования абриса новых правил, условий, пространств пересечения / непересечения / отчуждения для нового мира. Отметим, что и такое крайнее проявление борьбы за новый мировой порядок, как война, в ситуации множества реальностей порождает удивительный феномен: одномоментное существование нескольких пространств войны. «Человек эпохи хаоса» не понимает, где кончается одно пространство войны (одна реальность) и начинается другое пространство войны (другая реальность), хотя при этом он сам живет в третьем пространстве и «третьей» реальности. Подобная социальная шизофрения делает и современные общества, и государства податливыми объектами для манипуляции со стороны постсовременных государств.

Современная ситуация на Украине, на наш взгляд, является идеальным кейсом по изучению инструментов формирования нового избранно-центрического мирового порядка.

Поставим в рамках введения к нашей работе еще одну научно-практическую проблему – это «украинизация» общества мира. Представляется, что «украинизацию» необходимо рассматривать как феномен, как практику и как инструмент. Базовая идея «украинизации» общества заключается в отрицании России в юридическом, историческом, культурном, политическом смыслах; выстраивание образа, концепта «анти-Россия», где «анти-Россия» есть признак свободного, «нового» мира, есть пропуск в «светлое» будущее, есть

маркер «свой»-«чужой». Вторым моментом «украинизации» социума / мира является узаконенное беззаконие, размывание / отсутствие / хаотизация правил и принципов. Узаконенное беззаконие как механизм трансформации реальности (общества, мира, мирового сообщества, «правил» игры). Третий момент «украинизации» связан с формированием идеи не только национальной, расовой, но социальной исключительности. Четвертый момент «украинизации» связан с разрывом с традиционными ценностями. «Украинизированное» общество и мир – это носители нового стандарта ценностей, нового (новых) ценностных ядер. Представляется, что при сохранении сегодняшних тенденций можно говорить об «украинизации» Европы в течение ближайшего десятилетия: Европа – анти-Россия с европейской исключительностью, узаконенным беззаконием, столкновением новых и традиционных ценностей, фрагментацией через хаотизацию. При этом можно говорить о более глобальной тенденции ближайшего времени, об «украинизации» мира.

Стремление геополитических конкурентов реализовать свои деструктивные проекты требует от России ответных шагов. Представляется, что «сборка» и «пересборка» государственности является подобным ответом Российской Федерации на «украинизацию» мира. Подчеркнем еще раз, что «пересборка» территорий на новых принципах и правилах в настоящее время происходит в ситуации всеобщей хаотизации, дезориентации, дезорганизации. Итогом этой «пересборки» является строительство Большой России с новым социальным договором, новыми условиями общественного сожительства и сотрудничества, новой большой социальной идеей.

Вооруженные конфликты последних лет убедительно доказывают, что война в традиционном понимании как вооруженное противоборство двух или более сторон, направленное на навязывание оппоненту своей воли, уходит в прошлое, уступая место новым типам войн, активно использующим торговые, финансовые, экономические механизмы [5, с. 58–61; 7, с. 57–58]. В современных условиях значительно большим потенциалом обладают информационные войны, в рамках которых информация выступает не столько инструмен-

том познания окружающего мира или основой построения коммуникативных связей, сколько действенным всеразрушающим оружием, превосходящим, как показывает современная практика, известные виды вооружений.

Информационная война сегодня выступает самостоятельным механизмом осуществления внешней политики, задействуя целый арсенал методов, технологий и средств информационного и психологического влияния, применяемый для управления медиа- и интернет-сферой противника, его коммуникативными системами, при этом первостепенной задачей является нанесение политического и экономического ущерба.

Данный тезис также отражен в работах индо-американского специалиста в области геополитики и глобализации Параг Кханна: «Карты коммуникаций лучше отражают геополитическую динамику между сверхдержавами, городами-государствами, не имеющими гражданства компаниями, а также всякого рода виртуальными сообществами в их борьбе за ресурсы, рынки и популярность. Конкурентоспособные коммуникации – гонка вооружений двадцать первого века» [18]. Представляется, что можно говорить о формировании нового медиакратического типа управления: «Инфогосударство использует как демократию, так информацию для определения ключевых приоритетов граждан и реальности (экономической, образовательной, инфраструктурной). Государство использует комбинацию гражданина и информации для порождения политики, ее мониторинга, отслеживания обратной связи, анализа в реальном времени» [19].

Отметим, что важность доступа к информации усиливается во время войны, в первую очередь для тех, кто непосредственно вовлечен в вооруженный конфликт. Зачастую во время кризисов люди используют легкодоступные каналы связи для сбора информации, которые не всегда являются объективными и чаще всего формируются, модерируются, транслируются и управляются как медиапроект. Это позволяет людям считать, что они находятся в курсе неотложных событий, получают разнообразную информацию, что в свою очередь снижает ощущение медийной неопределенности [24], формирует и поддер-

живает сосуществование «реальной», медийной и надреальной реальности.

Методы и материалы. Стремительный рост числа публикаций двух последних десятилетий как в России, так и за рубежом, посвященных анализу воздействия информационных технологий на существующие практики ведения боевых действий и роли информационного компонента в вооруженных конфликтах свидетельствует о востребованности данной тематики не только в качестве объекта научных исследований, но, прежде всего, как действенной и эффективной стратегии ведения информационной войны. С момента успешной информационной операции США, сопровождавшей войну в Персидском заливе 1990–1991 гг., мировое сообщество стало свидетелем кардинальных изменений, затронувших как сферу военного искусства в целом, так и технологии информационного сопровождения войны в частности. Технологии ведения информационной войны получили название «оружия массовой эффективности» [25, с. 274], «мягкого оружия» [21], «стратегий не прямых действий» [4, с. 478], возрождая войну в другой форме и на другой арене. «Финансовая атака, террористическая атака, создание хаоса с использованием Интернета представляют полувойну, почти войну, суб-войну, ...зарождающуюся форму нового типа войны» [25, с. 107].

Современные информационные войны носят информационно-психологический характер, поскольку их целью выступает манипулирование сознанием и оказание психологического воздействия на противника. Воспринимаемые изначально как «разрозненные изолированные оперативные компоненты, в первую очередь предназначенные для поддержки обычных операций военного времени», стратегии ведения информационной войны детально описаны американским социальным исследователем медиасферы Д. Болтоном как совокупность операций, применяемых США в качестве информационной поддержки боевых действий, при этом «операции военной информационной поддержки» занимают центральную позицию в системе оперативных компонентов (см. рис. 1) [13].

Деятельность мультинациональных медийных корпораций, глобальных коммуника-

Рис. 1. Информационная война как система оперативных компонентов

Fig. 1. Information war as a system of operative components

тивных сетей с политически аффилированными акторами, развязывающих конфликты представителей гражданского сектора, стали составляющими стратегии информационного воздействия и «превратились в полноценный политический инструмент, который позволяет искривлять реальность в нужном направлении» [8; 17, с. 102–106; 18, с. 433–443] (рис. 1).

Если раньше информационный компонент играл второстепенную роль в вооруженном конфликте, то сегодня, по мнению российского философа и социолога А.Г. Дугина, масс-медиа становятся «мощнейшим самостоятельным геополитическим фактором, способным оказывать сильное влияние на исторические судьбы народов» [3, с. 78].

Исследователи неоднократно наблюдали, как СМИиК вообще и социальные медиа в частности изменяли и «реальную» реальность, и медийную реальность (создавали и трансформировали коммуникационное пространство), и надреальную (когнитивную / ментальную / рефлексивную) реальность. Кроме этого, социально-коммуникационные сети формируют сетевые социальные пространства, которые складываются из взаимодействия киберпространства и реальной жизни, являясь трансформационной силой для традиционных политических и социальных институтов общества [12].

Можно сделать предварительный вывод о том, что информационно-психологическое противоборство представляет собой «информационное противоборство, основанное на скрытном проникновении в сферу сознания противника с целью замены присущей ему информационной картины мира на выгодную противоположной стороне» [1, с. 72; 2, с. 11]. Исходя из предлагаемого определения становится очевидным, что противоборствующие стороны могут в своей деятельности прибегать к широкому диапазону средств и методов с использованием цифровых технологий и новых медиа, что позволяет им достичь главной цели – создание новой реальности, искажение информации, оказание воздействия на когнитивную сферу противника, манипулирование его сознанием и поведением [2, с. 26–46] (см. рис. 2).

Ряд западных и отечественных исследователей медиатехнологий рассматривают социальные сети, как эффективный инструмент ведения информационных войн и основание для манипуляции сознанием в период вооруженных конфликтов [6; 9; 10–12; 14; 15; 19; 20; 22]. По мнению аналитиков сетевых и информационных войн П. Сингера и Э. Брукинга, современный мир стал свидетелем превращения Интернета в оружие. В своей работе они сформулировали пять положений, подтверждающих тенденцию активного использова-

Рис. 2. Стратегии, методы и технологии ведения информационных войн
 Fig. 2. Strategies, methods, and technologies of the information war

ния социальных сетей в качестве оружия: «Интернет (и социальные сети в частности) вырос из подросткового возраста, но еще не достиг зрелости, таким образом, в будущем мир столкнется с еще большей активностью пользователей сети; Интернет превратился в поле боя; Интернет меняет способы ведения войны; Интернет меняет само понятие войны; Интернет сделал всех нас участниками войны» [24, с. 21–23] (см. рис. 3).

Социальные / политические акторы, стремясь «продвигать свои проекты, защищать интересы и утверждать свои ценностные установки» [16, с. 57], активно используют социальные сети, создавая параллельную реальность в сознании населения, что в свою очередь ведет к трансформации действительной социокультурной и политической реальности [7]. Отметим, что распространение ложной реальности происходит публично, так как основным каналом продвижения / трансляции того или иного проекта выступают социальные сети, обладающие ресурсами для стремительного распространения информации, следуя четко заданному в проекте алгоритму (см. рис. 3) [23, с. 58]. В этом контексте можно рассматривать вооруженный конфликт как медиапроект, который связан с созданием не только определенного градуса поддержки / сопротивления / поражения и в обществах / государствах-участниках, и в мире в целом, но

и позволяет формировать ощущение отчужденности от «реальной» реальности с целью стабилизации и управления социальными и политическими процессами без перевода всех сегментов социума и экономики в состояние военной мобилизации. Признаками таковых медиапроектов как раз и являются стремления к изменению «реальной» реальности не только через институциональную и системно-структурную трансформацию, но и через изменение медийной и надреальной (когнитивной / ментальной / рефлексивной) реальностей.

Авторское исследование направлено на разработку и апробацию прогностической методологии, обладающей предсказательным потенциалом, в отношении влияния типов текстового и визуального контента, распространяемого в социальных сетях, на анализ процессов радикализации и политизации региональных сообществ, оказавшихся в условиях конвенционального вооруженного конфликта. Данная методология основана на констелляции традиционных социологических методов, а также алгоритмов анализа больших данных, методах глубокого обучения, машинного обучения, понимании возможностей многоуровневых нейронных сетей.

Целью осуществленного исследования является теоретико-методологическое обоснование механизмов влияния текстового и визуального контента, распространяемого в

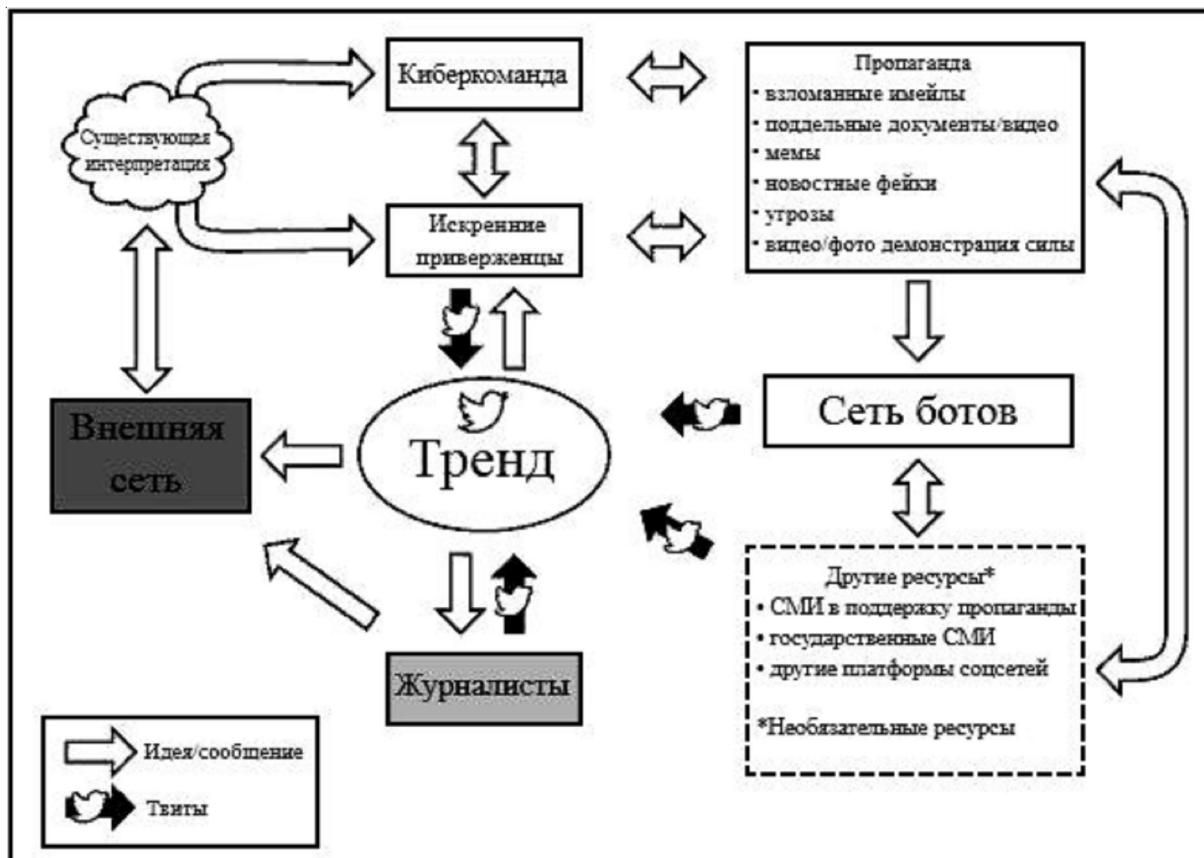

Рис. 3. Алгоритм распространения пропаганды в Интернете

Fig. 3. Algorithm of spreading propaganda in the Internet

социальных медиа, на массовое сознание населения стран и регионов в условиях специальной военной операции как части медиапроекта по трансформации «реальной» реальности, изменению медийной и надреальной (когнитивной / ментальной / рефлексивной) реальностей.

В ходе исследования было проанализировано свыше 1 900 изображений и роликов, размещенных в сетевых сообществах социальных медиа ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, а также коммуникационного мессенджера Телеграм с февраля по май 2022 года. На первом этапе исследования была осуществлена ручная разметка 641 случайно отобранного изображения из 59 виртуальных сообществ. Проведение разметки предполагало ручную классификацию визуальных изображений из социальных медиа по следующим основаниям (см. таблицу).

На первом этапе исследования была осуществлена типологизация визуального и текстового контента на несколько категорий, а

именно: агитационный, пропагандистский, информационный, мобилизационный, дегуманизационный и диффамационный.

Следующим исследовательским этапом стала классификация изображений, выполненная с помощью API Google Vision Orange 3.25. Всего для процедуры автоматизированной классификации изображений, репрезентирующей конвенциональный вооруженный конфликт в социальных медиа, бралось 22 159 единиц. Наибольшее их число относится к коммуникационному мессенджеру Телеграм – 16 759 фотографий; в сети Одноклассники было отображено 3 257 изображений; в ВКонтакте – 2 143 изображения; в Twitter – 429 изображений, относящихся к визуальной репрезентации конвенционального вооруженного конфликта. Здесь необходимо уточнить, что 38,7 % проанализированных фотографий имеют пересекающийся характер, то есть встречаются сразу в двух или более типах социальных медиа.

В результате осуществления процедуры кластеризации изображений было сформиро-

Классификация визуального контента социальных медиа

Classification of social media visual content

Категории визуального контента	Типы визуального контента
Визуальный контент	– групповое фото; – одиночное фото
Жанр визуального контента	– событие; – портрет; – естественное фото; – постановочное фото; – коллаж; – репортажное фото
План фото	– крупный план; – средний план; – общий план (совместное фото)
Тип фото	– уличное фото; – статичное фото; – динамичное фото
Люди на фото	– нет людей на фото; – дети; – военные; – пожилые; – люди разного возраста
Характер фото	– жертвы; – разрушения; – сцены боевых действий; – сцены насилия

вано 4 кластера, различающихся по количеству фотографий. В первом кластере оказались изображения из социальной сети ВКонтакте. Большинство (82,5 %) фотографий этого кластера характеризуются изображениями, демонстрирующими групповые сцены участников боевых действий; на них отсутствует крупный план, при этом очевидно репрезентируется массовость и потенциальная возможность применения насилия.

Ко второму кластеру (17,3 % изображений) относятся одиночные фотографии, на которых чаще всего репрезентируются жертвы вооруженного конфликта. В третьем, самом немногочисленном по количеству изображений кластере (9,4 % фотографий), оказались фотографии, содержащие изображения с надписями. Чаще всего это демотиваторы, коллажи, инфографика, ироничные фото или изображения, характеризующие «троллинг» над политическими лидерами противоборствующих сторон. Четвертый кластер (58,4 % от общего объема проанализированных изображений) – это контент, дегуманизирующий образ противоборствующей стороны вооруженного конфликта (изображения разрушений, жертв и потерь боевой техники).

На следующем этапе исследования вручную были отобраны образцы визуального контента, соответствующие определенным ранее критериям и показателям. Далее эти образцы были помещены в обучающую выборку, на которой проходило обучение нейронной сети с целью дальнейшей характеристики всего объема выборочной совокупности согласно критериям и показателям анализа визуального контента конвенционального конфликта.

Влияние визуального контента на процессы патриотической мобилизации пользователей социальных медиа проанализировано с помощью методов ретроспективного анализа и методологии social network analysis. В данном случае использовалось сопоставление наиболее популярных образов, характеризующих конвенциональный вооруженный конфликт с коммуникационными одобрениями (лайки) и обсуждениями (комментарии) этих образов в различных сетевых сообществах.

В процессе контент-анализа дискуссий в социальных медиа были рассмотрены комментарии к постам сетей ВКонтакте и Телеграм о вооруженном конфликте на украинской территории. Была осуществлена класси-

фикация и кластеризация текстовой информации, оставляемой пользователями социальных медиа (комментарии и тексты постов). Согласно разработанной авторской методике была использована средняя длина слова для измерения языковой сложности комментария текстового сообщения. В результате было определено, что средняя длина слова увеличивается с возрастом автора поста и коррелирует с социальным статусом пользователя в реальной жизни.

Далее для классификации текстов пользователей социальных медиа был создан словарь позитивных и негативных выражений для обучения нейронной сети.

Анализ. События, происходящие в настоящее время как на территории Украины и пост-украинских, ныне российских территорий, так в других странах постсоветского пространства, показывают, что детерминирующую роль в радикализации общества в условиях конвенционального вооруженного конфликта играют социальные медиа. Отметим, что средний возраст пользователей сообществ, генерирующих визуальный контент, отражающий динамику военной операции, составляет 37 лет, и это в основном мужская аудитория.

Анализ массива информации, полученной в ходе авторского исследования, позволяет говорить о том, что визуальные изображения, характеризующиеся репрезентацией боевых действий, разрушений и жертв конфликта, встречались в 68,4 % проанализированных случаев. Следующим по частоте встречаемости на фото стал пропагандистский контент. Визуальные изображения, характеризующие данный тип контента, встречаются в социальных медиа в 17,9 % случаев. Фотографий,

относящихся к информационным сообщениям в выборочной совокупности, оказалось всего 9,9 %. Наименее часто в социальных сетях встречались изображения, репрезентирующие агитационный контент (рис. 4).

Репортажные изображения составляют треть (28,6 %) от всех анализируемых фотографий, из которых 42 % имеют характер откровенно провокационных, содержащих сцены насилия, угроз или расправы.

Большая часть людей на снимках представлена людьми в возрасте до 45 лет. Немногим более четверти всех проанализированных фотографий (28,1 %) содержат изображения детей и подростков, на половине снимков (45 %) представлены люди среднего возраста, старшее поколение присутствует на 27 % изображений (см. рис. 5). Здесь необходимо добавить, что четверть снимков репрезентирует изображения людей разного возраста. Эти фотографии были принудительно исключены из данной части анализа.

Сцены разрушений содержатся на 51 % фотографий. Непосредственно сцены активной фазы вооруженного противостояния отмечены на трети (27,1 %) проанализированных изображений. Образы жертв и пострадавших от конфликта присутствуют на 21,6 % изображений (см. рис. 6).

Отличительными признаками визуальных изображений, детерминирующих мобилизацию пользователей социальных медиа в период активной фазы специальной военной информации являются: резкое увеличение количества визуального контента в сообществах различного типа; появление большого количества контента, характеризующего ситуацию конфликта; преобладание ярких, преимуще-

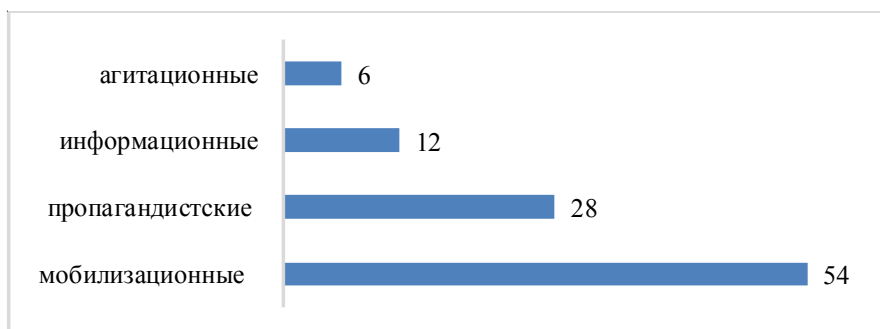

Рис. 4. Соотношение визуальных изображений (в % от общего числа изображений)

Fig. 4. Correlation of visual images (in % of the total number of images)

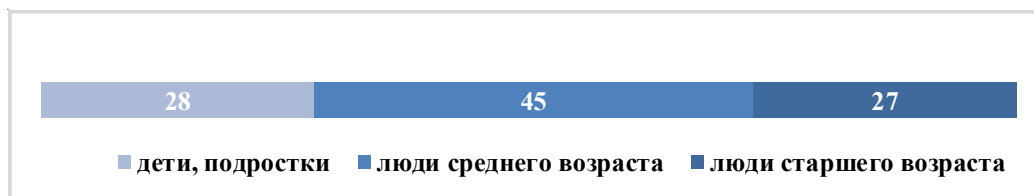

Рис. 5. Типы визуального контента категории «люди на фото» (в % от общего числа изображений)
 Fig. 5. Types of visual content of the category “people in the photo” (in % of the total number of images)

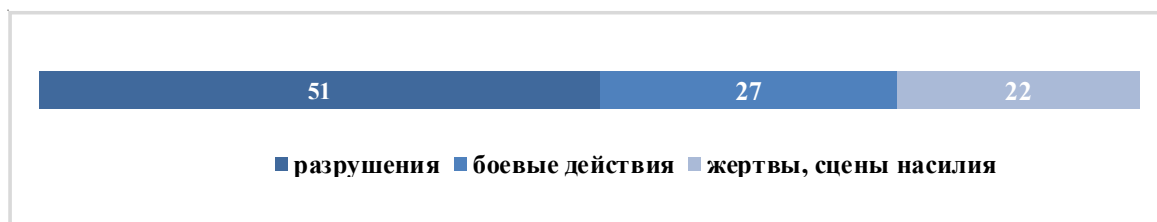

Рис. 6. Типы визуального контента категории «характер фото» (в % от общего числа изображений)
 Fig. 6. Types of visual content of the category “kind of the photo” (in % of the total number of images)

ственно темно-красных (имеющих кровавый фон или с использованием изображений крови) тонов на изображениях; увеличение количества контента, формирующего и одновременно дегуманизирующего образ врага; превалирование фотографий, изображающих большие массы людей, а также лидеров общественного мнения.

Можно сделать вывод о том, что на активной фазе вооруженного противостояния для всех типов социальных медиа характерны схожие образы визуальной репрезентации.

Результаты. Было установлено, что патриотической мобилизации способствует обмен видео- и фотоконтентом, особенно это проявляется в социальных сетях. В сетевых сообществах Телеграмм и ВКонтакте, где визуальный контент, репрезентирующий противостояние территориальных сообществ, пользуется особенной популярностью. На повышение уровня патриотической мобилизации пользователей социальных медиа наибольшее влияние оказывают масштабные изображения сцен и пострадавших в результате вооруженного противостояния.

Применение метода сетевого анализа позволило установить «изображения-хабы» – фотографии, пользующиеся наибольшей популярностью во всех типах социальных медиа. Они отличаются высокой четкостью и качеством изображения, демонстрацией узнаваемых лиц или лидеров общественного мнения в ситуациях вооруженного противостояния и

боевых действиях. На таких изображениях также содержится какой-либо слоган, призывающий к конкретным действиям.

Проанализированные текстовые сообщения в виде комментариев выделились в три крупных тематических кластера: помощь беженцам, раненым и гуманитарные акции нуждающимся; военные преступления; вопросы социально-экономического развития после окончания активной фазы вооруженного противостояния.

Установлено, что в ситуации нарастания напряженности и в период открытого вооруженного противостояния усиливается перераспределение социальных контактов в виртуальной среде. Результаты исследования показали, что детерминантами подобного перераспределения являются возраст пользователей социальных медиа, тип и сфера их занятости, а также наличие родственных связей на противоположной стороне.

Социальные медиа представляются определяющими для формирования дегуманизованного образа врага в регионах, оказавшихся на территории конвенционального противостояния, трансформируя тем самым медийную и надреальную (когнитивную / ментальную / рефлексивную) реальности. Сообщения, распространяемые в социальных сетях, являются основным источником о событиях и динамике вооруженного конфликта. Именно таким сообщениям население, оказав-

шеся по разные стороны вооруженного конфликта, доверяет больше всего.

Заключение. Основываясь на полученных результатах, авторами было зафиксировано, что новые медиа являются механизмом реализации медиапроекта по трансформации «реальной» реальности, изменению медийной и надреальной (когнитивной / ментальной / рефлексивной) реальностей.

Современное вооруженное противостояние имеет обязательную информационную составляющую и, более того, может быть своеобразным медиапроектом в ситуации, когда в основу противостояния заложено противоречие между военными и политическими целями. В частности, в СВО четко фиксируется подобного рода противоречие, при этом политические цели в нем выступают скорее политико-коммуникативными. С нашей точки зрения, современное вооруженное противостояние – это новый тип социальной связанности, поскольку и Интернет, и социальные медиа, и политика формируют новые политико-коммуникативные связи в обществе, которые, в свою очередь, создают или уничтожают политические силы, меняют политические режимы, экономических игроков на рынках.

По сути, речь идет о некоей модели, где соединяется три пространства – физическое, информационное и виртуально-сетевое, которая создает сетевые коммуникации, обуславливающие контроль над политикой, экономикой, ресурсами и территориями через влияние на массовое сознание людей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке программы Приоритет-2030 ФГАОУ ВО «Северный федеральный государственный университет» (стратегический проект № 5).

The study was supported by the Priority-2030 program of the Sevastopol State University (strategic project No. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугусов А. В. Социальные сети как инструмент политического противоборства и информационных войн // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. № 13 (4). С. 71–75.

2. Воронова О. Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань: Изд-во РГУ, 2018. 188 с.

3. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. Ч. 1. 451 с.

4. Лиддел Г. Б. Стратегия непрямых действий. – М.: Астрель, 2012. 508 с.

5. Литвишко О. М. Трансграничное сотрудничество как механизм обеспечения национальных интересов современной России в Каспийском регионе: дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2015. 237 с.

6. Орлов И. Б. От какого наследства мы отказываемся? (Сущность и механизмы пропаганды) // Вопросы правопедания. 2009. № 1. С. 57–66.

7. Толстых В. В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Academy. 2017. № 3 (18). С. 57–63.

8. Широков Д. «Мы должны вовремя отвечать». Соцсети могут стать реальным оружием и причиной войны. Как Россия борется с ложной информацией? // Интернет-газета Lenta.ru. 18.06.2020. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/18/fact_checking/

9. Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии РАН. 2021. Т. 12, № 1. С. 136–152. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.703>

10. Albrecht T. L., Adelman M. B. Communicating Social Support: A Theoretical Perspective // Communicating Social Support / ed. by T. L. Albrecht, M. B. Adelman. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 18–39.

11. Aro J. The Cyberspace War: Propaganda and Trolling as Warfare Tools // European View. 2016. Vol. 15, № 1. P. 121–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12290-016-0395-5>

12. Bebbler R. J. Treating Information as a Strategic Resource to Win the “Information War” // Orbis. 2017. Vol. 61, № 3. P. 394–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2017.05.007>

13. Bolton D. Targeting Ontological Security: information warfare in the modern age // Political Psychology. 2020. № 42 (1). P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12691>

14. Boyte K. J. An Analysis of the Social Media Technology, Tactics, and Narratives Used to Control Perception in the Propaganda War over Ukraine // Journal of Information Warfare. 2017. Vol. 16, № 1. P. 88–111.

15. Cambron R. J. World War Web: Rethinking “Aiding and Abetting” in the Social Media Age // Case Western Reserve Journal of International Law. 2019. Vol. 51, № 1. P. 293–325.

16. Castells M. Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009. 571 p.

17. Górniewicz M. A., Szczurek T. Social Media Wars. The R-Evolution Has Just Begun. Warsaw: Wojkowska Akademia Techniczna, 2018. 148 p.

18. Khanna P. *Connectography. Mapping the Global Network Revolution*. Hachette, UK: W&N, 2016. 496 p.

19. Khanna P. How Megacities Are Changing the Map of the World // TED (Conference). February 1, 2016. URL: https://www.ted.com/talks/parag_khanna_how_megacities_are_changing_the_map_of_the_world

20. Kirton A. Online Engagements: War and Social Media // *The Palgrave Handbook of Criminology and War* / eds.: R. McGarry, S. Walklate. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 402–424. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-43170-7_22

21. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.

22. Prier J. *Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare // Information Warfare in the Age of Cyber Conflict* / eds. Ch. Whyte, A. T. Thrall, B. M. Mazanec. London: Routledge, 2020. P. 88–113. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429470509>

23. Singer P. W., Brooking E. T. *LikeWar. The Weaponization of Social Media*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2018. 406 p.

24. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Cambridge: Polity Press, 2011. 200 p. URL: <https://www.cejiss.org/the-decadence-of-industrial-democracies-disbelief-and-discredit>

25. Ventre D. *Information Warfare*. N. J.: Wiley&Sons, Hoboken, 2016. 352 p.

REFERENCES

1. Butusov A.V. *Soczialnye seti kak instrument politicheskogo protivoborstva i informacziennykh vojn [Social Networks as a Tool of Political Confrontation and Information Wars]*. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences], 2018, no. 13 (4), pp. 71-75.

2. Voronova O.E. *Sovremennye informacziionnye vojny: tipologiya i tekhnologii [Modern Information Wars: Typology and Technologies]*. Ryazan, Izd-vo RGU, 2018. 188 p.

3. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii [Fundamentals of Geopolitics. The Geopolitical Future of Russia]*. Moscow, Arktogetya Publ., 1997, pt. 1. 451 p.

4. Liddel G.B. *Strategiya nepryamykh dejstvij [Strategy of Indirect Actions]*. Moscow, Astrel Publ., 2012. 508 p.

5. Litvishko O.M. *Transgranichnoe sotrudnichestvo kak mekhanizm obespecheniya naczionalnykh interesov sovremennoj Rossii v Kaspijskom regione: dis. ... kand. polit. nauk [Cross-Border Cooperation as a Mechanism for Ensuring*

National Interests of Modern Russia in the Caspian Region. Cand. polit. sci. diss.]. Pyatigorsk, 2015. 237 p.

6. Orlov I.B. *Ot kakogo nasledstva my otazyvaemysya? (Sushhnost i mekhanizmy propagandy) [What Inheritance is Mine Refusing? (The Essence and Mechanisms of Propaganda)]*. *Voprosy pravovedeniya [Questions of Jurisprudence]*, 2009, no. 1, pp. 57-66.

7. Tolstykh V.V. *Normativno-pravovoe zakreplenie ponyatiya «voyna» v rossijskom i mezhdunarodnom prave [Normative-Legal Consolidation of the Concept of “War” in Russian and International Law]*. *Academy*, 2017, no. 3 (18), pp. 57-63.

8. Shirokov D. «My dolzhny vovremya otvechat». *Soczseti mogut stat realnym oruzhiem i prichinoy vojny. Kak Rossiya boretsya s lozhnoj informaciej? [“My Duty Is to Answer in Time.” Social Networks Can Become a Real Weapon and Cause of War. How Does Russia Fight False Information?]*. *Internet-gazeta Lenta.ru [Internet Newspaper Lenta.ru.]*, 18.06.2020. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/18/fact_checking/

9. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Shkayderova T.V., Maranchak A.G. *Soczialnye paradoksy kommunikaczii v postkonfliktnykh obshhestvakh [Social Communication Paradoxes in Post-Conflict Societies]*. *Vestnik Instituta socziologii RAN [Bulletin of the Institute of Sociology]*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 136-152. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.703>

10. Albrecht T.L., Adelman M.B. *Communicating Social Support: A Theoretical Perspective. Communicating Social Support*. Newbury Park, CA, Sage, 1987, pp. 18-39.

11. Aro J. *The Cyberspace War: Propaganda and Trolling as Warfare Tools*. *European View*, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 121-132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12290-016-0395-5>

12. Bebbler R.J. *Treating Information as a Strategic Resource to Win the “Information War”*. *Orbis*, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 394-403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2017.05.007>

13. Bolton D. *Targeting Ontological Security: Information Warfare in the Modern Age*. *Political Psychology*, 2020, no. 42 (1), pp. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12691>

14. Boyte K.J. *An Analysis of the Social Media Technology, Tactics, and Narratives Used to Control Perception in the Propaganda War over Ukraine*. *Journal of Information Warfare*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 88-111.

15. Cambron R.J. *World War Web: Rethinking “Aiding and Abetting” in the Social Media Age*. *Case Western Reserve Journal of International Law*, 2019, vol. 51, no. 1, pp. 293-325.

16. Castells M. *Communication Power*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 571 p.

17. Górnikiewicz M.A., Szczurek T. *Social Media Wars. The R-Evolution Has Just Begun*. Warsaw, Wojskowa Akademia Techniczna, 2018. 148 p.

18. Khanna P. *Connectography. Mapping the Global Network Revolution*. Hachette, UK, W&N, 2016. 496 p.

19. Khanna P. How Megacities Are Changing the Map of the World. *TED (Conference)*. February 1, 2016. URL: https://www.ted.com/talks/parag_khanna_how_megacities_are_changing_the_map_of_the_world

20. Kirton A. Online Engagements: War and Social Media. McGarry R., Walklate S., eds. *The Palgrave Handbook of Criminology and War*. London, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 402-424. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-43170-7_22

21. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

22. Prier J. Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare. Whyte Ch., Thrall A.T., Mazanec B.M., eds. *Information Warfare in the Age of Cyber Conflict*. London, Routledge, 2020, pp. 88-113. DOI: <https://doi.org/10/4324/9780429470509>

23. Singer P.W., Brooking E.T. *LikeWar. The Weaponization of Social Media*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2018. 406 p.

24. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies: Disbelief and Discredit*. Cambridge, Polity Press, 2011. 200 p. URL: <https://www.cejiss.org/the-decadence-of-industrial-democracies-disbelief-and-discredit>

25. Ventre D. *Information Warfare*. New Jersey, Wiley&Sons, Hoboken, 2016. 352 p.

Information About the Authors

Gennady V. Kosov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Oriental and African Studies, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, kossov1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-895X>

Olga V. Yarmak, Candidate of Sciences (Sociology), Head, Research and Education Center “International Political Studies of the Greater Mediterranean”, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, sociocentre@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5760-4786>

Olga M. Litvishko, Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Research and Education Center “International Political Studies of the Greater Mediterranean”, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, olitivishko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8430-8501>

Alexandr E. Gapich, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Research and Education Center “International Political Studies of the Greater Mediterranean”, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, eversor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9987-8600>

Информация об авторах

Геннадий Владимирович Косов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения и африканистики, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, kossov1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-895X>

Ольга Валерьевна Ярмак, кандидат социологических наук, руководитель, Научно-образовательный центр «Международные политические исследования Большого Средиземноморья», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, sociocentre@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5760-4786>

Ольга Михайловна Литвишко, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр «Международные политические исследования Большого Средиземноморья», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, olitivishko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8430-8501>

Александр Эрикович Гапич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр «Международные политические исследования Большого Средиземноморья», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, eversor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9987-8600>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.4>

UDC 93/94

LBC 63.3(0)62

Submitted: 23.05.2022

Accepted: 21.05.2023

THE INFLUENCE OF THE TRANSFORMATIONS IN UZBEKISTAN'S ECONOMY
ON PERSONNEL ISSUES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Khasan B. Babadjanov

Tashkent University of Information Technologies, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Aziz K. Abdullaev

World Economy and Diplomacy University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. *Introduction.* The article outlines transformations in Uzbekistan's economy during the Great Patriotic War, the emergence of problems related to personnel as a result of these changes, the main causes of the lack of staff, and measures to prevent this shortage and their effectiveness. The given study analyzed the organizational problems of providing the economy with employees, analyzed measures taken during the Great Patriotic War to meet the demands of the country's economy for personnel, and obtained new data dealing with the social status of human resources. *Methods and Materials.* A wide range of archival sources from the funds of the National Archive of Uzbekistan that weren't published earlier was used in the preparation of the article. The methodological basis of the research is the principle of historicism. In the course of the study, historical-comparative and statistical methods were applied. *Analysis.* The research conducted identified factors related to productivity and social issues. In particular, the labor productivity of the new staff (mainly women and adolescents) replacing qualified personnel who went to the war front has been analyzed; on the other hand, the impact of the working process on their social lives has been considered. During the war years, the involvement of women and children in production in the republic and their relationship with the evacuated population resulted in significant positive trends in society. *Results.* In general, by studying the impact of changes in Uzbekistan's economy on personnel issues during the Great Patriotic War, valuable information about various sectors of the Republic's economy during the war years as well as the advances and defects in different economic branches was obtained. *Authors' contribution.* Kh.B. Babadjanov and A.K. Abdullaev jointly studied archival materials and scientific literature and drew conclusions on the topic. Kh.B. Babadjanov analyzed the documents of the National Archive of Uzbekistan, which made it possible to explore the peculiarities of the transformation of the economy of Uzbekistan during the Great Patriotic War and the supply of it with personnel. A.K. Abdullaev participated in the analysis of statistical and economic data.

Key words: Great Patriotic War, Uzbekistan, front, economy, personnel problems, relocated enterprises.

Citation. Babadjanov Kh.B., Abdullaev A.K. The Influence of the Transformations in Uzbekistan's Economy on Personnel Issues During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 42-53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.4>

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УЗБЕКСКОЙ ССР НА СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Хасан Бахтиёрович Бабаджанов

Ташкентский университет информационных технологий, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Азиз Курбанович Абдуллаев

Университет мировой экономики и дипломатии, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье ставится задача определить влияние процесса трансформации на экономику Узбекистана в годы Великой Отечественной войны, осветить возникшие в результате этих изменений кадровые проблемы, раскрыть основные причины кадрового дефицита и меры по их предупреждению и их эффективность. В результате исследования были проанализированы организационные проблемы кадрового обеспечения экономики, изучены меры, предпринятые в годы Великой Отечественной войны для обеспечения потребности экономики в кадрах. В исследовании выявлены факторы, связанные с производительностью труда и социальными проблемами, в том числе влияние трудового процесса на общественную жизнь. Также в статье осуществлен анализ производительности труда касательно новых кадров (преимущественно женщин и подростков), пришедших вместо ушедших на фронт квалифицированных рабочих. Следует отметить, что в годы войны в результате вовлечения женщин и детей в производственный процесс и их взаимоотношений с эвакуированным населением наметились тенденции положительных изменений в социально-культурной ситуации в обществе. В целом изучение влияния изменений в экономике Узбекистана касательно кадрового обеспечения в годы Великой Отечественной войны дает ценную информацию о достижениях и недостатках в процессе трансформации в разных отраслях экономики республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Узбекистан, фронт, экономика, кадровые проблемы, передислоцированные предприятия.

Цитирование. Бабаджанов Х. Б., Абдуллаев А. К. Влияние экономических трансформаций в Узбекской ССР на состояние трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 42–53. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.4>

Introduction. During the Great Patriotic War, Uzbekistan's economy experienced a serious problem dealing with human resources. On the one hand, Uzbekistan, like the other Soviet Union republics, was forced to send troops directly to the front lines. On the other hand, because the war did not take place directly in its territory, the republic was assigned with providing the front lines with the necessary products. In addition, many plants and factories were also evacuated to the territory of the Republic. Taking the above mentioned circumstances, during the war years Uzbekistan had to find solutions to many problems in terms of the provision of personnel. The militarization of the economy and evacuated enterprises sharply increased demand for labor resources.

Today, during the period of the following transformation of the independent Uzbekistan's economy and the shortage of qualified personnel in the country, the interest in studying the role of women in similar processes, issues of achieving productivity growth and social development is growing, which makes the current study topical.

The significance of this study is explained with the fact that in historical studies this problem has not been studied comprehensively before. Historians have been focusing on the causes that initiated the war, the course of the war, the impact of the war on the economy, the relation of the economic transformations with social life, the war results and consequences in the studies conducted worldwide. However, in Soviet, especially Central Asian historical studies, the economic role of the

Central Asian republics, including Uzbekistan, and the labor of the people in Uzbekistan during the war was not conceptually evaluated.

To tackle this task, the article covers the personnel deficiency affected by the transformation process undertaken in the wartime Uzbekistan economy comprehensively through the prism of labor productivity and social policy for the first time in historical studies.

Methods and materials. The Great Patriotic War occupies a special place in the history of Uzbekistan. Uzbekistan like the other 16 republics included in the USSR took direct part in the military actions. Between 1941 and 1945, almost 2 million military men from the population of Uzbekistan were mobilized to the front. Also during the war years, the military industry developed in Uzbekistan, hundreds of enterprises produced goods for the army. On the one hand, the mobilization of working men to the front, on the other hand, the increase in the volume of production led to the problem of providing the economy with labor force. In solving this problem, Uzbekistan used its financial and managerial resources.

The research is based on comparative and statistical method. The authors of the article also used interdisciplinary approach. The issue of providing the economy with personnel was not sufficiently studied during the Soviet and post-Soviet periods. Approximately 80-year stage of the study of this historical process shows that in the Soviet and post-Soviet times, only the main directions of studying this topic were developed.

Ju.V. Arutyunyan [1] covering various economic topics, including the history of the working class and the Soviet peasant (collective farms) during the war years were published. These works continued the traditions of Soviet historiography, tried to show in the first place the labor of workers and the support of the Communist Party to them. But at the same time, more archive materials were used in them than in the previous period. This was the opening of some funds in the Central Archives of the USSR in connection with the death of Stalin beginning from the mid-fifties.

The increasing number of information on the subject led to the specialization of the theme dealing with supply with personnel during the war years. For Example, V.S. Murmanseva [4] widely

covered the participation of Soviet women behind the front, including their work. After the monograph written by V.S. Murmanseva, both in the republics within the union and in the historiography of Uzbekistan, the participation of women in the frontline during the war years was reflected mainly in one monographs published in the 1980s. The author of the second monograph N. Tashhadzhaeva [4] considers the activities of women of Uzbekistan at work separately. While many of these monographs contain information about Uzbekistan, they represent variants of V.S. Murmanseva's monograph adapted to the conditions of Uzbekistan.

In these monographs, little attention was paid to the study of the motives of selfless labor and self-sacrifice of women of the Uzbekistan. Almost all scientific historical works of the Soviet period are related to the party, and the selfless labor of Uzbekistan population in 1941–1945 is explained with devotion to the ideas of communism. Soviet historians did not try to consider the problem of motivation at work: why women of different nationalities and religions, the elderly and young people not only responded to the party's awards, but also worked on the verge of their physical and psychological capabilities throughout the whole war. These monographs mainly lacked in serious scientific analysis.

As a result of the collapse of the USSR and the policy of "reconstruction" (perestroika), researchers have expanded the possibility of using new archival sources, as well as expressing opinions that are different from the Communist Party line. The new studies dealing with the Great Patriotic War and the participation of the USSR in it started. But in the 1990s, the economic history of the USSR in the Great Patriotic War remained "in the Shadow" of Stalin, the themes of identifying the victims of the war, totalitarianism. After the collapse of the USSR, in Uzbekistan the themes related to the history of the Great Patriotic War became irrelevant and only those who were involved in the corresponding studies conducted their research in the area. In 1995, in connection with the 50th anniversary of the end of the Great Patriotic War, an international conference was held in Uzbekistan. At present, there is no generalizing scientific history related research that fully reveals the history of providing Uzbekistan's economy with human resources. Thus there is a

need to conduct such studies. In this sense, the article attempts to cover the problem of providing the economy of Uzbekistan with personnel in 1941–1945.

The related work that attracted the attention of researchers in the Russian Federation during the post-Soviet period was a monograph “Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)” (“*Because there was a war... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)*”) (2008) written by V.A. Somov.

The monograph analyzes the importance of non-economic factors in the mobilization of workers and collective farmers for labor, in contrast to other studies. While the examples dealing with the Volga-Vyatka region of 1941–1945 are given, the conclusions in many respects also apply to other behind the warfront regions of the USSR. The study also analyzes labor legislation in the same period. The author also considers the influence of legislation and political-ideological factors on the mental state of workers and collective farmers.

Analysis. The main reasons for the lack of personnel during the years of Great Patriotic War. The Great Patriotic War fundamentally changed the direction of the industrial sectors of Uzbekistan. Industrial enterprises were militarized and began to produce weapons and military equipment, in a short period of time. The industrial workers of Uzbekistan had to transform production, locate and launch evacuated enterprises, meet needs of the front-line and the population for industrial products. Therefore, with the beginning of the war, the demand of the economy of Uzbekistan for labor resources increased for the following important reasons.

Firstly, in 1941, the population of Uzbekistan was about 6.5 million people, half of which were children and the elderly. 50–60 percent of the people available for work, about 2 million people were mobilized for war. The main part of those who were mobilized for war was men between the ages of 18–55, who formed the basis of pre-war workforce. The total number of those mobilized for the army in the Soviet Union increased from 5 million to 11.3 million people [4,

p. 17]. As a result, labor resources in the Republic almost halved compared to the pre-war period.

Secondly, in the process of militarization of the economy, the involvement of workers in the industries was varied. A huge amount of labor resources was employed in the areas that did not require much labor before the war (for example, the production of artillery and aircraft building), as well as to the related heavy industry. During the war years, totally 104 plants and factories were evacuated to Uzbekistan [23, l. 440]. In addition, the construction of new irrigation facilities, industrial enterprises, hydro power stations, mines and plants also exacerbated the situations dealing with the demand for the workforce. Thousands of people were involved in the construction work carried out in Uzbekistan during the Great Patriotic War. For example, 11 000 collective farmers from Tashkent region, 9 500 collective farmers from Namangan region, 5 000 collective farmers from Andijan region took part in the construction of Farhad Hydro Power Plant [5, p. 8].

It should also be noted that qualified engineering and technical personnel were needed for the restoration of the evacuation enterprises' operation and construction of new industrial facilities, in turn, the restoration of industrial buildings was in need of unqualified personnel. In this sense, the problem concerning the personnel in terms of militarization of Uzbekistan's economy covered the quality and quantity indicators.

Thirdly, the shortage of highly qualified personnel, sending equipment to the front-line, the lack of fuel, machine tools, equipment led to a decrease in labor productivity. As a result, the amount of labor spent on the performance of a particular job increased, and the quality of work fell.

The state policy dealing with the provision of the national economy with workforce: the main directions and results. In complex economic conditions, there were two main sources of workforce supply of the national economy of the Republic.

Firstly, the population groups that were not involved in the production process before but were theoretically capable of working were involved in production. Such people were primarily represented by women, adolescents, and the elderly.

Secondly, the daily working hours or the annual working days of workers, collective farmers and employees were extended.

On June 26, 1941, by the Decree of the Presidium of the Supreme Council, the heads of industrial, transport, agricultural and trade enterprises were allowed to engage workers in compulsory additional 1–3 hours' work, in addition to the basic working hours. For employees under the age of 16, compulsory overtime work was set for up to 2 hours. Also, the leave was abolished [25, p. 331].

In accordance with this decision, all employees of military enterprises were considered mobilized and were attached to the enterprises. Penalties for those who violate labor discipline have become more severe. Those who left the enterprises on their own terms were sentenced to 5–8 years' imprisonment [23, l. 440].

The wartime tax system has also become a coercive mechanism for workers and employees to work under any circumstances. From November 1941, benefits for workers and employees who cannot work temporarily due to illness were terminated and taxes were levied from them in full [12].

Throughout the Soviet Union, mobilizing millions of people, moving them and directing them to enterprises, registration was a very complex organizational process. In organizing this process adequately, the Committee for Registration and Distribution of Workforce organized under the Council of People's Commissars of the USSR on July 3, 1941 was of great significance. During the war years, the Committee mobilized almost 12 million people throughout the Soviet Union to work [4, p. 25].

As a result of the above mentioned measures, the number of workers mobilized in Uzbekistan has been restored and to a certain extent, growth has been achieved. In 1941–1942, the number of employees in the industrial sectors of Uzbekistan increased from 142.6 thousand to 148.7 thousand, while the number of industrial workers increased from 102.5 thousand to 102.9 thousand [13].

But if in 1941 on average 24 379 rubles per year of products falls on each industrial worker in the Republic, the indicator fell to 16 910 rubles in 1942 [14]. This situation meant that the decline in the productivity of industrial workers in

Uzbekistan during the years 1941–1942 was not compensated by an increase in the number of workers. Therefore, short-term courses were organized to train or improve the skills of newly arrived workers at the enterprises. Although short-term courses did not bring the skills of newcomers to the level of those who were mobilized, at least they helped to form adequate technical and work skills. Master and apprentice system was established among newcomers and qualified workers at the enterprises.

Despite the efforts taken, there were errors and shortcomings in organizing labor resources. In some cases, labor mobilization was carried out without taking into account the internal resources of Uzbekistan. Although during the years of war, dozens of decisions were taken to engage the population of Uzbekistan to various construction works, there was a lack of internal labor resources of the Republic to ensure their implementation. Therefore, many resolutions were not implemented completely or not implemented at all. For example, on November 26, 1942, in the joint resolution 1506 of the Council of People's Commissars and the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Uzbek SSR, it was established that 2036 employees should be transferred to production in Tashkent, but in reality 236 people began to work in production [15].

On the other hand, the involvement of workers in agricultural or various community services had a negative impact on the operation of the enterprises where they work. In June 1942, at the level of the Council of People's Commissars of Uzbekistan SSR they discussed the cases dealing with several closed enterprises in Tashkent, Kattakurgan, Noryn cities as a result of the mass recruitment of workers to agricultural community services [16].

In some cases, in the mobilization of the population to work, thoughtless decisions were made. On January 5, 1943, by the decree of the USSR Council of People's Commissars, tuberculosis patients were allowed to work in the areas not affected by high temperature and evaporation [17]. It will be appropriate to consider this document as an indicator of the level of negligence and irresponsibility of the Soviet government with regard to human health. It is remarkable that this decision was announced in 1943. During this period (in contrast with the

second half of 1941 and the year of 1942), the economy of the country did not possess an urgent need for personnel. It was also necessary to take into account that a person infected with tuberculosis, in the process of work, first of all, poses a threat to the health of himself and those around him.

There were fixed additions dealing with the working days also in the agricultural sector of Uzbekistan. By the decree of the USSR Council of People's Commissars and All-Russian Communist Party Central Committee on 13 April 1942, the mandatory working days for collective farmers (compared with the year of 1939) were increased to the following: 100 working days for Non-Chernozem Zones, 120 working days for grain-growing areas of the Volga region and Siberia, up to 150 working days for cotton-growing districts (Central Asia and Caucasus) [8, p. 252]. Also in this document, it was determined that the measures dealing with forcing collective farmers to work were legalized and those who did not want to work were severely punished.

If a collective farmer in Uzbekistan worked 215 days on average in 1940, this figure amounted to 280 working days in 1943 and 311 working days in 1944 [7, p. 125]. The rural population of Uzbekistan was quite active, and the minimum working days specified in the decree were voluntarily increased and fulfilled. While the Uzbek peasant in 1940 worked on average 217 days per year, this figure amounted to 233 working days in 1941 and 263 in 1942 [3, p. 26]. Also, the percentage of those who did not fulfill the minimum of working days in Uzbekistan was comparatively low. In particular, collective farmers who did not fulfill the working day minimum in 1944 accounted for 15.3% in Azerbaijan SSR, 19.1% in Georgia SSR, 12.4% in Kazakh SSR and 8.9% in Uzbek SSR [8, p. 255].

Involving the population of Uzbekistan in forced labor has resulted in two different results from the point of view of providing the national economy with personnel. On the one hand, the work was to a certain extent completed by means of *hashar*, soviet tradition of cooperative work. On the other hand, the issues dealing with economic profitability of organizing such cooperative work, transportation costs and providing workers with food were not considered adequately.

As a result, thousands of representatives of different professions were directed from one *hashar* to another during the harvest period. Thousands of people were involved in such cooperative works throughout the Republic. For example, in 1942, at least 30 thousand people in Samarkand region, at least 17 500 people in Fergana region and at least 70 thousand people in Tashkent region were involved in harvesting sugar beets [18].

The role of women in the solution of personnel shortage. The involvement of millions of housewives, adolescents and the elderly in production did not fully solve the problem dealing with personnel shortage. Due to mobilization of labor, military industrial enterprises were provided with a certain number of human resources, but the new workers did not possess enough skills. It was inappropriate to make yesterday's housewife or pupil to work with a complex machine.

For example, in order to enhance the skills of the personnel involved in agriculture to a certain extent, short courses for agronomists and machine operators were organized. The major part of students in these courses was represented by women. In 1941, 18 765 people graduated from the short courses organized at the schools of machine operators and Machine and Tractor Stations; 12 428 of them were women [10, p. 161].

82,4% of 13 776 students of two-month courses of tractor drivers and machine operators that started operating under the Machine and Tractor Stations from August 1941, were also women [4, p. 39]. In the training courses, attention was paid not to the competencies of personnel, but to their number. Therefore, most of the women who obtained profession during the war years were considered low-skilled workers. The courses represented the first stage in the provision of agriculture with qualified personnel.

The problem of providing the economy with the workforce in Uzbekistan was solved first of all by utilizing domestic opportunities. According to the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on February 13, 1942, mobilization of labor was announced for women 16 to 45 years of age not working in state enterprises and institutions. With the beginning of the war, newspapers and magazines were filled with announcements that offered women courses and jobs that taught them different professions.

For example, September 16, 1942 issue of the newspaper “Red Uzbekistan” announced an invitation of women to the two-month course of electricians.

Apparently, training of women for technical professions became popular, and training them directly at the plant and factory was carried out. Vocational training was organized in individual groups, and male workers who were going to the warfront taught professional skills to women within shortest time. By the middle of October 1941 Tashkent enterprises succeeded in the training of 11 450 female workers. 2 624 workers were trained at the “Tashselmash” plant, 52.6% of them were women. In the following table (1), one can see the share of women in production during the years of war, especially in the Soviet Union in 1941–1942 [4, p. 15] (Table 1).

Women and girls of Uzbekistan behind the front formed the basis of personnel in production, industry, agriculture and social sphere. In particular, women’s labor was considerable in the agriculture of Uzbekistan. For example, in 1942, 50% of those employed in agriculture in Namangan region and 60% in Tashkent, Andijan and Samarkand regions were women [9, p. 8]. Women were widely involved in the construction of irrigation facilities and cleaning canals. Women tried to work on an equal footing with men in carrying stretchers, loading soil, laying concrete.

The harm to their overall and reproductive health was not taken into account.

The rural population, consisting mainly of women, children and the elderly, worked at the edges of their abilities. During the war years, in almost all Soviet Union republics, women in agricultural work were involved more than men. The following table 2 [4, p. 32] reflected the above mentioned data.

The years of war represented a period of growth in women’s socio-economic importance in society. For example, in 1942 in Andijan region more than 2 000 leader women were elected as chairpersons of collective farms, brigade leaders. Only in Jalolquduk district of this region 43 female collective farmers were appointed as the chairpersons, deputy chairpersons of collective farms. In the same year, 1 400 female collective farmers of Kashkadarya region were promoted to the positions of heads of cotton-growing, grain-growing brigades. In Chirakchi District 45 women were elected chairpersons of the collective farms and 72 women were elected chairpersons of harvest Councils [9, p. 51].

In general, in 1941–1943, the share of women among the leaders included in the list of Uzbekistan Communist Party Central Committee increased from 7.9% to 13.4% [4, p. 91]. It would be wrong to view the growth of the social status of women in society as a purely positive process.

Table 1. Changes in the share of women of workers and technicians in Uzbekistan

The share of women of the professions requiring qualification (%)	At the beginning of 1941	At the end of 1942
Compressor operators	27.0	44.0
Metal welder	17.0	31.0
Blacksmiths	11.0	50.0
Car drivers	3.5	19.0

Table 2. The share of women and men employed in agriculture in the Soviet Union republics

	As of January 1, 1943 (thousand people)		As of January 1, 1944 (thousand people)	
	Men	Women	Men	Women
Uzbekistan	557.4	726.3	360.6	671.3
RSFSR	2 364.4	8 318.3	2 331.1	10 382.9
Azerbaijan	153.9	306.5	145.6	294.4
Georgia	229.0	354.9	223.4	349.6
Armenia	89.4	170.9	87.6	166.5
Turkmenistan	88.8	116.5	55.2	110.9
Tajikitan	194.3	191.5	133.1	180.3
Kyrgyzstan	97.3	180.5	66.3	164.2
Kazakhstan	246.6	665.3	216.3	623.6

Poverty, hard work and family problems accompanied women who worked during the war.

The experience of the Great Patriotic War revealed that in order to achieve high labor productivity among women, it was necessary, firstly, to take into account their psychology, and secondly, to solve their social problems. The wide involvement of women in production and agricultural work during the war years adversely affected their physical and mental health. In many cases, the long-term work of women in such difficult conditions led to a state of mental strain and exhaustion.

The use of youth labor in the economy of Uzbekistan during the war years. Another important source of providing the national economy with workforce during the war was the youth. During the war years, many young people came to industrial enterprises, transport and other spheres and substituted their fathers and brothers at work. For 17 months after the beginning of the war, 23 300 workers from the youth of Uzbekistan (young people aged 14–17 are meant) were trained [3, p. 13]. On the basis of the decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR on 13 April 1942, 6–10th year schools at schools, students of technical schools and higher educational institutions were also legally allowed to mobilize to work in the intense periods in agriculture [6, p. 78].

In accordance with the decree, senior students at school (7–10th year students), students at technical schools and institutes in Uzbekistan were involved in industrial production and agricultural work during summer holidays and other leisure time. For example, in 1943, secondary school students of Tashkent City were recruited to plants № 702 and № 708 for a period of 2 months [19]. In Uzbekistan, the working time for young people involved in factories and fields was set as 6–8 hours. The transfer of funds from cleaning days on Sundays to the Defense Fund was widespread among young people. On September 7, 1941, 850 000 young people took part in cleaning days on Sundays and more than 3 million rubles were directed to the Defense Fund [10, p. 105].

The task of training young people as qualified specialists was mainly solved by factory and plant training schools, mining and railway schools. At the beginning of 1943 in the territory of Uzbekistan, compared to the year of 1940, the number of

factory and plant training schools increased by 3 times, the number of the students in the schools increased by 6.5 times [11, p. 61]. At the end of 1942, 31 factory and plant training schools were opened in the Republic. At that time, a total of 14 handicrafts and 45 factory and plant training schools operated in Uzbekistan [3, p. 13].

During the war years, there were various shortcomings in organizing the operation of factory and plant training schools. Pupils aged 15–18 were enrolled in factory and plant training schools; the duration of study was 3–6 months. The theoretical foundations of the educational process were almost neglected in such schools. In particular, no conditions were created for professional education for adolescents in the textile combines of the plants № 702, 84, 708, 735 in Tashkent. Many handicrafts as well as factory and plant training schools were not provided with food and accommodation [22]. The process of providing these educational institutions with buildings, educational supplies, as well as the students with clothing, food and others was quite complicated.

Senior students at school (7–10th year students), students at technical schools and institutes in Uzbekistan were involved in industrial production and agricultural work during summer holidays and other leisure time. In particular, by the decree of the Uzbekistan Council of People's Commissars on July 18, 1941, students of 7–10th year school students were allowed to involve in agricultural work [20]. For example, by the decree of the Uzbekistan SSR Council of People's Commissars on July 21, 1941, in Fergana and Namangan regions, they started organizing brigades among 7–10th year school students to work [21].

Since students were widely involved in agricultural work, even socialist competitions were announced between schools. In order to become the winner of the competition, the school was required to be a leader in agricultural work in the Republic. The winning school was awarded 30 thousand rubles [22].

There were also specific disadvantages of involving young people and especially schoolchildren to work. During the Great Patriotic War, the involvement of Uzbekistan's school students in a wide variety of works negatively affected the quality and effectiveness of education. In the first half of the 1942–

1943 academic years, the efficiency of the educational system of Uzbekistan began to fall. The students' attendance and academic performance in some subjects at schools deteriorated. For example, in schools located in one district of Tashkent city, the overall academic performance of students was 78%. In the second quarter of 1942–1943 academic year, 14 796 children were educated in these district schools, among which 2 835 children obtained bad and very bad marks in various subjects.

Throughout the Soviet Union, the share of young people involved in coal mining, metallurgy, heavy industry was 40–55%, of which the share of adolescents was 12–18% [25, p. 195]. Although the skills of young workers were not sufficient, they also had superiorities. Such features of young people as patriotism, interest in the profession, creative approach to the performance of tasks and rapid adoption of innovations can be regarded as their strength.

From the above it is clear that women and youth served as the main source of workforce in industry and agriculture during the war. One can observe an increase in their labor contribution during the years of the war in the following table 3 [1, p. 75].

As it can be seen from the table, in 1941–1945 in the regions behind the front, the working population was reduced by 28%. The share of the elderly people and adolescents being almost unchanged, the share of men decreased by 68.1 percent.

In general, the widespread use of adolescent labor during the years of war is a situation that indicates the scale of the problem of personnel in the economy. The widespread use of adolescents as workforce replaced unskilled workers and those with secondary school education who temporarily went to the front. On this basis, due to the young manpower, production facilities

operated continuously. They were equipped with the skills of using various techniques. Based on the above data, several problems associated with the involvement of adolescents to work can also be seen. Heavy labor, extended working hours, and poor conditions adversely affected the physical development of the adolescent organism, while the postponed hours of classes affected the learning achievements.

The effectiveness of providing the economy of Uzbekistan with workforce during the war years. During the war, measures aimed at increasing production (work extended hours, working without additional payment, etc.) could produce short or medium-term results. Extended work hours reduced labor productivity, giving the adverse effect. The following can be mentioned as the main cases that adversely affect labor productivity.

Firstly, women and adolescents who substituted those qualified workers sent to the front could not suddenly obtain qualification. It took time for their qualification to reach a certain level. On the other hand, various courses were organized to improve the skills of women and adolescents, which required additional funds.

Secondly, economic problems and the ones related to supply emerging in the conditions of the war, industrial enterprises practically stopped providing them with new machines and equipment. During the years of war, old machines constantly broke down and there was a lack of component parts in Uzbekistan, as a result of which in 1942 year machines did not work more than 12.5% of the working day in textile enterprises and 16% of the working day in silk weaving enterprises [8, p. 129].

Also, the use of low-quality and substituting products in production also adversely affected equipment and workforce productivity. Due to a shortage of raw materials, the use of calcium soda

Table 3. As of January 1, the number of workers in the regions behind the front of the Soviet Union (a thousand people)

Years	Working population			12–16 year-olds	the elderly people	totally	Compared to the year of 1941 (%)
	men	women	totally				
1941	8657.3	9531.9	18189.2	3818.0	2360.0	24367.2	100.0
1942	5890.8	9532.4	15423.2	3779.4	2369.0	21571.6	88.5
1943	3605.0	9590.7	13195.7	4035.0	2378.8	19609.5	80.5
1944	2340.8	9094.0	11434.8	3820.9	2387.9	17643.6	72.4
1945	2769.7	8661.2	11430.9	3524.5	2390.9	17345.9	71.2

instead of caustic soda in the production of perfume soap in Uzbekistan reduced the production efficiency by 20% [23].

Thirdly, as a result of the excessive use of human resources by certain norms, their excessive physical and mental exhaustion was observed. As a result, the number of cases with workers' sickness and injury in production increased.

For example, the mobilization of agricultural machinery to the front or the acquisition for other purposes at the beginning of the war led to a weakening of the material and technical resources of agricultural production. The supply of tractors and other agricultural machines was practically stopped. The supply of agricultural machinery spare parts as well as fuel and lubricants decreased dramatically. As a result, the amount of equipment and vehicles of Machine and Tractor Stations, collective farms reduced. In 1941, compared to 1940, the number of tractors in Uzbekistan decreased by 425 units, in 1942 – by 900 units. The trucks were reduced by 3 800 units in 1941, 5 268 units in 1942 [2, p. 55]. This situation led to a decrease in work productivity.

The reduction in the use of agricultural machinery and working animals led to deterioration in the quality of work. For example, as a result of a survey conducted in Namangan region in 1943, it was determined that a manual soil loosening for cotton plant did not meet the requirements [24]. The wide spread of such cases led to a decrease in productivity in agriculture.

Activeness of peasants and strengthening control over them did not fully compensate the lack of equipment. The fact that the technique became outdated, the continuous shortage of fuel, lubricants and spare parts adversely affected the tractor and combines. For example, in Uzbekistan, a 15-horsepower tractor processed 430 hectares of land in 1941, this figure was 236 hectares in 1942 [10, p. 161]. Despite all the measures taken, it was impossible to solve all the problems associated with the workforce and equipment.

It is necessary to emphasize that specialists evacuated during the war played an important role in the transformation of the economy of Uzbekistan, the organization of the work of the evacuated and Republican enterprises. In particular, the factories evacuated to Uzbekistan were almost completely staffed with engineering and technical personnel, while they were provided

with working personnel by only 20%. Therefore, the composition of the workers was updated by 80%, and the engineering and technical workers had a lot of work experience [26, p. 8].

In the first period of the war, the emphasis on the number of personnel rather than quality was the biggest drawback of the Soviet government in the personnel policy. Women and young people who substituted skilled and experienced workers sent to the front, suddenly could not master complex professions. As a result, work efficiency decreased, the number of cases dealing with the production of defective goods and breaking down of machines increased. Of course, these cases adversely affected the production process. Also, the deterioration of technical supply, aging and breaking down of machines, the use of poor quality or substituting raw materials in production directly affected the reduction in work productivity.

Results. During the Great Patriotic War, the involvement of the main part of the population of mobilization age in Uzbekistan in the frontline sharply reduced the share of qualified personnel in the economy. Also, the evacuation of more than a hundred enterprises to Uzbekistan during the war, the commissioning of new industrial capacities and large-scale construction further complicated the problem of personnel. Women and young people were involved in providing Uzbekistan's economy with additional personnel. In order to improve their skills, the educational and practical system was put into operation. The Great Patriotic War is characterized with an increase in the role of women in the social and economic life of Uzbekistan. Women of Uzbekistan substituted men mobilized to the front in production. The social status of women also rose and they were promoted to different senior leadership positions. Women of the Republic, who carried out social work and family chores equally during the war, demonstrated selfless exemplary work.

With the beginning of the war, a strict discipline was enforced in production. Work hours of existing industrial workers, employees and peasants were extended. If at the initial stage of the war, the increase in work hours justified itself, then in the later stages adversely affected the quality and productivity of work. The inhabitants of Uzbekistan, realizing the difficulties

of the war, worked selflessly for victory. The construction of large enterprises and irrigation facilities was carried out mainly by means of hashar (collective work).

The Great Patriotic War and had a direct negative impact on the economy. The main production and financial resources are used to military purposes. In particular, potential of human resources (scientists, workers-technicians, etc.) are also mobilized in the creation and production of new types of military products. During the years of the war, the specialists tried to solve the problems in the economy of Uzbekistan by means of economic measures. On the eve of the 78th anniversary of the victory over fascism, it must be emphasized that the people of Uzbekistan, despite the difficulties of war, were responsible at work in all spheres of the economy, made a worthy contribution in the victory with their work, despite the financial difficulties and hard conditions.

REFERENCES

1. Arutjunjan Ju.V. *Sovetskoe krestjanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 468 p.
2. *Vklad trudjashhihsja Uzbekistana v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Contribution of the Workers of Uzbekistan to Victory in the Great Patriotic War]. Tashkent, Fan Publ., 1975. 250 p.
3. Golovanov A.A, Saidov N.M. *Vklad Uzbekistana v pobedu nad fashizmom. Ch. II* [Uzbekistan's Contribution to the Victory Over Fascism. Pt. 2]. Samarkand, SamSU Publ., 2006. 104 p.
4. Murmanseva V.S. *Sovetskie zhenshhiny v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Soviet Women During the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 264 p.
5. Pulatov I. *Vklad trudjashhihsja Uzbekistana v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Contribution of the Workers of Uzbekistan to the Victory of Great Patriotic War]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1967. 104 p.
6. *Radi zhizni na zemle. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. v dokumentah i svidetelstvah* [For the Sake of Life, the Great Patriotic War 1941–1945 in the Documents and Evidences]. Yekaterinburg, Uralskij rabochij Publ., 1995. 248 p.
7. Rizaev G.R. *Agrarnaja politika Sovetskoj vlasti v Uzbekistane (1917–1965)* [The Agrarian Policy of the Soviet Power in Uzbekistan (1917–1965)]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1967. 186 p.
8. *Sovetskaja ekonomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945* [The Soviet Economy for the Period of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 521 p.
9. Tashhadzhaeva N. *Selskie zhenshhiny Uzbekistana v gody vojny* [Uzbekistan Rural Women During the War Years]. Tashkent, Fan Publ., 1985. 56 p.
10. *Uzbekskaja SSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 1* [Uzbek SSR During the Years of the Great Patriotic War. Vol. 1]. Tashkent, Fan Publ., 1981. 405 p.
11. *Uzbekskaja SSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 2* [Uzbek SSR During the Years of the Great Patriotic War. Vol. 2]. Tashkent, Fan Publ., 1983. 287 p.
12. The Letter of the Department of Taxes and Fees of the People's Commissariat of Finance of the USSR No. 900 Dated December 27, 1941. *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-93, inv. 15, d. 769. 171.
13. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 1522 Dated December 1, 1942 "On Consideration of the Main Indicators of the State Plan for the Development of the National Economy of the Uzbek SSR for 1943 and the First Quarter of 1943". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3318. 171.
14. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 1522 Dated December 1, 1942 "On Consideration of the Main Indicators of the State Plan for the Development of the National Economy of the Uzbek SSR for 1943 and the First Quarter of 1943". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3318. 181.
15. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 34 Dated January 12, 1943 "On the Course of Transferring Employees to Production in Tashkent City". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3747. 2171.
16. The Minutes of the Meeting of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR Dated June 16, 1943. *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3740. 1111.
17. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 194 Dated March 4, 1943 "On Measures to Combat Tuberculosis". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3751. 411.
18. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR and the Central Committee of the CP(b) of Uzbek SSR No. 1419 Dated

October 23, 1942 "Directive of the Council of People's Commissars of the USSR and All-Russian Communist Party Central Committee Dated October 14, 1942 on the Digging and Hauling of Sugar Beet". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 2289. 171.

19. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 758 Dated June 19, 1943 "On the Use of Senior Secondary School Students in Tashkent for Work at the Factories of the People's Commissariat of Mortar Weapons of the USSR During the Holidays". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3740. 391.

20. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 840 Dated June 21, 1941 "On the Permission of the Fergana and Namangan Regional Executive Committees to Involve 7–10th Year Students of Incomplete Secondary and Secondary Schools in Agricultural Work". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 2678. 161 l.

21. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 510 Dated May 3, 1943 "On Mobilizing 100 People to Work on the Base of Glavneftesnab in Tashkent and 120 People to Work in the Units of the Department of Geodesy and Cartography in Karakalpak Autonomous Soviet Socialist Republic". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana*

[The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3756. 231 l.

22. The Letter to the Chairman of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR Comrade Abdurakhmanov from Kuibyshev No. 260 Dated November 3, 1941. *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 2784. 205 l.

23. The Resolution of the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR No. 330 Dated March 27, 1943 "On the Mobilization of 2,220 Workers to Work at the Construction Materials Plants of Uzbek SSR". *Nacionalnyj arhiv Uzbekistana* [The National Archive of Uzbekistan], f. R-837, inv. 32, d. 3753. 22 l.

24. *Novaja istorija Uzbekistana. Kn. 2* [The New History of Uzbekistan. Book 2]. Tashkent, Shark Publ., 2000. 688 p.

25. *Ekonomicheskij fundament Pobedy: paralleli istorii i sovremennosti* [The Economic Foundation of Victory, Parallels of History and Modernity]. Moscow, Institut ekonomiki Rossijskoj akademii nauk Publ., 2015. 344 p.

26. Reuka G.A. *Rol intelligencii v borbe za tehničeskij progress v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of the Intellectuals in the Struggle for Technological Progress During the Great Patriotic War (1941–1945). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tashkent, 1968. 18 p.

Information About the Authors

Khasan B. Babadjanov, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Tashkent University of Information Technologies, Prosp. Amira Temura, 108A, 100084 Tashkent, Republic of Uzbekistan, humanities@tuit.uz, <https://orcid.org/0000-0002-0008-238X>

Aziz K. Abdullaev, Senior Lecturer, Department of International Finance and Investments, World Economy and Diplomacy University, Prosp. Mustaqillik, 54, 100007 Tashkent, Republic of Uzbekistan, azizabdulla1982@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>

Информация об авторах

Хасан Бахтиёрович Бабаджанов, доктор философии по историческим наукам, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Ташкентский университет информационных технологий, просп. Амира Темура, 108А, 100084 г. Ташкент, Республика Узбекистан, humanities@tuit.uz, <https://orcid.org/0000-0002-0008-238X>

Азиз Курбанович Абдуллаев, старший преподаватель кафедры международных финансов и инвестиций, Университет мировой экономики и дипломатии, просп. Мустақиллик, 54, 100007 г. Ташкент, Республика Узбекистан, azizabdulla1982@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

UDC 341.218.4
LBC 66.023

Submitted: 11.09.2022
Accepted: 13.04.2023

TO THE EVALUATION OF TRAJECTORIES OF TRANSFORMATIONS OF POST-SOVIET POLITICAL SYSTEMS¹

Andrei V. Abramov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Roman A. Alekseev

State University of Education, Mytyshi, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the formation and development of political systems in the former eleven republics of the USSR from the standpoint of the institutional transformations taking place there. The struggle for power between various elite groups and citizens' identities and the dynamics of citizens' identities were also the basis for comparison. The authors consider the parameters mentioned to make the comparison and typology of the modern post-Soviet states' development more effective. *Methods and Materials.* The neoinstitutional, sociological, and political-cultural approaches were used in the research, as were the comparative-historical and comparative-typological methods, which made it possible to scrutinize the available facts and draw respective conclusions. *Analysis.* It was stated that starting in the 1980s, the transformation of the typical Soviet republics took place in two directions. The first included the formation of the electoral autocracies, institutional design, and social and cultural image, which were determined by the "nucleus" – the president-leader. Such political dynamics turned out to be characteristic of Turkmenistan, Tajikistan, Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, and Belarus. The formation of the "front-end democracies" was the second direction. These democracies are characterized by institutional, social, and identity fragmentation hiding behind the glass cases of democratic structures and practices borrowed from the West. Kirghizia, Georgia, Armenia, Ukraine, and Moldavia have moved in this direction. *Results.* The authors' conclusion is that both the first and second directions do not ensure the stable development of new independent states in the foreseeable future. *Authors' contribution.* A. V. Abramov formulated the concept of the article, developed the comparison parameters, and studied the post-Soviet elites' and citizens' struggle for power and their identity evolution. R. A. Alekseev analyzed the transformation of the political institutions in the post-Soviet political systems in the context of their constitutional reforms.

Key words: post-Soviet space, republics of the former USSR, post-Soviet political systems, political transformation, trajectories of political development, identity.

Citation. Abramov A. V., Alekseev R. A. To the Evaluation of Trajectories of Transformations of Post-Soviet Political Systems. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 54-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

УДК 341.218.4
ББК 66.023

Дата поступления статьи: 11.09.2022
Дата принятия статьи: 13.04.2023

К ОЦЕНКЕ ТРАЕКТОРИЙ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Андрей Вячеславович Абрамов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва. Российская Федерация

Роман Андреевич Алексеев

Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрено становление и развитие политических систем одиннадцати бывших республик СССР с точки зрения происходивших в них институциональных преобразований, борьбы за власть между различными элитными группировками и динамики идентичности граждан. По мнению авторов, выделенные параметры позволяют наиболее эффективно произвести сравнение и типологизацию развития современных постсоветских политий. *Методы и материалы.* При проведении исследования использовались неоинституциональный, социологический и политико-культурологический подходы, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие проанализировать имеющиеся факты и сделать соответствующие выводы. *Анализ.* В ходе исследования было установлено, что, начиная с середины 1980-х гг., трансформация типичных советских республик происходила в двух направлениях. Первым направлением стало формирование электоральных автократий, институциональный дизайн, социальный и культурный облик которых был определен «ядром» – президентом-лидером. Такая политическая динамика оказалась присуща Туркменистану, Таджикистану, Казахстану, Узбекистану, Азербайджану и Беларуси. Вторым направлением развития стало складывание фасадных демократий, характеризующихся институциональной, социальной и идентификационной фрагментацией, скрывающейся за витринами заимствованных на западе демократических структур и практик. Этот путь проделали Киргизия, Грузия, Армения, Украина и Молдавия. *Результаты.* По заключению авторов, как первый, так и второй типы политических систем не обеспечивают стабильного развития новых независимых государств в обозримом будущем. *Вклад авторов.* А.В. Абрамовым была сформулирована концепция статьи, разработаны параметры сравнения, проведено исследование борьбы за власть и эволюции идентичности постсоветских элит и граждан. Р.А. Алексеев проанализировал трансформацию политических институтов постсоветских политических систем в свете происходящих в них конституционных преобразований.

Ключевые слова: постсоветское пространство, республики бывшего СССР, постсоветские политические системы, политическая трансформация, траектории политического развития, идентичность.

Цитирование. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 54–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

Введение. Экономическое и геополитическое развитие современного мира определили события конца XX в., приведшие к «крупнейшей геополитической катастрофе XX века» – распаду СССР. Оставив в стороне вопрос об объективных и субъективных причинах крушения супердержавы, обратим свое внимание на дальнейшее политическое развитие бывших республик Советского Союза, именуемых в научной литературе «странами постсоветского пространства».

Сравнительный анализ траекторий эволюции новых независимых государств важен по ряду обстоятельств. Во-первых, исследование вариантов трансформаций экономических, социокультурно и политически близких нам систем позволяет строить прогнозные сценарии в отношении развития России. Во-вторых, постсоветские страны являются ближайшими соседями Российской Федерации, и мониторинг их политического «благополучия» весьма важен с точки зрения обеспечения национальных интере-

сов и национальной безопасности нашего государства.

Таким образом, цель настоящей статьи – оценка путей и типологизация промежуточных результатов трансформаций постсоветских политических систем – является актуальной и научно значимой.

Методы и материалы. Длительное время теоретико-методологической базой исследований политических процессов, происходивших на постсоветском пространстве, была концепция демократического транзита. Однако к середине 2000-х гг. ограниченность ее возможностей стала очевидна. В работах последних лет авторы не скрывают своего разочарования однолинейной схемой движения от авторитаризма к демократии [1; 10; 17]. Как представляется, сам дедуктивный характер транзитологии, задающий границы исследования и заставляющий ученого искать факты, укладывающиеся в «прокрустово ложе» концепции, представляется малоприспособленным для сравнительного анализа постсоветских ре-

лий. Наиболее эффективным, с нашей точки зрения, является движение от конкретных фактов к их обобщению и типологизации.

В соответствии с логикой проведения сравнительных исследований на первом этапе работы были отобраны изучаемые случаи. В качестве таковых взяты политические системы всех новых независимых государств, кроме России и стран Балтии, имеющих значительную специфику развития [7].

Сравнение отобранных политий было произведено по трем параметрам: 1) конституционные реформы и изменения институциональной инфраструктуры; 2) процессы размежевания постсоветского общества, приведшие к возникновению элитных группировок, вступивших в острую борьбу за власть; 3) динамика политической идентичности граждан бывших республик СССР, что позволило произвести качественную оценку политической трансформации.

Научный инструментарий исследования составили неоинституциональный (в историческом и структурном вариантах), социологический и политико-культурологический подходы, а также методы компаративистики, прежде всего сравнительно-исторический и сравнительно-типологический.

Отобранные параметры и методы исследования предопределили выбор источников и научной литературы. Авторами были проанализированы конституции одиннадцати бывших республик СССР [15], а также изучены политические события в каждой конкретной стране, начиная с 1980-х гг. по настоящее время. В своей работе авторы опирались на разработки современных исследователей постсоветского пространства: Т.Я. Хабриевой и Л.В. Андриченко [30], А.Н. Медушевского [18], Х.А. Гаджиева [8], Н.А. Борисова [5], В.Я. Гельмана [9], В.П. Мохова [21], В. Дolidze [11], Р. С. Бобохонова [4], В.Г. Егорова и Д.А. Рекка [12] и др. Значимые разработки в области анализа процессов изменения политической культуры и формирования идентичности граждан бывших республик СССР были сделаны современными исследователями В.В. Лапкиным [16], В.М. Капицыным [14], А.И. Миллером [20], О.В. Васильевой [6] и др.

Анализ. К началу перестройки союзные республики представляли собой типичные

советские системы, характерными чертами которых являлись партийно-советский институциональный дизайн, монополия партийной элиты на власть и двухуровневая (советская общегражданская и республиканско-национальная культурная) [3, с. 51] идентичность жителей. Реформы М.С. Горбачева серьезным образом изменили сложившееся положение дел. Изъятие у партийного аппарата управленческих функций и передача их Советам заставили срочно формировать новую вертикаль власти на союзном и республиканском уровнях: вводить институты президентства.

Падение авторитета коммунистической партии и разрушение централизованной плановой экономики способствовали дезинтеграции союзного государства [24, с. 132]. Разочарование в СССР запустило механизм эрозии общегражданской советской идентичности. Разрушение надэтнического уровня идентичности сделало советскую двухуровневую структуру одноуровневой: клановой или этнической. Главными выразителями такой идентичности выступили Народные фронты. В условиях ухудшения социально-экономической обстановки Фронты стали оппозицией, политической программой которой был этнонационализм [16; 20; 27]. Номенклатура и оппозиция выступили двумя главными действующими лицами разыгравшейся в конце XX в. политической драмы. Исход их борьбы задал дальнейшую траекторию развития и в значительной степени предопределил сам облик постсоветских политических систем.

Различного рода обстоятельства определили один из четырех сценариев протекания межэлитной борьбы. Первый сценарий осуществился в Узбекистане, Казахстане и Туркмении, где слабость оппозиции способствовала беспрепятственному *пересаживанию глав компартий союзных республик из партийных кресел в президентские*. В 1990 г. в Узбекской, Казахской и Туркменской ССР президентами были избраны 1-е секретари ЦК республик И.А. Каримова, Н.А. Назарбаева и С.А. Ниязов [13; 26].

Второй сценарий, предполагающий победу *партийной элиты, одержанную в конкурентной борьбе*, был реализован в Молдавии и на Украине. Здесь противниками номенклатуры выступили влиятельные национа-

листические силы. В сентябре 1990 г. на заседании Верховного Совета Молдавской ССР председатель парламента (до этого секретарь ЦК КП МССР) М.И. Снегур был избран президентом. Его главные оппоненты, сторонники Народного фронта Молдовы, на многотысячных митингах требовали выхода из СССР и воссоединения («унии») с Румынией. Невзирая на свой проигрыш на выборах, националисты сумели навязать руководству свою повестку дня, спровоцировав гагаузский и приднестровский кризисы [2; 19]. На прошедших в декабре 1991 г. всенародных выборах президента Украины победу одержал председатель Верховного Совета УССР (ранее 2-й секретарь ЦК КПУ) Л.М. Кравчук. Главными его конкурентами, получившими почти треть голосов избирателей, стали диссиденты-националисты: основатель народного фронта (Руха) Украины В.М. Черновол и депутат Л.Г. Лукьяненко. Несмотря на победу на выборах, президенты Молдавии и Украины вынуждены были действовать с постоянной оглядкой на националистов, легко мобилизовавших своих сторонников для уличной активности.

Третий сценарий заключался в *приходе к власти кандидатов, не связанных с прежним партийным руководством*. Межнациональные столкновения между киргизами и узбеками на юге республики в 1990 г. (Ошские события) обострили клановую борьбу в руководстве Киргизской ССР, где пост президента оспаривали 1-й секретарь ЦК компартии А.М. Масалиев и глава республиканского Совета Министров А.Д. Джумагулов. Поскольку ни тот, ни другой не смогли набрать достаточного для победы числа голосов депутатов Верховного Совета, Москва рекомендовала на должность президента республики главу Академии наук Киргизии А.А. Акаева, который до поры до времени устроил местные кланы [29]. Фактором, определившим транзит власти в Армении, стал армяно-азербайджанский конфликт, на волне которого председателем Верховного Совета, а затем президентом Армянской ССР был избран лидер Армянского общенационального движения, филолог Л.А. Тер-Петросян. На состоявшихся в 1994 г. всенародных выборах главы Беларуси конкуренцию Председателю Верховного Совета С.С. Шушкевичу и главе прави-

тельства В.Ф. Кебичу (ранее заведующему отделом ЦК КПБ) составил независимый кандидат А.Г. Лукашенко, который «сумел аккумулировать “протестного избирателя” и ностальгию по советскому прошлому», что и позволило ему стать победителем [25].

Наиболее драматичным оказался четвертый сценарий развития событий, в соответствии с которым *конфликт между представителями партийной номенклатуры и националистической оппозицией вылился в гражданскую войну*. Фактором, предопределившим становление политической системы Грузии, стали трагические события 1989 г. в Тбилиси. Гибель людей в ходе разгона советской армией многотысячного митинга националистов делегитимировало ориентированное на Москву республиканское руководство. Победу на парламентских выборах одержало грузинское Национальное движение, лидер которого – диссидент З.К. Гамсахурдия – в 1991 г. был избран президентом республики. Но проводимая националистическим руководством политика по дискриминации национальных меньшинств породила межэтнические конфликты и обострила борьбу за власть в стране. В Грузии развернулись боевые действия, Гамсахурдия бежал из страны. Власть перешла к Государственному Совету во главе с бывшим партийным и советским деятелем Э.А. Шеварднадзе, который в 1995 г. был избран новым президентом [9]. Эволюцию политической системы Азербайджана предопределили армянские погромы и война в Карабахе. В мае 1990 г. на президентских выборах победил 1-й секретарь ЦК компартии А.Н. Муталибов, уже через два года утративший власть. Вторым президентом стал глава Народного фронта диссидент А.Г. Эльчибей, также не сумевший стабилизировать ситуацию. В июне 1993 г. в Гяндже вспыхнул мятеж полковника С.Д. Гусейнова, которого поддержал Г.А. Алиев, в брежневское время занимавший пост 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана. Эльчибей покинул Баку, и в октябре Алиев стал третьим президентом [23; 28]. Наиболее острым оказался конфликт в Таджикистане, где каждая из сторон опиралась на сложившиеся в стране кланы. На президентских выборах 1991 г. победил занимавший до перестройки пост 1-го секретаря ЦК

Р.Н. Набиев, которого поддержали Ленинабадская и Кулябская области. Кандидат от оппозиции получил поддержку в высокогорных районах страны. Вскоре в Таджикистане началось вооруженное противостояние. В 1992 г. под диктовку оппозиции Набиев написал заявление об отставке, однако боевые действия между исламистами и сторонниками светского государства (Народным фронтом Таджикистана) продолжились. В конце 1992 г. сторонники светского государства отвоевали у оппозиции Душанбе, где в ноябре 1994 г. огласили результаты новых президентских выборов, на которых победил представитель Народного фронта кулябец Э.Ш. Рахмонов. Объединенная таджикская оппозиция бойкотировала голосование, но вступила с Народным фронтом в переговоры, завершившиеся 27 июня 1997 г. подписанием мирного соглашения и распределением государственно-административных должностей [4].

Пребывание у власти националистов оказало дестабилизирующее влияние на становление новых независимых стран. Не имея опыта государственного управления, проводя дискриминационную политику, радикалы породили хаос и закономерно утратили власть, уступив ее более опытным и искушенным представителям советской партийно-государственной номенклатуры, которые к тому времени «превратились в самостоятельные политические силы, опирающиеся в своей деятельности на свою собственную государственность, титульный народ, этнические интересы» [21, с. 147].

Политические системы новых независимых государств формально-юридически походили друг на друга. В принятых к началу 1990-х гг. конституциях всех постсоветских стран декларировались западные стандарты и институты демократии: свободные выборы, многопартийность, разделение властей, ограничение полномочий главы государства и т. п. Однако на практике постсоветские политики оказались тяготеющими к одному из двух типов: электоральной автократии или фасадной демократии².

Электоральную автократию характеризует концентрация власти в руках одного лица (президента-лидера) при формальном существовании института выборов, многопар-

тийности, парламента и т. п. Конституции Туркменистана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и Беларуси наделяют глав государств обширными полномочиями. Президенты участвуют в законодательном процессе, формируют и отправляют в отставку правительства, имеют право распускать парламенты и т. п. В большинстве вышеназванных политий действуют так называемые «партии власти», проводящие в парламентах президентский курс [5; 8]. Усилить позиции лидера призвано и конструирование надэтнической идентичности в виде концепта сплочения граждан вокруг «лидера нации» [6; 22]. Такая идентичность отвергает саму идею оппонирования власти. Выступающий против национального лидера становится не только его врагом, но противником национального мира и единства страны в целом.

Одной из формальных проблем, с которой сталкивается электоральная автократия становится лимитирование в конституции права главы государства на пребывание у власти [18; 30]. Выходом из затруднительной ситуации оказывается пролонгация сроков правления путем проведения референдумов, внесение поправок в Основной закон или посредством принятия новых конституций³. Проводимые конституционные реформы позволяют лидерам вновь и вновь участвовать в избирательных кампаниях.

Выглядящие мощными и несокрушимыми электоральные автократии оказываются весьма уязвимы в силу слабой институционализации и зависимости от личных качеств, жизни и здоровья правителя. Старение или внезапная смерть главы государства подвергают систему опасности. Таким образом, особую роль в электоральных автократиях приобретает вопрос транзита власти. Наиболее архаичным его вариантом является практика наследования, реализованная на сегодняшний момент в Азербайджане (2003 г.) и Туркмении (2022 г.). Несмотря на проведенные выборы, очевидно, что в данных странах мы имеем дело с зарождением правящих династий. В Таджикистане и Беларуси смены лидеров пока не произошло, но вопрос о наследовании высшего поста сыновьями действующих президентов активно обсуждается⁴. В Туркменистане (2006 г.) и Узбекистане

(2016 г.) транзит высшей государственной власти произошел в результате внутриэлитной борьбы, разгоревшейся после смерти их лидеров, С.А. Ниязова и И.А. Каримова. Победители в битве за власть, Г.М. Бердымухамедов и Ш.М. Мерзиёев, в соответствии с принципами электоральной автократии также впоследствии легитимизировали свою власть в ходе всенародных выборов. Единственный пример добровольного ухода в отставку президента-лидера с передачей власти «преемнику», не являющемуся родственником, продемонстрировал на сегодняшний момент только Казахстан (2019 г.).

Другим направлением развития новых независимых государств является их движение к *фасадной демократии* – политической системе, в которой институты западной демократии (разделение властей, парламентаризм, многопартийность, выборы) являются лишь фасадом, прикрывающим социум, раздираемый многочисленными социально-экономическими, межэтническими или межклановыми конфликтами.

В ходе массовых уличных акций (так называемых «цветных революций») склонные к авторитаризму руководители вынуждены были покинуть свои посты, уступив место лидерам протеста. В Грузии это случилось в 2003 г., на Украине – в 2004 и 2013–2014 гг., в Киргизии – в 2005 и 2010 гг., в Армении – в 2018 году. Протесты в Кишиневе (2009 г.) нанесли удар по партии коммунистов и власти президента Молдавии В. Воронина. Дополнительным фактором нестабильности постсоветских политий стало появление в 1990-е гг. нового политического актора в лице финансово-промышленного олигархата. Отсутствие сильной центральной власти способствовало относительной свободе действий олигархов в странах фасадной демократии. Финансирование конкурирующими олигархами политиков и партий придали их соперничеству еще большую остроту и непримиримость. Перманентные социальные конфликты, приобретающие вид межпартийной конкуренции, правительственных кризисов, парламентской борьбы, выборных кампаний и т. п., не способствовали стабилизации социально-экономического положения в этих странах. Отсутствие консенсуса по ключевым вопросам политическо-

го и экономического развития стран предопределили постоянные «метания» политических курсов постсоветских государств от ориентации на экономическое сближение с Россией до стремления к евроинтеграции.

Другим проявлением раскола элит и общества стала «война идентичностей» – непримиримая борьба социальных групп, причисляющих себя к разным этносам, религиозным общностям, сторонникам интеграции с Западом или Россией [6; 12; 13; 16; 20].

Дополнительным фактором нестабильности фасадных демократий являются постоянные институциональные преобразования [5; 8; 30]. Так, объявленная Конституцией 1994 г. парламентской республикой Молдова в ходе конституционных реформ 2000 и 2016 гг. трансформировалась в парламентско-президентскую систему. Армения объявлялась то президентской республикой (1995 г.), то смешанной (2005 г.), то парламентской (2015 г.). В результате «майданов» и конституционных преобразований неоднократно менялся облик политической системы Украины. Она склонялась то к президентской, то к смешанной форме правления. Эволюцию от президентской республики к парламентской, а затем вновь к президентской демонстрирует Киргизия.

Частые конституционные преобразования в странах фасадной демократии свидетельствуют о нестабильности их политических систем. В условиях отсутствия общественного и политического консенсуса институты высшей государственной власти (президент, парламент и правительство) превращаются в структуры, ведущие бесконечную борьбу друг с другом. Правительственные и парламентские кризисы, приводящие к очередным выборам, на которых с калейдоскопической скоростью происходит смена лидеров и политических партий, лишь усугубляют общую нестабильность, дискредитируя в глазах населения постсоветских стран саму возможность конструктивным образом разрешить имеющиеся проблемы.

Результаты. Проведенный анализ траекторий развития политических систем новых независимых государств позволяет выделить этапы их трансформации. На первом происходит складывание политических систем, сочетающих в себе советские и западно-либе-

ральные институты. При этом республиканские партийные руководители довольно быстро адаптируются к меняющимся условиям, успешно «пересаживаясь» из партийных кресел в государственные. Кризис советской политической системы запускает механизм эрозии общегражданской (советской) идентичности и превращению двухуровневой идентичности в одноуровневую – преимущественно этнонациональную или клановую.

Содержанием второго этапа становится борьба между представителями партийно-государственной номенклатуры и оппозиционерами-националистами. Сила и влиятельность оппозиции предопределяет один из четырех вариантов развития событий в постсоветских республиках: 1) отсутствие политической борьбы и сохранение у власти номенклатуры (Узбекистан, Казахстан и Туркмения); 2) победа представителей прежней партийной элиты в борьбе над националистами (Молдавия и Украина); 3) избрание президентами «новых людей» (Беларусь, Киргизия, Армения); 4) острая межэлитная борьба, завершившаяся скоротечной или длительной гражданской войной (Азербайджан, Грузия, Таджикистан). Интенсивность и результат борьбы за власть определяет глубину социального размежевания, сопровождаемого конфликтом идентичностей (клановых, этнических и др.).

Второй этап предопределяет тяготение политических систем новых независимых государств к одному из двух типов. Страны Центральной Азии (за исключением Киргизии), Азербайджан и Беларусь могут быть названы электоральными автократиями, для которых характерна концентрация власти в руках президента в сочетании с формально существующими демократическими институтами и практиками западного образца. В некоторых системах предпринимаются попытки восстановить двухуровневую идентичность, создав общегражданскую идентичность вокруг личности правителя.

Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия и Армения являются фасадными демократиями, для которых характерны социальный и идейный раскол, невозможность ни одной из элитных группировок взять верх над другой, постоянный конфликт президента, парламента и правительства. Перманентная борьба за

влияние, ошибочно определяемая западными экспертами как политическая конкуренция, создает иллюзию демократического развития. Однако наличие демократических практик (выборов, многопартийности, свобода слова и пр.) не способствует ни стабильности политической системы, ни эффективному решению стоящих перед обществом проблем. Зачастую политическая конкуренция является продолжением борьбы олигархов друг с другом за экономические ресурсы.

Ни тот, ни другой тип постсоветских политических систем не обладает устойчивостью. Уязвимость электоральных автократий заключается в их слабой институционализации, зависимости от личности и деятельности лидера, болезнь или смерть которого способны разрушить общественный и межэлитный консенсус и ввергнуть страну в пучину гражданской войны. Такой исход событий вполне вероятен и для стран фасадной демократии, раздираемой внутренними противоречиями.

Весьма любопытно, что декларируемая странами второго типа приверженность ценностям либерализма не является препятствием в попытках лидеров ряда фасадных демократий разрешить имеющиеся в обществе конфликты путем устранения своих противников и устрашения общественных сил их поддерживающих. Политику такого рода пытались реализовать президенты Грузии М.Н. Саакашвили и Украины П.А. Порошенко. Сегодня этим заняты украинский лидер В.А. Зеленский и президент Молдавии М.Г. Санду. Однако насильственное обеспечение единства страны чревато в будущем гораздо большими проблемами, чем те, с которыми могут столкнуться автократии.

С сожалением приходится констатировать, что на сегодняшний день ни одна из траекторий трансформации рассмотренных постсоветских политических систем не является успешной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100029-3 «Государственная политика

формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ».

The study was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of scientific project No. 122101100029-3 “State policy of formation of national identity and patriotism in the context of transformation of the modern world order: comparative analysis”.

² Подробнее о понятиях «электоральный авторитаризм» и «демократия с прилагательными» см.: Голосов Г. В. Сравнительная политология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. С. 109; Рябушкина В. А. Современные квазидемократии // Полития. 2008. № 4. С. 105–121.

³ На практике могут иметь место комбинации нескольких из названных способов.

⁴ Прогнозы политологов о возможности передачи власти по наследству в Таджикистане и Беларуси см.: Хуррамов Х. Укрепление клановости как основа для преемственности власти в Таджикистане. URL: <https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-ukreplenie-klanovosti-kak-osnova-dlya-preemstvennosti-vlasti-v-tadzhikistane-2?pdf=13702>; Политолог перечислил трех возможных преемников Лукашенко на посту президента. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/09/lukash_off

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 30–37.

2. Бабилунга Н. В. Распад СССР и кризис молдавской государственности // Русин. 2010. № 4. С. 112–135.

3. Березняков Д. В., Козлов С. В. Советское наследие как институциональный и символический ресурс постсоветского государственного строительства // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 46–58.

4. Бобохонов Р. С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.): причины, ход, последствия и уроки // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 74–83.

5. Борисов Н. А. Институт президентства в постсоветских государствах: методика анализа, факторы формирования и трансформации моделей // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 88–99.

6. Васильева О. В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентично-

сти // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4. С. 200–206.

7. Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 1–2. С. 76–92.

8. Гаджиев Х. А. Институт президента в постсоветских государствах: особенности функционирования и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 427–435.

9. Гельман В. Я. Из огня да в полымя (динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 81–108.

10. Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 448 с.

11. Долидзе В. Власть и «революция» в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2. С. 34–49

12. Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 36–47. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1029

13. Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3. С. 58–66.

14. Капицын В. М. Конфигурации «советской» и «постсоветской» идентификаций // Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Пермь: Печ. салон «Гармония», 2014. С. 15–29.

15. Конституции стран мира. В 7 ч. Ч 1. Россия и постсоветское пространство: хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещен. гос. пед. ун-т, 2014. 224 с.

16. Лапкин В. В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 54–64.

17. Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2022.

18. Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 45–60.

19. Мещеряков К. Е. Молдавия накануне обретения независимости: внутривластная ситуация и межнациональные отношения в республике в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 2. С. 57–68.

20. Миллер А. И. Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65

21. Мохов В. П. «Восстание элит» в распаде СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 146–149.

22. Мухаммадзода П. А. Лидер нации – посланник мира и архитектор национального единства // Таджикистан и современный мир. 2019. № 4. С. 276–283.

23. Нуриев Р. Полковнику никто не пишет // Монитор. 2003. № 21. URL: <http://www.monitorjournal.com/archiv/heftelik-21-suret.htm>

24. Подобный В. Делегитимация политической власти как причина краха советского режима // Власть. 2012. № 6. С. 130–134.

25. Посталовский А. В., Посталовская О. А. Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ // Русская политология. 2017. № 1. С. 84–91.

26. Рагимова П. Ф. Республика Узбекистан: история и современность: краткий очерк // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2021. № 4. С. 290–315.

27. Решетников О. Неформальные объединения в СССР в годы Перестройки // Власть. 2009. № 11. С. 26–28.

28. Ульянова Ю. С. Победа и поражение Азербайджанского народного фронта // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 69–76.

29. Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы // Современная Европа. 2010. № 3. С. 119–129.

30. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 272–287.

Resource for Post-Soviet State Building]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 46-58

4. Bobokhonov R.S. Grazhdanskaia voina v Tadzhiqistane (1992–1997 gg.): prichiny, khod, posledstviia i uroki [Civil War in Tajikistan (1992–1997): Causes, Course, Consequences and Lessons]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2011, no. 4. pp. 74-83.

5. Borisov N.A. Institut prezidentstva v postsovetskikh gosudarstvakh: metodika analiza, faktory formirovaniia i transformatsii modelei [Presidency Institute in Post-Soviet Countries: Evaluation Method, Factors of Model Formation and Transformation]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Fund for Basic Research. Humanities and Social Sciences], 2019, no. 1, pp. 88-99.

6. Vasileva O.V. Politicheskie elity Turkmenistana i problemy natsionalnoi identichnosti [Political Elites of Turkmenistan and Problems of National Identity]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4, pp. 200-206.

7. Vendina O.I., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Iavliaetsia li Pribaltika chastiu postsovetskogo prostranstva? [Are the Baltic States Part of the Post-Soviet Space?]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2014, vol. 12, no. 1-2, pp. 76-92.

8. Gadzhiev Kh.A. Institut prezidenta v postsovetskikh gosudarstvakh: osobennosti funktsionirovaniia i tendentsii razvitiia [The Institute of the President in the Post-Soviet States: Features of Functioning and Development Trends]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 427-435.

9. Gelman V.Ja. Iz ognia da v polymia (dinamika postsovetskikh rezhimov v sravnitelnoi perspektive) [From Fire to Fire (Dynamics of Post-Soviet Regimes in a Comparative Perspective)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2007, no. 2, pp. 81-108.

10. Rogov K., ed. *Demontazh kommunizma. Tridcat let spustya* [The Dismantling of Communism. Thirty Years Later], Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2021. 448 p.

11. Dolidze V. Vlast i «revoliutsiia» v postsovetskoi Gruzii [Power and “Revolution” in Post-Soviet Georgia]. *Tsentrlnaia Azia i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2007, no. 2, pp. 34-49.

12. Egorov V.G., Rekk D.A. Klany v aktualnom politicheskom protsesse postsovetskikh stran Tsentralnoi Azii [Clans in the Current Political Process of the Post-Soviet Countries of Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo*

REFERENCES

1. Achkasov V.A. Tranzitologiya – nauchnaia teoriia ili ideologicheskii konstrukt? [Transitology – A Scientific Theory or an Ideological Construct?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2015, no. 1, pp. 30-37.

2. Babilunga N.V. Raspad SSSR i krizis moldavskoi gosudarstvennosti [The Collapse of the USSR and the Crisis of Moldovan Statehood]. *Rusin*, 2010, no. 4, pp. 112-135.

3. Berezhnyakov D.V., Kozlov S.V. Sovetskoe nasledie kak institucionalnyj i simvolicheskij resurs postsovetskogo gosudarstvennogo stroitelstva [The Soviet Legacy as an Institutional and Symbolic

universiteta [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 3, pp. 36-47. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1029

13. Kaziev S.Sh. Perestroika i krizis natsionalnykh otnoshenii v Kazakhstane (1985–1991 gg.) [Perestroika and Crisis of National Relations in Kazakhstan (1985–1991)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia* [Tomsk State University Journal. History], 2015, no. 3, pp. 58-66.

14. Kapitsyn V.M. Konfiguratsii «sovetskoi» i «postsovetskoi» identifikatsiy [Configurations of “Soviet” and “Post-Soviet” Identifications] *Postsovetskaia identichnost v politicheskom izmerenii: realii, problemy, perspektivy* [Post-Soviet Identity in the Political Dimension: Realities, Problems, Prospects]. Perm, Pech. salon «Garmonija», 2014, pp. 15-29.

15. Kuznetsov D.V., ed. *Konstitutsii stran mira. V 7 ch. Ch 1. Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: khrestomatiia* [Constitutions of the Countries of the World. In 7 Pts. Part 1. Russia and the Post-Soviet Space]. Blagoveshchensk, Blagoveshhen. gos. ped. un-t, 2014. 224 p.

16. Lapkin V.V. Problemy natsionalnogo stroitelstva v polietnicheskikh postsovetskikh obshchestvakh: ukrainskiy kazus v sravnitelnoi perspektive [Problems of Nation-Building in Multi-Ethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Incident in a Comparative Perspective]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2016, no. 4, pp. 54-64.

17. Madyar B., Madlovich B. *Postkommunisticheskie rezhimy. Konceptualnaya struktura. V 2 t.* [Post-Communist Regimes. Conceptual Structure. In 2 Vols.], Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2022.

18. Medushevskii A.N. Politicheskie rezhimy Srednei Azii: konstitutsionnye reformy v ramkakh avtoritarnoi modernizatsii [Political Regimes of Central Asia: Constitutional Reforms in the Framework of Authoritarian Modernization]. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 4, pp. 45-60.

19. Meshcheriakov K.E. Moldaviia nakanune obreteniia nezavisimosti: vnutripoliticheskaia situatsiia i mezhnatsionalnye otnosheniia v respublike v kontse 1980-kh – nachale 1990-kh gg. [Moldova on the Eve of Independence: Domestic Political Situation and Interethnic Relations in the Republic in the Late 1980s–Early 1990s]. *Originalnye issledovaniia* [Original Research], 2020, vol. 10, no. 2, pp. 57-68.

20. Miller A.I. Natsionalnaia identichnost na Ukraine: istoriia i politika [National Identity in Ukraine: History and Politics]. *Rossiia v globalnoi politike* [Russia in Global Affairs], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 46-65.

21. Mokhov V.P. «Vosstanie elit» v raspade SSSR [“Rise of the Elites” in the Collapse of the USSR]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 11-2, pp. 146-149.

22. Mukhammadzoda P.A. Lider natsii – poslanik mira i arkhitekto natsionalnogo edinstva [Leader of the Nation – Messenger of Peace and Architect of National Unity]. *Tadzhikistan i sovremennyi mir* [Tajikistan and the Modern World], 2019, no. 4, pp. 276-283.

23. Nuriev R. Polkovniku nikto ne pishet [No One Writes to the Colonel]. *Monitor*, 2003, no. 21. URL: <http://www.monitorjournal.com/arxiv/heftelik-21-suret.htm>

24. Podobnyi V. Delegitimatsiia politicheskoi vlasti kak prichina krakha sovetskogo rezhima [Delegitimation of Political Power as a Reason for the Collapse of the Soviet Regime]. *Vlast* [Power], 2012, no. 6, pp. 130-134.

25. Postalovskii A.V., Postalovskaia O.A. Prezidentskie izbiratelnye kampanii v Respublike Belarus: kompleksnyi analiz [Presidential Election Campaigns in the Republic of Belarus: A Comprehensive Analysis]. *Russkaia politologiia* [Russian Political Science], 2017, no. 1, pp. 84-91.

26. Ragimova P.F. Respublika Uzbekistan: istoriia i sovremennost: kratkii ocherk [Republic of Uzbekistan: History and Modernity: A Brief Essay]. *Trudy Instituta postsovetskikh i mezhregionalnykh issledovani* [Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies], 2021, no. 4, pp. 290-315.

27. Reshetnikov O. Neformalnye obieedineniia v SSSR v gody Perestroiki [Informal Associations in the USSR During Perestroika]. *Vlast* [Power], 2009, no. 11, pp. 26-28.

28. Ulianova Iu.S. Pobeda i porazhenie Azerbaidzhanskogo narodnogo fronta [The Victory and Defeat of Azerbaijan Popular Front]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovani* [Scientific Problems of Humanitarian Research], 2008, no. 10, pp. 69-76.

29. Furman D., Shermatova S. Kirgizskie tsikly [Kyrgyz Cycles]. *Sovremennaia Evropa* [Modern Europe], 2010, no. 3, pp. 119-129.

30. Khabrieva T.Ia., Andrichenko L.V. Konstitutsionnye reformy na postsovetskom prostranstve: tendentsii razvitiia [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2017, no. 37, pp. 272-287.

Information About the Authors

Andrei V. Abramov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Researcher, Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Roman A. Alekseev, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Law, State University of Education, Very Voloshinoy St, 24, 141014 Mytyshi, Russian Federation, alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Информация об авторах

Андрей Вячеславович Абрамов, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Роман Андреевич Алексеев, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения, ул. Веры Волошиной, 24, 141014 г. Мытищи, Российская Федерация, alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.6>

UDC 325.1
LBC 66.094

Submitted: 09.01.2023
Accepted: 15.03.2023

**POST-SOVIET SOCIETIES
AND THE WORLD OF THE EVERYDAY LIFE OF THE UDIS:
FEATURES OF FORMATION OF NEW IDENTITY**

Richard A. Danakari

Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russian Federation

Victoria Yu. Podurueva-Miloevich

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The radical transformations of recent decades have significantly changed the lives of ethnic groups like the Udis. Due to their small numbers and poor degree of protection, ethnic groups are the first to feel tension, crises, and conflicts in society, the sequelae of political, social, economic, and cultural modernization, and growing risks and threats in the global world. *Methods.* The systematic method made it possible to determine the contradictory and conflicting nature of modernization taking place in post-Soviet societies. The dialectical approach, the principle of unity in diversity, as well as the synergetic approach have revealed ambiguity, dynamism, and conflict in the emergence of both ethnic and general cultural identity. *Analysis.* Studies of the real state of post-Soviet societies have shown the unbalanced and diffuse nature of modernization, the ambiguity of the present, and uncertainty of the future. Considering the Volgograd region, the authors point out relatively stable interethnic and interdenominational relations. Simultaneously, it was revealed that the absence of a national ideology and common objectives and values problematize the issues of the joint existence of nations and ethnic groups, and hamper the search for a common cultural identity. *Results.* The paper reveals the complex nature of the dynamics of heterogeneous Russian society and the inadequacy of calls for unity and integration of peoples while the society continues to be fragmented, polarized, and its citizens being alienated and atomized. The agenda for national minorities and ethnic groups includes issues of determining genuine national interests by the authorities, the formation of an all-Russian identity, and patriotism as the basis of stability and sustainable development of the country. The complex environment of social communication is replete with various multifaceted processes and influences that will allow representatives of ethnic groups to become carriers of common rules, common moral norms, and cultural meanings, values, traditions and customs. *Authors' contribution.* As a representative of the Udis ethnic group, R.A. Danakari considered the socio-political existence of his native ethnic group. The author argues convincingly that modern forms and types of modernization destroy the "life world" and traditions of most Udis, leading to marginalization, i.e., loss of origins and roots, as well as assimilation and acculturation. V.Yu. Podurueva-Miloevich focused on the political dynamics and psychological characteristics of the rapid transformation of the modern world. As a result, the author reveals the inability of most minor ethnic groups to adapt to postmodernity, to make the transition to a new identity, and to achieve self-realization.

Key words: Udis, new identity, information society, globalization, political modernization, interpersonal interaction, immanence.

Citation. Danakari R.A., Podurueva-Miloevich V.Yu. Post-Soviet Societies and the World of the Everyday Life of the Udis: Features of Formation of New Identity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 65-75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.6>

ПОСТСОВЕТСКИЕ ОБЩЕСТВА И МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ УДИН: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ричард Арами Данакари

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Юрьевна Подуруева-Милоевич

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Радикальные трансформации последних десятилетий значительным образом изменили жизнь этнических групп, в том числе таких, как удины. Этнические группы, в силу своей малочисленности и слабой защищенности, первыми ощущают напряженность, кризисы и конфликты в социуме, последствия политических, социальных, экономических и культурных модернизаций, растущих рисков и угроз в глобальном мире. *Методы.* Системный метод позволил определить противоречивую и конфликтную природу происходящих в постсоветских обществах модернизаций. Диалектический метод, принцип единства в многообразии, а также синергетический подход показали неоднозначность, динамизм и конфликтность в формировании как этнической, так и общекультурной идентичности. *Анализ.* В результате исследования реального состояния постсоветских обществ был установлен неравновесный и диффузный характер модернизаций, неоднозначность настоящего и неопределенность будущего. Рассматривая Волгоградскую область, авторы указывают на относительно стабильные межэтнические и межконфессиональные отношения. Одновременно было выявлено, что отсутствие общенациональной идеологии, единой цели и ценностей проблематизирует совместное бытие наций и этносов, поиск общекультурной идентичности. *Результаты.* Выявлен сложный характер динамики гетерогенного российского общества, неадекватность призывов к единству, интеграции народов с продолжающимся расколом и фрагментацией общества, его отчуждением и атомизацией. Для национальных меньшинств и этнических групп на повестке дня остро стоят вопросы определения властью подлинных национальных интересов, формирования общероссийской идентичности и патриотизма как основы стабильности и устойчивого развития страны. Сложная среда социальной коммуникации изобилует различными многогранными процессами и влияниями, позволяющими представителям этнических групп стать носителями общих правил, единых моральных норм и культурных смыслов, ценностей, традиций и обычаев. *Вклад авторов.* Р.А. Данакари, как представитель этнической группы удин, рассмотрел в статье социально-политическое бытие родного этноса. Автор убедительно аргументирует, что современные формы и виды модернизации разрушают «жизненный мир» и традиции большинства удин, ведут к маргинализации, то есть потере истоков и корней, ассимиляции и аккультурации. В.Ю. Подуруева-Милоевич акцентировала внимание на политической динамике и психологических особенностях быстрой трансформации современного мира, выявила сложность для удин как представителей малой этнической группы адаптироваться к постсовременности, осуществлять переход к новой идентичности и самореализацию.

Ключевые слова: удины, новая идентичность, информационное общество, глобализация, политическая модернизация, межсубъектное взаимодействие, имманентность.

Цитирование. Данакари Р. А., Подуруева-Милоевич В. Ю. Постсоветские общества и мир повседневности удин: специфика формирования новой идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 65–75. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.6>

Introduction. The relevance of the study of the modern existence of national minorities and ethnic groups, including Udis, as one of the oldest ethnic groups in the world, is largely due to the fact that they are among the first to feel the

recurring crises of social systems, increasing risks, tensions, threats, and conflicts in a multinational society.

The purpose of the study is to analyze the world of everyday life of the Udis ethnic group

in the conditions of continuous changes in post-Soviet societies, to reveal the complexity of transformations, the transition from traditionalism to a spontaneous market economy, and the sphere of new intersubjective relations. The novelty of the research lies in the authors' desire to show how the Udis, after the crisis and the collapse of the USSR, living in post-Soviet societies, particularly in Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Russia, and Ukraine, strive to preserve their way of life and identity, combining tradition and modernity. The difficulties of overcoming the problem of marginality, adaptation to constantly changing realities, ways of preserving history and language, and observance of traditions and customs are also considered.

Modern civilization is marked by global changes, enormous hazards, and rising unpredictability and nonlinearity in its growth. The collapse of the USSR and the end of the so-called "struggle of ideologies" in the socio-political arena of our planet produced a unipolar world with the hegemony of the United States. It was during this period that the concepts of American political scientists about the "end of history" [6, p. 8], as well as the conflict of ethno-religious values, the "clash of civilizations" have gained popularity [8, p. 25]. Indeed, the ambition of the United States to maintain its hegemony, the developments in Ukraine, and the comprehensive sanctions against Russia since the turn of the century imply both the "end" of the previous stage of human history and a "clash of civilizations." All this demonstrates that the unipolar age is coming to an end, the old era is passing away and the transition to a new world order continues.

Information societies, with their ever-increasing social links and reliance on massive technological flows, strengthen themselves through communications, accelerate their pace, and make humanity's future imbalanced and unclear. The main events take place against a matrix of fluid, fragmented, marginal everyday life where various ethnic and religious groups interact, often having opposite goals, values, interests, and needs.

In various post-Soviet states, the fluidity and "unsupportedness" of existence, new challenges, as well as the fear of losing their native roots, inexorably force national and ethnic minorities, especially dispersed groups, to resort to their

natural and biological inherence. It turns out to be deterministic in order to preserve itself and its images via legends, traditions, and ways of life. The virtualization and mythologization of everyday life, especially the subjective world, prompts people to search for new sanctities, ideals, and initiatives that are vital for both the present and the future.

Methods of the study. The multi-paradigm methodology is pertinent in studying national minorities and ethnic groups like Udis in the modern environment. The Udis are the oldest aboriginal ethnic group of the South Caucasus. More than 30 years ago, they emigrated from Azerbaijan to the CIS countries, Europe, and then Israel and the USA. They were among the first to feel the effects of the crisis and collapse of the USSR, economic crises, and the outcomes of political and social modernization. The synergetic approach and comparative analysis allow us to identify the disequilibrium of modern political systems, to determine the nature of the stagnation of power or a succession of regime changes, and to determine the objectivity or spontaneity of changes in the vectors of social evolution.

The hermeneutic approach and the phenomenological method show how changing everyday life "manifests" itself, requiring at various levels a rational and irrational understanding of the processes taking place. It forces people to continuously "master" political existence, socio-economic conditions of activity, reformat their "life world", and adapt to new standards of culture, values, and moral norms.

Considering the life and activities of the Udi ethnic group and their everyday lives in post-Soviet societies, we note the following: currently, there are about twelve thousand Udis in various CIS countries and around the world; during the crisis and collapse of the USSR, a certain part of them had to move to Russia; the main reasons for migration were interethnic tensions and the conflict over Nagorno-Karabakh, the beginning of aggression and hostilities by Armenia against Azerbaijan.

Today, about three thousand Udis live on their ancestral territory, in the multinational village of Nij in the Qabala district of the Republic of Azerbaijan. There are still Russian schools and other institutions there. Two Albanian-Udi Orthodox churches, whose history dates back more than 1700 years, have been restored and are now

open to believers. The village of Nij is multi-ethnic; it also has two mosques and two secondary schools with instruction in the Azerbaijani language. The policy of tolerance and multiculturalism of Azerbaijan allows all ethnic groups to conduct an equitable dialogue, carry out economic activities, live in interethnic and interfaith harmony, and observe traditions and rituals. All Udis are multilingual and fluent in their contacts and dialogues with representatives of other peoples. In Nij, Udis go to a Russian school. As an international language, Russian helps a lot in multinational communication. It is also in great demand in multinational Azerbaijan, especially when it comes to an equitable dialogue, meeting foreigners, guests, and sometimes even young Udis from the CIS and other countries [3, p. 288].

Analysis. Understanding a new mundanity, analyzing the ever-changing reality, and defining the ways and prospects for ethnic groups' lives are all becoming increasingly important nowadays. It is of scientific interest to know how things are going at the present time: living the Udis, especially after the Second Karabakh War; restoring historical justice; regaining ancestral lands; ensuring the territorial integrity of the Republic of Azerbaijan.

We would like to note that the events of the 44 days of 2020, the Victory of Azerbaijan in the Patriotic War, have formed a new space for the socio-cultural, spiritual, and moral existence of the multinational people of Azerbaijan. They drastically altered the situation in the republic, transforming self-awareness and identity, greatly raising the country's spiritual and moral climate, and demonstrating the togetherness and cohesion of all ethnic groups. The leadership of the multinational population recognized the modern territory of Azerbaijan as the historical area of the life of the Udis and the Udis as its indigenous inhabitants, the successors of history, Orthodox Christianity, culture, and traditions of the ancient state of Caucasian Albania. The policy of the President of the Republic of Azerbaijan, Supreme Commander-in-Chief Ilham Aliyev, was enthusiastically endorsed by the Udis in Azerbaijan, the CIS, and worldwide. The younger generation of Udis participated in the operations of the liberation war. The entire population of the village of Nij, after demobilization, met our soldiers as true heroes.

In the autumn of 2020, during the days of the triumphant victory of the Azerbaijani army, a noteworthy event took place in Nij. With the active support of the President of Azerbaijan as well as governmental and public bodies, the Orthodox Church of the Blessed Virgin Mary was restored and reopened. In May 2021, the President of the Republic of Azerbaijan, Ilham Aliyev, and his family paid a visit to Nij and saw its landmarks: the churches, schools, and other places of interest.

It should be noted that our fellow countrymen and communities in Volgograd and Rostov Oblast, Krasnodar, and Stavropol Krai greeted the news of the victory in the Patriotic War with enthusiasm. On November 20, 2020, the Udis, together with representatives of the Azerbaijani Diaspora, held a festive occasion in Volgograd in honor of the liberation of their native lands. It was attended by guests, leaders, and activists of public associations, cultural centers, and communities of the Hero City. These noteworthy events were also the focus of attention of their fellow countrymen "living in Central Russia: Ivanovo, Kaluga, Moscow, Udomlya, and St. Petersburg. Joint meetings and celebrations were held in Udi communities in the Republic of Kazakhstan and Ukraine" [5, p. 85].

For more than 30 years, some Udis have been living in the Volgograd Oblast of the Russian Federation. Over 400 Udis now live in the heroic city of Volgograd and villages and towns of the oblast. The vast majority live in the rural settlement named Dubovy Ovrage of the Svetloyarsky District of the oblast. The continuing transition period and ongoing crises are still creating plenty of problems, but the Udis, for the most part, were able to gradually adapt to new conditions and find a home and a job. All representatives of the younger generation have finished secondary school; many were trained to be professionals and got employed. Some of our young people have graduated from universities, colleges, and vocational schools.

It should also be emphasized that in recent decades, the Udis living in the Volgograd Oblast have actively participated in all activities through public associations. They celebrate state holidays, remarkable dates, and festivals commemorating the history, culture and religion of all peoples, nations, and ethnic groups living in the Russian Federation. These dates include the Day of the

End of the Battle of Stalingrad, May 9, the Great Victory Day, Russia Day, National Unity Day, etc. Religious holidays, such as Christmas, Novruz Bayram, Ramadan, and Easter are also in the spotlight.

A recent event can illustrate this. On April 23, 2022, leaders and activists of national public organizations of the Volgograd Oblast visited the neighboring region, the Republic of Kalmykia. We took part in a grand celebration, the Tulip Festival. For the Kalmyk people, tulips are the memory of their ancestors. Holding such a festival and social activities ensures the continuity of generations, helps each nation popularize its history and culture and tell about its traditions, customs, and lifestyle. All this undoubtedly strengthens the basis for the development and solidification of interethnic and interdenominational communication.

Interethnic and multi-confessional relations in the region are stable, largely due to the active cooperation of regional and local self-government authorities with the leaders and activists of Volgograd Oblast's public associations. Such activities are based on respect for the history, native language, culture, traditions, religion, and national dignity of all residents of the region, regardless of their ethnicity or religion. Experience proves that most national public organizations in the post-Soviet states undertake numerous complex functions. First of all, they preserve and promote their ethnic groups' history, native language, culture, and traditions. Secondly, they "work on integration, the formation of a common identity of the Russian nation" [4, p. 134]. Thirdly, each organization works to promote its homelander's image and is engaged in educational programs in order to foster peace, harmony, trust, and friendship between people of all nationalities.

The modern world's socio-political dynamics are rapidly transforming the environment, and that includes goals, values, motives, incentives, and people's behavior. The Udis' understanding of the environment, like that of all nations and ethnic groups, is largely "based on the influence of the media and mass culture" [7, p. 13], the trendy freedom of speech, primitive standards, and stereotypes, rather than on actual social existence and specific situations, which would necessarily contribute to personal realization.

Modern Russian society is a complex and heterogeneous community of individuals.

The disequilibrium of development and the uncertainty of the future also present Udis with a difficult choice. The task of spontaneous adaptation to the everyday life of the market and perception of its primitive standards and stereotypes erodes the traditional, basic characteristics of the life of Udis, destroy not only the foundations of collectivism but also individuality and does not allow for genuine self-realization. An analysis of social consciousness from the standpoint of the hermeneutic approach shows that in the conditions of the transitivity of society and the uncertainty of its prospects, the Udis' marginality does not allow them to comprehend the meaning of their existence, to realize the authenticity of being, or to understand a new form of identity.

The development of the information society, the dominance of the Internet and related technology, as well as the nature of socialization and identification, are constantly changing. They accelerate the processes of "digestion" of information, understanding of the environment, the sphere of public relations, links, and meanings. The paradox of Udis' daily life stems from the fact that in its inner world, multiple aspects appear to be at odds: first, the hoary antiquity; second, the current, fast-flowing reality, i.e., modernity. Thirdly, the future is an unknown "tomorrow", which is closed and full of uncertainties. In these circumstances, each ethnic group's representative has to re-master the ever-changing world, cultural standards, and moral values through market mechanisms, cash, communication, and dialogue.

The philosopher A.V. Ryazanov points out the complexity and drama of these processes when he notes that societies in transition are characterized by a constant imbalance between vertical and horizontal communications. In them, adaptation to reality occurs spontaneously and in a specific, individualized way [11, p. 62].

In many countries with a dominant market economy, liberal values prevail, and mass culture sells well. One often perceives social reality in a spontaneous form because an individual is "atomized" and left to his own devices. As a result of new forms of alienation and identity, a person may find himself at various stages of virtual addiction, gaming in particular. Many important aspects of a personality, such as striving for activity and the need for self-realization, are translated into virtual domains. As a result, many

universes and diverse structures are built in the multidimensional realm of human life that do not really exist in society, its spheres, or relationships.

In the actual context of everyday life, according to Volgograd scholars, the solution may be the love for the homeland, i.e., patriotism and ethnicity inextricably linked with it. They consider them non-historical concepts, and their scope is supranational and metaterritorial [13, p. 4].

Therefore, ethnic identity is a deep, ancient feeling imprinted in human genotype and, therefore, unchangeable and dogmatic. Identity, in our perspective, should be viewed dialectically because it tends to change over the historical process, as evidenced by our daily lives.

Modernity destroys the social essence of ethnic groups and undermines their basis, especially their rootedness and the connection of history with the modern era. It alienates, overthrows, and inverts space and time, rendering their objective properties obsolete. As an ethnic group, the Udis aspire to maintain their identity, core characteristics, and immanent underpinnings while also attempting to overcome marginalization and achieve a new social essence. That is where the high cost of education and upbringing and the difficulties of their identification, socialization, and personal development stem.

In the conditions of postmodern politicization, the restoration of relations and the man-society balance necessitates the inclusion of a special educational attitude and behavioral pattern. The special system requires individual orientation and independently implementing, the process of their own social and other identifications into the social and cultural program.

The study of various types and forms of modern identities – political, social, cultural, and national – is significant for us to understand both the general and specific aspects of the Udis' lifestyle, particularly in the context of a crisis of various kinds of identity, comprehension of the local ethnophore's inner world, and identification of their scale. The search for approaches and ethnological investigation of techniques for the inclusion of Udis in a multiethnic and multi-confessional post-Soviet society is very important for “fluid modernity.” It is important that everyone comprehend the relationships and connections, consciousness and self-consciousness of a person in a

transitive society, the specifics of the choice of life strategies, and the representation of real events.

As is known, the information society has significantly weakened the previous deep adaptive abilities of man, especially the impact of the historical process on society and the foundations of communal determination and causality. Post-Soviet life has destroyed old forms of communication, transformed many conservative traditions, and replaced the older structures with virtual, network links. As a result, the importance of the present has grown as a new quality, a distinct sort of virtual existence in contemporary circumstances. The basis of social progress has become uncertainty and disorientation in understanding the reality and prospects of the future.

A systematic analysis of modernity testifies to a variety of transformations in the world of everyday life of both functioning communities and hundreds of millions of people. Let us turn to modern sociologist Z. Bauman, who professionally examines the details of post-modern social reality and reveals the common and the special. The focus of his research is the concept of liquid modernity. He relies on it to substantiate the transition from the existing everyday life, i.e., the split and fractured society, to a plastic and fluid social medium that is free from measure, boundaries, barriers, and limits. The scholar demonstrates how the rapidly changing and unpredictable world engenders new and often radical forms and manifestations of individualism. In his book “Liquid Modernity”, Bauman writes that “unreliability, instability, vulnerability have become the widespread (and most painfully felt) features of modern life” [2, p. 154].

The new emerging modernity is gaining speed, resulting in constant and substantial changes on the planet: in the state, society and its domains, and people's individual lives. Defining the prospects for development, he points out that “only greater flexibility, greater risk, and greater vulnerability are to come” [1, p. 117]. Back to the formation of Udis' identity, it is worth noting that it is linked to the characteristics of politicization and socialization in post-Soviet societies to a considerable extent. Personality development should be regarded as a rather complex universal process and, at the same time, as the result of individual choice, searching for a balance between

identity and difference, one's place, and one's self in society. For ethnic groups, such a choice is tragic because it alienates an individual from the world, nature, labor, and interpersonal relations in many ways, especially in a multinational society. However, now only such interaction enables socialization – the emergence of new and different things that naturally associated with differences in forms of identification.

Today, there is a new political, social, and cultural space functioning in all post-Soviet societies; in a certain way, a person designs and builds himself, which acts as a special sphere of identity formation. Using his personal initiative, on the basis of semantic and value interactions, he seeks to find and establish a more or less optimal relationship in balance with the social system. A man of today has to constantly complete his identity, bringing it in line with internal attitudes, principles, and moral values. The identification mechanism of Udis can be thought of as a system of interconnected techniques and directions or as a self-realization procedure. It includes the interaction between the objective conditions of everyday life and the subjective world, the attitudes of the person himself.

As previously stated, a person's strategy has to be constantly transformed throughout his life as he progresses down the road of adaptation and the creation of his personality. In the end, for an Udi, an appeal to his ancient history, the experience of previous generations, and social memory are required for genuine living in elusive modernity. It is critical for the development of a new identity, self-identification, and the achievement of their objectives, as well as the identification of future landmarks. The development of various forms of time (past, present, and future) by each ethnic group is more important than ever; they can be considered a prerequisite for rooting in everyday life, ensuring the continuity of social existence and the identification process. In close communication with our homelands and representatives of other cultures, we gain invaluable experience of interethnic and intercivilizational solidarity, accumulate experience of respect for other beliefs and traditions, and, what is more, get insight into our own identity, which is the basis of internal "civilizational solidarity" [9, p. 11].

In the constantly changing modern world, the paradoxical, "centaurism" of being is an important feature of the formation of identity and a person's adaptation to the environment. However, in the course of socialization, the modern market society creates a "mass man" on the basis of mass culture and consumerism standards, reproducing fears, tensions, and a sense of bewilderment. The public consciousness is demoralized; people often have difficulty comprehending reality. For an individual, the continuously transforming everyday life becomes an external environment with various types of alienation.

All this renders vital one's own activity aimed at identifying with the ever-changing social structures, mastering historical traditions and social qualities, and forming one's own responsibility. The rapidly changing reality presents a person with a tough challenge. He must supplement his everyday experience with active work on socialization, master new realities, and accept values. A person finds himself faced with the need to form his own "life world", determine the purpose and meaning of life, and realize his place and role in society.

The study of modern society and human existence reveals numerous concerns, including a high level of alienation and an existential vacuum. The vast majority of people feel anxiety, loss, abandonment, and loneliness. In many ways, this resulted from the dramatic change in the essential foundations and values made by the information environment and technology, which turned out to be a driver of social development. And this is happening in the context of the continuous growth of information and communication media, development of mass culture, the dominance of consumerism psychology, and the entertainment industry, which bring about open-ended, though primitive, opportunities. Under the current conditions, one feels the need for social, cultural, and existential support and seeks to find ways to integrate into society and its structures and share goals and values of life with a social group.

However, a heterogeneous market society cannot overcome the objective problems because this information-oriented and technologized society is dominated by naturalism, materialism, and consumerism. Despite the primacy of materiality in a developed society, social myths, virtual objects

and situations, simulacra, and phantoms abound as a multifaceted reality. All this negates a person's ability to reveal a true picture of everyday life. There is a continuous process of replacing reality with images, psychological and illusory objects. They render a person extraneous, estranged from both the world and himself; his inner world is frequently incomprehensible or impenetrable to him. It is no coincidence that the consequences include social disorientation, weakening of the impact of social communities, growing virtual addiction, especially gaming, as well as negative identity.

The space of existence of modern society is characterized by a loss of balance and "rootedness" and a high level of fragmentation. The contradiction between individuals and modern society is one of the root causes of the discomfort of the social space, which is prone to social tension and conflicts. The deepening of contradictions results in social splits and individual degradation, growing apathy and further alienation, the formation of false values, deviant behavior, aggressiveness, and nationalism.

The superficial understanding of information and technology builds virtual worlds and game spaces that alienate and atomize people. The vast majority of individuals find themselves beyond the objective paradigm of daily life. Their lives are anomic and ungoverned by humanism and high morality in the context of a precisely forged marginal reality. An individual's activism and need for self-realization are translated into a virtual environment with its numerous amazing worlds and exciting structures.

The current climate of uncertainty triggers compensation mechanisms, and individuals' involvement in social life becomes somewhat imitative. A person's rootedness in society becomes increasingly simulated. History, culture, law, morality, traditions, and the media are used for manipulation; the nature and essence of a person are deformed. The processes of marginalization and deformation of an individual, continuously reproduced in postmodern society, are largely irrational, spontaneous, and adaptive. The goals of intersubjective interaction are changing since social ties in the conditions of the new reality are becoming more technologized and formal. Once information flows become the prime engine of change in modern society, they

turn into an objective and independent reality for people.

It is worth pointing out that the existence of social communities, ethnic groups, and individuals ultimately remains a necessary and essential aspect of a society's activities; it is not always regulated and manipulated by information flows. In our opinion, the life of society cannot be completely reduced to communication and information flows. It is important to remember how complex and amazing a person's subjective nature is, how unique and multifaceted his perception of society and its objectives is, and the meaning of his own life.

Modernity significantly changes the conditions of existence and the specifics of economic activity of social and ethnic groups. It affects social links and connections drastically, weakening their impact on external experience and interior state. In the twenty-first century, these groups function on the integration-disintegration principle, which largely determines the risks and instability of being. Despite the continuous atomization of society, joint activity is significant for each individual and for the common existence of people. Probably, for ethnic groups, their internal unity is fundamental as an immanent and genetically embedded feature of their being and a prerequisite for their existence. The principle of unity in diversity, social connection with the native ethnic group, relative autonomy, and internal, spiritual dependence on it are probably the trait that genetically binds each ethnophore.

Globalization and the acceleration of modern society's dynamics do not offer appropriate conditions for personal adaptation and integration, as well as finding true meaning. They only allow a choice of the initially designated way of existence, certain internal connections, which in any case do not contribute to the full realization of a person's essence. As a result, it is no surprise that a person in post-Soviet society seeks only to identify with his ethnic community, adapt to reality based on the circumstances of his existence, and comprehend the meanings of his history as well as the specifics of his native culture, traditions, and attitudes. Hence, it is no accident that representatives of one nationality, ethnos, or confession feel closer to one another while setting themselves off against others, strangers. Today, the ethnophore finds his own self, his identity, and

defines himself only on the basis of “native” history, language, culture, values, beliefs, views, and customs.

Results. Therefore, it should be noted that for the majority of post-Soviet societies, which are largely multinational and multi-confessional (Azerbaijan, Georgia, Russia, Ukraine, etc.), the key factors contributing to integration for members of an ethnic group are national interests, supranational and supra-confessional ethnic goals, and values. These factors are conservative and help to preserve traditional stability in the ever-changing everyday life. However, in many republics of the former USSR, the interests of their titular nations are still a priority. The absence of common ethnic goals and values creates a certain number of problems for members of ethnic groups and preserves their crisis state, marginality, which leads to a confrontation between tradition and the new modernity.

The appeal of the Udis, as representatives of small ethnic groups, to their origins, history, religion, myths and archetypes, and conservative traditions allows them to maintain traditional stability and support in life, in conditions of constantly changing everyday life. They become the basis that permits an individual to build his own internal space, to define and mark the distance with certain national minorities and ethnic groups, and to interact with representatives of other nations in society. In short, in a modern market-based society, the preservation and development of significant social ties becomes a purely individual matter in many aspects for an ethnophore. There are no effective ways for a person to enter society today. He performs his identification function as an intermediary because, in an intersubjective relationship, he acts as a communicator without really being involved in communication actions.

In the 21st century, at the present development stage of post-Soviet societies, issues of individual and group self-identification hold a special place. The study of the objective foundations of existence and the spiritual and moral principles of the future becomes vital in our transitive civilizations, which have not fully settled on their goals and development strategy. They are significant not only at the present moment but also for understanding one’s history, interests, prospects, and problems of the country.

However, many scholars believe that “a group of people cannot be viewed as a kind of homogeneous social body with members inevitably adhering to the same ideas by virtue of their group affiliation. A person processes and rethinks information in many ways under the influence of his own social experience. By sharing certain ideas about the past that are inherent in society, an individual can understand them in his own way and give them his own interpretations” [12, p. 12].

Let us also emphasize that dedication to archaicism, the desire to regain just the ancient ethnic identity, or the indiscriminate acquisition of existing forms and types of globalization are extremes that cannot help post-Soviet societies become advanced and civilized states. The information society, technology, communication, and other standards are only a means of moving towards modernity.

As already noted, the globalizing world has lost its statics and become dynamic long ago. However, it is becoming increasingly chaotic and unsettled. In modern reality, a person has lost order and guaranteed stability; they are no longer present in any sphere of human life or society. Stable identity is replaced by being in a borderline situation – a situation of continuous change and constant choice. The world has become illusory for a person – virtual at different levels. There has come a time when simulation and manipulation are used to hide reality since it no longer exists.

One of the important concepts in a person’s choice of his own subjective image of identification is an ethnic group. In a word, group identity is an integral part of identity, which allows an ethnophore to perceive ideological, axiological, and cultural goals. So, ethnic groups are important components of society, which determines the goals and fields of interethnic communication. Subjective manifestations of identification are inclusion of a person in language communication, his involvement in political, economic, and cultural processes, fitness, and sports events, as well as, shaping public opinion and civic position.

The Chairman of the Albanian-Udi Christian Community of Azerbaijan, Robert Mobili, considers studying and promoting his people’s history and culture to be the key mission of his public organization. One of the main goals is the revival of the Albanian Church in its historical homeland, based on the Udi Christian community

as the sole successor of the flock of this rich confessional heritage. Preservation of one's culture in the context of globalization and integration is a problem for both small ethnic groups and many national minorities. The Udis represent an example of the solution to this problem. We are not an island tribe or mountain anachorets; we have not mixed with larger ethnic groups; we have not dissolved in "the melting pot of peoples" [10, p. 26].

Today, the Udis, as representatives of a small ethnic group, have been able to adapt to life in most multinational post-Soviet societies in different ways: Azerbaijan, Russia, Kazakhstan, and Ukraine. It should be noted that in Armenia and Georgia, the Udis are almost completely assimilated and acculturated, both naturally and artificially; the processes of Armenization and Georgization are in full swing. In these states, even representatives of the older generation no longer speak their native language; they do not know and do not observe the traditions and rituals of their ancestors; they all consider themselves to be representatives of the titular ethnic group: Armenians or Georgians.

Today, the Udis live in multinational post-Soviet societies. They strive to self-realize through their interests and needs within the national goals of each state. Their lives and activities proceed in an environment of equitable dialogue and are based on real communications. Customs, traditions, and moral values appear to be steady forms that shape a person's subjectivity, particularly in terms of his existential dimension. Therefore, it is quite natural that the totality of these values simultaneously forms an important channel for the realization of a new human identity.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [An Individualized Society]. Moscow, Logos Publ., 2002. 324 p.
2. Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.
3. Danakari R.A. *Filosofija etnicheskogo bytija. Etnicheskaja grupa udin(y) v uslovijah globalizacii chelovechestva* [Philosophy of Ethnic Being. Ethnic Existence Philosophy. Udi Ethnic Group in Globalization Context]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo instituta upravlenija – filiala FGBOU VORANHiGS, 2017. 388 p.
4. Danakari R.A. Regional'noe soobshchestvo i mezhnacional'nye otnoshenija: opyt Volgogradskoj oblasti [Regional Community and International Relations: The Volgograd Region Experience]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, iss. 2, pp. 132-139. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.13>
5. Danakari R.A. Udiny kak etnicheskaja grupa: faktory razvitiya i mezhnacional'nye otnoshenija v Rossijskoj Federacii [Udis as an Ethnic Group: Factors of Development and Interethnic Relations in the Russian Federation]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. Serija: Politologija i sociologija*, 2011, no. 1, pp. 81-90.
6. Fukujama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2015. 576 p.
7. Harmsen R., Spiering M. *Eurocepticism: Party Politics, National Identity and European Integration*. Amsterdam, New York, Editions Rodopi, 2005. 290 p.
8. Hantington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.
9. *Mir civilizacij i «sovremennoe varvarstvo»: rol' Rossii v preodolenii global'nogo nigilizma* [The World of Civilizations and "Modern Barbarism"]. Moscow, Institut Nasledija, 2019. 472 p.
10. Mobili R.B. Etnografija udin. *IRS «Nasledie». Mezhdunarodnyj azerbajdzhanskij zhurnal*, 2008, no. 3 (33), pp. 26-29.
11. Ryazanov A.V. *Etnos v kommunikativnom prostranstve sociuma* [Ethnos in the Communicative Space of Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2007. 192 p.
12. Shnirel'man V.A. Social'naja pamjat': voprosy teorii / Istoricheskaja pamjat' i rossijskaja identichnost' [Social Memory: Theoretical Questions]. Tishkov V.A., Pivnevoj E.A. *Istoricheskaja pamjat' i rossijskaja identichnost'*. Moscow, RAN, 2018, pp. 12-34.
13. Vyrshhikov A.N., Kusmarcev M.B. *Patrioticheskoe vospitanie molodjozhi v sovremenom rossijskom obshchestve* [Patriotic Education of Youth in Modern Russian Society]. Volgograd, NP IPD «Avtorskoe pero», 2006. 186 p.

Information About the Authors

Richard A. Danakari, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agricultural University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, rdanakari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5683-5275>

Victoria Yu. Podurueva-Miloevich, Senior Lecturer, Department of Modern Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400066 Volgograd, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, viktorija-milojevic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1555-6362>

Информация об авторах

Ричард Арами Данакари, доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, rdanakari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5683-5275>

Виктория Юрьевна Подуруева-Милоевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация; аспирант кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, viktorija-milojevic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1555-6362>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.7>

UDC 327.82(470+571)
LBC 66.4(2Poc),9

Submitted: 19.12.2022
Accepted: 11.05.2023

**RUSSIAN DIGITAL DIPLOMACY TOWARDS CHINA
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN SPECIAL MILITARY OPERATION
IN UKRAINE: THE INSTANCE OF THE OFFICIAL WEIBO ACCOUNT
OF THE EMBASSY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CHINA ¹**

Yin Simeng

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

Abstract. *Introduction.* Digital diplomacy based on cutting-edge information and communication technologies is playing an increasingly major role and is gradually becoming an important tool in boosting traditional public diplomacy by providing information and public opinion support for the implementation of the country's foreign policy abroad. The Embassy of the Russian Federation in China has been actively engaged in digital diplomacy on the Chinese social media platform Sina Weibo, aiming to put an end to the "public opinion hegemony" of the Western media and counter fake news and negative propaganda from Ukraine and other countries about the Special Military Operation. *Methods and materials.* This paper is built on a streak of official interviews with diplomats at the Embassy of the Russian Federation in Beijing. Drawing on content analysis of the microblogs published by the official account of the Embassy of the Russian Federation in China from January 1, 2022 to April 1, 2023, this article examines the digital diplomacy of the Russian official institutions regarding China against the background of the Russian Special Military Operation in Ukraine. *Analysis.* Russia's digital diplomacy towards China has been focusing strongly on the Special Military Operation. In the field of digital diplomacy with China, two main information sources have arisen that are represented by the Russian Embassy in China and two mainstream media outlets, Russia Today and Sputnik. They advocate steadfastly for Russia's national interests and express its official stance. In terms of content and topics, the Russian Embassy's Weibo diplomacy with China is overwhelmed by the political issues following the Special Military Operation, that emphasize the official position of Russia and explains the objectives of the Special Military Operation – to disarm and control the foreign forces used against the people of Donbas and to stop neo-Nazism and its ideology. In terms of communication methods, the Weibo operations team of the Embassy of the Russian Federation in China has demonstrated its professionalism and aptitude to market events while using such unique Weibo functions as the hashtagging events feature. *Results.* The target audience's attention to a hot issue is time-sensitive, i.e., about one month after the event, which is the "golden stage" for effective digital diplomacy. At the same time, the study illustrates that while carrying out digital diplomacy activities with China, the Russian Embassy in China still has shortcomings in its performance, i.e., in early 2023, the official position was over-highlighted and the content and form of communications were relatively homogeneous. The content of communication should be appropriately enriched in order to eventually build up a multi-faceted and multi-angle communication system.

Key words: Russian Special Military Operation in Ukraine, digital diplomacy, Embassy of the Russian Federation in China, Weibo, Russian Federation.

Citation. Yin Simeng. Russian Digital Diplomacy Towards China in the Context of the Russian Special Military Operation in Ukraine: The Instance of the Official Weibo Account of the Embassy of the Russian Federation in China. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 76-84. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.7>

УДК 327.82(470+571)
ББК 66.4(2Рос),9

Дата поступления статьи: 19.12.2022
Дата принятия статьи: 11.05.2023

РОССИЙСКАЯ ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ: ПРИМЕР WEIBO-АККАУНТА ПОСОЛЬСТВА РФ В КНР¹

Инь Сымэн

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китай

Аннотация. *Введение.* Цифровая дипломатия, основанная на передовых информационно-коммуникационных технологиях, играет все более важную роль и постепенно становится ключевым инструментом развития традиционной публичной дипломатии, обеспечивая информационную поддержку и общественное мнение для реализации внешней политики страны за рубежом. Посольство Российской Федерации в Китае активно занимается цифровой дипломатией на китайской платформе социальных сетей Sina Weibo, стремясь положить конец «гегемонии общественного мнения» западных СМИ и противостоять фейковым новостям и негативной пропаганде из Украины и других стран о специальной военной операции. *Методы и материалы.* Эта статья основана на серии официальных интервью с дипломатами Посольства Российской Федерации в Пекине. С опорой на контент-анализ микроблогов, опубликованных официальным аккаунтом Посольства Российской Федерации в Китае с 1 января 2022 г. по 1 апреля 2023 г., в данной статье рассматривается цифровая дипломатия российских официальных институтов в отношении Китая на фоне российско-украинского конфликта наряду со специальной военной операцией. *Анализ.* Российская цифровая дипломатия по отношению к Китаю была сосредоточена главным образом на специальной военной операции. В области цифровой дипломатии с Китаем возникли два основных источника информации, которые представлены Посольством России в Китае и двумя основными СМИ – «Russian Today» и «Sputnik». Они отстаивают национальные интересы России и выражают ее официальную позицию. Что касается содержания и тем, то дипломатия российского посольства в Weibo перегружена политическими проблемами, возникшими после специальной военной операции, что подчеркивает официальную позицию России и объясняет цели специальной военной операции – разоружить и контролировать иностранные силы, используемые против народа Донбасса, и остановить неонацизм и его идеологию. Что касается методов коммуникации, оперативная группа Weibo Посольства России в Китае продемонстрировала свой профессионализм и способность к маркетингу, используя такие уникальные функции Weibo, как функция хэштегирования событий. *Результаты.* Интерес целевой аудитории к актуальной теме зависит от времени, то есть примерно через месяц после события, что является «золотым периодом» для эффективной цифровой дипломатии. В то же время исследование показывает, что Посольство России в Китае испытывает трудности в осуществлении цифровой дипломатии с китайской целевой аудиторией: в начале 2023 г. официальная позиция была чрезмерно подчеркнута, а содержание и форма сообщений были относительно однородными, в то время как содержание сообщений должно быть соответствующим образом обогащено, чтобы в конечном итоге создать многогранную и многоугольную систему коммуникации.

Ключевые слова: специальная военная операция России на Украине, цифровая дипломатия, Посольство Российской Федерации в Китае, Weibo, Российская Федерация.

Цитирование. Инь Сымэн. Российская цифровая дипломатия в отношении Китая в контексте специальной военной операции на Украине: пример Weibo-аккаунта Посольства РФ в КНР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 76–84. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.7>

Introduction. Digital diplomacy, also known as Internet diplomacy, social media diplomacy, and/or Web diplomacy 2.0, was first used in US foreign policy. It refers to extensive use of information and communication technologies (ICTs), such as new media, social networks, blogs, and other platforms, to communicate policy and

influence foreign public opinion via social networks or the Internet to assist government agencies in implementing their diplomatic functions and communicating with target audiences on the foreign policy agenda [8]. Amid the ever-rising influence of new media and the evolution of state-of-the-art technologies, Russia's digital diplomacy

has become a linchpin in traditional public diplomacy, which gathers information to maintain foreign policy. Due to radio and television broadcasts in foreign languages, the creation of websites by the Ministry of Foreign Affairs and other government agencies, and the opening of accounts by diplomatic missions on social networks, Russia combats fake news and negative propaganda on the Special Military Operation within the Western media. This builds a positive image of the country, and provides information and public opinion support for the further development of its foreign policy.

Although the term “digital diplomacy” is not incorporated explicitly into some keystone official documents, it scores highly in regards to political communication through social networks or the Internet, influencing the objective perception of Russia by foreign audiences, using “soft power” tools, mass media, and social media to ensure the advancement of the country’s foreign policy and create a positive image of the state.

The second chapter of the 2016 Foreign Policy Concept [12], “The Modern World and the Foreign Policy of the Russian Federation”, states that the use of “soft power” tools to address foreign policy issues has become an integral element in modern international politics, in addition to traditional diplomacy methods. The 2021 version of the Russian National Security Strategy states: “Against the background of the crisis of the Western liberal model, some countries are deliberately trying to erode traditional values, falsify and distort world history, revise public perceptions of Russia’s role and status, revive fascism, and incite inter-ethnic conflicts. Fascism is being revived, and inter-ethnic as well as inter-religious conflicts are being fomented. Information campaigns are being conducted designed to reinforce Russia’s hostile image” [13]. In addition, the document stresses that “the widespread use of information technologies poses a serious threat to the security of Russian state information, in particular: espionage in cyberspace by foreign intelligence services, hacking, cyber-terrorist activities, unfriendly propaganda against Russia on social media, disinformation, etc.” [13]. Russia needs to highly prioritize information security, streamline its response actions, and strengthen its information warfare capabilities and strategies so as to succeed in information warfare against

Western countries. These two important documents issued by the Russian government in 2016 and 2021, the respectively, the elevate status of digital diplomacy tools in foreign policy to the level of national strategy elaboration and as a vital tool upholding national information security. The significance of digital diplomacy to project a positive image of Russia in the public consciousness of foreign citizens is augmenting as well, and social media plays an important role in Russia’s national image building contributing to the country’s success in foreign policy practices.

Over recent years, Chinese, Russian, and Western scholars have been carrying out research in digital diplomacy more pro-actively reflecting the fact that this research is both a theoretical hotspot and a practical challenge. Apart from that, the appropriate academic findings have laid a solid foundation for this paper [1; 4; 6; 9; 14; 19]. However, there is a lack of specific case studies in Russian digital diplomacy with China in the context of the Russian Special Military Operation in Ukraine in 2022, and there is a lack of in-depth research on the digital diplomacy practices of the Russian official institutions on Sina Weibo, a crucial Chinese social media platform.

Methods and materials. Having taken the official account of the Russian Embassy in China on Sina Weibo as an example, this paper uses content analysis to scrutinize the text of tweets posted on this account from January 1, 2022 to April 1, 2023 and evaluates the current environment of the Russian Embassy in China’s digital diplomacy practices in the context of the Russian Special Military Operation in Ukraine in terms of topic distribution, post content, and means of communication, as well as summarizes Russia’s digital diplomacy practices in the context of the Russian Special Military Operation in Ukraine. Also the study summarizes the strategic goals, features, and flaws in Russia’s digital diplomacy with China amid the Russian Special Military Operation in Ukraine, which will help China learn from Russia’s experience in digital diplomacy as a great power and rationalize its foreign communication.

Analysis. Construction of Russia’s digital diplomacy system towards China. In digital diplomacy, sources refer to the official institutions and individuals that disseminate information, as well as the officially controlled media [21]. In the field of digital diplomacy with China, Russia has

forged the major source systems consisting of the official institutions and mainstream media, which render technical and informational support for the country's foreign policy.

At the official institutions tier, this is represented by the official activities of the Embassy of the Russian Federation in China. Currently, the Russian Embassy in China has opened official accounts on five major Chinese social media platforms: ShakeYin, Sina Weibo, Today's Headline, Xigua Video, and WeChat [3]. Among them, Sina Weibo is a widely influential and representative Chinese social media platform, as well as an essential tool and platform for other embassies and consulates in China and foreign media to carry out digital diplomacy on the Chinese Internet. Sina Weibo's content is represented mainly by text and images, supplemented by video content and hashtag tracking, agenda setting, super talk, and word limit. According to the Sina Weibo User Development Report 2020 published by the Sina Weibo Data Centre, the microblogging user database continues to lure a younger audience, with the post-90s and post-00s accounting for nearly 80% of all users [15]. In other words, Sina Weibo is used primarily by young and middle-aged audiences aged 23–33. According to data published on the official website of the China Securities Journal, by the end of Q4 2022, Weibo had 586 million monthly active users, a net increase of 13 million year-on-year, and 252 million daily active users, a net increase of 3 million year-on-year, with the proportion of monthly active users from mobile reaching 95% in Q4 [16]. The Sina Weibo account of the Russian Embassy in China was registered in December 2011 and is an important Chinese social media outlet that broadcasts real-time updates on the latest news from Russia, the Russian Embassy, and Sino-Russian relations. Given the tensions between the West and Russia, in the context of the Russian Special Military Operation in Ukraine as well as sanctions and restrictions imposed on Russia by Western media platforms, the Chinese social media platform Sina Weibo has become one of the most meaningful channels for Russia to submit its position on issues of common concern to the international community.

At the mainstream media level, Russia has elaborated a system of media communication with China, represented by Russia Today TV (RT) and

the satellite news agency Sputnik. These two major media outlets have accounts on Sina Weibo and have 1.747 million and 11.675 million followers, respectively. Under this system, the main tasks of the official media holdings are to maintain the security of Russian state information, improve the public opinion environment in the international arena, and alleviate anti-Russian and Russophobic sentiment among foreign audiences triggered by the Russian Special Military Operation in Ukraine. The official microblog of the Russian Embassy in China establishes a well-established system of communication with China by retweeting articles or videos posted by RT and Sputnik accounts. For example, on October 17, 2022, the official microblogging account of the Russian Embassy in Beijing retweeted a report published by Sputnik on the awarding of a prize to the Moscow Chinese Mutual Aid Association by the former Ambassador Andrey Denisov, and on October 21 the account retweeted a video by RT on Maria Zakharova's response to Western allegations arguing the West's accusations against Russia were sheer robbery and responsibility shirking by NATO countries [20].

Obviously, the Russian digital diplomacy with China has formed a system relying on the Embassy in China, supplemented by Sputnik and RT mainstream media, which clearly assert Russia's national interests, voice the official political positions, and proactively repulse "information attacks" by the Western media. However, it is worth mentioning that President Putin and the Russian diplomatic corps have not yet registered their personal accounts on Chinese social media platforms. According to Russian Presidential Press Secretary Dmitry Peskov, Russian President Vladimir Putin himself has no intention of setting up personal accounts on social networking platforms such as Jitterbug [5]. Unlike the diplomatic corps, which had previously opened accounts in their personal names on Western media platforms, Russian diplomats have not opened personal accounts on any Chinese social media platforms, although the Director General of the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Zakharova, is proficient in Chinese. It also depicts the difference between Russian digital diplomacy with regards to Western countries and China. In the next section of the

case study, based on the advantages of Sina Weibo's total number of users and its outreach to young Internet users, the paper selects representative content posted by the Embassy of the Russian Federation in China on the Sina Weibo platform for reflection.

Case study: the embassy's "Weibo" diplomacy with China in the context of the Russian Special Military Operation in Ukraine. Since the Crimean crisis in 2014, the practice of Russian digital diplomacy abroad has been challenged as never before, with political trust between Russia and the West fading away, harsh Western sanctions against Russia, "information warfare" in cyberspace, disinformation, and cybersecurity, for example, the "Primakov" incident and the Skripal poisoning case in 2018 [18]. After Russia's special military operation against eastern Ukraine in February 2022, the US-led West used artificial intelligence, big data analysis, and other information and technological means to launch an "information war" against Russia. They imposed a series of severe sanctions, including restrictions on the activities of Russian official and mainstream media on Western social media platforms.

In this adverse international public opinion environment, Russia took a series of steps to counteract it head-on. The Federal Service for Monitoring Communications, Information Technologies, and Mass Media of the Russian Federation (Роскомнадзор) decided to block Twitter in Russia from March 4, 2022, in accordance with Article 15.3 of the Federal Law on Information, Information Technologies and Information Protection. This decision restricts access to programs containing websites of mass riots, extremist activities, and participation in mass events held in violation of established procedures [11]. In response, Twitter blocked the page of the Russian Embassy in London on March 10 to refute information about the Mariupol maternity hospital [7]. The Twitter account of the Russian television channel RT was also blocked on April 8 for its posts about the captured armed forces of the Ukrainian army [11]. Western media, represented by Facebook and Twitter, launched comprehensive sanctions against Russia. On August 5 the official English-language account of the Russian Foreign Ministry on Twitter was blocked for seven days for publishing excerpts of

a briefing by Lieutenant General Igor Kirillov, head of the Radiation, Chemical, and Biological Defense Unit (ПХБЗ) of the Russian Federation's Armed Forces, on US military biological activity [10]. In essence, the Russian Special Military Operation in Ukraine is a game between the great powers, and the United States, which is constantly "stoking the fire" in order to maintain hegemony. The US is arguably the beneficiary of the biggest geopolitical crisis of the post-Cold War period.

Faced with the suppression and "gagging" of the Western mainstream media, Russia has turned its voice to Chinese social media, actively engaging in digital diplomacy with China through the official accounts of its embassy in China and with the cooperation of mainstream media, in an attempt to subvert the autonomy and control of the US and Western countries over social media communication activities and public opinion and to express its political positions and disseminate meaningful views. The main strategic objectives of Russia's digital diplomacy with China are to use information technology to leverage direct dialogue with Chinese Internet audiences, counter negative reporting on Russia in the context of Western sanctions, criticize mainstream Western liberal discourse, promote Russian values, create a positive image of the Russian state, enhance national influence, and promote the comprehensive strategic partnership between Russia and China.

From January 1, 2022 to April 1, 2023, the Russian Embassy in China posted a total of 1,062 tweets [2]. As of April 1, 2023, @RussianEmbassyChina had 763,000 followers, 5.25 million cumulative retweets and likes, and 44.207 million total video views [2]. By comparison, the official account of the Embassy of Ukraine in Beijing (@乌克兰信使) has 186,000 fans, 4.637 million retweets and likes, and 30.667 million cumulative video views [17].

In terms of amount and frequency of posts, the former on this account changed tremendously in February and March before and after the Special Military Operation (i.e., from 16 in February to 79 in March). The highest number of posts during the selected period was concentrated in six months from March till October, with posts frequency exceeding 2.0 posts/day, with their overall downward trend in number and frequency since November 2022.

Posts on the official Weibo account of the Russian Embassy in China from January 1, 2022 to March 29, 2023

Month	@RussianEmbassyChina	Frequency
January 2022	15	0.48
February	16	0.53
March	79	2.55
April	71	2.37
May	64	2.06
June	51	1.70
July	58	1.87
August	64	2.13
September	75	2.50
October	67	2.16
November	56	1.87
December	47	1.52
January 2023	38	1.23
February	39	1.30
March	34	1.17

In terms of content and choice of topics for publication, the period from January 1 to February 22, 2022, prior to the “Special Military Operation”, was focused on the following areas: diplomatic activities and speeches by President Putin, diplomatic input by the Minister for Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov and the former Ambassador to China Andrey Denisov, Russian cultural exchanges (on the traditional Chinese New Year festival and promotion of Russian cinema, the Beijing Winter Olympics, the 8th Andrey Steyning International Photojournalism Competition), bilateral relations and cooperation between Russia and China in various fields (Russian-Chinese gas, vaccine cooperation, etc.).

From February 22, 2022 to March 28, 2023, the account was bringing out mainly political topics, statements and official Russian announcements on developments in Ukraine (including releases by the official bodies such as the Defense Ministry and Ministry for Foreign Affairs, Foreign Minister Sergei Lavrov, the official spokeswoman of the Russian Ministry for Foreign Affairs Mariya Zakharova, Deputy Chairman of the Security Council of the Russian Federation Dmitry Medvedev, Secretary of the Security Council of the Russian Federation Nikolai Patrushev and other diplomats and official representatives of the Russian Federation), statements or interviews on Russia’s Special Military Operation in Donbass, elucidation of the recent situation on the battlefield between Russia and Ukraine, refutation of the

disinformation campaigns and “information attacks” by the Ukrainian and US-Western media, as well as diplomatic efforts by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation. In addition, a slighter proportion of 37 articles were devoted to bilateral relations between Russia and China, cultural exchanges, and scientific and technological collaboration². Specifically, they include such topics as cultural exchange between China and Russia, scientific and technological cooperation, bilateral cooperation under the SCO aegis, traditional Chinese festivals, university entrance examinations, and the meeting of the Russian and Chinese heads of state. Four of the blog posts in March 2023 concerned President Xi Jinping’s state visit to Moscow after his re-election as the head of state.

In terms of communication methods, the team operating the official microblog of the Russian Embassy in China has demonstrated professionalism and proficiency in applying such microblogging-specific features as hashtags and events, along with event marketing capabilities. For instance, the hashtag “#ZakharovaResponse” (“#扎哈罗娃回应#”) was used to express Russia’s official position in response to the false information released by Western media, another round of sanctions against Russia declared by the US State Department and the insulting comments made by the Latvian Ministry of Foreign Affairs [2]. In addition, the hashtag “#Ukraineisaterroriststate” (#乌克兰是恐怖主义国家) generated a lot of debate among Chinese Internet users, seeking

factual justification for the “legitimacy” of the “special military operation.” In addition, engagement with the Chinese target audience was in limelight, emphasizing the proactive nature of issue-setting. An immediate communication mechanism was set up between the Russian expert team and ordinary netizens to proactively set issues and respond to netizens concerns. Through the hashtag “#RTasksyoutoaskquestions” (#RT 喊你来提问), Chinese netizens were asked about “Russian President Vladimir Putin’s partial mobilisation decree” (俄罗斯总统普京部分动员令), and TASS military expert Viktor Litovkin was invited to answer questions about “the referendum on accession of the four regions to Russia” (四个地区入俄公投), and “The use of nuclear weapons in the Ukraine conflict”(乌克兰冲突中使用核武器). The Russian Foreign Minister answered Chinese netizens’ questions on “the possibility of negotiations between Russia and Ukraine”(俄乌谈判的可能性) and other issues.

In terms of quantity of comments and likes, the target audience’s interest in the “special military operation” was concentrated between February 22 and March 31, 2022. After that span of time, the audience’s interest in this event dropped abruptly. Specifically, the number of retweets, comments, and likes on the post “Russian President Vladimir Putin signed a decree recognizing the independence of the Donetsk and Luhansk People’s Republics” on February 22, 2022 was 660, 7328, and 47,000, respectively. If we look at the number of likes as a reference, from January to February 2022, there were 8 posts with more than 10,000 likes, 6 of them in March 2022, and there were 20 blogs with more than 10,000 likes, in contrast to only 3 blogs with more than 10,000 likes in April. Noteworthy, on February 28, 2022, the post “Statement of the Russian Embassy in China on the Situation in Ukraine” received 263,000 likes, the highest number of likes and the most intense comments from the audience over the selected period³.

Yet, the study has also found out that digital diplomacy with China around the Russian “special military operation” is not bereft of shortcomings, i.e. the content posted on the official microblog of the Russian Embassy in China after the special military operation over-emphasized Russia’s official political position, with political

content and official overtones too prominent, except for 3-4 posts in December 2022 on Russian New Year food, 5 posts in January 2023 on Russian higher education, visa processing for Chinese citizens (Higher Economic University), the Ambassador’s wishes to the Chinese people for a Happy Chinese New Year, and 1 post in March on Russian cultural exchange, i.e. The rest of the content is too political. The content of the blog is not only about Russian cultural exchange but also about the official position of the Mariinsky Orchestra. In fact, in terms of content dissemination, it would be intriguing to combine cartoon satire and Russian diplomats’ rebuttals to the Western media in order to diversify communication forms and enrich the content accordingly, shaping a multifaceted and multilayered communication system. For example, on March 3, 2022, the account brought forward the Russian satellite news agency “Russian cats banned from international exhibitions in other countries” with the text “Russian cats don’t believe in cats”, protesting against Western sanctions in a witty and humorous way. Such content was adopted to counteract public resistance caused by an overemphasis on political positions.

Results. The rapid evolution of information technologies, the growing impact of new media, and the “information attacks” launched by the US and the West against the Russian government in international public opinion through social media networks have brought digital diplomacy to the level of official state policy in Russia. In the 2016 Foreign Policy Concept [12], the importance of using “soft power” tools to address foreign policy issues was acknowledged, highlighting the complementary role of information technology and communication methods to traditional diplomatic methods. In addition, the new Russian National Security Strategy for 2021 [13] considers hostile propaganda and disinformation attempts against Russia on social media as a threat to national information security and assigns strategic importance to the use of digital diplomacy in foreign policy.

The Embassy of the Russian Federation in China is the most representative official institution for Russia’s digital diplomacy with China. It has opened official accounts on several Chinese social media platforms to conduct digital diplomacy practices targeting Chinese Internet

audiences in various forms of communication and content, while Sina Weibo, with its large number of users and active users, is an influential and representative Chinese social media platform. In addition, Sputnik and RT, the two main media outlets, are the mainstays of the media communication system with China, firmly defending Russia's interests and national information security, shaping public opinion in favor of the Russian government, and mitigating international public pressure on Russia.

The Russian Embassy in China's "Weibo" diplomacy with China around the "special military operation" and the Russian Special Military Operation in Ukraine was spinning around the content and themes of the article "Russian President Vladimir Putin signed a decree recognizing the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic on February 22, 2022. Since then, the content has gone rather political, with a strong emphasis on Russia's official position. In terms of communication methods, the Russian Embassy's Weibo team has proven its professionalism and ability to market events through the use of hashtags and other Weibo-specific features. In addition, the target audience's interest and attention to a sudden hot topic lasts over a short period of time, mainly within a month after the event, which is also the key time to focus communication and highlight political stances in this regard. As public attention tends to wane, it is expedient to enrich the content of the communication, reduce the number of political statements, and diversify the forms of communication in order to be more targeted and exert a more effective and concentrated impact on the target audience.

NOTE

¹ This article is the result of the Liaoning Provincial Education Department's basic research project "Research on Russian Digital Diplomacy in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict" (project number: LJKMR20221527).

² The author's keyword search based on the content of blog posts published by the Russian Embassy in China.

³ The author's keyword search based on the content of blog posts published by the Russian Embassy in China.

REFERENCES

1. Bjola C. *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. New York, Routledge, 2015. 252 p.
2. *Eluosi Zhuhua Dashiguan Guanfang Weibo Zhanghao* [The Official Weibo Account of the Russian Embassy in China]. URL: <https://www.weibo.com/u/2503806417>
3. *Eluosi Zhuhua Dashiguan Guanwang* [Official Website of the Russian Embassy in Beijing]. URL: https://beijing.mid.ru/zh/embassy_chn/posolstvo_v_sotssetyakh_chn/
4. Greg S. Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message. *Public Relations Review*, 2014, vol. 40, iss. 3, pp. 440-449.
5. *Ke Gong: Pujing wu yi zai douyin deng she jiao meiti pingtai shang jianli zhanghao* [Kremlin: Putin Has No Intention of Creating Accounts on Social Media Platforms such as Shakeology]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1742856626406351107&wfr=spider&for=pc>
6. Kuznetsov N.M., Tsvetkova N.A. Diplomatiya dannyh Rossii: celi, tendencii, prognozy [Data Diplomacy in Russia: Goals, Trends, Forecasts]. *Vestnik of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. History. International Relations"*, 2022, no. 1, pp. 26-40.
7. *Lavrov nazval neobosnovannymi sankcii v otnoshenii MID RF v Twitter* [Lavrov Calls Twitter Sanctions Against Russian Foreign Ministry Unwarranted]. URL: <https://iz.ru/1320508/2022-04-14/lavrov-nazval-neobosnovannymi-sanktcii-v-otnoshenii-mid-rf-v-twitter>
8. Surma I.V. Cifrovaja diplomatija v mirovoj politike [Digital Diplomacy in World Politics]. *Gosudarstvennoe upravlenie* [Public Administration], 2015, no. 49, pp. 220-249.
9. Tsvetkova N.A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnoshenijah i metodologija ego izuchenija [The Phenomenon of Digital Diplomacy in International Relations and the Methodology of Its Study]. *Vestnik of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. History. International Relations"*, 2020, no. 2, pp. 37-47.
10. *Twitter zablokiroval akkaunt MID na anglijskom jazyke* [Twitter Blocked the Foreign Ministry's Account in English]. URL: <https://ria.ru/20220809/mid-1808367115.html?ysclid=lfouttwhin42161187>
11. *Twitter zablokiroval kanal RT* [Twitter Blocks RT's Channel]. URL: <https://iz.ru/1317684/2022-04-08/twitter-zablokiroval-kanal-rt>
12. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 g. № 640 «Ob utverzhenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.2016 No. 640 "On Approval of the Foreign Policy Concept

of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

13. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=0&rangeSize=1>

14. Valenza D. Russia’s Cultural Diplomacy in the Post-Soviet Space: The Making of “One People”. *Eurasian Geography and Economics*, 2022, no. 1, pp. 1-32.

15. *Weibo 2020 yonghu fazhan baogao* [SinaWeibo 2020 User Development Report]. URL: <https://data.weibo.com/report/reportDetail?id=456>

16. *Weibo 2022 nian zong yingshou 123.7 yiyuan* [SinaWeibo’s Total Revenue in 2022 is \$12.37 Billion]. URL: https://www.cs.com.cn/ssgs/gsxw/202303/t20230302_6326520.html

17. *Wukelan xinshi guanfang Weibo Zhanghai* [The Official Weibo Account of the Ukrainian Courier]. URL: <https://weibo.com/wukelanembassy>

18. Xu X. Eluosi gonggong waijiao tixi jianshe ji qi dui xifang de gonggong waijiao [Building the Russian Public Diplomacy System and Public Diplomacy to the West]. *Xi Bo Li Ya Yan Jiu* [Siberian Studies], 2020, no. 4, pp. 19-30.

19. You Y. Ji Yu She Jiao Mei Ti De Eluosi Shuzi Waijiao Shijian Yanjiu [A Study of Russian Digital Diplomacy Practices Based on Social Media]. *Chuan Mei Lun Tan* [Media Forum], 2022, no. 5, pp. 15-18.

20. *Zha Ha Luo Wa: Xifang Dui E de Susong Shi Zuo Zei Xin Xu* [Zakharova: #The West’s accusations against Russia are the work of a thief]. URL: https://m.weibo.cn/status/4826959484292058?sourceType=weixin&from=10CB295010&wm=20005_0002&featurecode=newtitle

21. Zhang X., Xiao B. Chuanbo Celue yu daguo shuzi waijiao – jiyu mei e guanxi xia eluosi shuzi waijiao de anli fenxi [Communication Strategies and Digital Diplomacy of Great Powers – a Case Study Based on Russian Digital Diplomacy in the Context of US-Russia Relations]. *Shijie Jingji yu Zhengzhi* [World Economy and Politics], 2021, vol. 1, pp. 134-160.

Information About the Author

Yin Simeng, Candidate of Science (Politics), Senior Lecturer, Faculty of International Relations, Researcher, Institute of Northeast Asian Studies, Dalian University of Foreign Languages, LüShun Nanlu St, 6, 116044 Dalian, China, yin.simeng@qq.com, <https://orcid.org/0009-0006-4151-4501>

Информация об авторе

Инь Сымэн, кандидат политических наук, старший преподаватель факультета международных отношений, исследователь Института исследований Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков, ул. Люйшунь Наньлу, 6, 116044 г. Далянь, Китай, yin.simeng@qq.com, <https://orcid.org/0009-0006-4151-4501>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.8>

UDC 323(73)
LBC 66.3(7 Cое),41

Submitted: 25.07.2022
Accepted: 13.03.2023

THE US CLIMATE AGENDA AS AN OPPORTUNITY FOR AMERICAN SOCIETY'S SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article's *introduction* includes a justification of the climate policy's dependence and socio-economic transformation in American society. The research's *purpose* is to substantiate that the climate crisis is a complex infrastructural issue that requires solutions from all institutions and spheres of American society to achieve sustainable development and leadership. The article's *materials* consist of international treaties, laws, and protocols that are adopted by the US Congress, the US government's orders and plans, US politicians' speeches and correspondence, research articles and monographs by famous scientists from various countries, the political practice's analysis of the presidential administration of J. Biden in the conditions of fulfilling the obligations assumed by the United States under the Paris Climate Agreement, as well as new social and economic problems related to the hydrocarbons' use. The article analyzes the Environmental Protection Agency's activities and the supporters' and opponents' actions regarding the use of fossil fuels. The *methodology* is based on the principles of scientific historical research; a rationalistic approach is used as a methodological approach, and two special historical methods are used as research methods: systemic and genetic. The study's *results* were updated plans and actions by the American government to address the climate agenda for the 2016–2020 period. As a result, the article's author comes to several conclusions, which are that the struggle for a fair energy transition during the 2016–2022 period made American society more polarized and divided taken the measures according to ideas and actions. The so-called BIPOC community began to play a special role in this movement as the main force in a period of change and as a hope for the creation of a more fair society in America. The Inflation Reduction Act (2022) created the conditions for American society's consolidation. The changes should be expected in 2023 as visible trends in socio-political modernization after the adoption of this law: for example, in healthcare, greater availability of medicines and lower prices for them, especially for insulin-dependent people; greater availability for more citizens in the health insurance sphere; reduction of citizens' costs for electricity and energy efficiency of household appliances; reduction of taxes for low- and medium-income citizens; a tangible reduction in harmful pollution from fossil fuels; and the expected reduction in cancer diseases among Americans.

Key words: United States, climate crisis, Climate policy, Environmental Protection Agency, Green New Deal, Build Back Better plan, Inflation Reduction Act, Just Transition, socio-political transformation.

Citation. Sokov I.A. The US Climate Agenda as an Opportunity for American Society's Socio-Political Transformation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 85-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.8>

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА США КАК ВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение* статьи включает обоснование зависимости климатической политики и социально-экономической трансформации в американском обществе. *Цель* излагаемого исследования состоит в обосновании тезиса, что климатический кризис это проблема, требующая комплексных инфраструктурных изменений. В качестве *материалов* используются международные договоры, законы и протоколы, принятые Конгрессом США, распоряжения и планы правительства США, выступления и переписка политических деятелей США, исследовательские статьи и монографии ведущих ученых из различных стран. Проводится анализ политической практики администрации президента Джо Байдена в условиях выполнения принятых на США обязательств по Парижскому климатическому соглашению, а также новых встречных социальных и экономических проблем, связанных с использованием углеводородов. В статье анализируется деятельность Агентства по охране окружающей среды, действия сторонников и противников применения ископаемого топлива. В основу используемой *методологии* положены принципы научного исторического исследования, в качестве методологического подхода использован рационалистический подход, в качестве методов исследования применены специально-исторические методы: системный и генетический. *Результатами и выводами* исследования стали утверждения автора о том, что борьба за справедливый энергетический переход в период 2016–2020 гг. сделала американское общество более поляризованным и разделенным по представлениям и действиям о принимаемых мерах. Особую роль в этом движении стала проявлять так называемая общность «бай-пок» (BIPOC) как основная сила в период перемен и как надежда на создание более справедливого общества в Америке. Принятый в 2022 г. закон о снижении инфляции создал условия для консолидации американского общества. В качестве видимых тенденций социально-политической модернизации после утверждения этого закона, следует ожидать в 2023 г. изменения: в здравоохранении по большей доступности лекарств и снижения на них цен; большей доступности числа граждан по медицинскому страхованию; снижению затрат граждан на электроэнергию и повышение энергоэффективности бытовой техники; снижение налоговой нагрузки для мало- и среднеобеспеченных граждан.

Ключевые слова: США, климатический кризис, климатическая политика, Агентство по охране окружающей среды США, «Зеленый новый курс», «Построим заново лучшую Америку», «Закон о снижении инфляции», справедливый переход, социально-политическая трансформация.

Цитирование. Соков И. А. Климатическая повестка США как возможность социально-политической трансформации американского общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 85–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.8>

Введение. Перед лицом климатического, экономического, а также кризиса социальной справедливости в США возникает вопрос о том, как может трансформироваться американское общество. Климатическая политика ведет к трансформации самого общества, потому что представляет собой грандиозные инфраструктурные новации с далеко идущими экономическими, социальными, политическими и стратегическими последствиями. Она подразумевает, в частности, борьбу с нищетой, иной путь роста и развития, изменение

правил в торговле, миграции и здравоохранении, смену парадигмы энергетической безопасности. А принятые сроки по энергетическому переходу требуют от национального правительства планирования и приверженности климатической политике на протяжении нескольких десятилетий. Как сказала профессор Гарвардской школы права Джоди Фримэн: «Климатическая политика – это сложная задача из-за коротких временных периодов работы американской политической системы, которая действует в двух-, четырех- и шести-

летних циклах» [20, р. 4], имея в виду разные подходы Демократической и Республиканской партий к реализации климатической политики в условиях их непримиримой конкуренции в коротких циклах нахождения у власти.

Понятно, что проблемы окружающей среды могут решаться только при совместных усилиях ученых, промышленников и политиков. Имеющийся американский опыт в области борьбы с загрязнением окружающей среды, трансформации промышленности и энергетики по зеленому пути позволяет считать, что при имеющихся научных разработках и технологиях в решении климатического кризиса необходима политическая воля властных институтов США.

В монографии «Диверсификация власти» эксперт по энергетике Дженни К. Стивенс утверждает, что ключом к эффективному решению климатического кризиса является диверсификация лидерства, чтобы «антирасистские, феминистские приоритеты были центральными» [40, р. хix]. Дженни Стивенс более подробно рассматривает лидерство в области климата и энергетики, связанное с созданием рабочих мест и экономической справедливостью, здравоохранением и питанием, жильем и транспортом. Она рассматривает, почему американцам нужно сопротивляться, инвестируя в смелое разнообразное лидерство, чтобы обуздать «элиту загрязнителей». Поэтому принятие президентом Джо Байденом «Зеленого нового курса» (Green New Deal – GND) [30; 42] и плана инфраструктурной перестройки – «Построим заново лучшую Америку» (Build Back Better plan) [43] отвечает взглядам большинства американцев.

Прошедшие два года работы администрации Джо Байдена позволяют сделать предварительные выводы как о выполнении намерений, так и о появившихся тенденциях социально-политической трансформации в американском обществе.

Методы и материалы. В основу используемой методологии положен принцип историзма, который позволил исследовать исторические факты, касающиеся охраны окружающей среды в США за период XXI в. в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, принцип историзма позволил сравнить и сопоставить различные подходы адми-

нистраций президентов в решении вопросов климатического кризиса, выявить в них общее и особенное. Применение принципа объективности позволило рассматривать климатический кризис как историческое явление, связанное с деятельностью человека, как событие быстрорастущего влияния американской цивилизации на изменения в климате во всей его многогранности и противоречивости.

Рационалистический подход позволил понять непоследовательность климатической политики США на протяжении XXI в. различными институтами американской политической системы. Разрыв между научным пониманием необходимости борьбы с климатическим кризисом и экономическими интересами американского бизнеса создал рационалистически достаточные меры в продолжении добычи и переработки ископаемого топлива.

Генетический метод исследования позволил установить причинно-следственные связи в проводимой американской климатической политике, системный метод дал возможность определить взаимосвязь между климатической политикой и социально-политической трансформацией американского общества на протяжении рассматриваемого периода.

Анализ. Климатическая политика в США складывается из действий четырех сил: Агентства по охране окружающей среды (Environmental Protection Agency – EPA), Правительства и Конгресса, общественных движений «зеленых» и корпоративных коалиций от промышленности.

1. Климатическая политика Агентства по охране окружающей среды США. Основой деятельности Агентства по охране окружающей среды США являются научные исследования ученых-экологов и климатологов. В 1983 г. сотрудники лаборатории «Стратегических исследований», еще малоизвестные в академической среде из Агентства по охране окружающей среды (EPA) подготовили отчет, в котором указывалось, что из-за возрастающих атмосферных концентраций углекислого газа глобальные средние температуры могут увеличиться на 2 градуса Цельсия к середине XXI в., что «вероятно» будет сопровождаться «разительными переменами» в климате, способствующими разрушению условий для поддержки окружающей среды

[20, p. 1]. Выводы отчета говорят о необходимости принятия политических и экономических мер, в том числе введение налога на ископаемое топливо, запрет на использование угля и сланцевой нефти [20, p. 1–2]. Научный советник президента Р. Рейгана Джордж А. Кейворт (George A. Keyworth) назвал этот отчет «необоснованным и излишне тревожным» (unwarranted and unnecessarily alarmist) [37].

В течение последующих 40 лет ЕРА исследовало, моделировало и анализировало воздействие климата, разрабатывало стратегии смягчения, доводя свои результаты до американского Правительства и Конгресса, освещала общественность, участвовало в международных программах по предотвращению климатического кризиса.

В конечном счете климатическая политика ЕРА и ее эффективность в большей степени зависели: от непоследовательных, а порой и от регрессивных действий американского правительства в вопросе климатической политики, а также в отсутствии или слабости доказательной базы в исследованиях ученых-экологов. Их работы содержали предположительные сценарии процесса изменения климата, при недостаточной статистической базе происходящих изменений от извлечения и использования ископаемого топлива. В то же время профессор Джоди Фримэн считает, что ЕРА, безусловно, сыграла свою положительную роль в климатической политике США, несмотря на то что не смогла взять на себя инициативу по решению климатических проблем, меняла часто правила регулирования из-за изменения федерального законодательства, заставляющего его работать в определенных юридических границах, в которых существовала нестыковка требований внутренней и внешней климатической политики США, при прямом противодействии со стороны промышленных энергетических предприятий [20, p. 4–5].

2. Климатическая политика американского Правительства и Конгресса в XXI веке. Президент США Дж. Буш – мл. в 2001 г. начал свою деятельность с создания «Группы по разработке национальной энергетической политики» (National Energy Policy Development Group – NEPDG), которую возглавил вице-президент Дик Чейни [45]. Ее

главные цели состояли в разработке национального энергетического плана, способного снизить зависимость страны от импорта нефти, снизить рост цен на энергоносители.

Здесь необходимо отметить, что климатическая повестка первые полгода администрации Дж. Буша – мл. была одной из главных до событий 9/11. Первый отчет рабочей группы Чейни был опубликован в мае 2001 года. Он включал предложения по поддержке ядерной энергетики, мер по энергосбережению и энергоэффективности, предлагал необходимость введения налоговых льгот для инвестиций в возобновляемую энергетику [31, p. xi–xv].

США не ратифицировали Киотский протокол, считая, что этот документ требует доработки, так как установленные соглашения квоты на выброс парниковых газов для каждой страны не учитывали вклад развитых государств в мировую экономику и не способствовали проведению эффективной климатической политики развивающимися странами.

В целом администрация президента Дж. Буша – мл. сделала больше, чтобы сдержать климатическую политику, чем ее расширить: от неподдержки билля по регулированию выбросов углекислого газа с электростанций, работающих на угле и мазуте до непризнания угрозы от роста выбросов парниковых газов. Несмотря на то что экологическое регулирование предполагалось с позиций рыночного подхода, основанного на торговле эмиссионными квотами (cap-and-trade approach), оно так и осталось невыполненным обещанием [7].

Президент Б. Обама в период первого срока в качестве своих первоочередных планов в области законодательства декларировал не только меры по оживлению экономики, находящейся в кризисе и реформу здравоохранения, но и принятие закона о контроле над климатом, несмотря на очевидные трудности его принятия обеими палатами Конгресса [32]. Исполнительными указами в мае 2009 г. он установил первые федеральные нормы по ограничению выделения углекислого газа новыми автомобилями и легкими грузовиками [20, p. 53]. Исполнение этих норм в США называют «Автомобильной сделкой» (Car Deal) президента Б. Обамы, потому что ведущие аме-

риканские автокомпании приступили к модернизации автомобилей в обмен на финансовую помощь правительства [34].

Несмотря на то что спикер Нэнси Пелоси умело консолидировала голоса демократических членов Нижней палаты и билль по климату (American Clean Energy and Security Act of 2009 – ACES) был передан в Конгресс в июле 2009 г., к весне 2010 г. законопроект по климату уже «был мертв». Поскольку не было никаких перспектив преодолеть угрозу обструкции со стороны республиканцев, законопроект так и не был вынесен на рассмотрение Сената для обсуждения или голосования [36]. К тому же взрыв и пожар на нефтяной платформе Дипуотер Хорайзен (Deepwater Horizon) в Мексиканском заливе 20 апреля 2010 г., приведшие к крупнейшей экологической катастрофе в истории США и перешедший контроль республиканцев в Палате представителей осенью того же года, свернули правительственную климатическую и энергетическую политику.

Переизбравшись на второй срок, Б. Обама вновь приступил к климатической политике. Его доклад о положении в стране, представленный в феврале 2013 г., содержал угрозу в отношении Конгресса по вопросу принятия закона о климате, которая заключалась в том, что, если не будет найден двухпартийный консенсус по принятию закона, то администрация примет прямые исполнительные указы [35]. В июне Белый дом объявил о введении в качестве дорожной карты всеобъемлющий План действий по изменению климата (Climate Action Plan) [44].

Этот план стал основой для принятия американских обязательств в Парижском соглашении по климату в 2015 г., потому что позволил преодолеть структурные противоречия Киотского протокола. Соглашение впервые обязало все основные экономики мира на добровольной основе по выбранным им срокам внутри своих стран сократить выбросы парниковых газов, снизить углеродоемкость национальных экономик и перейти к более чистой энергетике [33].

Следует признать, что президент Б. Обама сделал больше из всех его предшественников в области сохранения климата. Во внутренней политике им были проведены два важ-

ных решения: внедрение экологических стандартов для транспорта и топливной промышленности, и выполнение Плана действий по изменению климата через ЕРА.

Период Д. Трампа характеризуется отходом от климатической повестки, когда связь «между господством белых, разрушением окружающей среды и зависимостью от ископаемого топлива» стала значительной [40, р. xx]. Президент Д. Трамп начал демонтировать климатическое наследие Б. Обамы. Он отменил План действий в области климата [46], вышел из Парижского соглашения [27; 28], ослабил контроль за углеродным загрязнением. Были отменены стандарты по выделению метана во время нефтегазовых разработок, понижены стандарты по выхлопу углекислого газа для транспорта [47]. Администрация США подрывала работу ЕРА как регулирующего органа, заменив экспертный совет консультативным комитетом, ограничив доступ научных публикаций о климате для американской общественности [15].

Между тем надо признать, что американский выход из Парижского соглашения по климату не оказал «прямое влияние на увеличение внутренних выбросов парниковых газов в США» [39, р. 12]. Основное беспокойство сторонников климатической повестки состояло в том, что этот шаг США вынудит развивающиеся страны (Китай, Индию, Бразилию и др.) пересмотреть свои обязательства в этом соглашении.

Победа Джо Байдена на выборах президента США во многом объясняется его планом «построить современную устойчивую инфраструктуру и справедливое будущее в эпоху чистой энергии» в стране [43]. В целом же демократы крупно проиграли в Палате представителей на выборах 2020 года. Их число сократилось на 4 места. Чтобы победить на промежуточных выборах в 2022 г. демократы должны были поддержать так называемые «прогрессистские ценности» – политику в области климата, здравоохранения и расового равенства [16]. Причем на первом месте стоит решение именно вопросов климатического кризиса, потому что 10 из 11 демократов Палаты представителей потеряли свое место из-за того, что не были сторонниками зеленой экономики [16].

Опросы населения фирмой «Данные для прогресса» (Data for Progress – DFP) американского левого мозгового центра показали, что 82 % демократов, 60 % независимых и даже 28 % республиканцев поддержали принятие программы «Зеленого нового курса» [12].

Следует отметить, что в 2021, еще пандемийном году, произошел целый ряд политических событий по противодействию климатическому кризису: США вернулись в Парижское соглашение по климату; Межправительственная группа экспертов по климату опубликовала новый доклад изменения климата, который, по словам Генерального секретаря ООН, послужил «красным кодом для человечества»; ситуация в области климата вышла на первое место в политической повестке дня в столицах мира; в ноябре 2021 г. в Глазго, в Шотландии успешно прошла 26-я конференция ООН по изменению климата (КС26). Хотя стоит признать, что ее решения не выводят мир на путь выхода из климатического кризиса [9].

С принятием 2021 г. GND президент Джо Байден поставил задачу доказать стране и миру, что США могут достичь цели по сокращению выбросов в два раза за текущее десятилетие. Однако некоторые американские исследователи считают, что GND, несмотря на кажущуюся революционность, «не способен стабилизировать глобальное потепление... Такая политика должна сопровождаться прямыми мерами по сокращению использования ископаемого топлива» [13, р. 219].

В то же время производство сжиженного природного газа (далее – СПГ), которое США наращивали в 2020 г., сделало их крупнейшим экспортером СПГ в мире к декабрю 2021 г., увеличив экспортные мощности в 5 раз по сравнению с 2019 г. [41]. Это позволило не только увеличить торговую прибыль от продажи американского газа, но и снизить внутренние цены на энергоносители. Возникает вопрос, почему заявленные цели не согласуются с политической практикой администрации Дж. Байдена? Анализ американских публикаций за 2021–2022 гг. позволяет на него ответить.

Как пишет исследователь Дарио Кеннер, на политику Вашингтона сильно влияет «элита загрязнителей» (polluter elite) – чрезвычай-

но богатых людей, собственный капитал которых, роскошный образ жизни и политическое влияние являются результатом их инвестиций в ископаемое топливо [24]. Это заключение подтверждается выступлением президента Джо Байдена на климатическом саммите в Глазго в 2021 г., где он определенно выступил о реализации программы «Зеленый новый курс»: «...будем ли мы действовать? Мы должны. Не только тогда, когда это удобно с дипломатической точки зрения, но и всякий раз, когда наука о климате и математике станут понятны» [41]. В данном случае под термином «математика» президент США имел в виду способность американского бюджета поддерживать меры по продвижению климатической повестки.

Следует подчеркнуть, что СПГ представляет собой тройную угрозу для климата: выбросы метана выше, чем при добыче угля; энергоемкий процесс сжижения и выбросы углекислого газа при сжигании в совокупности делают СПГ одним из самых грязных видов топлива на планете, сводя на нет любые предполагаемые преимущества по сравнению с углем, подрывая развитие возобновляемых источников энергии. Фактические выбросы при добыче, транспортировке, сжижении и повторной регазификации СПГ почти равны выбросам, образующимся при сжигании этого продукта, что фактически удваивает его воздействие на климат. Однако в США уже несколько лет упорно продвигается идея об «углеродно-нейтральном СПГ» (carbon-neutral LNG), как ранее в историческом прошлом ими продвигалась маркетинговая кампания «технологии чистого сжигания угля» (clean coal), в которой климатическая реальность отбрасывалась ради желания продать. Можно напомнить, что еще в 2008 г. на канале NBC Нэнси Пелоси назвала СПГ «чистой и дешевой альтернативой ископаемому топливу» [29].

В 2021 г. СПГ успешно использовался не только в торговле, когда его экспорт в Китай утроился, но и в дипломатии. США сумели убедить Германию и Евросоюз в целом не запускать российский «Северный поток-2» в обмен на обещание снабжать их своим СПГ.

В противостоянии с Россией США фактически обрекли страны Евросоюза на отмену своих же решений по зеленой энергетике,

заставив финансово вложиться в инфраструктуру по импорту более дорогого и более грязного СПГ на десятки млрд долларов. Рональд Крамер, профессор университета западного Мичигана такой подход характеризует как «корпоративно-государственный сговор, который главным образом виноват в том, что увековечивает глобальное потепление и сдерживает действия по предотвращению или предупреждению дальнейшего изменения климата» [25, р. xi].

События 2022 г., связанные с проведением Россией специальной военной операции (СВО) на Украине по ее демилитаризации и денацификации, прямо показали, что для США климатический кризис не главный аргумент их внутренней и внешней политики. Сохранение глобального американского порядка, которое США пытаются отстоять в противостоянии с Россией и КНР, – главная задача нынешней администрации Джо Байдена.

3. Борьба общественных движений за справедливый переход. Основой социального движения в поддержку климатической политики является движение за справедливый переход (Just Transition – JT), как расширение традиционных представлений о социально-экологической справедливости. В США сообщества «бай-пок» (Black, Indigenous and People of Color – BIPOC) традиционно получали меньшую пропорцию выгод от новых энергетических технологий, и это стало предпосылкой для формирования «Альянса за справедливый переход» (Just Transition Alliance – JTA) [23]. В дальнейшем к этому движению примкнули семьи рабочих и фермеров с низкими доходами, представители женского движения и защитники окружающей среды [1, р. 13].

Альянс за справедливый переход считает, что ни правительство США, ни Конгресс, ни Агентство по охране окружающей среды не преследуют целей справедливого перехода и поэтому говорят, что «наши общественные движения никогда бы не согласились на то, чтобы лисы охраняли курятник» [26]. Эти общественные организации утверждают, что принятая концепция достижения «чистых нулевых выбросов» (Net-zero emissions), является неолиберальной спекулятивной схемой, которая, с одной стороны, вводит рыночную

торговую систему под названием «Ограничение и торговля» (Cap and Trade), новые налоги, такие как углеродный налог (Carbon Tax), компенсационные выплаты «Ограничение и дивиденды» (Cap and dividends), а с другой – не защищает при переходе бедные слои населения. Эти организации также утверждают, что логика перехода должна заключаться не только и не столько в снижении уровня использования ископаемого топлива, сколько в логике снижения неравенства различных групп населения, в изменении моделей и методов социально-экологических отношений.

Требую энергетическую демократию (Energy democracy) JTA разработали принципы экологической справедливости (Principles of Environmental Justice), которые, как они надеются, «могут помочь привлечь внимание к решающим отношениям между функционирующей окружающей средой и достижением социальной справедливости для всех людей» [2, р. 336].

Американский Совет по энергоэффективной экономике (American Council for an Energy-Efficient Economy) в сентябре 2020 г. опубликовал отчет, в котором признал, что в США 60 %, или 15,4 млн, домашних хозяйств с низким доходом отягощены высокой оплатой за электроэнергию (10 % от дохода) [14]. В число этих домохозяйств входят «семьи афроамериканцев, латиноамериканцев, индейцев и домашние хозяйства пожилых людей... жилье которых располагается в старых зданиях потребляющих большую энергию» [14].

Существующее положение ведет к «растущему недоверию к политическим элитам» [3], осуществляющим энергетический переход. Среди национальных лидеров, сопротивляющихся власти этой элиты и считающих ее ответственной за сложившийся порядок: Элизабет Уоррен, Александрия Окасио-Кортес, Берни Сандерс и еще многие активно действующие американцы [40, р. 25].

4. Климатическая политика промышленных энергетических предприятий. Промышленные энергетические предприятия, которых в США «окрестили» как «загрязнители», имея значительный финансовый потенциал с 1990-х гг. энергично противостояли мерам правительственной политики в области климата. Для обоснования ненужности или

преждевременности мер в области климатического регулирования они привлекали не специалистов-экологов, а хорошо ими оплачиваемых экономистов. Последние в своих расчетах завышали прогнозируемые затраты, игнорировали выгоды от политики в области климата. При этом результаты их исследований представлялись общественности как независимые, а не спонсируемые отраслью. Эти исследования сыграли ключевую роль в подрыве климатической политики в США на протяжении трех последних десятилетий, и фактически избавили промышленные энергетические предприятия от угрозы регулирования, защитив их коммерческие интересы.

Особую роль в торможении американской экологической повестки сыграл консервативный мозговой центр – институт Джорджа К. Маршалла (George C. Marshall Institute – GMI). Хотя он создавался как независимый научный центр по вопросам государственной политики, но, получая финансовую поддержку от нефтегазовой индустрии, в своих исследованиях отрицал последствия от изменения климата [48]. В 2015 г. GMI был официально закрыт, но в том же году уже имел преемника – Коалицию CO₂ (CO₂ Coalition), некоммерческую организацию, также отрицающую последствия изменения климата. Она спонсировалась фондом семьи Мерсер и братьев Кох. Данная коалиция 8 мая 2017 г. организовала коллективное письмо-благодарность президенту Д. Трампу за выход США из Парижского соглашения по климату [28].

В направлении ослабления, отсрочки и провале широкого спектра политики в области климата сыграла многопрофильная консалтинговая фирма Чарльз Ривер Ассошиэйтис (Charles River Associates – CRA). Так, введенный президентом Б. Клинтонем гибридный налог на энергию и углерод в размере 100 млрд долл. США, названный налогом БТЕ (Btu tax) был раскритикован докладом CRA, как «мера без убедительных научных доказательств» [18, p. 566].

Американский институт нефти (American Petroleum Institute – API) на протяжении последних тридцати лет заказывал экономистам У.Д. Монтгомери (W.D. Montgomery), П.М. Бернштейну (P.M. Bernstein) и Т. Резерфорду (T. Rutherford) исследования о необоснован-

ности и даже вредности проведения климатической политики. Дважды, в 2003 и в 2005 г. сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Либерман представляли в Конгресс «Закон об охране климата» (Climate Stewardship Act), который включал национальную программу ограничения выбросов углерода и торговлю квотами, и дважды лоббисты из CRA представляли доклады в Сенат, которые способствовали отклонению этого законопроекта [10]. До конца своего президентства Дж. Буш – мл. еще дважды (в 2007 и 2008 г.) направлял в Конгресс законопроекты об управлении климатом, но доклады CRA убеждали законодателей в обратном: «К 2030 году будет потеряно 5 млн рабочих мест... В среднем покупательная способность американского домохозяйства может снизиться на 1 700 долл. США к 2030 году» [18, p. 566].

Политика лоббизма компаний по добыче ископаемого топлива продолжалась и в период президентства Б. Обамы. Законопроекты правительства отклонялись в Конгрессе, и администрация президента переключила свое внимание на исполнение «Закона о чистом воздухе». Но и в этом случае CRA выступала против сокращения добычи ископаемого топлива. При этом следует признать, что экспертные экономические доклады CRA ни разу не были оспорены ни в академическом сообществе, ни в американском суде.

В 2017 г. для обоснования выхода из Парижского соглашения по климату [27] президент Д. Трамп привел отчет, подготовленный У.Д. Монтгомери, П.М. Берштейном и др. экономистами, оплаченный Американским советом по формированию капитала (American Council for Capital Formation – ACCF) [4]. В отчете утверждалось, что эта мера позволит увеличить число рабочих мест на 6,5 млн и увеличит среднегодовой доход домохозяйства на 7 000 долл. США [38].

Вместе с тем следует признать, что США за последние 30 лет сделали значительные инвестиции в охрану окружающей среды [19, p. 664].

Американский эконосоциолог Роберт Брюлле (Robert J. Brulle) считает, что в США к 2015 г. сформировалась политическая коалиция «Противодействие изменению климата» (Climate change countermovement –

СССМ), состоящая из более 2 000 организаций: промышленных корпораций, торговых ассоциаций, «мозговых центров». Ядро СССРМ составили 179 влиятельных организаций угольного и электроэнергетического секторов [5, р. 603]. Другие исследователи указывают, что в «углеродную коалицию» (Carbon Coalition) входит более значительное число фирм, чем указывает Р. Брюлле, так как зависимость всех предприятий (от добычи ископаемого сырья до реализации конечного продукта) в торговых цепочках поставок очень существенна и эта зависимость создает сторонников «углеродной коалиции» [11, р. 69].

Нигде политизация науки не выражена так ярко, как в контексте изменения климата. Это нашло свое отражение в разделении республиканских и демократических избирателей на тех, кто привержен решению климатического кризиса, и тех, кто, наоборот, считает этот вопрос несущественным [6]. Политические разногласия тормозят разработку политики по борьбе с изменением климата. Эти политически разные точки зрения действуют как на уровне элиты, так и среди массовой общности. Успешные и длительные усилия по решению проблемы изменения климата потребуют поддержки со стороны всех слоев американского общества [21].

Корпоративные коалиции создаются как для содействия климатической политике, так и против нее. Наиболее значительной из них является поддерживающая коалиция «Мы все еще в [Соглашении]» (We Are Still In). Она состоит из более чем 2 900 фирм, правительственных учреждений и неправительственных организаций, которые сформировались в знак протеста против выхода администрации Трампа из Парижского соглашения по климату [49], против – «Американцы за сбалансированный энергетический выбор» (Americans for Balanced Energy Choices) – является коалицией 27 фирм и торговых ассоциаций, которые действовали в 2000–2008 гг. и выступали против мер по сокращению потребления ископаемого топлива в целях смягчения изменения климата [11, р. 76].

5. Первые тенденции социально-экономической трансформации в США, связанные с проведением климатической политики администрацией Джо Байдена. 16 августа 2022 г. президент США Джо Бай-

ден подписал «Закон о снижении инфляции» – Inflation Reduction Act of 2022 (далее – IRA) [22]. Это был компромиссный и итоговый вариант администрации президента по двум инициативам: программе «Зеленый новый курс» и законопроекту «Построим заново лучшую Америку», против которых имелись серьезные возражения республиканских конгрессменов и сенаторов. Сам закон очень сложный, так как имеет в своем содержании использование как разных сроков для различных мероприятий (от срока 2025 г. до 2050 г.), так и денежных средств на них из различных источников. Поэтому для реализации IRA президентом Джо Байденом 12 сентября 2022 г. был подписан «Исполнительный указ о выполнении положений “Закона о сокращении инфляции” 2022 г. в области энергетики и инфраструктуры» (Executive Order on the Implementation of the Energy and Infrastructure Provisions of the Inflation Reduction Act of 2022) [17]. По этому Указу при правительстве было создано «Управление по инновациям и внедрению экологически чистой энергии» (White House Office on Clean Energy Innovation and Implementation), которое должно координировать процесс разработки политики в отношении реализации положений «Закона об энергетике и инфраструктуре» и других важных инициатив. Кроме того, для межведомственной координации была утверждена «Национальная целевая группа по климату» (National Climate Task Force – Task Force). Целевую группу возглавил старший советник президента по инновациям и внедрению экологически чистой энергии. В группу вошли министры различных министерств и ведомств, задействованных в реализации Закона. Приглашаться для работы группы могут руководители департаментов, агентств и управлений [17].

«Закон о снижении инфляции» вступил в силу с 1 января 2023 г., однако отдельные его положения вступят в силу позднее [22]. Так например, положения об отпускаемых по рецепту лекарствах: начиная с 2023 г. ограничены ежемесячные затраты на инсулин до 35 долл. США для людей, пользующихся программой Medicare; с 2024 г. – расширено право на получение полных пособий в рамках программы субсидирования людей с низким доходом Medicare, часть D; с 2026 г. – ограни-

чение цен на некоторые дорогие лекарства, подпадающие под действие частей В и D программы Medicare; с 2027 г. – дальнейшая задержка реализации правила о льготах на лекарства, введенных администрацией Д. Трампа в 2020 г. [8].

Уменьшение затрат на отпускаемые по рецепту лекарства по различным расчетам может охватить 5–7 млн чел., и 50 млн американцев, получивших страховку Medicare Part D, будут спокойны, зная, что их расходы в аптеке не превысят 2 000 долл. в год, 3,3 млн чел. больных диабетом ограничат свои годовые расходы на инсулин 35 долл., 13 млн чел. сэкономят 800 долл. США на медицинской страховке ежегодно, уровень незастрахованных снизится до 8 %, и это будет самый низкий уровень за всю историю США [8].

Что касается энергоперехода, то семьи, покупающие электромобили, будут экономить более 1 тыс. долл. США в год за счет государственных субсидий. На покупку тепловых насосов или другой энергоэффективной бытовой техники семьи будут экономить не менее 350 долл. США в год в виде прямых потребительских скидок. При установке солнечных батарей на своих крышах с 30%-ным налоговым кредитом сэкономят семьям 9 000 долл. США в течение срока службы системы или не менее 300 долл. в год. В виде налоговых льгот при покупке новых электромобилей семьи получают до 7 500 долл. США, а поддержанных – 4 000 долл. США [38].

Внедрение экологически чистой энергии и уменьшение загрязнения частицами ископаемого топлива позволит к 2030 г. избежать до 3 900 преждевременных смертей и до 100 000 приступов астмы ежегодно, а также снижения на 50 % онкологических заболеваний [8].

Необходимо также отметить, что принятие Закона о снижении инфляции положительно сказалось на снижении политической поляризации в американском обществе. Заметно снизилась активность движения «Жизни черных имеют значение» (LBM), радикальных иммигрантских групп, «Партии зеленых Соединенных Штатов» (Green Party of the United States) и др. Все это позволяет говорить о наметившихся тенденциях в социально-политической модернизации в США.

Результаты и выводы. Проблема изменения климата сильно поляризовала американское общество в период 2016–2020 гг., что привело к тому, что представления об изменении климата стали переплетаться с политическими убеждениями. Тем не менее общественная поддержка сокращения использования ископаемых энергетических ресурсов и увеличения использования возобновляемых источников с каждым годом становились все ощутимее и весомее для выхода на политическую арену новых политических лидеров на федеральном, штатном и муниципальном уровнях.

Выдвижение программы «Зеленый новый курс», законопроекта «Построим заново лучшую Америку» и внесение их основных положений в «Закон о снижении инфляции» позволили перейти к практической реализации климатической политики в соответствии с принятыми обязательствами Соединенных Штатов по Парижскому соглашению о климате 2015 года.

«Закон о снижении инфляции» 2022 г. предусматривает не только крупнейшие в истории США инвестиции в развитие чистой энергетики и борьбу с изменением климата, но и существенную модернизацию американской инфраструктуры, которые по оценке американских экспертов, позволят сохранить технологическое и политическое лидерство Америки в мире на многие годы. Насколько реализация американской климатической политики будет успешной – покажет время.

REFERENCES

1. A Social Contract for Decarbonization. *Renewable Resources Journal*, 2021, vol. 36, no. 4, pp. 12-18.
2. Agyeman J., Schlosberg D., Craven L., Caitlin M. Trends and Directions in Environmental Justice: From Inequity to Everyday Life, Community, and Just Sustainabilities, October 2016. *Annual Review of Environment and Resources*, 2016, vol. 41, pp. 321-340. URL: <https://ssrn.com/abstract=2859482>
3. Ainscough J., Willis R. The Fight for a Social Mandate for Net Zero. *IPPR Progressive Review*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 371-374. DOI: 10.1111/newe.12283
4. Bernstein P., Montgomery W.D., Tuladhar S., Ramkrishnanet B. *Impacts of Greenhouse Gas Regulations on the Industrial Sector*. Washington,

- D.C., NERA Economic Consulting, 2017. 149 p. URL: <https://www.nera.com/content/dam/nera/publications/2017/170316-NERA-ACCF-Full-Report.pdf>
5. Brulle R.J. Networks of Opposition: A Structural Analysis of U.S. Climate Change Countermovement Coalitions 1989–2015. *Sociological Inquiry*, 2021, vol. 91, iss. 3, pp. 603-624. DOI: <https://doi.org/10.1111/soin.12333>
 6. Bugden D. Denial and Distrust: Explaining the Partisan Climate Gap. *Climatic Change*, 2022, vol. 170, no. 34. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03321-2>
 7. Bush G.W. *President of the United States, Address on Climate Change and the Environment at the White House Rose Garden*, August 16, 2008. URL: <https://perma.cc/9R87-LLHU>
 8. By the Numbers: The Inflation Reduction Act. *The White House*, 2022, 15 Aug. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/15/by-the-numbers-the-inflation-reduction-act/>
 9. Climate Issues to Watch in 2022: A Year for More Action and Bigger Ambition. *Unfoundation.org*, 2021, 14 Dec. URL: https://unfoundation.org/blog/post/climate-issues-to-watch-in-2022-a-year-for-more-action-and-bigger-ambition/?gclid=EAIaIQobChMI8_Tctaz_9QIVC2AYCh2XOAz3EAAAYAAEgJNHfD_BwE
 10. *Congressional Record; Proceedings and Debates of the Congress November 8-16, 2005*, vol. 151. URL: https://ia601707.us.archive.org/25/items/sim_congressional-record-proceedings-and-debates_november-08-16-2005_151/sim_congressional-record-proceedings-and-debates_november-08-16-2005_151.pdf
 11. Cory J., Lerner M., Osgood I. Supply Chain Linkages and the Extended Carbon Coalition. *American Journal of Political Science*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 69-87.
 12. *Memo: U.S. Voters Strongly Support Bold Climate Solutions*, 2019. URL: <https://www.dataforprogress.org/the-green-new-deal-is-popular>
 13. Dorman P. The Climate Crisis and the Green New Deal: The Issue Is the Issue, After All. *Challenge*, 2020, vol. 63, iss. 4, pp. 219-233. URL: <http://hdl.handle.net/10.1080/05775132.2020.1747728>
 14. Drehobl A., Ross L., Ayala R. *How High Are Household Energy Burdens?* Washington DC, American Council for an Energy-Efficient Economy, 2020. URL: <https://www.energy.gov/sites/default/files/2021-12/ACEEE%2C%20Household%20Energy%20Burdens.pdf>
 15. EPA Mission Tracker – Environmental & Energy Law Program. *Harvard Law School*, 2020, 29 Jan. URL: <https://eelp.law.harvard.edu/portfolios/environmental-governance/epa-mission-tracker/>
 16. Evans J. *The Green New Deal Is the Democrats' Ticket to a 2022 House Majority*. Jan. 26, 2021. URL: <https://theleaflet.org/home-1/green-new-deal>
 17. Executive Order on the Implementation of the Energy and Infrastructure Provisions of the Inflation Reduction Act of 2022. *The White House*, 2022, 12 Sept. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/09/12/executive-order-on-the-implementation-of-the-energy-and-infrastructure-provisions-of-the-inflation-reduction-act-of-2022/>
 18. Franta B. Weaponizing Economics: Big Oil, Economic Consultants, and Climate Policy Delay. *Environmental Politics*, 2022, vol. 31, iss. 4, pp. 555-575. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09644016.2021.1947636>
 19. Franta B. Early Oil Industry Disinformation on Global Warming. *Environmental Politics*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 663-668.
 20. Freeman J. The Environmental Protection Agency's Role in U.S. Climate Policy – A Fifty Year Appraisal. *Duke Environmental Law & Policy Forum*, 2020, no. 31, pp. 1-79. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/delpf/vol31/iss1/1>
 21. Hawes R., Nowlin M.C. Climate Science or Politics? Disentangling the Roles of Citizen Beliefs and Support for Energy in the United States. *Energy Research & Social Science*, 2022, vol. 85, art. 102419. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214629621005065?via%3Dihub>
 22. Text – H.R.5376 – 117th Congress (2021–2022): Inflation Reduction Act of 2022. *Library of Congress*, 2022, 16 Aug. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>
 23. *Just Transition Alliance*. URL: <https://jtalliance.org/>
 24. Kenner D. *Carbon Inequality: The Role of the Richest in Climate Change 2021*. S.I., Routledge, 146 p.
 25. Kramer R.C. *Carbon Criminals, Climate Crimes*. New Jersey, New Brunswick; London, Rutgers University Press, 2020. 281 p. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/volsuru/detail.action?docID=6129668>
 26. Lee P.T., Campbell D.W., Bravo J.T. *Why Just Transition Is the Opposite of Net Zero*, 2022, 7 Feb. URL: <https://www.greenbiz.com/article/why-just-transition-opposite-net-zero>
 27. *Letter from Nikki Haley, U.S. Representative to the United Nations, to the Secretary-General of the United Nations*, 2017, 4 Aug., p. 2. URL: <https://perma.cc/RZC8-3RBF>
 28. *Letter to President Trump in Support of Campaign Commitments to Withdraw from the Paris Climate Treaty*. URL: <https://cei.org/sites/default/files/20170508%20CEI%20Paris%20Treaty%20with%20logos%20-%2044%20Final.pdf>
 29. McKinnon J.D. Pelosi on Natural Gas: Fossil Fuel or Not? *Wall Street Journal*, 2008, 24 Aug. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2008/08/24/pelosi-on-natural-gas-fossil-fuel-or-not/tab/article/>

30. The Biden Plan to Build a Modern, Sustainable Infrastructure and an Equitable Clean Energy Future. *Joe Biden for President: Official Campaign Website*. URL: <https://perma.cc/WE7K-5KPC>

31. *Report of the National Energy Policy Development Group. Reliable, Affordable, and Environmentally Sound Energy for America's Future*. URL: <https://perma.cc/M64V-UBMV>

32. State of the Union Address 2013 – Full Text. *The Guardian*, 2013, 12 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/feb/13/state-of-the-union-full-text>

33. *Paris Agreement to the United Nations Framework Convention on Climate Change*, 2015, 12 Dec., T.I.A.S. No. 16-1104. 27 p. URL: <https://perma.cc/4UWL-2DVA>

34. Remarks by the President at Signing of Presidential Memorandum on Fuel Efficiency Standards. *Whitehouse.gov*, 2010, 21 May. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-signing-presidential-memorandum-fuel-efficiency-standards>

35. Remarks by the President in the State of the Union Address. *Whitehouse.gov*, 2013, 12 Feb. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>

36. Roberts D. Why Did the Climate Bill Fail? *GRIST*, 2010, 27 July. URL: <https://grist.org/article/2010-07-26-why-did-the-climate-bill-fail/>

37. Shabecoff P. Haste on Global Warming Trend Opposed. *New York Times*, 1983, 21 Oct. URL: <https://perma.cc/K6B7-KK6E>

38. Statement by President Trump on the Paris Climate Accord. *The White House*, 2017, 1 June. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-paris-climate-accord/>

39. Stavins R.N. The Biden Administration and International Climate Change Policy and Action.

Renewable Resources Journal, 2021, vol. 35, no. 3, pp. 11-17.

40. Stephens J.C. *Diversifying Power: Why We Need Antiracist, Feminist Leadership on Climate and Energy*. ProQuest Ebook Central Island Press, 2020. 200 p. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/volsuru/detail.action?docIDw6308688>

41. Symons J. Biden's 2022 Climate Test. *The Hill*, 2022. URL: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/588581-bidens-2022-climate-test>

42. *Plan for Climate Change and Environmental Justice by Joe Biden*. URL: <https://perma.cc/Q47D-VWD8>

43. *The Biden Plan to Build a Modern, Sustainable Infrastructure and an Equitable Clean Energy Future*. URL: <https://joebiden.com/clean-energy/>

44. *The President's Climate Action Plan. Executive Office of the President*, 2013, June. 21 p. URL: <https://perma.cc/JH8K-583F>

45. *The President's Energy Legislative Agenda*, 2001, June. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/06/energyinit.html>

46. Trump D.J. *Executive Order 13783—Promoting Energy Independence and Economic Growth*. URL: https://www.epa.gov/sites/default/files/2017-10/documents/memo_eo13783_energy_independence_economic_growth.pdf

47. Waste Prevention, Production Subject to Royalties, and Resource Conservation; Rescission or Revision of Certain Requirements. *Federal Register*, 2018, 28 Sept. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/09/28/2018-20689/waste-prevention-production-subject-to-royalties-and-resource-conservation-rescission-or-revision-of>

48. Waterhouse B.C. *Lobbying America: The Politics of Business from Nixon to NAFTA*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2014. 368 p.

49. *"We Are Still In" Declaration*. URL: <https://www.wearestillin.com/we-are-still-declaration>

Information About the Author

Пяа А. Соков, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.9>

UDC 327:316.3
LBC 66.4

Submitted: 25.02.2023
Accepted: 11.05.2023

TWITTER DIPLOMACY IN SHAPING THE FOREIGN POLICY AGENDA OF THE UNITED STATES OF AMERICA DURING THE PRESIDENCY OF D. TRUMP

Elena V. Efanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Foreign policy is based on the desire of states to improve the image of their country, disseminate their values abroad, and develop international cooperation. In the context of the information age, one of the innovative tools of US foreign policy is Twitter diplomacy, an active supporter of which was ex-President Donald Trump. The content of Donald Trump's recordings on his Twitter page reflects the main US foreign policy goals implemented within NATO. *The purpose of the work* is to, on the basis of an analysis of the principles (manufacturability, multilateralism, activity, and interactivity) of the implementation of Twitter diplomacy; determine its specifics as a tool for shaping the foreign policy agenda of the United States of America within NATO during the presidency of D. Trump. *Methods and materials.* The work uses general geological methods of policy research and methods of theoretical and applied (problem-situational) political scientific analysis. The theoretical basis was the network approach in the interpretation of M. Castels, which made it possible to identify the specifics of relations between policy actors within the framework of a dynamically developing online space. *Analysis.* As a result of a political analysis of the logic of the implementation of US foreign policy, the functional potential of Twitter diplomacy in the process of forming a foreign policy agenda during the presidency of Donald Trump was determined. *Conclusions.* The work conceptually comprehends the category "foreign policy agenda of the state." Based on an analysis of the entries on D. Trump's Twitter page, it was proven that through Twitter diplomacy, the United States of America has implemented foreign policy goals in NATO on defense spending in the Alliance member countries and confronting Russia.

Key words: social media, Internet, foreign policy, political agenda, Twitter, Donald Trump, US.

Citation. Efanova E.V. Twitter Diplomacy in Shaping the Foreign Policy Agenda of the United States of America During the Presidency of D. Trump. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 97-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.9>

УДК 327:316.3
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 25.02.2023
Дата принятия статьи: 11.05.2023

TWITTER-ДИПЛОМАТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА

Елена Владимировна Ефанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Внешняя политика базируется на стремлении государств к улучшению образа своей страны, распространению своих ценностей за рубежом, развитию международного сотрудничества. В условиях информационной эпохи одним из инновационных инструментов внешнеполитической деятельности США стала Twitter-дипломатия, активным сторонником которой являлся экс-президент Д. Трамп. Содержание записей Д. Трампа на его странице в Twitter отражает основные внешнеполитические цели США, реализуемые в рамках НАТО. *Цель работы* – на основе анализа принципов реализации Twitter-дипломатии

(технологичность, многосторонность, активность, интерактивность) определить ее специфику как инструмента формирования внешнеполитической повестки США в рамках НАТО в период президентства Д. Трампа. *Методы и материалы.* В работе применяются общелогические методы исследования политики, методы теоретического и прикладного (проблемно-ситуационный) политологического анализа. Теоретической основой выступил сетевой подход в интерпретации М. Кастельса, позволивший выявить специфику отношений между акторами политики в рамках динамически развивающегося онлайн-пространства. *Анализ.* В результате политологического анализа логики реализации внешней политики США определен функциональный потенциал Twitter-дипломатии в процессе формирования внешнеполитической повестки в период президентства Д. Трампа. *Выводы.* В работе концептуально осмыслена категория «внешнеполитическая повестка государства». На основе анализа записей на странице Д. Трампа в Twitter было доказано, что посредством Twitter-дипломатии США реализовали в НАТО внешнеполитические цели по вопросам оборонных расходов стран – членов Альянса и противостояния России.

Ключевые слова: социальная сеть, Интернет, внешняя политика, политическая повестка, Twitter, Д. Трамп, США.

Цитирование. Ефанова Е. В. Twitter-дипломатия в формировании внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 97–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.9>

Введение. В основе современной внешней политики лежит стремление государств к улучшению своего имиджа, распространению собственных ценностей и развитию сотрудничества с зарубежными странами. Граждане и политические деятели получили возможность оперативно получать информацию о международных политических событиях посредством общения в социальных сетях. Например, Twitter превратил отношения между социальными сетями и дипломатией в быстро развивающееся современное явление, показывающее преимущества интернет-платформ в рамках выстраивания доброжелательных отношений между государствами, с одной стороны, и в процессе конфронтации между различными сторонами – с другой.

США – одна из ведущих стран мира, продвигающих информационно-коммуникационные технологии в своей политике. Экс-президент США Д. Трамп выступал активным пользователем социальной сети Twitter. Любые внешнеполитические события обязательно сопровождалась комментариями Д. Трампа в социальной сети Twitter, которые обращали на себя внимание всего мирового сообщества. Ярким примером тематики твитов, которые активно обсуждались по всему миру, являлась внешняя политика Д. Трампа, осуществляемая в рамках военно-политического блока НАТО.

Методы и материалы. В современном научном дискурсе продолжается дискуссия о

цифровизации политики как новой формы массовой коммуникации, где преобладают горизонтальные связи. Автор солидарен с позицией М. Кастельса в том, что коммуникация в социальных сетях потенциально может достичь глобальной аудитории посредством массовой рассылки сообщений [9, с. 74]. В данной работе представлен проблемно-ситуационный анализ национального опыта США на предмет использования социальной сети Twitter экс-президентом Д. Трампом для артикуляции внешнеполитической повестки в рамках политики НАТО.

Анализ. В своей статье «Международные отношения и внешняя политика России. XX в.» Ю.И. Казанцев определяет внешнюю политику как общий курс государства в международных отношениях, а также считает, что курс государства, а точнее, его выбор достигается только при сотрудничестве и взаимодействии субъектов международного права [8, с. 339]. Согласно мнению Дж. Розенау, внешнеполитическая деятельность базируется на двух составляющих – расположении и динамике сил на международной арене и внутренних факторах государства. При этом, обращаясь к самому понятию «внешняя политика», он дает следующее определение: «Внешняя политика – это деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности и опирающаяся на экономический, научно-технический, военный

и другие потенциалы взаимодействующих государств» [19, p. 171–197].

Прямым продолжением внешней политики является внешнеполитическая повестка государства. Термин «повестка» отождествляется в литературе с политическим вниманием. Например, Б. Синклер сравнивает формирование повестки с процессом, «посредством которого вопросы приобретают статус серьезно обсуждаемых политически значимыми акторами» [20]. В статье С. Дж. Ливингстона, посвященной выработке подхода Рейгана к отношениям Севера и Юга, формирование повестки государства определяется как «процесс привлечения внимания к вопросам в определенном сообществе субъектов». Таким образом, в предложенной концепции данный термин означал не просто определенную проблему, но и набор эффективных инструментов и поиск альтернативных вариантов ее решения [16, p. 315].

В отечественной современной политологической литературе политическая повестка связывается с идеями, целями и ценностями, которые власть кладет в основу своей текущей политики [15, с. 8]. Кроме того, отечественный исследователь А.А. Дегтярев отмечает, что «повестка дня включает совокупность актуальных социальных и иных проблем, отражающих те потребности общества или отдельных групп интересов, на которые политики и администраторы готовы и способны реагировать» [1, с. 163–164].

В целом категории «внешняя политика» и «внешнеполитическая повестка» в политической практике используются для обоснования целей и задач государства в процессе реализации его интересов и отстаивания государственного суверенитета на международной арене, а также для обеспечения условий всестороннего развития страны в существующих реалиях. Однако различия возникают в критериях временной протяженности и значимости в рамках проводимой государством политики. Так, внешнеполитическая повестка, в отличие от внешней политики, является более узким понятием в том смысле, что, во-первых, она требует внешнеполитического решения в краткосрочный период, а во-вторых, по значимости имеет уровень на порядок выше, чем в целом вся внешняя полити-

ка. Таким образом, внешнеполитическая повестка государства есть совокупность актуальных, приоритетных вопросов, отражающих цели и задачи государства в рамках внешней политики и требующих решения в определенный срок.

Следует отметить, что оформлением и реализацией внешней политики занимается политическая элита. В качестве таковой могут выступать должностные лица государственного аппарата, влиятельные представители торгово-промышленных кластеров, члены научного сообщества, представители обществ, имеющие авторитет и определенную степень доверия. Элита под влиянием различных внутренних и внешних событий и процессов (статических или динамических условий) вырабатывает собственную повестку. При этом институционализация запланированной деятельности происходит исключительно в рамках государственных структур и закрепляется в виде договоров, соглашений, нот, посланий и других подобных официальных документов [13, с. 33]. Формированием внешнеполитической повестки занимается непосредственно тот круг лиц, который осуществляет государственную политику, а именно: глава государства, министры, а также руководители и представители международных организаций.

Обычно инструменты формирования внешнеполитической повестки государства не поддаются огласке, так как в большинстве случаев данный процесс проходит в рамках переговоров на высшем уровне, а также личных встреч глав государств. Однако в эпоху глобальной цифровизации аудитория получает возможность активно участвовать в политических процессах, выражать публично свое мнение и управлять информацией. В частности, посредством социальных сетей к процессу формирования политической повестки привлекаются новые субъекты.

На практике интересен опыт США, ибо в американской политической культуре впервые наблюдается серьезный опыт реализации технологий Web 2.0 (социальные сети, блоги, мобильные приложения) в формировании внешнеполитической повестки государства.

Н.А. Цветкова в статье, посвященной исследованию использования социальных се-

тей в публичной дипломатии США, определяет public diplomacy 2.0 как эффективный инструмент в процессе обмена и передачи информации о США гражданам иностранных государств благодаря ее размещению в открытом онлайн-пространстве, контролю за разворачивающимися беседами в рамках интернет-сообществ, появлению аккаунтов членов правительства США в социальных сетях, отправки информации через приложения [14, с. 84].

Термин «Web 2.0» часто связывают с именем основателя американского издательства «O'Reilly» Т. О'Рейли, который в своей статье 2005 г. определил данное понятие как способ создания систем, позволяющих привлекать все больше заинтересованных пользователей и создавать условия для взаимодействия между ними [18]. В свою очередь, американский посол Майкл Энтони Макфол стал первым, кто начал использовать услуги социальной сети Twitter в дипломатических целях. Его деятельность в рамках данной интернет-платформы заключалась в информировании своих читателей о проводимой политике США в России посредством русскоязычных и англоязычных сообщений.

Наиболее ярким примером реализации дипломатии в социальной сети Twitter является внешнеполитический курс экс-президента США Д. Трампа. Через данную социальную сеть он комментировал практически все – начиная от перспектив проведения политики в отношении НАТО и приводимой политики других стран и заканчивая небольшими заметками о своих впечатлениях, которые произвели на него лидеры зарубежных стран. Кроме того, еще одной функцией Twitter-дипломатии Д. Трампа является борьба с ангажированными в пользу его противников средствами массовой информации.

Аккаунт Д. Трампа – это пример того, как пользоваться преимуществами социальных сетей для удержания лидирующих позиций у власти и сохранения за собой таких ролей, формирования собственного имиджа и сравнения его с другими политиками, создания политической и медийной повестки. Экс-президент США пользовался уникальными принципами речевого общения (информационный, эмотивный, контактный) для того, что-

бы легче идти на контакт с целевой аудиторией и демонстрировать ей положительный образ, а яркие и броские фразы, занимающие особое место в аккаунте Д. Трампа, позволяли ему находить отклик среди гражданского общества, манипулировать и регулировать их мнение [12].

США занимают место лидера в НАТО и вносят большой вклад в развитие Альянса. Так, в частности, согласно данным компании «Statista» доля расходов на оборону США в 2019 г. составила 3,42 % от ВВП. Кроме того, число военнослужащих США в составе военного контингента НАТО составляет более 1 млн человек, являясь самым высоким показателем среди стран – членов военно-политического блока [10; 17]. В свою очередь, для США также важно членство в НАТО, которое позволяет руководству страны вмешиваться в европейскую политику и иметь союзников на границе с Россией.

В июне 2018 г. на личной странице экс-президента в Twitter появилась запись, где обвинялись страны Европы в невыполнении своих обязательств в плане финансирования военной составляющей НАТО. В частности, публикация была адресована Германии [6]. Ровно через месяц появилась похожая запись, которая была адресована Ангеле Меркель, после встречи лидеров России и Германии для обсуждения проекта «Северный поток – 2» [5]. Кроме того, Д. Трамп продолжал освещать эту проблему на своей личной странице в Twitter, пытаясь донести до европейских союзников свои требования. И в 2019 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг снова подтвердил, что члены Альянса должны увеличить расходы на оборону до 2 % от ВВП. В этом вопросе его поддержали не только страны, которые уже находятся на этой планке (Латвия, Литва, Румыния), но и европейские лидеры – Франция и Германия [11]. Кроме того, генеральный секретарь часто говорит об оборонных расходах НАТО на своей странице в Twitter [7].

В рамках НАТО также звучит проблема российской угрозы. Американский экс-лидер, с одной стороны, открыто говорил о вражде с Россией, а с другой – пытался установить с ней связь для обсуждения международных вопросов (сирийская проблема,

ДРСМД и др.). В августе 2019 г. The Economist провел исследование и составил статистику государств, о которых экс-президент США пишет в Twitter. Россия заняла первое место, так как упоминания о ней были отражены в 297 записях Трампа [21].

В рамках исследования The Economist были отобраны публикации, отражающие внешнеполитическую повестку США в рамках НАТО. Так, например, в феврале 2017 г. Трамп сначала обвинил в своем Twitter Б. Обаму в недозволительной мягкости к России [2], а затем в интервью Fox News выразил противоположное мнение, отметив следующее: «Я не за Россию, я за Соединенные Штаты. Но, например, если бы вчера вечером в Канаде во время ужина около меня сидел Владимир Путин, а не кто-то другой, я бы ему сказал: “Сделай мне одолжение: уберись из Сирии, уберись из Украины, тебя там не должно быть”» [22].

Более активно на своей личной странице в Twitter Д. Трамп освещал отношения с Россией в рамках военной операции в Сирии. Например, в 2018 г. экс-президент США проводил жесткую политику в отношении России, из-за чего многие аналитики даже предположили, что американский лидер объявляет войну российской стороне через Twitter. В частности, он предупреждал Россию о военной угрозе со стороны США в случае, если В.В. Путин не прекратит выстраивать партнерские отношения с Башаром Асадом [3]. Однако чуть позже Д. Трамп смягчил риторику и предложил России остановить гонку вооружений, при том что для российской стороны очень важно партнерство с США в экономическом плане [4].

Таким образом, с приходом на пост президента Д. Трампа позиция Америки по актуальным вопросам внешней политики стала отражаться не только в официальных заявлениях Белого дома и нормативных документах, но и на личной странице экс-президента в Twitter.

Результаты. Суммируя вышесказанное, следует отметить, что внешнеполитическая повестка есть совокупность концептуальных и приоритетных вопросов, которые отражают цели и задачи государства на международной арене и требуют решения в определенный срок. Процесс формирования политической

повестки выдвигает на первый план культуру политического дискурса между представителями органов государственной власти и институтами гражданского общества, отдельными личностями.

Настоящий прорыв в сфере использования Twitter во внешней политике сделал экс-президент США Д. Трамп. Записи, публикуемые Д. Трампом в этой социальной сети, отражают внешнеполитическую повестку США в рамках НАТО. При наличии консолидированного мнения стран – членов Альянса по стратегическим направлениям американская администрация экстраполирует эти решения на собственный внешнеполитический курс. Таким образом, в условиях цифровизации политического процесса и взаимодействия США со странами военно-политического блока Twitter-дипломатия Д. Трампа выступает одним из основных инструментов в формировании внешнеполитической повестки США в рамках НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дегтярев А.А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамичный цикл и его основные фазы // Политические исследования. 2004. № 4. С. 158–168.
2. Дональд Трамп : запись в Twitter. 15 февраля 2017. 15:42. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/831846101179314177>
3. Дональд Трамп : запись в Twitter. 11 апреля 2018. 13:57. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520>
4. Дональд Трамп : запись в Twitter. 11 апреля 2018. 14:37. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984032798821568513>
5. Дональд Трамп : запись в Twitter. 11 июля 2018. 20:07. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1017093020783710209>
6. Дональд Трамп : запись в Twitter. 11 июня 2018. 04:42. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1005988633747312640>
7. Йенс Столтенберг : запись в Twitter. 9 июля 2018. 20:07. URL: <https://twitter.com/jensstoltenberg/status/1016359961964793857>
8. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России. XX в. Новосибирск: Сиб. соглашение, 2002. 351 с.
9. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 564 с.

10. НАТО: военные расходы и личный состав (2011–2018) // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2019. 4 апр. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/nato-voennye-raskhody/>

11. Столтенберг подтвердил, что все члены НАТО должны увеличить расходы на оборону до 2 % ВВП // ТАСС. 2019. 16 нояб. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7133101>

12. Харламова Т. В. Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 396–402.

13. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки истории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

14. Цветкова Н. А. Социальные сети в публичной дипломатии США // Вестник СПбГУ. 2011. № 6 (2). С. 84–89.

15. Шестопаля Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–28.

16. Livingston S. G. The Politics of International Agenda-Setting: Reagan and North-South Relations // International Studies Quarterly. 1992. Vol. 36, iss. 3. P. 313–329.

17. NATO Defense Expenditure // Statista. 2019. 3 Dec. URL: <https://www.statista.com/chart/14636/defense-expenditures-of-nato-countries>

18. O'Reilly T. "What Is Web 2.0" // O'Reilly Media. 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>

19. Rosenau J. The Study of World Politics. Vol. 1. Theoretical and Methodological Challenges. N. Y.: Routledge, 2006. 320 p.

20. Sinclair B. Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making. Norman: University of Oklahoma Press, 2006. 424 p.

21. The Economist : запись в Twitter. 13 августа 2019. 04:00. URL: <https://twitter.com/TheEconomist/status/1161080062659190786>

22. Trump Told G7 Leaders That Crimea is Russian Because Everyone Speaks Russian in Crimea // BuzzFeed. 2018. 14 June. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/albertonardelli/trump-russia-crimea#.sczabanvLj>

Dynamic Cycle and Its Main Phases]. *Politicheskie issledovanija*, 2004, no. 4, pp. 158–168.

2. Donald Tramp: zapis v Twitter. 15 fevralya 2017. 15:42 [Donald Trump. Twitter Post. February 15, 2017. 15:42]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/831846101179314177>

3. Donald Tramp: zapis v Twitter. 11 aprelya 2018. 13:57 [Donald Trump. Twitter Post. April 11, 2018. 13:57]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520>

4. Donald Tramp: zapis v Twitter. 11 aprelya 2018. 14:37 [Donald Trump. Twitter Post. April 11, 2018. 14:37]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984032798821568513>

5. Donald Tramp: zapis v Twitter. 11 iyulya 2018. 20:07 [Donald Trump. Twitter Post. July 11, 2018. 20:07]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1017093020783710209>

6. Donald Tramp: zapis v Twitter. 11 iyunya 2018. 04:42 [Donald Trump. Twitter Post. June 11, 2018. 04:42]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1005988633747312640>

7. Jens Stoltenberg: zapis v Twitter. 9 iyulya 2018. 20:07 [Jens Stoltenberg. Twitter Post. July 9, 2018. 20:07]. URL: <https://twitter.com/jensstoltenberg/status/1016359961964793857>

8. Kazancev Ju.I. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnjaja politika Rossii. XX v.* [International Relations and Foreign Policy of Russia (20th Century)]. Novosibirsk, Sib. soglashenie, 2002. 351 p.

9. Kastels M. *Vlast kommunikatsii* [Power of Communication]. Moscow, GU VShE, 2016. 564 p.

10. НАТО: военные расходы и личный состав (2011–2018) [NATO: Military Expenditures and Personnel (2011–2018)]. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj»* [The Valdai Discussion Club], Apr. 4, 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/nato-voennye-raskhody/>

11. Stoltenberg podtverdil, chto vse chleny NATO dolzhny uvelichit raskhody na oboronu do 2% VVP [Stoltenberg Confirmed That All NATO Members Should Increase Defense Spending to 2% of GDP]. *TASS*, 2019, Nov. 16. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7133101>

12. Harlamova T.V. Socialnye seti kak instrument sovremennoj politicheskoy vlasti (na materiale mikrobloga D. Trampa v Tvitтере) [Social Networks as a Tool of Modern Political Power (Based on the Material of D. Trump's Microblog on Twitter)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 396–402.

13. Hrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja ekspertiza: ocherki istorii i metodologii* [Analysis of International Situations and

REFERENCES

1. Degtjarev A.A. Process prinjatija i osushhestvlenija reshenij v publichno-gosudarstvennoj politike: dinamichnyj cikl i ego osnovnye fazy [Decision-Making and Implementation Process in Public Policy:

Political Expertise: Essays on History and Methodology]. Moscow, NOFMO, 2008. 230 p.

14. Cvetkova N.A. Socialnye seti v publichnoj diplomatii SShA [Social Networks in US Public Diplomacy]. *Vestnik SPbGU*, 2011, no. 6 (2), pp. 84-89.

15. Shestopal E.B. Politicheskaja povestka dnja rossijskoj vlasti i ejo vosprijatie grazhdanami [The Political Agenda of the Russian Government and Its Perception by Citizens]. *Politicheskie issledovanija*, 2011, no. 2, pp. 7-28.

16. Livingston S.G. The Politics of International Agenda-Setting: Reagan and North-South Relations. *International Studies Quarterly*, 1992, vol. 36, iss. 3, pp. 313-329.

17. NATO Defense Expenditure. *Statista*. 2019, 3 Dec. URL: <https://www.statista.com/chart/14636/defense-expenditures-of-nato-countries>

18. O'Reilly T. "What Is Web 2.0". *O'Reilly Media*. 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>

19. Rosenau J. *The Study of World Politics. Vol. 1. Theoretical and Methodological Challenges*. New York, Routledge, 2006. 320 p.

20. Sinclair B. *Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making*. Norman, University of Oklahoma Press, 2006. 424 p.

21. *The Economist: zapis v Twitter. 13 avgusta 2019. 04:00* [The Economist. Twitter Post. August 13, 2019. 04:00]. URL: <https://twitter.com/TheEconomist/status/1161080062659190786>

22. Trump Told G7 Leaders That Crimea is Russian Because Everyone Speaks Russian in Crimea. *BuzzFeed*, 2018, 14 June. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/albertonardelli/trump-russia-crimea#.sczabanLj>

Information About the Author

Elena V. Efanova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, efanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2019-1273>

Информация об авторе

Елена Владимировна Ефанова, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, efanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2019-1273>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.10>

UDC 329(460)
LBC 66.64(4Исп)

Submitted: 16.11.2022
Accepted: 17.04.2023

TRENDS IN OVERCOMING THE CRISIS OF THE PEOPLE'S PARTY OF SPAIN (2018–2022) IN THE CONTEXT OF ELECTORAL PROCESSES

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The crisis of the People's Party of Spain, the most influential political force in the country, is one of the manifestations of the transformation of the party system. The scientific topic is important in predicting the development of the party system, public opinion, and voting in Spain. *Methods and materials.* The purpose of the article is to find out the trends in overcoming the crisis in the Spanish People's Party (2018–2022) in the context of changes in the party system and electoral processes. The study is carried out on the basis of rational choice theory. The author conducted a secondary analysis of the results of sociological surveys and compiled diachronous voting tables. *Analysis and results.* The transformation of the two-party system of Spain into a multi-party system of moderate pluralism for 2015–2022 is revealed. The differences in the social base, programs, and positioning of the parties on the right spectrum are determined: the People's Party, "Vox", and "Citizens". As a result of the analysis of sources, the causes and manifestations of the crisis of the People's Party are revealed, and its stages are established. In addition, the forecast of trends in the development of the influence of the People's Party in the upcoming national and regional elections is argued. *Conclusion.* Among Spain's right-wing parties, the People's Party occupies a center-right stance, compared to the centrist "Citizens" and the radical right-wing "Vox". The reasons for the crisis of the People's Party are its long-term ties with big business, participation in corruption scandals, weak influence on potential groups of the electoral base, the low popularity of a number of leaders (M. Rajoy and P. Casado), and factionalism. However, the pandemic contributed to the decline in the rating of the center-left government, which allowed the People's Party to increase its influence in elections since 2021. Negotiations are possible on the creation of a pragmatic coalition of the two main political forces: the People's Party and the Spanish Socialist Workers' Party. Such a coalition could be based on a shift in the socialists policy to the right. In the second, more likely option, the People's Party will have to bloc with other right-wing parties; the right-wing radical "Vox" party will add the largest number of mandates to create a government. Consequently, the victory of the right forces will lead to the continuation of the tradition of creating pragmatic, forced coalitions of parties ideologically alien to each other.

Key words: Spain, People's Party, crisis, overcoming, trends in the development.

Citation. Baranov A.V. Trends in Overcoming the Crisis of the People's Party of Spain (2018–2022) in the Context of Electoral Processes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 104–114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.10>

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА НАРОДНОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ (2018–2022 гг.) В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Кризис Народной партии Испании – наиболее влиятельной политической силы страны – является одним из проявлений трансформации партийной системы. Научная тема важна при прогнозировании развития партийной системы, общественного мнения и голосований в Испании. *Методы и материалы.* Цель статьи – выяснить тенденции преодоления кризиса в Народной партии Испании (2018–2022 гг.) в контексте изменений партийной системы и электоральных процессов. Исследование проведено на основе теории рационального выбора. Автор осуществил вторичный анализ результатов социологических опросов, составил диахронные таблицы голосований. *Анализ и результаты.* Выявлена трансформация двухпартийной системы Испании в многопартийную систему умеренного плюрализма за 2015–2022 годы. Определены различия социальной базы, программ и позиционирования партий правого спектра: Народной партии, «Вокс» и «Граждан». В результате анализа источников раскрыты причины и проявления кризиса Народной партии, установлены его этапы. Аргументируется прогноз тенденций развития влияния Народной партии на предстоящих национальных и региональных выборах. *Заключение.* Среди правых партий Испании Народная партия занимает правоцентристскую позицию в сравнении с «Гражданами», смещенными к центру, и партией «Вокс», смещенной к правому радикализму. Причины кризиса Народной партии – ее многолетние связи с крупным капиталом, участие в коррупционных скандалах, слабое влияние на потенциальные группы электоральной базы, низкая популярность ряда лидеров – М. Рахоя и П. Касадо, фракционность. Но пандемия способствовала снижению рейтинга левоцентристского правительства, что позволило Народной партии с 2021 г. наращивать влияние на выборах. Возможны переговоры о создании прагматической коалиции двух основных политических сил – Народной партии и Испанской социалистической рабочей партии. Такая коалиция может быть основана на сдвиге политики социалистов вправо. При втором, более вероятном варианте Народной партии придется блокироваться с другими правыми партиями, наибольшее число мандатов для создания правительства добавит праворадикальная партия «Вокс». Следовательно, победа правых сил приведет к продолжению традиции создания прагматических, вынужденных коалиций идеологически чуждых друг другу партий.

Ключевые слова: Испания, Народная партия, кризис, преодоление, тенденции развития.

Цитирование. Баранов А. В. Тенденции преодоления кризиса Народной партии Испании (2018–2022 гг.) в контексте электоральных процессов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 104–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.10>

Введение. Актуальность темы в том, что кризис Народной партии, имеющей в 2021–2022 гг. наибольший электоральный рейтинг, стал важным проявлением трансформаций партийной системы Испании. Тема актуальна для прогнозирования изменений партийной системы, общественного мнения и исхода выборов в начавшемся электоральном цикле 2021–2024 гг. в Испании.

Методы. Цель работы – выяснить тенденции преодоления кризиса в Народной партии Испании (2018–2022 гг.), в контексте изменений партийной системы и электоральных процессов.

Тема затрагивается во многих работах об испанской партийной системе и электоральных процессах. Хосе Рама в 2016 г. выяснял влияние экономического кризиса на политические партии [29]. Фабио Гарсиа Лупато, Летисия Руис Родригес и Гема Санчес Медеро в 2020 г. проанализировали идеологические позиции и территориальные размежевания правых партий, в том числе – Народной партии [22]. Хосе Карпио определил социальную базу партий на всеобщих выборах 2019 г. [12]. Опыт и перспективы коалиционных правительств оценивают Антонио Гарри-

до, Мария Антония Маргинес и Альберто Мора [23]. Роль правящих элит и неформальных сетей власти в деятельности Народной партии освещает Андрес Вильена Оливер [33].

Российская школа исследований проблемы представлена работами С.М. Хенкина о трансформации испанской партийной системы [7], Н.В. Кирсановой о формировании межпартийных коалиций в итоге национальных и региональных выборов [2], Е.Ю. Филипповой о факторах формирования коалиционных правительств [6]. А.А. Куракина-Дамир определила новые тренды кампаний по выборам депутатов Генеральных кортесов и Ассамблеи Сообщества Мадрид [4; 5].

Новейшие тенденции развития Народной партии Испании, связанные с преодолением кризиса 2018 – начала 2022 г., недостаточно исследованы в российской и зарубежной литературе. Обладает новизной изучение политических ориентаций электората Народной партии, возможностей ее коалиционного взаимодействия с другими правыми силами.

Исследование выполнено в рамках теории рационального выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок) [11]. Предполагается, что политические партии и их лидеры способны рационально выстраивать свою деятельность, стремясь уменьшить затраты и нарастить прибыль. Индикаторами успешности выступают полученные депутатские мандаты, посты министров и других влиятельных госслужащих, популярность в общественном мнении. Проведен вторичный анализ материалов социологических опросов. Составлены таблицы голосований на общеиспанских и региональных выборах.

Среди источников изучены: выступления лидеров Народной партии; партийные программы; результаты социологических опросов; материалы средств массовой информации.

Результаты. Испанская партийная система находится на стадии затяжных трансформаций с неопределенным исходом. Для 1982–2015 гг. было характерно доминирование в Конгрессе депутатов и Сенате двух сил: Народной партии и Испанской социалистической рабочей партии (далее – ИСРП). Они получали суммарно свыше 80 % голосов избирателей [2, с. 73]. И правоцентристы, и левоцентристы использовали для формирования правительства коалиции с региональными партиями, как правило, баск-

кими и каталонскими. Правительство кризисы были редкими.

Мировой экономический кризис 2008–2014 гг., особенно болезненно ударивший по странам Южной Европы, вызвал рост в испанском обществе протестных и популистских настроений, разочарование традиционными партиями. Правительство Народной партии во главе с М. Рахоем, пришедшее к власти в 2011 г. в условиях экономического спада, провело непопулярные неолиберальные реформы. Безработица выросла за 2008–2015 гг. с 11,2 до 22,1 % экономически активного населения [30]. Органы власти Каталонии выдвинули сепаратистские лозунги и организовали в 2017 г. незаконный «референдум» о независимости. Реакция Народной партии на кризис признавалась многими избирателями запоздалой и недостаточной. Обострились размежевания в обществе между центром и регионами, монархистами и республиканцами, правыми и левыми. В ряде автономных сообществ (Каталонии, Стране Басков, Наварре, Галисии) сформировались обособленные региональные партийные системы. Возросла нестабильность и малопредсказуемость развития партийной системы Испании.

В итоге обрели поддержку новые партии. Доминирование Народной партии и ИСРП закончилось после парламентских выборов 2015 г., когда возросла поддержка новых партий – «Подemos» и «Граждане» («Сьюдаданос»). Среди правоцентристов такова партия «Граждане» («Сьюдаданос»). Пик ее популярности относится к 2013–2018 годам. Но смена лидера (Альберта Риверы на Инес Арримадас) и малообъяснимые колебания (от центризма к правоцентризму, а затем обратно) привели «Граждан» к катастрофическому падению рейтинга, начавшемуся летом 2019 г. (1,9 % в ноябре 2022 г.). Партия «Граждане» («Ciudadanos») еще существует, но ее влияние с осени 2019 г. критически снизилось. Партия отказалась участвовать в национальных парламентских выборах (июль 2023 г.), ее электорат в основном перешел к поддержке Народной партии. Другой конкурент Народной партии – праворадикальная партия «Вокс» («Голос»), созданная выходцами из Народной партии во главе с Сантьяго Абаскалем. Рост популярности «Вокс» шел стремительно с 2016 г. и еще не завершен (рейтинг 14,8 % в ноябре 2022 г.) [31]. «Вокс»

имеет повышенное влияние в сообществах с повышенной долей иммигрантов: Андалусии, Мурсии, Сеуте, Мелилье. «Вокс» выступает за укрепление католической религии и традиционной семьи, против гомосексуализма и аборт. «Вокс» положительно оценивает франкистский период истории и унитарное устройство страны.

Итак, двухпартийная система за 2011–2022 гг. постепенно трансформируется в партийную систему умеренного плюрализма с 4–5 основными партиями. Такому вектору изменений способствовал формат избирательной системы. Голоса на выборах в Генеральные кортесы распределяются по партийным спискам при электоральном барьере в 3 %. Пониженный в сравнении с другими странами барьер приводит к созданию в парламенте фракций малых партий, к фрагментации партийной системы. Формирование правительства с 2016 г. возможно только на коалиционной основе, что заставляет партии выдвигать прагматичные лозунги и договариваться о компромиссах, к чему они не привыкли. Вследствие невозможности создать правительство парламентского большинства выборы Генеральных кортесов состоялись в 2015, 2016, апреле и ноябре 2019 года. Ситуация стабилизировалась только в конце 2019 г., когда с трудом создано коалиционное левоцентристское правительство ИСРП, «Унидас Подемос» и региональных партий [7].

В условиях пандемии левоцентристское правительство подверглось жесткой критике, поскольку ИСРП и «Унидас Подемос» отвечали за меры медицинской защиты населения. Поворотным пунктом к росту популярности правых партий стали выборы в Сообществе Мадрид (май 2021 г.), на которых Народная партия неожиданно победила. С тех пор консерваторы не проиграли ни одной кампании в автономных сообществах, а в Кастилии и Леоне (2021 г.) Народная партия впервые сформировала региональное правительство с участием партии «Вокс» [1, с. 75–78].

Тем более парадоксальным явлением стал кризис лидерства в Народной партии, проявившийся в 2018 – начале 2022 года. Искать причины трудностей испанских правоцентристов следует в типе их социальной базы и идентичности. Представляет интерес экспер-

тный опрос, проведенный сетью «Global Party Survey» (GPS) в 2020 году. Он характеризует различия между правоцентристскими и правыми партиями Испании: Народной партией, «Гражданами» и «Вокс». Тип ценностей сторонников Народной партии определен как правоцентристский, тип популизма – как умеренно-плюралистический, тип популистских ценностей – как консервативно-плюралистический [22, р. 728].

Детальный анализ электората испанских партий, проведенный Н.В. Колпаковым на основе опросов Центра социологических исследований в 2019 г., подтверждает уязвимость Народной партии в конкуренции с «Вокс». К возрастной когорте младше 35 лет принадлежат 11,9 % сторонников Народной партии и 32,9 % – «Вокс»; старше 64 лет – 39,2 % электората Народной партии и 11,6 % – «Вокс». Субъективная социально-классовая самоидентификация сторонников обеих партий почти не различается. Электорат Народной партии имеет наибольшую самооценку принадлежности к высшему среднему классу (7,32 % ответов в сравнении с 5,25 % у «Вокс»). Он делит с электоратом «Граждан» нижние позиции по идентификации себя с рабочим классом (14,01 % у сторонников Народной партии, 12,1 % – «Граждан»). Уровень обладания высшим образованием электората Народной партии составляет 23,9 % и он выше, чем у избирателей «Вокс» (15,74 %), но значительно ниже, чем у сторонников «Граждан» (32,27 %) [3, с. 56–59].

Позиционирование электората Народной партии по 10-балльной шкале «левые – правые» в 2019 г. дало 6,58 баллов, «Вокс» – 7,15, а «Граждан» – 5,52 балла. Из трех сравниваемых партий «Граждане» наиболее центристская, а «Вокс» – самая праворадикальная. Электорат Народной партии демонстрировал близость «Вокс» по антимигрантским настроениям: 6,0 и 7,7 баллов соответственно [3, с. 59–61]. Сторонники Народной партии имели средний уровень приверженности централизму. Выступали за жестко централизованное государство 30,1 % избирателей Народной партии, 47,8 % – сторонников «Вокс» и 19,1 % электората «Граждан» (2019 г.). Поддерживали государство автономий с меньшей децентрализацией 21,7 %, 16,8 % и 27,6 % со-

ответственно. Одобряли государство автономий в нынешнем виде – 37,9 %, 24,8 % и 6,0 % соответственно [22, р. 733; 10, р. 21–23].

Народной партии труднее, чем праворадикалам «Вокс», привлекать голоса молодых избирателей, имеющих высшее образование, представителей малообеспеченных слоев общества, противников иммиграции. С точки зрения общества Народная партия несколько старомодная, что требует целенаправленных усилий по изменению ее имиджа.

Народная партия была обвинена в коррупции, в судебном порядке доказано наличие теневой партийной кассы, средства которой скрывались от обложения налогами («дело Барсенаса») [16]. Коррупционный скандал по более позднему «делу Гюртель» (фирмы, контролируемые или принадлежащие членам партии, получали государственные заказы по завышенным ценам, а часть прибыли шла на внутрипартийные нужды) привел к отставке премьер-министра, лидера Народной партии М. Рахоя 1 июня 2018 г. [14]. На всеобщих выборах в апреле 2019 г. Народная партия уменьшила влияние вдвое, получив 16,7 % голосов (66 мандатов в Конгрессе депутатов вместо 137 на выборах 2016 г.). Но невозможность сформировать прочное левоцентристское правительство работала в пользу Народной партии, позволяя ей постепенно восстанавливать влияние.

Фрагментация партийной системы затруднила деятельность Народной партии, впервые за период демократического развития (с 1976 г.) пришлось вести сложные переговоры о создании коалиционного правительства. На всеобщих парламентских выборах в де-

кабре 2015 и июне 2016 гг. основным соперником для Народной партии в борьбе за электорат правоцентристских сил стала новая партия «Сьюдаданос» («Граждане»), набравшая 13,9 % и 13,1 % голосов соответственно. Но Народная партия отказалась создать с «Гражданами» правительство ввиду различия программ. На парламентских выборах в ноябре 2019 г. Народной партии удалось нарастить влияние с 16,7 % до 20,8 %, но она впервые испытала жесткую конкуренцию праворадикальной партии «Вокс» (табл. 1).

Народная партия получила на выборах в нижнюю палату кортесов (ноябрь 2019 г.) повышенную поддержку в Ла-Риохе (34,3 %), Галисии (31,9 %), Кастилии и Леоне (31,7 %), Кастилии-Ла-Манче (26,9 %), Мурсии (26,5 %), Эстремадуре (26,0 %), Кантабрии (25,9 %) [15]. Все эти сообщества, кроме Кантабрии, имеют пониженный уровень валового регионального продукта на душу населения, повышенный уровень безработицы. Парадоксально, но Народная партия, отличавшаяся прочными связями с крупным бизнесом и аристократией, сейчас во многом опирается на слои общества, утратившие отчетливую идеологическую и классовую идентичность. Значительно вырос слой граждан, поддерживающих ту или иную партию ситуативно, меняющих партийную ориентацию в зависимости от текущих обстоятельств и симпатии к лидерам. Таковыми являются прежде всего молодые избиратели, жители крупных городов, фрилансеры – носители постматериальных ценностей [13, р. 5]. Это подтверждает размывание идеологических и социальных различий между электоратами партий Испании.

Таблица 1. Результаты выборов Конгресса депутатов Генеральных кортесов Испании в 2016–2019 гг. (мест и процентов голосов)

Table 1. Results of the elections of the Congress of Deputies of the Cortes Generales of Spain in 2016–2019 (seats and percent of votes)

Политические партии и коалиции	2016 г.	2019 г., апрель	2019 г., ноябрь
ИСРП	85 (22,6)	123 (28,7)	120 (28,0)
Народная партия	137 (33,0)	66 (16,7)	89 (20,8)
«Подemos», «Унидас Подemos»	45 (13,4)	42 (14,3)	35 (12,8)
«Граждане»	32 (13,1)	57 (15,9)	10 (6,8)
«Вокс»	0 (0,2)	24 (10,3)	52 (15,1)
«Левые республиканцы Каталонии»	9 (2,7)	15 (3,9)	13 (3,6)
Другие партии	42 (12,0)	23 (6,6)	31 (8,9)

Примечание. Источник: [19].

Проанализируем результаты участия Народной партии в региональных парламентских выборах за 2018–2022 гг., учитывая изменения политической повестки дня (выборы проводились разновременно). Сведения обобщены в таблице 2. Рост популярности консерваторов произошел на выборах 2021–2022 гг. (исключение – Каталония, где Народная партия ассоциируется с франкистской диктатурой).

Причинами кризиса в Народной партии мы считаем как неэффективную экономическую и социальную политику правительства М. Рахоя (2011 – весна 2018 г.), так и коррупционные обвинения, слабость П. Касадо в качестве руководителя партии с лета 2018 г. по весну 2022 года. Он не смог взять под эффективный контроль региональных «баронов» – многолетних руководителей партийных организаций в автономных сообществах. «Бароны» могут либо занимать должности премьер-министров автономных сообществ (Х.М. Морено в Андалусии, И. Диас Аюсо в Мадриде, А. Фернандес Маньюэко в Кастилии и Леоне и др.), либо быть авторитетными лидерами оппозиции. Интересы «баронов» и их межпар-

тийные коалиции в регионах могут отличаться от общеиспанских. Роль «баронов» внутри Народной партии важна в связи с особенностями географии поддержки. Народная партия, как доказывает таблица 2, не пользуется высоким влиянием в Каталонии и Стране Басков, а успех Народной партии в Мадриде и Андалусии – относительно новая тенденция, проявившаяся с 2015 года. Именно руководители региональных отделений 22 февраля 2022 г. потребовали от П. Касадо уйти в отставку и определили А. Нуньеса Фейхоо как нового лидера партии [25].

К 2021 г. стал очевидным проигрыш Пабло Касадо по популярности председателю правительства Мадрида Инес Диас Аюсо. Не принесла пользы и вялая попытка П. Касадо сблизиться с «Вокс». Выступления П. Касадо расценивались как малоэффективные даже внутри партии [21].

Следствием спада популярности П. Касадо стал конфликт между ним и И. Диас Аюсо, воспринимаемой обществом как эффективный и энергичный политик. Конфликт был обнародован 16 февраля 2022 года. Брат И. Диас Аюсо был обвинен вторым челове-

Таблица 2. Результаты выборов законодательных органов автономных сообществ Испании (депутатских мест, %)

Table 2. Results of the legislative elections of the autonomous communities of Spain (deputies' seats, %)

Автономные сообщества	Народная партия	ИСПП	«Подemos», «Унидас Подemos»	«Граждане»	«Вокс»
Андалусия (2018 г.)	20,7	27,9	16,2	18,3	11,0
Валенсия (2019 г.)	18,85	23,9	8,0	17,4	10,4
Арагон (2019 г.)	20,9	30,8	8,1	16,7	6,1
Астурия (2019 г.)	17,55	35,2	11,0	14,0	6,4
Балеарские острова (2019 г.)	22,3	27,3	9,7	9,9	–
Канарские острова (2019 г.)	15,2	28,8	8,8	7,4	–
Кантабрия (2019 г.)	24,0	17,6	3,1	8,0	5,1
Кастилия-Ла-Манча (2019 г.)	28,5	44,1	–	11,4	–
Кастилия и Леон (2019 г.)	31,5	34,8	5,0	14,9	5,5
Эстремадура (2019 г.)	27,5	46,8	7,2	11,1	–
Ла Риоха (2019 г.)	33,1	38,7	6,6	11,5	–
Мурсия (2019 г.)	32,3	32,5	5,6	12,0	9,5
Наварра (2019 г.)	36,6	20,6	4,7	–	–
Галисия (2020 г.)	48,0	19,4	3,9	–	–
Страна Басков (2020 г.)	6,8	13,7	8,1	–	2,0
Каталония (2021 г.)	3,9	23,0	6,9	5,6	7,7
Мадрид (2021 г.)	44,8	16,8	7,2	3,6	9,2
Андалусия (2022 г.)	43,3	24,1	4,6	3,3	13,5

Примечание. Источник: [18].

ком в партии Гарсиа Эгеа в коррупции при покупке 250 тыс. одноразовых масок в Китае в 2020 г. за 1,5 млн евро. Маски оказались дорогими и плохого качества. П. Касадо обвинил брата И. Диас Аюсо в присвоении 300 тыс. евро, хотя официально подтвердилось присвоение только 55 850 евро [24; 32]. В ответ Мадридская организация Народной партии выступила против П. Касадо, выдвинув против него обвинения в найме детективов и слежке. П. Касадо пытался сохранить власть. Поражение П. Касадо стало очевидным 23 февраля 2022 г., когда он выступил в Конгрессе депутатов. Участники встречи председателя Народной партии с руководителями региональных партийных организаций приняли решение, что П. Касадо будет исполнять обязанности до чрезвычайного съезда партии 1–2 апреля 2022 года. Такой сценарий заблокировал возможность проведения внутривнутрипартийных праймериз. Съезд выдвинул одну кандидатуру нового председателя партии, которым и был избран Альберто Нуньес Фейхоо, набравший 98,35 % голосов [32]. Съезд не скорректировал политическую линию партии, не провел открытой дискуссии.

Сравнение программ Народной партии в периоды руководства П. Касадо и А. Нуньеса Фейхоо показывает, что партия стремится обновить свою повестку дня. На первый план выдвигаются вопросы борьбы с коррупцией, правосудия, экологии, равноправия женщин. Приближающаяся избирательная кампания повышает категоричность критики левоцентристского правительства [34].

Новый лидер партии – 1961 года рождения, из Галисии. В 1996–2003 гг. он был министром испанского правительства, членом Национального исполнительного комитета Народной партии – с 2005 г., с 2006 г. до апреля 2022 г. – лидером регионального отделения партии в Галисии. С 2009 по май 2022 г. А. Нуньес Фейхоо возглавлял правительство Галисии. На региональных выборах 2016 г. он стал единственным премьер-министром автономного сообщества, получившим более 50 % голосов.

А. Нуньес Фейхоо характеризуется как опытный и эффективный лидер, осторожный в принятии решений, имеющий обширные связи в политической элите. Генеральным секре-

тарем партии стала Кука Гамарра, а генеральным координатором – Элиас Бендодо. Но еще неясно, насколько их позиции прочны. А. Нуньес Фейхоо не комментировал упреки в сотрудничестве с «Вокс» после того, как в Кастилии и Леоне сформировано коалиционное правительство. Народная партия добилась обновления состава Генерального совета судебной власти, а также Конституционного суда. А. Нуньес Фейхоо обещал ограниченную поддержку правительству, но потребовал от председателя правительства П. Санчеса уволить ряд министров и перестать зависеть от сепаратистских партнеров по правящей коалиции – партии «Левые республиканцы Каталонии» и баскского блока «Бильду». По мере приближения выборов риторика Нуньеса Фейхоо в отношении ИСРП становится более жесткой [9]. Региональные лидеры отделений Народной партии опасаются, что на выборах в автономных сообществах 28 мая 2023 г. они потеряют парламентское большинство из-за намерений А. Нуньеса Фейхоо изменить нарезку избирательных округов.

Сейчас и А. Нуньес Фейхоо, и И. Диас Аюсо декларируют верность единству партии. Судя по выступлениям И. Диас Аюсо, она – опытный оратор, ее спичрайтеры умеют формулировать привлекательные лозунги (в условиях пандемии кампания строилась вокруг идеи свободы) [28]. Но согласие между Нуньесом Фейхоо и Диас Аюсо является прагматическим и вполне может быть пересмотрено. И. Диас Аюсо считается лидером правого крыла Народной партии, наиболее склонного к переговорам с «Вокс» [17]. Она может стать победителем в партии, если А. Нуньес Фейхоо не справится с обязанностями.

По сообщению газеты «Эль Конфиденсиаль» от 23 мая 2022 г., согласно опросу социологической службы Celeste-Tel для издания «Onda Cero», Народная партия набрала бы на общеиспанских выборах 26,9 % голосов и 109 мандатов в Конгрессе депутатов, обогнав ИСРП (104 мандатов, уменьшение на 16 мест). Следует отметить рост влияния «Вокс» с 52 до 63 мест и спад влияния «Унидас Подемос» [20]. Новейший из опросов, проведенных службой «NC Report» для газеты «La Razón» 8–12 ноября 2022 г., прогнозирует 34 % голосов и 143–145 мандатов Народной

партии, 23,8 % голосов и 92 мандата ИСРП, 12,6 % голосов и 40 мандатов «Вокс», 9,9 % голосов и 25–27 мандатов «Унидас Подемос» [8]. Налицо тенденция роста влияния Народной партии за счет поглощения электората «Граждан» и в некоторой степени – избирателей «Вокс».

На региональных парламентских выборах в Андалусии 19 июня 2022 года. Народная партия уверенно победила и повысила влияние, что позволило ей создать правительство без блока с «Вокс». Из 109 мест Народная партия набрала 58 (в 2018 г. – 26), а «Вокс» – 14 (ранее – 12 мандатов). Народная партия расширила влияние с 20,8 до 43,3 %, а «Вокс» – с 11,0 до 13,5 % [26]. Личный рейтинг регионального лидера Народной партии в Андалусии Хуана Мануэля Морено составил 50,3 % [27].

Заключение. Своеобразие кризиса Народной партии (2018 – начало 2022 г.) в том, что он развивался одновременно со спадом влияния других партий: ИСРП и «Унидас Подемос», «Граждан». Это предоставляло повышенные возможности роста популярности «Вокс» и региональных партий. От продолжения кризиса Народной партии может выиграть прежде всего праворадикальная партия «Вокс».

Причинами кризиса в Народной партии являлись неэффективная экономическая и социальная политика в период правительства М. Рахоя (2011 – весна 2018 гг.), коррупционные обвинения, слабость П. Касадо – руководителя партии с лета 2018 по март 2022 года. Он не смог взять под эффективный контроль региональных партийных «баронов» (руководителей партийных организаций).

Народная партия в меньшей степени, чем «Вокс», имеет поддержку среди молодежи, лиц с высшим образованием, малоимущих слоев, противников иммиграции. Партия воспринимается значительной частью электората как старомодная и связанная с коррупцией, что требует масштабных усилий по созданию положительного имиджа Народной партии и ее новых лидеров. В условиях возможности досрочных выборов депутатов Генеральных кортесов, экономического кризиса Народной партии необходимо вести проактивную политику, иначе ее электорат будет переходить к поддержке «Вокс».

Опыт выхода Народной партии из кризиса на протяжении мая – ноября 2022 г. свидетельствует о достаточно гибкой политике нового лидера А. Нуньеса Фейхоо. Он подчеркивает стремление к компромиссам с левоцентристским правительством, демонстрирует единство партии и сотрудничество с региональными партийными лидерами.

Вполне возможны переговоры о создании прагматической коалиции двух исторически основных и, казалось бы, идеологически противоположных партий – Народной партии и ИСРП. Такая коалиция может базироваться только на решительном сдвиге курса социалистов вправо, на разрыве их партнерства с «Унидас Подемос» и партией «Левые республиканцы Каталонии», с блоком «Бильду». Но с точки зрения теории рационального поведения подобные изменения вполне логичны.

Другой сценарий развития электоральной стратегии Народной партии таков. Народная партия не сможет получить абсолютное большинство в Конгрессе депутатов и Сенате – обеих палатах Генеральных кортесов. Народной партии придется блокироваться с другими правыми партиями, а наибольшее число мандатов для создания правительства может добавить только партия «Вокс». Немного усилит потенциальную правую коалицию ряд региональных партий: «Наварра Сума», Баскская националистическая партия и другие. Следовательно, Народной партии придется заключать сложные компромиссы с теми политическими силами, которые Народная партия совсем недавно называла нерукопожатными франкистами («Вокс») либо сепаратистами (региональными правыми партиями).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. В. Электоральное поведение и поддержка политических партий на региональных выборах в Испании (2020–2022 гг.): новые тенденции // Латинская Америка. 2022. № 5. С. 72–84. DOI: 10.31857/S0044748X0019916-6
2. Кирсанова Н. В. Итоги всеобщих и автономных выборов: принуждение к коалициям? // Испания в новой национальной и международной реальности. М.: ИЛА РАН, 2020. С. 72–77.
3. Колпаков Н. В. Кто стоит за концом «испанской исключительности»? Анализ профиля электро-

рата партии «Вокс» // Ибероамериканские тетради. 2021. Т. 9, № 3. С. 50–66.

4. Куракина-Дамир А. А. Испания: избирательный процесс в условиях фрагментации парламента // Латинская Америка. 2020. № 4. С. 32–45.

5. Куракина-Дамир А. А. Выборы в Мадриде в национальном контексте Испании // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 4. С. 55–62.

6. Филиппова Е. Ю. Факторы формирования коалиционных правительств регионалистских и общенациональных политических партий в регионах Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 71–79.

7. Хенкин С. М. Перспективы правительства Педро Санчеса в контексте социально-политической ситуации в Испании // Ибероамериканские тетради. 2021. № 9 (3). С. 10–19.

8. Anido F., Ley M., Morales L., Martin L. Así están las encuestas para las elecciones generales. Feijóo refuerza su ventaja frente a Sánchez. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/observatorio-electoral/2022-11-14/encuestas-elecciones-generales-feijoo-refuerza-ventaja-sanchez_3434093/

9. Así habla Feijóo: “Gobierno intervenido”, “presidente cautivo” o “revancha” de la Transición. URL: <https://www.publico.es/politica/habla-feijoo-gobierno-intervenido-presidente-cautivo-revancha-transicion.html>

10. Barómetro de Junio 2019. Avance de Resultados Tabulación por Recuerdo de Voto y Escala de Ideología Política. Estudio nº 3252. Junio 2019. URL: https://datos.cis.es/pdf/Es3252rei_A.pdf

11. Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy // Buchanan J. M. The Collected Works. Indianapolis: Liberty Fund INC., 1990. Vol. 3. 384 p.

12. Carpio J. Á. Elecciones Generales 2019. Radiografía del Voto: Dime Quién Eres y Te Diré Cómo Votas. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20190430/datos-hablan-radiografia-del-voto-voto-grupos-sociales/1930141.shtml>

13. Centro de Investigaciones Sociológicas. Estudio nº 3269. Barómetro de Diciembre 2019. Postelectoral Elecciones Generales 2019. Madrid, 2020. 51 p.

14. Cutrona J. El día de la dimisión de Mariano Rajoy. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20180605/444114435779/gobierno-pedro-sanchez-psoe-rajoy-pp-en-directo.html>

15. 10 N Elecciones Generales. Votos por Partidos en Total España. Comunidades y Ciudades Autónomas. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2015/generales/congreso/>

16. Ekaizer E. El caso Bárcenas. Barcelona: Espasa, 2013. 192 p.

17. El discurso de Isabel Díaz Ayuso además de mendaz es representativo del nacionalcatolicismo. URL: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/actualidad/discurso-ayuso-mendaz-representativo-nacionalcatolicismo/20220522104500198868.html>

18. Elecciones autonómicas. Resultados globales (agrupados por ciclos). URL: <https://www.historiaelectoral.com/autonomic.html>

19. Elecciones Generales. Total España. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2019-28A/generales/congreso/index.html>

20. Encuestas. El PP ganaría las elecciones y estaría al borde de la mayoría absoluta con Vox. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2022-05-23/encuesta-onda-cero-el-pp-ganaria-las-elecciones_3429180/

21. Escolar I. Los Mensajes Entre Líneas del Último Discurso de Pablo Casado al Frente del PP. URL: https://www.eldiario.es/escolar/mensajes-lineas-ultimo-discurso-pablo-casado-frente-pp_132_8793937.html

22. García Lupato F., Ruiz Rodríguez L. M., Sánchez Medero G. La Derecha Española Dividida: Posiciones Ideológicas y Clivaje Territorial // Política y Sociedad. Madrid, 2020. № 57 (3). P. 719–745.

23. Garrido A., Martínez M. A., Mora A. La “geometría variable”: los gobiernos minoritarios de España en perspectiva especial // Política y Sociedad. Madrid, 2020. № 57 (1). P. 45–75.

24. Herranz F. ¿Qué lecturas tiene la implosión del Partido Popular? URL: <https://mundo.sputniknews.com/20220224/que-lecturas-tiene-la-implosion-del-partido-popular-1122188159.html>

25. Martín Sanjuan L. ¿Quiénes son los barones del PP y cuáles son sus funciones? URL: https://as.com/diarios/2022/02/23/actualidad/1645635116_078964.html

26. Menéndez M. Elecciones Andalucía. El 19J da a las a Feijóo, deja tocado al PSOE, frena a Vox y hunde a Cs. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20220620/elecciones-andalucia-clave-nacional-ascenso-pp-psoe-tocado-freno-vox/2384553.shtml>

27. Pérez Monguió F. El PP se queda lejos de la mayoría en Andalucía pero podría gobernar sin el apoyo de Vox. URL: <https://cadenaser.com/andalucia/2022/05/30/el-pp-se-queda-lejos-de-la-mayoria-pero-podria-gobernar-sin-el-apoyo-de-vox-cadena-ser/>

28. Programa electoral para las elecciones autonómicas 2021 Comunidad de Madrid. LIBERTAD. URL: <https://www.pp.es/sites/default/files/documentos/programalibertad.pdf>

29. Rama J. Crisis económica y sistema de partidos. Síntomas de cambio político en España. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2016. 29 p.

30. Spain Unemployment Rate 1991–2023. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/ESP/spain/unemployment-rate>

31. Todos los Sondeos Electorales a un Clic. URL: <https://electocracia.com/>
32. Varela F. El PP cierra su cambio de líder sin debate ideológico y sin aclarar qué relación quiere con Vox. URL: https://www.infolibre.es/politica/pp-cierra-cambio-lider-debate-ideologico-aclarar-relacion-quiere-vox_1_1224325.html
33. Villena Oliver A. Las redes de poder en España: élites e intereses contra la democracia. Barcelona: Roca Editorial, 2019. 291 p.
34. 28M. Entre Todos, un Programa Para Ti. PP. Espana Entre Todos. URL: https://www.20minutos.es/uploads/files/2023/03/26/programa_electoral_28m.pdf

REFERENCES

1. Baranov A.V. Elektoralnoe povedenie i podderzhka politicheskikh partii na regionalnykh vyborah v Ispanii (2020–2022 gg.): novye tendentsii [Electoral Behavior of Citizens in Regional Elections in Spain (2020–2022): New Trends]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2022, no. 5, pp. 72–84. DOI: 10.31857/S0044748X0019916-6
2. Kirsanova N.V. Itogi vseobshchikh i avtonomnykh vyborov: prinuzhdenie k koalitsiyam? [Outcomes of General and Autonomous Elections: Forcing Coalitions?]. *Ispaniya v novoi natsionalnoi i mezhdunarodnoi realnosti* [Spain in the New National and International Reality]. Moscow, ILA RAN, 2020, pp. 72–77.
3. Kolpakov N.V. Kto stoit za kontsom “ispanskoi isklyuchitelnosti”? Analiz profilya elektorata partii “Voks” [Who Is Behind the End of “Spanish Exceptionalism”? Analysis of the Profile of the Vox Party Electorate]. *Iberoamerikanskije tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], 2021, vol. 9, no. 3, pp. 50–66.
4. Kurakina-Damir A.A. Ispaniya: izbiratelnyi protsess v usloviyakh fragmentatsii parlamenta [Spain: the Electoral Process in the Context of Parliamentary Fragmentation]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2020, no. 4, pp. 32–45.
5. Kurakina-Damir A.A. Vyборы v Madride v natsionalnom kontekste Ispanii [Elections in Madrid in the National Context of Spain]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS], 2021, no. 4, pp. 55–62.
6. Filippova E.Yu. Faktory formirovaniya koalitsionnykh pravitelstv regionalistskikh i obshchenatsionalnykh politicheskikh partii v regionakh Ispanii [Factors in the Formation of Coalition Governments of Regionalist and National Political Parties in the Regions of Spain]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2021, vol. 65, no. 4, pp. 71–79.
7. Khenkin S.M. Perspektivy pravitelstva Pedro Sanchesa v kontekste sotsialno-politicheskoi situatsii v Ispanii [Prospects for the Government of Pedro Sanchez in the Context of the Socio-Political Situation in Spain]. *Iberoamerikanskije tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], 2021, no. 9 (3), pp. 10–19.
8. Anido F., Ley M., Morales L., Martín L. *Así están las encuestas para las elecciones generales. Feijóo refuerza su ventaja frente a Sánchez*. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/observatorio-electoral/2022-11-14/encuestas-elecciones-generales-feijoo-refuerza-ventaja-sanchez_3434093/
9. *Así habla Feijóo: “Gobierno intervenido”, “presidente cautivo” o “revancha” de la transición*. URL: <https://www.publico.es/politica/habla-feijoo-gobierno-intervenido-presidente-cautivo-revancha-transicion.html>
10. *Barómetro de Junio 2019. Avance de resultados tabulación por recuerdo de voto y escala de ideología política. Estudio nº 3252. Junio 2019*. URL: https://datos.cis.es/pdf/Es3252rei_A.pdf
11. Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Buchanan J.M., ed. *The Collected Works*. Indianapolis, Liberty Fund INC., 1990, vol. 3. 384 p.
12. Carpio J.Á. *Elecciones generales 2019. Radiografía del voto: Dime quién eres y te diré cómo votas*. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20190430/datos-hablan-radiografia-del-voto-voto-grupos-sociales/1930141.shtml>
13. Centro de Investigaciones Sociológicas. Estudio nº 3269. *Barómetro de Diciembre 2019. Postelectoral Elecciones Generales 2019*. Madrid, 2020. 51 p.
14. Cutrona J. *El día de la dimisión de Mariano Rajoy*. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20180605/444114435779/gobierno-pedro-sanchez-ppoe-rajoy-pp-en-directo.html>
15. *10 N Elecciones generales. Votos por partidos en total España. Comunidades y ciudades autónomas*. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2015/generales/congreso/>
16. Ekaizer E. *El caso Bárcenas*. Barcelona, Espasa, 2013. 192 p.
17. *El discurso de Isabel Díaz Ayuso además de mendaz es representativo del nacionalcatolicismo*. URL: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/actualidad/discurso-ayuso-mendaz-representativo-nacional-catolicismo/20220522104500198868.html>
18. *Elecciones autonómicas. Resultados globales (agrupados por ciclos)*. URL: <https://www.historiaelectoral.com/autonomic.html>
19. *Elecciones Generales. Total España*. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2019-28A/generales/congreso/index.html>

20. Encuestas El PP ganaría las elecciones y estaría al borde de la mayoría absoluta con Vox. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2022-05-23/encuesta-onda-cero-el-pp-ganaria-las-elecciones_3429180/

21. Escolar I. *Los Mensajes Entre Líneas del Último Discurso de Pablo Casado al Frente del PP*. URL: https://www.eldiario.es/escolar/mensajes-lineas-ultimo-discurso-pablo-casado-frente-pp_132_8793937.html

22. García Lupato F., Ruiz Rodríguez L.M., Sánchez Medero G. La Derecha española dividida: Posiciones ideológicas y clivaje territorial. *Política y Sociedad*. Madrid, 2020, no. 57(3), pp. 719–745.

23. Garrido A., Martínez M.A., Mora A. La “geometría variable”: los gobiernos minoritarios de España en perspectiva especial. *Política y Sociedad*, Madrid, 2020, no. 57(1), pp. 45–75.

24. Herranz F. *¿Qué lecturas tiene la implosión del Partido Popular?* URL: <https://mundo.sputniknews.com/20220224/que-lecturas-tiene-la-implosion-del-partido-popular-1122188159.html>

25. Martín Sanjuan L. *¿Quiénes son los barones del PP y cuáles son sus funciones?* URL: https://as.com/diarios/2022/02/23/actualidad/1645635116_078964.html

26. Menéndez M. *Elecciones Andalucía. El 19J da a las a Feijóo, deja tocado al PSOE, frena a Vox y hunde a Cs*. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20220620/elecciones-andalucia-clave-nacional-ascenso-pp-psoe-tocado-freno-vox/2384553.shtml>

27. Pérez Monguió F. *El PP se queda lejos de la mayoría en Andalucía pero podría gobernar sin el apoyo de Vox*. URL: <https://cadenaser.com/andalucia/2022/05/30/el-pp-se-queda-lejos-de-la-mayoria-pero-podria-gobernar-sin-el-apoyo-de-vox-cadena-ser/>

28. *Programa electoral para las elecciones autonómicas 2021 Comunidad de Madrid. LIBERTAD*. URL: <https://www.pp.es/sites/default/files/documentos/programalibertad.pdf>

29. Rama J. *Crisis económica y sistema de partidos. Síntomas de cambio político en España*. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2016. 29 p.

30. *Spain Unemployment Rate 1991–2023*. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/ESP/spain/unemployment-rate>

31. *Todos los Sondeos Electorales a un Clic*. URL: <https://electocracia.com/>

32. Varela F. *El PP cierra su cambio de líder sin debate ideológico y sin aclarar qué relación quiere con Vox*. URL: https://www.infolibre.es/politica/pp-cierra-cambio-lider-debate-ideologico-aclarar-relacion-quiere-vox_1_1224325.html

33. Villena Oliver A. *Las redes de poder en España: élites e intereses contra la democracia*. Barcelona, yRoca Editorial, 2019. 291 p.

34. *28M. Entre Todos, un Programa Para Ti. PP. España Entre Todos*. URL: https://www.20minutos.es/uploads/files/2023/03/26/programa_electoral_28m.pdf

Information About the Author

Andrey V. Baranov, Doctor of Sciences (Politics), Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Баранов, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

UDC 327(349)
LBC 66.4

Submitted: 24.11.2022
Accepted: 14.04.2023

CONTEMPORARY HUNGARY'S FOREIGN POLICY EVOLUTION

Ilya N. Tarasov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The foreign policy of modern Hungary has passed through several stages of development since the fall of socialism. The purpose of this article is to clarify the qualitative characteristics of the points of evolution that have determined the content of Hungarian foreign policy. Today, it is not enough to define the image of Hungarian foreign policy solely in terms of pan-European or North Atlantic solidarity. A more careful and thoughtful study of the dynamics of the foreign policy doctrine of Budapest is required. *Methods and Materials.* Our main task is to clarify the periodization of the process of Hungary's foreign policy development. The proposed periodization is carried out in a complex manner, based on several reasons and correlating their influence on each of the allocated time periods. The information array was composed of news for April 2010 – August 2022, based on a digest of news from Hungarian news agencies. *Analysis.* The author identifies five main periods in the development of Hungary's foreign policy: the transitional period; the imperative period; the period of Euro-Atlantic romanticism; the period of seeking regional balance; and the period of Euroscepticism and Easternization. Each of these periods is characterized by an assessment of the conceptual content of international politics, the continuity of the foreign policy course, and the change in emphasis of the current policy. *Results.* Obviously, the current period of development is nearing its end, and in the medium term, Hungarian foreign policy itself will take the form of several relatively balanced concentric circles in the process of forming a polycentric world. At the same time, the European and American orientations will continue to be of paramount importance for Hungary. The growing inertia of the decline in the intensity of Russian-Hungarian relations seems to be the main characteristic of the interaction between the two countries.

Key words: Hungary, policy of openness to the East, political pragmatism, foreign economic cooperation, Russian-Hungarian relations, crisis in the system of international relations.

Citation. Tarasov I.N. Contemporary Hungary's Foreign Policy Evolution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 115-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

УДК 327(349)
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 24.11.2022
Дата принятия статьи: 14.04.2023

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

Илья Николаевич Тарасов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Внешняя политика современной Венгрии со времени падения социализма пережила несколько этапов своего развития. Целью настоящей статьи является уяснение качественных характеристик эволюционных точек, предопределивших содержание венгерской внешней политики. Сегодня недостаточно определить образ внешней политики Венгрии исключительно в терминах общеевропейской или североатлантической солидарности. Требуется более внимательное и вдумчивое изучение динамики внешнеполитической доктрины официального Будапешта. *Методы и материалы.* Нашей существенной задачей является уточнение периодизации процесса внешнеполитического развития Венгрии. Предлагаемая периодизация выполнена комплексно, базируясь на нескольких основаниях в соотношении их влияния на каждом из выделяемых временных отрезков. Информационный массив составили сообщения за апрель 2010 – август

2022 г. на основе дайджеста сообщений венгерских информационных агентств. *Анализ.* Автор выделяет пять основных периодов эволюции внешней политики Венгрии: переходный; императивный; период евроатлантического романтизма; период поиска регионального равновесия; период евроскептицизма и истернизации. Каждый из этих периодов охарактеризован через оценку концептуального содержания международной политики, преемственности внешнеполитического курса и смены акцентов текущей политики. *Результаты.* Очевидно, что нынешний эволюционный период близок к исчерпанию своего содержания, а сама внешняя политика Венгрии в среднесрочной перспективе приобретет вид нескольких относительно сбалансированных концентрических кругов в процессе формирования полицентричного мира. При этом по-прежнему европейское и американское направления будут иметь для Венгрии первостепенное значение. Нарастающее инерционное снижение интенсивности российско-венгерских отношений в среднесрочной перспективе представляется основной характеристикой взаимодействия двух стран.

Ключевые слова: Венгрия, политика открытости на Восток, политический прагматизм, внешнеэкономическое сотрудничество, российско-венгерские отношения, кризис системы международных отношений.

Цитирование. Тарасов И. Н. Эволюционный путь внешней политики современной Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 115–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

Введение. Венгрия сегодня – одна из немногих стран Старого Света, которая стремится поддерживать прагматичные отношения с Российской Федерацией в условиях существенной геополитической турбулентности. Будучи государством – членом Европейского Союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО) Венгрия занимает специфическое положение в системе международных отношений, которая переживает глубокий кризис. Внешнеполитический курс официального Будапешта на протяжении более 30 лет с момента изменения политической системы в 1989–1990 гг., роспуска Организации Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи и вывода советских войск в 1991 г. пережил вполне осязаемые эволюционные перемены, приобрел необходимую для поступательного развития страны устойчивость. Целью настоящей статьи является уяснение качественных характеристик эволюционных точек, предопределивших содержание венгерской внешней политики. Нашей существенной задачей является уточнение периодизации процесса внешнеполитического развития Венгрии. Особенно нас интересует нынешний период. Отдельной задачей представляется оценка нынешнего состояния и перспектив российско-венгерских отношений. Кроме того, мы выдвигаем некоторые предположения о путях дальнейшей международно-политической эволюции Венгрии.

Методы и материалы. Метод периодизации применен для решения задачи определения ключевых точек эволюционного раз-

вития внешней политики Венгрии. Периодизация выполнена комплексно, базируясь на нескольких основаниях в соотношении их влияния на каждом из выделяемых временных отрезков, различных по продолжительности и демонстрирующих относительно устойчивые качественные характеристики.

Источники сообщений о значимых событиях международной политики Венгрии – публикации Венгерского телеграфного агентства (МТИ) и официального издания «Hungary Today», принадлежащего фонду «Друзья Венгрии» – негосударственной организации, содействующей информированию о социальной, культурной, экономической и политической жизни страны. Информационный массив составили сообщения за апрель 2010 – август 2022 г., отобранные целенаправленно по лексемам, составляющим ключевые слова этой статьи. Хронологические ограничения обусловлены исследовательским фокусом внимания на положение дел в пределах текущего периода эволюции венгерской внешней политики в рамках периодизации, предложенной автором. К сформированному информационному массиву применены средства ивент-анализа для уяснения событийной стороны формирования внешнеполитической повестки Венгрии.

Анализ. Вполне понятными основаниями для периодизации внешнеполитического развития той или иной страны на обозримом историческом отрезке в пределах функционирования одной относительно неизменной политической системы выступает смена правя-

шей партии (группы) или главы внешнеполитического ведомства, который оказывается способным изложить более или менее конструктивное видение перспектив международной ситуации на несколько лет вперед. Не отвергая такое основание, все-таки попытаемся найти иные содержательные критерии.

Скажем, по основанию завершенности евроатлантической интеграции можно выделить: предварительный период (1990–1994), когда ориентация на евроинтеграционные структуры была декларацией и образом желаемого будущего; период продвижения (1994–2004) – от приобретения кандидатского статуса к полноправному членству в НАТО и ЕС; период институционального освоения (2004–2011), когда одной из важнейших задач венгерской внешней политики было обеспечение возможностей развития страны внутри интеграционного объединения; наконец, период нарастания противоречий (с 2011). Такая периодизация имеет логику и изъяны. Очевидно, что практические задачи венгерской внешней политики на треках интеграции в ЕС и присоединения к НАТО содержательно были различными, отличаются эти процессы и по своей динамике. По всей видимости, периодизацию политики Венгрии относительно НАТО и ЕС следует отделить друг от друга, хотя, безусловно, существуют факторы взаимобуславливающие характер отношений Будапешта с этими международными организациями разных типов.

Еще более уязвимой и плоской оказывается позиционная периодизация по расположению и интенсивности отношений с основными центрами мировой политики, прежде всего с США, затем с ЕС, Россией и, наконец, Китаем. Статистические замеры показывают, что в таких координатах расположение Венгрии будет на всем более чем 30-летнем отрезке времени приближено к ЕС и США с незначительными ежегодными колебаниями, более заметными в 1998–1999 гг. в сторону США, а в 1990–1995 и 2003–2005 гг. в сторону ЕС. Россия и Китай покажут еле заметные сближения лишь после 2010 года [29]. Это не дает почти ничего, кроме справедливого и без подобного замера утверждения, что американское и европейское направления внешней политики Венгрии являются наиболее значимы-

ми и, по всей видимости, останутся таковыми как минимум в среднесрочной перспективе.

Как представляется, более продуктивной в плане достижения исследовательских задач может быть периодизация, связанная одновременно с тремя основаниями: а) концептуальное содержание международной политики; б) преемственность внешнеполитического курса; в) смена акцентов текущей политики в зависимости от идейных установок разных правительств.

Прежде всего, с нашей точки зрения, важным, хотя и небесспорным хронологически, является выделение *переходного* периода (1988–1990 гг.), связанного с деятельностью правительства Миклоша Немета и министра Дьюлы Хорна (1989–1990 гг.). В этот период только начала складываться посткоммунистическая политическая система Венгрии и ее внешняя политика, хотя и приобретала новые черты, все же обладала значительной инерцией. В этот период на внешнем контуре перед страной стояли задачи обеспечения внешнеэкономической деятельности в условиях существенных изменений во всей Центральной и Восточной Европе. Изменения внутри правящей партии, даже будучи подготовленными элитными группами, происходили для внешнего наблюдателя стремительно. Соответственно, прежние внешнеполитические ориентиры утрачивали свою значимость, а новые выглядели не вполне четко, за исключением метафоры «возвращения в Европу». Спорность хронологии этого периода усматривается в том, что формально социалистическое государство в Венгрии существовало до 1989 г., а сам переходный период в политической сфере (не говоря уже об экономической) точно не завершился в 1990 году.

После учредительных выборов в Государственное собрание (1990 г.) было сформировано некоммунистическое правительство, перед которым, с одной стороны, стояли трудные задачи оперативного характера – завершение членства страны в Организации Варшавского договора (ОВД) и Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), вывод советских войск, с другой – не менее сложные задачи выработки концептуальной основы будущей внешней политики подлинно суверенной Венгрии. Этот период (1990–1994 гг.) можно

с определенной долей условности назвать *императивным*. Во-первых, в это время образ венгерской внешней политики был почти полностью подчинен антисоветским установкам, господствовавшим внутри страны. Во-вторых, именно тогда были выработаны приоритетные направления внешней политики Венгрии, не утратившие своей актуальности до сей поры. Председатель правительства Йожеф Анталл (в 1990–1993 гг.) предложил три императива внешней политики: евроатлантическая интеграция; добрососедская политика, обеспечивающая стабильность в регионе; национальная политика, включающая поддержку венгров, живущих за пределами этнической родины [1; 6, с. 68]. Проводником курса Анталла стал министр Геза Йесенски (в 1990–1994 гг.). Относительному успеху такой концептуализации внешней политики Венгрии, как представляется, способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, наличие глубоких дипломатических традиций. Во-вторых, сохранение интеллектуального потенциала дипломатии. Этому способствовало в том числе быстрое переформатирование партийной системы, когда по разным политическим группам разошлись в основном члены и функционеры одной партии – Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) [27]. Безусловно, ВСРП не являлась единственным источником квалифицированных кадров венгерской дипломатии. Свой вклад в формирование кадрового потенциала внесли оппозиционные группы, образовательные учреждения, интеллектуальная среда, включая венгерское зарубежье. В-третьих, сохранялась определенная поколенческая преемственность, политические расколы не дошли до состояния «венгерско-венгерской войны», а выходцы из зарубежных диаспор не сумели сдвинуть «старую гвардию» (как это случилось в странах Балтии, например). В-четвертых, новые императивы венгерской внешней политики лежали буквально на поверхности, будучи высвобожденными из-под спуда коммунистической идеологии «трианонским» синдромом, который болезненно переживало общество в это время, а его фантомные боли периодически ощущаются до сих пор [28, р. 316]. По Трианонскому договору 1920 г. Венгрия потеряла Трансильванию, Банат, Бачку, Хорватию, Сло-

вакию, Карпатскую Русь и Бургенланд. В результате Венских арбитражей 1938 и 1940 гг. Венгрия возвратила южные районы Словакии, Карпатскую Русь и Северную Трансильванию. Решением Потсдамской конференции 1945 г. результаты Венских арбитражей были аннулированы. За пределами Венгрии остались значительные венгерские диаспоры. «Пока в странах, где проживает значительное венгерское меньшинство, конституционные гарантии прав меньшинств останутся не сформулированными, венгерское правительство видит мало возможностей для подлинно дружественных отношений с ними», – провозглашал в свое время министр иностранных дел Венгрии Г. Йесенски [25; 26, р. 5]. Директор Женевского центра геополитических исследований Дьюла Чургай считает, что международные отношения сегодня по-прежнему определяются демографической, географической, исторической, культурной и национальной идентичностью. Борьба за идентичность в условиях (де)глобализации приводит к нарастанию противоречий, а внешним диаспорам принадлежит решающая роль в формировании образа внешней политики государства по отношению к своим ближайшим соседям. Для Венгрии такая постановка вопроса не может утратить актуальности [18, р. 169].

Следующий период (1994–2004 гг.) можно назвать временем *евроатлантического романтизма*. Несмотря на двойную смену у власти Венгерской социалистической партии (ВСП) и Альянса молодых демократов – Венгерской гражданской партии (ФИДЕС): в 1998 г. социалисты потерпели поражение на парламентских выборах после провала политики жесткой экономии – «план Бокроша», а первое правительство Виктора Орбана (ФИДЕС) пало в 2002 г. после того как на выборах правящая коалиция не смогла добыть необходимого числа мест в парламенте, а оппозиция организовала кампанию по обвинению премьера в коррупции, попытках ограничить власть парламента и оказать давление на журналистов, внешнеполитический курс сохранил преемственность [19]. Министры Ласло Ковач (в 1994–1998, 2002–2004 гг.) и Янош Мартони (в 1998–2002 гг.), представлявшие разные политические силы, акцентируя внимание на отдельных направле-

ниях, добились реализации программы евроатлантической интеграции. В 1994 г. Венгрия получила статус страны-кандидата, в 1999 г. стала членом НАТО (несмотря на то что по Парижскому договору 1947 г. были установлены ограничения численности венгерской армии, не преодоленные до сих пор), а в 2004 г. – полноправным членом ЕС. Здесь стоит отметить, что интеграционный референдум, прошедший в 2003 г., выявил определенный потенциал евроскептицизма. В Венгрии на референдум пришло 46 % избирателей. Он был признан состоявшимся, поскольку на тот момент закон не устанавливал обязательного кворума. Сразу после вступления в силу Афинских соглашений о расширении ЕС в Венгрии поддержка европейской идеи стала неуклонно снижаться. Всплески еврооптимизма наблюдаются лишь в периоды обострения внутривнутриполитической борьбы и мало связаны с интеграционными успехами [8, с. 71–72].

Шестилетний отрезок (2004–2010 гг.) после вступления Венгрии в ЕС характеризуется поиском *регионального равновесия*. Министры Ференц Шомоди (2004–2006 гг.), Кинга Генц (2006–2009 гг.) и Петер Балаш (2009–2010 гг.), каждый по-своему, но в целом последовательно обращали внимание и направляли усилия дипломатического корпуса не только на решение задач в евроатлантических структурах, но и в отношениях со странами-соседями и партнерами по Вишеградской группе (V4) [32]. Казалось, что со вступлением всех четырех стран (Польши, Чехии, Словакии и Венгрии) отпала необходимость в координации евроинтеграционных усилий стран V4, однако Кромержжизская декларация 2004 г. сместила акцент на межгосударственное сотрудничество стран Центрально-Восточной Европы внутри ЕС с целью коллективного продвижения общих региональных интересов [10]. Усилиями венгерских дипломатов в основном удалось урегулировать вопросы защиты прав соотечественников за рубежом в соответствии с законом «О венграх, проживающих в соседних странах», который был принят еще в 2001 г. без учета его международно-политических последствий. «Хотя правительство Венгрии никогда не предъявляло к соседям никаких территориальных претензий, во внешнеполитической доктрине страны обнаружи-

ваются существенные изменения именно под влиянием такой исторической позиции, выражающейся в основном в распространении гражданских предпочтений на лиц венгерской национальности, проживающих за пределами Венгрии» [9, с. 388–389]. В 2010 г. было создано самостоятельное министерство по делам зарубежных венгров в структуре национального правительства, либерализовано законодательство о гражданстве. «Будапешт поддерживает так называемую двунаправленную интеграцию венгерских общин, и это в идеале подразумевает сохранение этнических венгров в местах их нынешнего проживания, а также их полноценное участие в жизни государств, гражданами которых они являются, при одновременном укреплении собственной национально-культурной идентичности, сознания принадлежности к единой венгерской нации» [5, с. 129]. Одним из заметных акцентов венгерской внешней политики стало содействие евроатлантической интеграции Западных Балкан, в частности Хорватии. В этот же период объем торговли с Россией достигает (2006 г.), а затем за короткое время превышает показатели 1990 года. Заметно улучшился политический фон российско-венгерских отношений. Одновременно с этим Венгрия проявляет интерес к диверсификации поставок энергоресурсов, в частности к проекту газопровода «Набукко». Таким образом, в 2006–2010 гг. сохраняется определенная преемственность в приоритетности евроатлантического курса, вместе с тем просматриваются контуры международно-региональной политики Венгрии, формируются основы многовекторности [11].

После победы ФИДЕС на парламентских выборах 2010 г. и формирования правительства Виктором Орбаном начался нынешний период эволюции внешней политики Венгрии. Наиболее существенными характеристиками этого этапа, без сомнения, следует назвать евроскептицизм и политику открытости на Восток. Евроскептицизм – вполне понятный результат неэффективной политики правительства в 2004–2010 гг. по использованию средств еврофондов. Отставание в темпах социально-экономического развития Венгрии по сравнению с соседями по V4 стало слишком заметным (не только в статистических отчетах, но и в реальном уровне жизни

граждан), а ресурсы дальнейшей либерализации экономики при ослабевающих социальных гарантиях оказались исчерпанными. Бывший министр финансов Ласло Чаба в качестве обоснования «прагматического евроскептицизма» нынешнего венгерского правительства последовательно критикует перспективы банковского и фискального союза внутри ЕС, который в отличие от формирования общего рынка товаров, услуг и капиталов несет для Венгрии значительные риски утраты суверенных инструментов налоговой и денежной политики [17, p. 15].

В свою очередь, политика открытости на Восток была провозглашена как реакция на последствия экономического кризиса 2008–2009 гг., как вариант их преодоления. Основная задача стратегии – максимально облегчить расширение венгерского экспорта. З. Биро к достижениям политики ФИДЕС относит многовекторность внешней политики. Программа «Открытие на Восток» предусматривает не только перезагрузку отношений с Россией, но и развитие многосторонних связей Венгрии с Китаем, Индией, Японией, что раньше не просматривалось во внешнеполитическом курсе страны. С 2015 г. стратегия открытия Востоку была дополнена так называемой внешнеэкономической стратегией «Открытости Югу», которая в основном ориентирована на укрепление экономических отношений в Африке и Латинской Америке. До того все 20 лет после развала СССР в центре внимания находился только Евросоюз [2, с. 237]. Не вполне верно, что венгерский евроскептицизм и истернизация во внешней политике имеют исключительно идейно-политическую основу, связанную с национал-консервативными убеждениями действующего премьер-министра или установками правящей партии. Вспомним, что Виктор Орбан начинал политическую карьеру как убежденный сторонник либеральных идей, разделял устремление большинства венгров к интеграции в ЕС и НАТО, был последовательным критиком социалистической альтернативы развития страны [30]. «Путь вправо» прошел не только В. Орбан и ФИДЕС, перехватывая националистическую риторику у крайне правых, но и заметная часть венгерского общества, ожидания которой от многолетней либеральной

экономической политики и евроинтеграции не вполне оправдались. М. Варга полагает, что диверсификация направленности внешней политики Венгрии – это во многом тактическое решение, которое имеет шансы стать стратегическим выбором, если покажет свою эффективность [33, с. 214]. Нужно признать, что до начала острой фазы вооруженного российско-украинского конфликта на межгосударственном уровне многовекторность внешней политики Венгрии показывала относительно низкую эффективность, снижалась ее легитимность, да и нет никаких гарантий, что хотя бы в среднесрочной перспективе в период постконфликтного урегулирования она сможет показывать такие же результаты, что и в условиях эскалации. Вместе с тем на нынешнем этапе такая политика венгерского правительства воспринимается большинством граждан как прагматичная, хотя и небезупречная [3]. По мнению А. Бернек, успех венгерской политики открытости Востоку зависит не только от характера отношений между ЕС, США и Китаем, но и от способности консолидации интересов стран Центрально-Восточной Европы. «В нынешнюю эпоху “деглобализации”, в эпоху роста крупных регионов, укрепление Вишеградского сотрудничества и создание новых инфраструктурных коридоров Север – Юг для восточно-центральноевропейской экономической мощи было бы подходящей основой для объявления внешнеполитического курса, который значительно более суверенен, чем нынешний» [14, p. 142]. Несмотря на то что миграционный кризис, пандемия, российско-украинский вооруженный конфликт продемонстрировали востребованность механизмов Вишеградского сотрудничества, внутри группы стран нарастают противоречия по вопросам социально-экономического взаимодействия, что неминуемо приведет к очередному пересмотру общих целеполаганий регионального объединения [22].

В венгерской геополитической литературе и во внешнеполитическом дискурсе на протяжении десятилетия популярны сюжеты «евразийской дуги» или «оси Берлин – Москва – Пекин», места Венгрии в новых координатах формирующегося многополярного мироустройства. Обсуждаются роли Будапешта в качестве «моста», «посредника», «торгового

агента», «западной окраины Турана», «оплота Европы перед лицом Евразии», но не самостоятельного игрока. Часто понятие «неопределенность» будущего мироустройства – единственная константа в таких рассуждениях [14; 20; 24; 31].

В отношении США и НАТО политика венгерского правительства остается последовательной и союзнической. Если сейчас официальный Будапешт отказывается от поставок оружия, предоставления своей территории для транзита военных грузов для Украины, от обучения украинских военнослужащих в Венгрии, то в условиях непосредственной угрозы безопасности страны правительство, безусловно, выполнит свои союзнические обязательства, как делало это прежде – в югославском, косовском, афганском или иракском конфликтах. Венгрия через государственные и общественные структуры оказывает гуманитарную помощь Украине, принимает и размещает беженцев, последовательно выступает за сохранение суверенитета и территориальной целостности этой страны. Вместе с тем министр иностранных дел Петер Сийярто лаконично и ясно выразил отношение венгерского правительства к разворачивающемуся конфликту: «Это не наша война, мы хотим и будем держаться подальше от нее» [21].

Постановление о реализации Стратегии международного сотрудничества в целях развития на период с 2020 по 2025 г. прямо предписывает министру иностранных дел руководствоваться приоритетами внешней торговли при организации мероприятий международного сотрудничества [13]. Такой сугубый экономизм и прагматизм является характерной чертой нынешнего внешнеполитического курса официального Будапешта. Однако нельзя утверждать, что чисто политические или идейные мотивы поведения Венгрии на международной арене не играют никакой роли. К примеру, в диалоге с институтами ЕС по вопросам семейного права, деятельности НКО или организации правосудия правительство Венгрии отказывается от выгод материального характера в пользу непоколебимости идейных установок. Риски политики открытости на Восток связаны с особенностями двусторонних отношений со странами-адресатами и реакцией партнеров по ЕС. Главными адреса-

тами «восточной политики» Венгрии выступают Турция, Россия, Китай, а также страны постсоветского пространства. На двустороннем треке отношений возникают определенные трудности реализации более или менее долгосрочных проектов сотрудничества. Правила экономической конкуренции, налоговые нормы и порядок финансовой отчетности часто оказываются непреодолимыми барьерами. Кроме того, и для Венгрии, и для Турции, например, характерны короткие периоды бурного экономического роста и длительные периоды стагнации, высокая зависимость экспортоориентированных экономик от экстернальных факторов и иностранного инвестиционного капитала. Несовпадение по времени и высокая волатильность рынков ограничивает возможности венгеро-турецкого экономического сотрудничества. Во взаимодействии с китайскими партнерами возникают другие риски – например, увода инвестиций. Так, в модернизации железнодорожной магистрали Будапешт – Белград участвует на правах младшего партнера только одна венгерская компания, большинство субподрядов получили китайские фирмы [15]. На постсоветском пространстве свои сложности, часто связанные с завышенными ожиданиями отдачи и рентабельности для местного бизнеса. Важно отметить, что Венгрия стремится избежать политического обременения, косвенных обязательств, которые ограничивали бы многовекторность международной деятельности [34].

В отношениях с Российской Федерацией это проявляется особенно заметно. Л.Н. Шиселина выделяет два этапа в эволюции российско-венгерских отношений. «Этап их разрушения, начавшийся со второй половины 1980-х гг. и постепенно перешедший в стагнацию середины и второй половины 1990-х гг.; и этап восстановления, открытый со вступлением в новый век, обретением международного опыта, относительной определенностью, достигнутой во внутренней политике» [12, с. 9]. Не подвергая сомнению обоснованность такого деления на этапы, подчеркнем, что отношения с Россией ни на одном из них не оказывали существенного влияния на эволюционный трек международной политики современной Венгрии, всегда встраивались в ши-

рокий смысловой контекст продвижения интересов Будапешта на мировой арене. Характеризуя развитие российско-венгерских отношений в нынешний период (с 2010 г.), нетрудно заметить сохраняющийся взаимный интерес к реализации крупных инфраструктурных проектов.

Интенсивность политических контактов между двумя странами на высшем уровне за последние несколько лет заметно выросла по сравнению с периодом евроатлантического романтизма венгерской внешней политики. Президент России посещал Венгрию с официальными и рабочими визитами в 2006, 2015, 2017 и 2019 гг., премьер-министр Венгрии находился в России с официальными и рабочими визитами в 2010, 2013, 2014, 2016, 2018 и 2022 годах. Стоит отметить, что большой вклад в развитие отношений с Россией внес министр Янош Мартони (в 2010–2014 гг.), продолжает эту линию Петер Сийярто (с 2014 г.).

Наиболее значимым является сотрудничество в энергетической сфере, касающееся поставок российских нефти и газа, а также развития венгерской атомной отрасли. В 2016 г. было подписано соглашение между ПАО «Транснефть» и крупнейшей венгерской нефтегазовой компанией «МОЛ» о сотрудничестве при эксплуатации магистральных нефтепроводов. В 2021 г. в Венгрию поставлено 3,41 млн т нефтепродуктов. Доля российской нефти на венгерском рынке составляет 55 % [16]. Кроме того, концерн «МОЛ» обладает правами на разработку Байтуганского нефтяного месторождения. В 2021 г. между ООО «Газпром экспорт» и венгерской электроэнергетической компанией «МВМ» были заключены контракты на поставку газа в Венгрию сроком до 2036 года. Соглашения предусматривают поставку 4,5 млрд куб. м газа в год, из них 3,5 млрд куб. м будут поступать через Сербию по «Турецкому потоку» и 1 млрд куб. м – через Австрию. Несмотря на то что газовые потребности Венгрии год от года сокращаются, доля российского газа на венгерском рынке составляет 82 % [23]. Заинтересованность Венгрии в гарантированном получении трубопроводного газа в полной мере проявилась на переговорах с Европейской комиссией по вопросу о присоединении Будапешта к антироссийским энергетическим санкци-

ям. Высокая зависимость страны от трубопроводных поставок из России и ее слабые возможности по диверсификации снабжения стали важными для Венгрии (при солидарной позиции Австрии) аргументами против включения газовых ограничений в рамках так называемого седьмого пакета.

В соответствии с межправительственным соглашением, заключенным в 2014 г., Госкорпорация «Росатом» реализует проект по увеличению мощности АЭС «Пакш», включая проектирование, сооружение и ввод в эксплуатацию двух новых энергоблоков. Проект имеет давнюю историю, поскольку советскими специалистами сооружение первого реактора началось еще в 1974 г., а в 1983 г. состоялся его запуск. Советские, а затем российские специалисты не прекращали техническое сопровождение работы АЭС, на регулярной основе осуществлялось изъятие, хранение и транспортировка отработанного ядерного топлива. Ныне реализуемый проект стоимостью 14,7 млрд долл. стал логичным продолжением двухстороннего сотрудничества. В 2021 г. Российская Федерация пошла на изменение для Венгрии условий использования государственного кредита (выделенного в 2014 г.) со сроком начала погашения в 2031 г. (вместо 2026 г.) без изменения срока проведения всех платежей в 2046 году [4]. При этом два новых энергоблока должны быть запущены в эксплуатацию в 2026 и 2027 гг., однако, поскольку подготовительные работы начались лишь осенью 2022 г., можно предположить, что завершение строительства будет перенесено на более поздний срок.

Контакты с Венгрией поддерживают около половины субъектов Российской Федерации. Минюстом России зарегистрированы межрегиональные соглашения, подписанные администрациями Республики Коми, Московской, Самарской, Челябинской областей, Ханты-Мансийского автономного округа с венгерскими областями, и «диагональные» соглашения администраций Республики Башкортостан, Калужской, Курской, Ленинградской, Омской, Свердловской, Челябинской областей с отраслевым министерством Венгрии. Примечательно, что в 1990-е гг. Венгрия стремилась к установлению связей с близкими в этнокультурном отношении регионами России, ныне ее интересуют сильные с

экономической точки зрения субъекты Российской Федерации. Примерами успешного регионального сотрудничества в экономической сфере можно назвать проект создания ПАО «Татнефть» и «МОЛ» в г. Нижнекамске совместно битумного производства с выпуском резино-модифицированного битума, а также работы дочернего предприятия фармацевтической компании «Гедеон Рихтер» в Егорьевском районе Московской области.

Нельзя сказать, что региональное сотрудничество сегодня является флагманом российско-венгерских отношений. Вместе с тем развивается инфраструктура сотрудничества. Так, функционируют генеральные консульства Венгрии в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Казани, а также генеральное консульство России в Дебрецене. У российских и венгерских регионов есть значительный потенциал сотрудничества в социогуманитарной сфере, в частности, в области науки и образования. В 2018 г. истек срок российско-венгерского соглашения о сотрудничестве в области высшего образования, ведется подготовка нового соглашения. Наиболее востребованными у венгерских студентов являются Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова и Казанский (Приволжский) федеральный университет. При участии фонда «Русский мир» в университетах им. Л. Этвеша (Будапешт), им. Я. Паннониуса (Печ) и им. Лайоша Кошута (Дебрецен) открыты «русские кабинеты». В университетах Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийска, Йошкар-Олы, Саранска, Ижевска, Сыктывкара, Петрозаводска и Екатеринбурга созданы «венгерские пункты», призванные содействовать культурно-языковому обмену, популяризации венгерского языка.

Совокупность фактов и событийное содержание межгосударственных контактов позволяет в целом охарактеризовать нынешнее состояние российско-венгерских отношений как удовлетворительное, развивающееся поступательно, однако с явной тенденцией к инерционному замедлению. Значительными вызовами российско-венгерского сотрудничества в экономической, политической и социогуманитар-

ной сферах представляются не только сверхдолгосрочные факторы, такие как членство обеих стран в разных военно-политических блоках и интеграционных объединениях, но и менее долговременные обстоятельства. Среди таковых следует указать на отсутствие диалога по вопросам общего исторического прошлого, несмотря на то что опыт такого взаимодействия существует. По всей видимости, пауза-игнорирование имеет смысл в условиях геополитической турбулентности, однако в перспективе возобновление диалога должно стать триггером интенсификации контактов социогуманитарного характера, что, в свою очередь, способствует укреплению двусторонних отношений в целом. Также важным обстоятельством выступает разность позиций стран по проблемам кризиса вокруг Украины. Российской Федерацией Венгрия внесена в перечень недружественных стран и территорий [7], что ограничивает возможности сохранения и, тем более, расширения номенклатуры отраслей и тем сотрудничества. В политической сфере российско-венгерский диалог может получить новый импульс только в период постконфликтного урегулирования. Как представляется, наиболее перспективными направлениями российско-венгерских отношений в среднесрочном плане являются реализация крупных инфраструктурных проектов большой капиталоемкости, а также региональное сотрудничество, увеличивающее контактность органов публичной власти, отраслевых бизнес-сообществ, научных и образовательных организаций, что существенно влияет на формирование позитивного образа отношений между Россией и Венгрией.

Результаты. Рассуждая о путях дальнейшей международно-политической эволюции Венгрии, стоит принять во внимание то, что политика открытости на Восток исчерпаема. Ее предел лежит в достижении эффективного взаимодействия в торгово-экономической и инвестиционной сферах, которое не обременяло бы Венгрию дополнительными обязательствами политического характера. Важно уяснить, что истернизация венгерской международной политики не является противовесом Западу, поскольку ни Китай, ни Россия, ни Турция, ни одна из стран постсоветского пространства в среднесрочной перспективе неспособны заместить объем торгово-

экономических связей с США и странами ЕС, не говоря о политических отношениях, где Венгрия не безоговорочно, но все же следует в фарватере курса Североатлантического полюса мировой политики, хотя бы отчасти отождествляя себя с ним. Конечно, учитывая исторический опыт, многое в эволюции венгерской внешней политики зависит от сохранения макрополитической стабильности внутри страны, существенных угроз которой сейчас не просматривается. По всей видимости, по мере исчерпания политики открытости на Восток, венгерские интеллектуалы-международники и политики-практики сформулируют суть и дадут обоснование необходимости в начале новой расстановки акцентов, а затем корректировки курса, и, наконец, смены вектора международной политики официального Будапешта. При этом нет оснований прогнозировать существенное отдаление страны от США, ЕС и НАТО. Одним из наиболее вероятных сценариев представляется выстраивание конфигурации венгерской внешней политики концентрическими кругами, где в первом круге будут расположены США, Великобритания, страны ЕС, другие партнеры по НАТО, а также весомые международные организации; во втором – страны-соседи и государства Центральной и Юго-Восточной Европы, где важной представляется роль Венгрии в содействии европейской интеграции Украины и Сербии (в отличие от натовского трека); в третьем – ключевые страны Востока (Турция, Россия, Китай), возможно, наиболее успешные партнеры на постсоветском пространстве, Япония, Республика Корея, Израиль и Индия; в четвертом – остальные страны Азии, Латинской Америки и, возможно, Австралия; в пятом – глубокая периферия интересов Венгрии – Африка, за исключением Египта, Эфиопии и ЮАР, которые могут занять более высокое место в силу их большего потенциала международного сотрудничества в отдельных секторах экономики и социального партнерства. Безусловно, этот сценарий не является безальтернативным, такая модель будущего образа венгерской внешней политики не может возникнуть вдруг без сформированной потребности. Вместе с тем существующие ныне тенденции развития и стоящие перед страной вызовы свидетельствуют о сохраняющемся ди-

намизме интеллектуальных усилий по переосмыслению места Венгрии в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балог А. Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность // Центрально-Европейский ежегодник / сост. И. Киш. М.: ЛОГОС, 2003. Вып. 1. С. 225–226.
2. Биро З. «Из одной диктатуры мы попали в другую...». Тридцать лет после «смены систем». Взгляд из Будапешта. Интервью с З. Биро // Историческая экспертиза. 2020. № 1 (22). С. 224–239.
3. Вологов О. Г., Вологов С. О. Венгрия: политика лавирования между ЕС, США, Китаем и Россией // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий 1989–2019. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 58–70. DOI: 10.31168/2712–8342.2021.2.5
4. Госдума ратифицировала протокол к соглашению о госкредите Венгрии на строительство АЭС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13020147>
5. Коптелова И. Е. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики Венгрии при работе с соотечественниками // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. М.: МГЛУ, 2017. С. 129–141.
6. Мусина Р. И. Трансформация внешней политики Венгрии: национализм или рационализм? // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6–4 (37). С. 68–69.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>
8. Тарасов И. Н. Европейское единство: испытание Востоком // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 1 (13). С. 70–81.
9. Тарасов И. Н. Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. соц.-экон. ун-та, 2009. 456 с.
10. Четверикова А. С. Вишеградская «четверка» в периоды кризисов // Современная Европа. 2021. № 4. С. 37–46. DOI: 10.15211/soveurope420213746
11. Шишелина Л. Н. Многовекторность Восточной политики Венгрии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 1 (25). С. 35–43.
12. Шишелина Л. Н. Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 6–16. DOI: 10.15211/soveurope720190616
13. A Kormány 1792/2019. (XII. 23.) Korm. határozata a 2020 és 2025 közötti időszakra vonatkozó nemzetközi fejlesztési együttműködési stratégiáról // Magyar közlöny. 2019. évi 216. Szám.

14. Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései // *Külügyi Szemle*. 2018. № 2. o. 122–144.

15. Boros F., Bondor A. Strategic Targets of Hungarian Foreign Policy // *Medzinárodné otázky*. 2002. Vol. 11, № 4. P. 25–46.

16. Bűnbakkereső szándékkal erőltetheti az unió a kelet-európai országok orosz olajembargóba vonását. URL: <https://www.vg.hu/vilaggazdasag-magyar-gazdasag/2022/05/bunbakkereso-szandekkal-eroltetheti-az-unio-a-kelet-europai-orosz-olajembargoba-vonasat>

17. Csaba L. Kelet-nyugati válaszfalak az EU-ban és meghaladásuk // *Külügyi Szemle*. 2019. № 2. o. 3–21.

18. Csurgai G. Geopolitical Analysis. A Multidimensional Approach to Analyze Power Rivalries in International Relations. Róma: Aracne, 2019. 208 p.

19. Dübörögnek az építőgépek a Budapest – Belgrád vasúton. URL: <https://magyarnemzet.hu/gazdasag/2022/08/duborognek-az-epitogepek-a-budapest-belgrad-vasuton>

20. Eszterhai V. Az orosz – kínai tengely az ukrajnai háború tükrében // *Külügyi Szemle*. 2022. № 2. o. 43–66.

21. Foreign Ministry Summons Ukrainian Ambassador // *MTI-Hungary Today*. 2022.04.06. URL: <https://hungarytoday.hu/foreign-ministry-summons-ukrainian-ambassador-szijjarto-war/>

22. Garai N. A cseh külpolitikai identitás és a visegrádi együttműködés // *Külügyi Szemle*. 2022. № 1. o. 35–58.

23. Góralczyk B. Polityka zagraniczna Węgiei gabinetu Viktora Orbána. Warszawa: Departament Strategii i Planowania Polityki – Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 1998. 15 p.

24. Grüber K. “Rettegni Moszkvától”: gondolatok a Nyugat és Oroszország közötti kapcsolatokról // *Külügyi Szemle*. 2020. № 3. o. 138–144.

25. Jeszenszky G. Hungary’s Foreign Policy Dilemmas after Regaining Sovereignty // *Society and Economy*. 2007. Vol. 29, № 1. P. 43–64.

26. Jeszenszky G. On National Minorities and European Security // *Current Policy*. 1993. № 13. P. 5.

27. Kiss B., Zahorán Cs. Hungarian Domestic Policy in Foreign Policy // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2007. Vol. 16, № 2. P. 46–64.

28. Magyarország gazdaságtörténete a honfoglalástól a 20. század közepéig / ed.: Szerkesztő Honvári János. Budapest: AULA Kiadó, 1997. 664 o.

29. Marušiak J. Russia and the Visegrad Group – More than a Foreign Policy Issue // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2015. Vol. 24, № 1–2. P. 28–46.

30. Olcsó nyugati gázzal telnek a magyar tározók: csökkenhet az orosz gázfüggőség? URL: [https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-](https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg/)

[nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351](https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351)

31. Pesti S. Magyarország külpolitikája 2010–2020. Budapest: Gondolat Kiadó, 2021. 180 o.

32. Schmidt A. From Intermarium to the Three Seas Initiative – Regional Integrations in Central and Eastern Europe and the Hungarian Foreign Policy // *Politeja*. Księgarnia Akademicka. 2017. № 51/6. P. 165–190.

33. Varga. The Return of Economic Nationalism to East Central Europe: Right-Wing Intellectual Milieus and Anti-Liberal Resentment // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27, № 1. P. 206–222.

34. Végh Z. Hungary’s “Eastern Opening” Policy Toward Russia: Ties that Bind? // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2015. Vol. 24, № 1–2. P. 47–65.

REFERENCES

1. Balog A. Vengry-madjary: nacionalnaja i evropejskaja identičnost [Hungarians-Magyars: National and European Identity]. Kish I., ed. *Centralno-Evropejskij ezhegodnik* [Central European Yearbook]. Moscow, LOGOS Publ., 2003, iss. 1, pp. 225–226.

2. Biro Z. «Iz odnoj diktatury my popali v druguju...». Tridcat let posle «smeny sistemy». Vzgljad iz Budapeshta. Intervju s Z. Biro [“From One Dictatorship We Went to Another...” Thirty Years After the “Change of System.” View from Budapest. Interview with Z. Biró]. *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], 2020, no. 1 (22), pp. 224–239.

3. Volotov O.G., Volotov S.O. Vengrija: politika lavirovanija mezhdu ES, SShA, Kitaem i Rossiej [Hungary: The Policy of Maneuvering Between the EU, USA, China, and Russia]. *Transformacionnye revoljucii v stranah Centralnoj i Jugo-Vostočnoj Evropy. K 30-letiju sobytij 1989–2019* [Transformational Revolutions in the Countries of Central and South-Eastern Europe on Their Thirtieth Anniversary. 1989–2019]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 58–70. DOI: 10.31168/2712-8342.2021.2.5

4. *Gosduma ratificirovala protokol k soglasheniju o goskredite Vengrii na stroitelstvo AES* [The State Duma Ratified the Protocol to the Agreement on the State Loan of Hungary for the Construction of Nuclear Power Plants]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13020147>

5. Koptelova I.E. «Mjagkaja sila» kak resurs vneshnej politiki Vengrii pri rabote s sootčestvennikami [“Soft Power” as a Resource of Hungarian Foreign Policy When Working with Compatriots]. *Strategija «mjagkoj sily» v kontekste informacionnyh vojn* [Soft Power Strategy in the Context of Information Wars]. Moscow, MGLU, 2017, pp. 129–141.

6. Musina R.I. Transformacija vneshej politiki Vengrii: nacionalizm ili racionalizm? [The Transformation of Hungary's Foreign Policy: Nationalism or Rationalism?]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal], 2015, no. 6-4 (37), pp. 68-69.
7. *Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 05.03.2022 № 430-r* [Order of the Government of the Russian Federation Dated 05.03.2022 No. 430-r]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>
8. Tarasov I.N. Evropejskoe edinstvo: ispytanie Vostokom [European Unity: The Test of the East]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends], 2007, vol. 5, no. 1 (13), pp. 70-81.
9. Tarasov I.N. *Politicheskie instituty i praktiki postkommunizma v Centralno-Vostochnoj Evrope* [Political Institutions and Practices of Post-Communism in Central and Eastern Europe]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. sots.-ekon. un-ta, 2009. 456 p.
10. Chetverikova A.S. Visegradskaja «chetverka» v periody krizisov [The Visegrad Four in Times of Crisis]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 4, pp. 37-46. DOI: 10.15211/soveurope420213746
11. Shishelina L.N. Mnogovektornost Vostochnoj politiki Vengrii [Multi-Vector Nature of Hungary's Eastern Policy]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS], 2022, no. 1 (25), pp. 35-43.
12. Shishelina L.N. Tri desjatiletija novyh rossijsko-vengerskih otnoshenij [Three Decades of New Russian-Hungarian Relations]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2019, no. 7 (93), pp. 6-16. DOI: 10.15211/soveurope720190616
13. A Kormány 1792/2019. (XII. 23.) Korm. határozata a 2020 és 2025 közötti időszakra vonatkozó nemzetközi fejlesztési együttműködési stratégiáról. *Magyar közlöny*, 2019, évi 216, Szám.
14. Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései. *Külgügyi Szemle*, 2018, no. 2, pp. 122-144.
15. Boros F., Bondor A. Strategic Targets of Hungarian Foreign Policy. *Medzinárodné otázky*, 2002, vol. 11, no. 4, pp. 25-46.
16. *Bűnbakkereső szándékkal erőltetheti az unió a kelet-európai országok orosz olajembargóba vonását*. URL: <https://www.vg.hu/vilaggazdasag-magyar-gazdasag/2022/05/bunbakkereso-szandekkal-eroltetheti-az-unio-a-kelet-europai-orosz-olajembargoba-vonasat>
17. Csaba L. Kelet-nyugati válaszfalak az EU-ban és meghaladásuk. *Külgügyi Szemle*, 2019, no. 2, o. 3-21.
18. Csurgai G. *Geopolitical Analysis. A Multi-dimensional Approach to Analyze Power Rivalries in International Relations*. Róma, Aracne, 2019. 208 p.
19. *Dübörögnek az építőgépek a Budapest – Belgrád vasúton*. URL: <https://magyarnemzet.hu/gazdasag/2022/08/duborognek-az-epitogepek-a-budapest-belgrad-vasuton>
20. Eszterhai V. Az orosz – kínai tengely az ukrajnai háború tükrében. *Külgügyi Szemle*, 2022, no. 2, pp. 43-66.
21. Foreign Ministry Summons Ukrainian Ambassador. *MTI-Hungary Today*, 2022.04.06. URL: <https://hungarytoday.hu/foreign-ministry-summons-ukrainian-ambassador-szijasarto-war/>
22. Garai N. A cseh külpolitikai identitás és a visegrádi együttműködés. *Külgügyi Szemle*, 2022, no. 1, pp. 35-58.
23. Góralczyk B. *Polityka zagraniczna Węgier gabinetu Viktora Orbána*. Warszawa, Departament Strategii i Planowania Polityki – Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 1998. 15 p.
24. Grúber K. “Rettegni Moszkvától”: gondolatok a Nyugat és Oroszország közötti kapcsolatokról. *Külgügyi Szemle*, 2020, no. 3, o. 138-144.
25. Jeszenszky G. Hungary's Foreign Policy Dilemmas After Regaining Sovereignty. *Society and Economy*, 2007, vol. 29, no. 1, pp. 43-64.
26. Jeszenszky G. On National Minorities and European Security. *Current Policy*, 1993, no. 13, p. 5.
27. Kiss B., Zahorán Cs. Hungarian Domestic Policy in Foreign Policy. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2007, vol. 16, no. 2, pp. 46-64.
28. Szerkesztő Honvári János, ed. *Magyarország gazdaságtörténete a honfoglalástól a 20. század közepéig* [Economic History of Hungary from the Hungarian Conquest to the Middle of the 20th Century]. Budapest, AULA Kiadó, 1997. 664 o.
29. Marušiak J. Russia and the Visegrad Group – More than a Foreign Policy Issue. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015, vol. 24, no. 1-2, pp. 28-46.
30. *Olcsó nyugati gázzal telnek a magyar tározók: csökkenhet az orosz gázfüggőség?* URL: <https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcsonyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351>
31. Pesti S. *Magyarország külpolitikája 2010–2020*. Budapest, Gondolat Kiadó, 2021. 180 p.
32. Schmidt A. From Intermarium to the Three Seas Initiative – Regional Integrations in Central and Eastern Europe and the Hungarian Foreign Policy. *Politeja. Księgarnia Akademicka*, 2017, no. 51/6, pp. 165-190.
33. Varga. The Return of Economic Nationalism to East Central Europe: Right-Wing Intellectual Milieus and Anti-Liberal Resentment. *Nations and Nationalism*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 206-222.
34. Végh Z. Hungary's “Eastern Opening” Policy Toward Russia: Ties that Bind? *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015, vol. 24, no. 1-2, pp. 47-65.

Information About the Author

Иа N. Tarasov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Institute for Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St, 14, 236016 Kaliningrad, Russian Federation, ITarasov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Информация об авторе

Илья Николаевич Тарасов, доктор политических наук, профессор, Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Российская Федерация, ITarasov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.12>

UDC 327(470)(481)(045)

LBC 66.4(2Рос)+66.4(4Нор)

Submitted: 20.03.2022

Accepted: 19.03.2023

COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND NORWAY: STRENGTHENING DIALOGUE IN THE ARCTIC

Jawahar Vishnu Bhagwat

University of Mumbai, Mumbai, India;

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. This study analyzes the degree of influence of international tension due to anti-Russian sanctions on relations between Russia and Norway at the governmental and regional levels, including political, economic, environmental, cultural, and other spheres. The authors begin by discussing how Norway's accession to anti-Russian sanctions and active involvement in NATO have affected bilateral relations, especially in the economic and political spheres. The presented work is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological framework for writing the article is the model of neoliberal institutionalism and constructivism. The source base of the study, in addition to publications in periodicals, consists of official documents regulating the foreign policy activities of Russia and Norway. The article attempts to structure the relations of the two Arctic neighbouring countries under new international conditions by highlighting two levels of interaction – governmental and regional – as well as critical elements, including issues of economic cooperation, mutual sanctions, cooperation in the field of environmental protection and fisheries, cooperation between the two countries in Spitsbergen, cooperation in science, culture, and education; and regional cooperation between Russia and Norway in the North and the Arctic. The article discusses to what extent security issues affect the development of the Russian-Norwegian dialogue in using the NSR as a transport route and problematic issues around Spitsbergen. Finally, the authors consider what practical measures are being taken by Russia and Norway to mitigate the general international tension in the bilateral dialogue using public diplomacy in the framework of strengthening and expanding contacts through the Barents Cooperation and interaction at the level of municipalities as well as universities in Russia and Norway. The authors conclude that notwithstanding geopolitical tensions, regional cooperation due to common borders, cultural and historical heritage, and the geo-economic relationship could be the primary drivers for the revival of ties between the two countries. *Authors' contribution.* Jawahar Vishnu Bhagwat developed the concept of the study and worked out its theoretical and methodological foundations. I.V. Rogachev analyzed the policies of Russia and Norway in various areas of bilateral cooperation and formulated the final conclusions.

Key words: Russia, Norway, Arctic, cross-border cooperation, Barents Euro-Arctic region, Northern Sea Route.

Citation. Bhagwat Jawahar Vishnu, Rogachev I.V. Cooperation Between Russia and Norway: Strengthening Dialogue in the Arctic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 128-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.12>

УДК 327(470)(481)(045)

ББК 66.4(2Рос)+66.4(4Нор)

Дата поступления статьи: 20.03.2022

Дата принятия статьи: 19.03.2023

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И НОРВЕГИИ: К УКРЕПЛЕНИЮ ДИАЛОГА В АРКТИКЕ

Джавахар Вишну Бхагват

Университет Мумбаи, г. Мумбаи, Индия;

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,

г. Архангельск, Российская Федерация

Иван Викторович Рогачев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

Аннотация. В данном исследовании анализируется степень влияния международной напряженности из-за введения антироссийских санкций на отношения России и Норвегии на правительственном и региональном уровнях, включая политическую, экономическую, экологическую, культурную и иные сферы. Авторы начинают с обсуждения того, как присоединение Норвегии к антироссийским санкциям повлияло на двусторонние отношения, особенно в экономической и политической сфере. Представленная работа основывается на принципах историзма и объективности, методологической основой послужила модель неolibе-рального институционализма и конструктивизма. Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших внешнеполитическую деятельность России и Норвегии. В статье предпринята попытка структурировать отношения двух арктических стран – соседей в новых международных условиях путем выделения двух уровней взаимодействия – правительственного и регионального, а также ключевых элементов, включая вопросы экономического взаимодействия, взаимных санкций; совместная деятельность в области охраны окружающей среды и рыболовства; взаимодействие двух стран на Шпицбергене; сотрудничество в области науки, культуры и образования; региональное партнерство России и Норвегии на Севере и в Арктике. В статье изучается, в какой степени проблемы безопасности влияют на развитие российско-норвежского диалога в сфере использования СМП в качестве транспортного пути, и решения проблемных вопросов вокруг Шпицбергена. Наконец, авторы рассматривают, какие практические меры принимаются со стороны России и Норвегии для амортизации общей международной напряженности в двустороннем диалоге с использованием публичной дипломатии в рамках укрепления и расширения контактов по линии Баренцева сотрудничества, взаимодействия на уровне муниципалитетов, а также университетов России и Норвегии. Вывод статьи заключается в том, что, несмотря на геополитическую напряженность, региональное сотрудничество из-за общих границ, культурно-исторического наследия и геоэкономических отношений может стать основной движущей силой для сохранения и последующего развития связей между двумя странами.

Ключевые слова: Россия, Норвегия, Арктика, приграничное сотрудничество, Баренцев Евро-Арктический регион, Северный морской путь.

Цитирование. Бхагват Джавахар Вишну, Рогачев И. В. Сотрудничество России и Норвегии: к укреплению диалога в Арктике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 128–136. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.12>

Introduction. Relations between Russia and Norway have an extended and substantial history. During this period, both actors have demonstrated the ability to adapt to the changing international environment. The main thing for the two Nordic countries, which are different in scale and capabilities, has always been the historical experience of good neighbourliness, which allows for avoiding acute complexities in bilateral relations. At the present stage of the development of international relations, a renewed Russia seeks to follow the tradition of respect for the interests of its Northern and Arctic neighbour. This was confirmed by the signing of the agreement between Russia and Norway in Murmansk on September 15, 2010. The conclusion and its rapid ratification were a landmark in developing bilateral relations between Russia and Norway and a model of international dialogue in the Arctic.

This aims to study the impact of international tensions caused by the introduction of anti-Russian sanctions on relations between Russia and Norway at the governmental and regional levels. Within the framework of the study, the authors analyze the general nature of the relations between the two countries, identify the place and role of cross-border cooperation in the development and maintenance of relations. It also considers the possibilities of rapprochement within the framework of the development of Spitsbergen, the Northern Sea Route, and differences due to NATO expansion in the Arctic.

Methods and materials. Modern Russian-Norwegian relations are always the focus of attention of researchers, who emphasize their progressive development and mutual interest in strengthening the dialogue [3; 4]. To date, certain bilateral issues have been fully studied: the

settlement of disputed territories in the Arctic region, where the emphasis is on the acquisition of long-term benefits by both sides [6; 15]; military-political cooperation in the Arctic, where there are no serious divergences in Russian-Norwegian interests [8; 21]. However, during the Ukrainian crisis, the problem of NATO's increased activity in Norway emerged, which complicated the dialogue between the countries in ensuring security in the region [5; 39; 41].

The theoretical and methodological basis of the study was the theory of neoliberal institutionalism and constructivism, which determines that despite tense international relations, there is a need for Russia and Norway to converge for mutual benefit and a peace agreement in order to strengthen security in the Arctic space and maintain regional ties. Consequently, the authors used a systematic approach to identify the drivers of the development of relations between the two countries. This made it possible to identify the relationship and influence of economic, military-strategic, cultural, and regional ties during the Russian-Norwegian dialogue in the North; and the Arctic. The basis of the research consists of official documents regulating the foreign policy activities of Russia and Norway in addition to publications in periodicals.

Analysis. The accession of Norway to anti-Russian sanctions on August 15, 2014, reduced the intensity of political dialogue at the highest level, the political leadership of the two countries. This, in particular, is confirmed by the Intergovernmental Commission (IPC) meeting on Cooperation between Russia and Norway, held in April 2017, after a long pause since June 2013. It should be emphasized that during the suspension of the dialogue through the IPC, the contacts of the parties continued at the interdepartmental level, including the Russian-Norwegian Commission for

Cooperation in the Field of Environmental Protection and the Mixed Russian-Norwegian Commission on Fisheries, which continued their work in a hybrid format [1].

Russia's retaliatory measures (counter-sanctions) against Norway, including, inter alia, a ban on fish exports, also negatively affected bilateral trade. As stated by Norwegian Prime Minister E. Sulberg, Russian countermeasures constrained her country to look for new markets in Asia, such as China and Japan. However, this has not compensated for Norway's economic losses [22].

From 2016 to 2021, there was an uneven but positive dynamics of trade turnover growth [2; 10]. In addition, discontent has grown among Norwegian political parties about joining the anti-Russian sanctions. This has been caused by economic impairment on both sides [24]. The leading economic indicators of trade and economic relations between the two countries are presented in Table.

The "black swan" in relations between the two countries was the imperative of Russia's special military operation (SMO) to effect the demilitarization and denazification of Ukraine on February 24, 2022. As a result of the decision of the EU Council, Norway, being a member, supported the new anti-Russian sanctions and called on the Russian leadership to stop the implementation of the special operation. In order to support the Ukrainian side, the Norwegian government sent its several thousand M72 anti-tank grenade launchers [17]. In response to these actions, the Kremlin added Norway to the list of unfriendly countries [16]. As a result, relations between the two countries at the federal level are in an uncertain position and depend on the nature and extent of the continuation of Russia's special operation in Ukraine.

The Council of the Barents Euro-Arctic Region (BEAC) is an essential tool in maintaining

Total value volume of trade turnover between Russia and Norway

<i>Year</i>	<i>bln \$</i>
2014	2,0
2015	1,3
2016	1,4
2017	1,79
2018	2,37
2019	3,34
2020	1,54
2021	2,7

Note. Source: [14].

regional ties in the North and Arctic, which has quite convincingly confirmed its stability and effectiveness.

The grant program of the Norwegian Barents Secretariat (NBS) remains one of the main stable mechanisms of cooperation between the border territories of Norway and Russia. Before the COVID-19 pandemic, although it showed a weak negative trend, the total amount of funding for joint projects under this scheme generally maintained a relatively high level of activity. On average, the NBS grant programs for 2014–2018 amounted to about \$2.7 million per year. Over four years since 2014, the NBS had financed joint projects in excess of \$12 million, or about 10% less than in the previous four years (\$13.3 million). Accordingly, the number of implemented projects supported by the NBS decreased slightly, by about 15–16% per year: 658 supported projects compared to 784 in the previous four years [38]. These changes are generally insignificant since the level of financing and the number of projects implemented with the support of the NBS until 2019 showed a steady positive trend. From 2019 to 2022, the number of projects and the amount of funding began to decline sharply. The COVID-19 pandemic and the Ukrainian crisis caused this. However, despite this, the work of the NBS was not suspended.

The implementation of the Norwegian-Russian cooperation program in the field of healthcare continued. At the same time, the volume of financing of joint projects in this area before the COVID-19 pandemic increased slightly compared to previous years, despite the fact that the average number of projects implemented per year decreased [38].

Until February 2022, cooperation between the two countries in the field of culture was at a high level. After the SMO started, work in this area moved to a hybrid format. A qualitatively substantial phenomenon in this sector is the increasingly clearly observed creation of virtual cross-border creative communities that unite cultural managers and artists [11; 12]. These communities today determine the trend for the future development of ties in the North of Europe [35]. Thus, culture remains one of the main areas of interaction in the border environment, hardly susceptible to negative political ramifications.

In order to strengthen bilateral cooperation in 2018, an action plan was signed to intensify Russian-Norwegian interregional and cross-border cooperation for 2018–2022 [13]. The plan provides for implementing more than 20 joint projects and activities in areas such as transport and logistics, the arrangement of the state border, and the effective functioning of checkpoints [23].

Both the Norwegian and Russian sides are interested in cross-border cooperation. The initiative of the Murmansk regional authorities deserves particular mention. The authorities of the Arkhangelsk region were also trying to keep abreast of them [9; 19].

It should be noted that Russia's special military operation to demilitarize and denazify Ukraine undoubtedly affected regional-level ties. For example, Norway suspended participation in the BEAC on March 9, 2022 [20]. Consequently, the Russian Ministry of Foreign Affairs expected a speedy resumption of dialogue between the two countries [18]. Residents of the border areas of Norway feel similar hope. Thus, in Kirkenes in October 2022, the mayor of the city, local representatives of the country's major political parties, trade unionists, business people, and ordinary citizens made a call to avoid isolationist politics with Russia. The main argument in their speeches was the need to preserve the welfare of Norwegians cooperating with the Russian side in various fields [26].

The authors believe that geo-economic and cultural factors – economic necessity, historical ties, long-term educational, scientific, and cultural contacts with the existing effective cross-border experience of the Barents region could have a decisive impact on maintaining the partnership.

Another likely point of contact that allows us to hope for the preservation and development of bilateral ties is the Spitsbergen archipelago. This territory has always played a significant role in Norwegian-Russian relations.

The Norwegian side strives to extend its influence on the water areas around the archipelago. An example of this was the introduction by Norway on June 3, 1977, of a 200-mile fish protection zone around the Spitsbergen archipelago [15]. However, since such a decision contradicts Article 2 of the 1920 Treaty, the USSR and its successor, the Russian Federation, did not recognize the Norwegian 200-mile fish protection zone [7].

The archipelago reveals the presence of different countries' common interests within the ambit of scientific projects. Norway continues its policy of strengthening its presence, utilising the northernmost Norwegian town, Longyearbyen. The country leverages it as an essential element of geopolitical influence in the region, taking into account the interests of other states [27].

As part of the fifth package of anti-Russian sanctions, Norway closed its ports to Russian ships on May 7, 2022. However, these restrictions did not affect fishing vessels on the Spitsbergen archipelago, which indicates that there is a serious interest in continuing cooperation in areas particularly beneficial to the Norwegian government, especially in the archipelago area [25].

In general, as of October 2022, the interest of Norway and Russia in the rapprochement of positions in the Arctic, including Spitsbergen, remains. The International Treaty "On the Delimitation of Maritime Spaces and Cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean" of September 15, 2010, allows the two countries to coordinate efforts more actively in defending mutual interests in the field of preserving the marine environment and judicious extraction of transboundary stocks of its resources. In this regard, Oslo has more disagreements with Iceland, Great Britain, Spain, Latvia, and, in general, the European Union than with Russia. Therefore, Russian-Norwegian cooperation in this direction has a fundamental basis that might ensure the rapprochement of the two Nordic countries and give additional stability to international relations in the Arctic, including in Spitsbergen.

The likely reason for the two countries' rapprochement may be the use of the Northern Sea Route (NSR). According to scientific forecasts, regardless of the amount of CO₂ emissions, the Arctic will progressively be freed from ice cover. Arctic tourism is becoming increasingly popular, and the NSR will inevitably attract foreign partners and investors. Norwegian researchers are actively studying the NSR; they have contributed extensively to the study of the future development of the route [30]. However, the official discourse notes that the NSR is not interesting to Norway [33]. This is probably due to Norway's perspective outlined in its Arctic strategy, which states that an increase in freight traffic along the NSR is unlikely in the near future

while considering political, legal, economic, and environmental aspects [37].

It should be noted that Russia's efforts to regulate the NSR are not substantially different from Canada's position on the Northwest Passage [28; 34]. Experts from Norway disagree on the use of the NSR. Thorbjorn Johansson believes that after the crisis in the Suez Canal, the NSR will not be effective for political reasons and due to the lack of search and rescue facilities [32]. However, this point of view is not supported by another Norwegian expert, Jan-Gunnar Winter, who stressed the need for Norway to be more actively involved in the operation of the NSR. Thus, in the future, Norway may have increased congruence with Russia on the basis of the use of the NSR.

The point of divergence in relations between the two countries is the expansion of NATO's influence in the Arctic. After 2014, Norway actively participated in joint military exercises with NATO [29]. For its part, Russia continues to work on the restoration of Soviet military bases [41]. Such activity by NATO and Russia could threaten peace in the Arctic and lead to a military conflict. On the other hand, Russia and Norway have a thousand-year history of peace and good neighbourliness [40]. Western think tanks recognize that Russia's military build-up is mainly defensive in nature, which is also confirmed by the US Army's Arctic strategy, published in 2021. This fact should be taken into account by Norway [39].

The lack of contact between the militaries is also an alarming trend, as it may lead to conflicts [31; 36]. Therefore, the authors believe that countries need to use all possible opportunities to establish a political and military dialogue, at least on a bilateral basis.

Results. It can be unequivocally stated that relations between Russia and Norway at the governmental level have dragged down since 2014, while traditional dialogue has continued at the regional level. However, after 2016, cooperation was restored at the government level, and a number of factors contributed to this: disagreements among the political parties of Norway, reasonably pointing to economic penalties incurred by the country due to anti-Russian sanctions; stable and mutually beneficial cooperation between the two countries within the

framework of Barents Cooperation in the scientific, educational, cultural and environmental spheres; development and expansion of cross-border ties between Russian and Norwegian Arctic regions in the field of economy, health, tourism, education and culture; common interest in the development of hydrocarbons in the Arctic, despite the EU's desire to brake this process. However, Russia's conduct of the SMO again sharply slowed down the interaction between the two countries. Nevertheless, there are still platforms for maintaining the reduced level of dialogue.

The Far North and the Arctic are the main geopolitical vectors of Norway's development, where the Russian factor is significant. By contributing to NATO's security, Norway is unlikely to be able to afford to neglect or sacrifice the experience of Barents cooperation achieved in relations with Russia over an extensive period. This implementation of its Arctic policy confirmed this. Although the points of divergence cannot be ignored, there are significant points of convergence even in conditions of deep crisis. Regional cooperation has shown that the population on both sides is interested in peace and cooperation. Politicians should activate this shared heritage and perspective at the governmental level. In the current circumstances, it appears that it is only the cross-border cooperation of the two countries – scientific, educational, and socio-cultural contacts – that could help preserve the dialogue. As of 2022, the cross-border cooperation mechanisms still serve as a corridor for maintaining ties that allow us to hope for the return of the pre-crisis level of trust and cooperation. The upcoming thirtieth anniversary of the Barents region in 2023 may act as a catalyst.

There is a need to establish communication between the military in order to avoid conflict. Undoubtedly, the authors believe there are opportunities for expanding political and military cooperation, but this is unlikely in the near future, at least until the resolution of the Ukrainian crisis.

Based on the above, we can conclude that cooperation between the two countries will be curtailed in the short term. However, regional authorities, universities, socio-cultural organizations, and movements need to try to extend cross-border cooperation since Norway and Russia cannot but strive for good neighbourliness

in the interests of the peoples of the region. Geoeconomic and cultural relations between the two countries continue to be vital for geopolitical stability in the Arctic region. The near future will show whether Norway will abandon effective and mutually beneficial cooperation with the Russian Federation, including at the regional level.

REFERENCES

1. Anisimov P.A. Rossijsko-norvezhskoe sotrudnichestvo v sfere zashhity okružhajushhej sredy (na primere Arktičeskogo regiona) [Russian-Norwegian Cooperation in the Field of Environmental Protection (On the Example of the Arctic Region)]. *Rossija i sovremennyyj mir* [Russia and the Modern World], 2019, no. 3 (104), pp. 181-186.
2. *Vneshnjaja Torgovlja Rossii. Tovaroborot Rossii s Norvegiej* [Foreign Trade of Russia. Trade Turnover Between Russia and Norway]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-norvegiej-za-9-mesyatsev-2021-g/>
3. Voronov K.V. Gumanitarnaja sverhderzhava – Norvegija: vneshnjaja politika maloj strany s reformistskim akcentom [Humanitarian Superpower – Norway: The Foreign Policy of a Small Country with a Reformist Emphasis]. *Sovremennaja vneshnjaja politika levyh* [The Modern Foreign Policy of the Left]. Saint Petersburg, Poltorak Publ., 2014, pp. 8-18.
4. Gutenev M.Ju., Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Arktičeskij vektor Norvegii: preemstvennost' i novacii [Norway's Arctic Vector: Continuity and innovations]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], 2019, no. 4 (90), pp. 108-119.
5. Zagorskij A.V., Todorov A.A. Voennopoliticheskaja situacija v Arktike: ochagi naprjazhennosti i puti deeskalacii [The Military-Political Situation in the Arctic: Hotbeds of Tension and Ways of De-Escalation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 44, pp. 79-102. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.44.79>
6. Zilanov V.K. Arktičeskoe razgranichenie Rossii i Norvegii: novye vyzovy i sotrudnichestvo [Arctic Delimitation of Russia and Norway: New Challenges and Cooperation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 29, pp. 28-56.
7. Zilanov V. K. Upravlenie rybnymi resursami v morskome rajone arhipelaga Shpicbergen: problemy, poiski, reshenija [Fisheries Management in the Marine Region of the Spitsbergen Archipelago: Problems, Searches, Solutions]. *Arhipelag Shpicbergen: Ot terra nullius k territorii vzaimodejstvija: K 100-letiju so dnja podpisanija Shpicbergenskogo traktata* [The Spitsbergen Archipelago: From terra nullius to the

Territory of Interaction: To the 100th Anniversary of the Signing of the Spitsbergen Treaty]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2021, pp. 33-43.

8. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Sovremennaja voennaja strategija Norvegii v Arktike i bezopasnost' Rossii [Norway's Modern Military Strategy in the Arctic and Russia's Security]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2017, vol. 13, no. 2 (347), pp. 353-368.

9. Makulin A.V. Vizualizacija filosofii i cifrovaja viziosofija [Visualization of Philosophy and Digital Visiosophy]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, no. 3, pp. 62-72.

10. Mahova A.V., Tel'tevskaja M.A. Analiz tovarooborota Rossii i Norvegii za 2013–2017 gody po dominirujushhim gruppam tovarov [Analysis of the Trade Turnover of Russia and Norway for 2013–2017 by the Dominant Groups of Goods]. *Ekonomika i biznes: teorija i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2018, no. 10-2, pp. 22-27.

11. *O dejatel'nosti mezhdunarodnyh i inostrannyh organizacij v Arhangel'skoj oblasti* [About the Activities of International and Foreign Organizations in the Arkhangelsk Region]. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-ark/-/asset_publisher/Qltl1PqJMZZL/content/id/3249212

12. *V Vardjo otkryvaetsja Pomorskij festival'* [Pomeranian Festival Opens in Varda]. URL: <https://www.arhcity.ru/?page=0/55508>

13. *Podpisan pjatiletnij plan intensivifikacii rossijsko-norvezhskogo sotrudnichestva* [A Five-Year Plan to Intensify Russian-Norwegian Cooperation Has Been Signed]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/podpisan_pyatiletniy_plan_intensifikacii_rossijsko_norvezhskogo_sotrudnichestva.html

14. *Norvegija: analiticheskaja spravka po statistike vneshnej trgovli* [Norway: Analytical Reference on Foreign Trade Statistics]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/no/analytic_nor/?analytic=52

15. Osthagen A., Jorgensen A.-K., Mu A. Ryboohrannaja zona Shpicbergena: kak Rossija i Norvegija razreshajut arkticheskie raznoglasija [Spitsbergen Fish Protection Zone: How Russia and Norway Resolve Arctic Differences]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 183-205.

16. *Pravitel'stvo utverdilo perechen' nedruzhestvennyh Rossii stran i territorij* [The Government Has Approved a List of Countries and Territories Unfriendly to Russia]. URL: <http://government.ru/docs/44745/>

17. *Norvegija napravila Ukraine dve tysjachi protivotankovyh granatometov* [Norway Sent Ukraine Two Thousand Anti-Tank Grenade Launchers]. URL: <https://ria.ru/20220303/granatometry-1776265832.html>

18. *Sovet Evroarkticheskogo regiona bez Rossii terjaet smysl, zajavili v MID* [The Council of the Euro-Arctic Region Without Russia Loses its Meaning, the Foreign Ministry Said]. URL: <https://ria.ru/20220311/arktika-1777616831.html>

19. Rogachev I.V. Pobratimskie svjazi Rossii i Norvegii krepnut. K 25-letiju obrazovanija Barenceva Evro-Arkticheskogo regiona [The Twinning Ties of Russia and Norway are Growing Stronger. On the 25th Anniversary of the Formation of the Barents Euro-Arctic Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 53, pp. 176-177.

20. Vyakhireva N. *Dialog s Rossiej v Arktike na pause* [Dialogue with Russia in the Arctic on Pause]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-s-rossiej-v-arktike-na-pauze/>

21. Talagaeva D.A. Norvegija i Rossija: voenno-politicheskoe vzaimodejstvie v severnyh regionah [Norway and Russia: Military-Political Cooperation in the Northern Regions]. *Voennaja nauka v Rossii i za rubezhom: sb. dokl.* [Military Science in Russia and Abroad. Collection of Reports]. Moscow, 2016, pp. 145-149.

22. *Premyer-ministr Norvegii zajavila, chto prodembargo Rossii vynudilo Oslo vyjti na rynki Azii* [The Prime Minister of Norway Said that Under the Russian Embargo, Oslo Was Forced to Enter Asian Markets]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6314805>

23. Shubin S.I., Rogachev I.V. Arkticheskie universitety Rossii i Norvegii rasshirjajut sotrudnichestvo v BEAR [Arctic Universities of Russia and Norway Expand Cooperation in BEAR]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2019, no. 58, pp. 194-196.

24. *V Norvegii – raznoglasija mezhdju pravjashhimi partijami iz-za sankcij protiv Rossii* [In Norway, There Are Disagreements Between the Ruling Parties over Sanctions Against Russia]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20170802/239962792.html>

25. *Norvegija zakryvaet morskije porty i granicu dlja rossijskogo dvizhenija* [Norway Closes Seaports and the Border for Russian Traffic]. URL: <https://www.arctictoday.com/norway-closes-seaports-and-border-to-russian-traffic/>

26. *Nesmotrja na rastushhie gibridnye ataki, norvezhskij prigranichnyj gorod predosteregaet ot «izoljacionistskoj politiki» v otnoshenii Rossii* [Despite the Growing Hybrid Attacks, the Norwegian Border Town Warns Against an “Isolationist Policy”]

Towards Russia]. URL: <https://www.arctictoday.com/despite-mounting-hybrid-attacks-norwegian-border-town-warns-against-isolationist-policy-towards-russia/>

27. Brode-Roger D. "The Spitsbergen Treaty, Norwegian Sovereignty and Identity of Place in Longyearbyen". *Arhipelag Shpicbergen: Ot terra nullius k territorii vzaimodejstvija: K 100-letiju so dnja podpisaniya Shpicbergenskogo traktata* [The Spitsbergen Archipelago: From terra nullius to the Territory of Interaction: To the 100th Anniversary of the Signing of the Spitsbergen Treaty]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2021, pp. 262-272.

28. Byers M. *Towards a Canada-Russia Axis in the Arctic*. URL: <https://globalbrief.ca/2012/02/toward-a-canada-russia-axis-in-the-arctic/>

29. Folland R. *Arctic Security: Deterrence and Détente in the High North*, Arctic Institute. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-security-deterrence-detente-high-north/>

30. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges. *Arctic Review on Law and Politics*, 2021, vol. 12, pp. 4-30.

31. *The Stere Government Wants to Restrict the Movement of Allies in the Vicinity of Russia*. URL: <https://inosmi.ru/politic/20211202/251039453.html>

32. *Shipowner Herbjorn Hansenn on the NSR*. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210505/249674265.html>

33. *Russian Federation Will not Attract Norway Towards Development of the NSR*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4072687>

34. Last J. *Canada Disputes Chinese News Report that Famous Sailor Was Turned Back from Northwest Passage*. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/north/northwest-passage-canada-china-1.6178521>

35. Strelcova E. *Andrej Shaljov: «Sotrudnichestvo mezhdru Rossiej i Norvegiej nikogda ne prekrashhalos'»* [Andrey Shalev: "Cooperation Between Russia and Norway Has Never Stopped"]. URL: <https://arh.mk.ru/articles/2017/03/22/andrey-shalyov-sotrudnichestvo-mezhdru-rossiej-i-norvegiej-nikogda-ne-prekrashhalos.html>

36. *New Sanctions Against Russia Incorporated into Norwegian Law*. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/new_sanctions/id2905508/

37. Norway, "Arctic Policy". URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/

38. *Tilskuddsordningen til helsesamarbeid med Russland* [The Subsidy Scheme for Health Cooperation with Russia]. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/helse-og-omsorg/innsikt/internasjonalt-helsesamarbeid/innsikt/helsesamarbeidet-med-russland/id715987/>

39. Runner E., Sokolsky R., Stronski P. Russia in the Arctic: A Critical Examination. *Carnegie Endowment for International Peace*. Washington, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/354188422_Eugene_RumerRichard_SokolskyPaul_Stronski_Russia_in_the_Arctic_-_A_critical_examination_Washington_DC_Carnegie_Endowment_for_International_Peace_Mar2021

40. *US State Department. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine*. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/>

41. Wihelmsen J., Gjerde K.L. Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? *Arctic Review on Law and Politics*, 2018, vol. 9, pp. 382-407. DOI: <http://dx.doi.org/10.23865/arctic.v9.1334>

Information About the Authors

Jawahar Vishnu Bhagwat, PhD (Political Sciences), Associate Professor, University of Mumbai, Mahatma Gandhi Road, Fort, 400032 Mumbai, India; Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation, jawahar.bhagwat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Ivan V. Rogachev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

Информация об авторах

Джавахар Вишну Бхагват, PhD по политологии, доцент, Университет Мумбаи, Махатма Ганди Роуд, Форт, 400032 г. Мумбаи, Индия; доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация, jawahar.bhagwat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Иван Викторович Рогачев, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.13>

UDC 94(47).084.9

LBC 63.3(0)63+63.3(2)6-6+63.3(2)63

Submitted: 23.12.2021

Accepted: 26.03.2023

PERSONNEL CHANGES IN THE CHINESE DIRECTION OF SOVIET FOREIGN POLICY IN 1986

Li Yanan

Shanghai Academy of Global Governance & Area Studies, Shanghai, China;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject of the study is the personnel changes carried out by Mikhail Gorbachev in 1986 in the framework of putting forward the improvement of Sino-Soviet relations. The object of the study is the activities of high-ranking Soviet sinologist-diplomats in the context of developing and implementing the USSR's China policy. The purpose of the study is to determine the key figures in the diplomatic circles of the USSR who were in charge of China issues and accordingly reveal their influence on the process of normalizing Sino-Soviet relations in the second half of the 1980s. *Methods and materials.* The analysis is based on the comprehensive and comparative use of the memories of witnesses to historical events in the USSR and the PRC, as well as archival documents from Russia and former socialist countries. *Analysis.* Immediately after coming to power, Gorbachev began to consider the improvement of relations with China a priority of Soviet foreign policy and showed great enthusiasm for it. But Brezhnev's foreign policy elites, including the minister of foreign affairs, two deputy foreign ministers, the first deputy head of the Department for Liaison with Communist and Workers' Parties of Socialist Countries, and the Soviet ambassador to the PRC, did not support his efforts. For this reason, personnel changes were made. In the spirit of "new thinking", the successors of the old Soviet sinologist-diplomats actively promoted political reconciliation with Beijing, which led to the normalization of Sino-Soviet relations in a short time.

Key words: Sino-Soviet relations, personnel changes, Mikhail Gorbachev, Deng Xiaoping, Ministry of Foreign Affairs of the USSR, Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union.

Citation. Li Yanan. Personnel Changes in the Chinese Direction of Soviet Foreign Policy in 1986. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 137-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.13>

УДК 94(47).084.9

ББК 63.3(0)63+63.3(2)6-6+63.3(2)63

Дата поступления статьи: 23.12.2021

Дата принятия статьи: 26.03.2023

КАДРОВЫЕ ПЕРЕСТАНОВКИ НА КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1986 ГОДУ

Ли Инань

Шанхайская академия глобального управления и международного регионоведения, г. Шанхай, Китай;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования являются кадровые перестановки, проведенные М.С. Горбачевым в 1986 г. в рамках содействия улучшению советско-китайских отношений. Объект исследования – дея-

тельность советских китаеведов-дипломатов высшего ранга в контексте разработки и осуществления политики в отношении КНР. Цель исследования: определить ключевые фигуры в дипломатических кругах СССР, которые отвечали за дела, связанные с Китаем и выявить их влияние на процесс нормализации советско-китайских отношений во второй половине 1980-х годов. Через анализ на основе комплексного и сравнительного использования воспоминаний свидетелей исторических событий со сторон СССР и КНР, а также архивных документов из России и бывших соцстран сделаны выводы: в первый год своего пребывания у власти М.С. Горбачев стал рассматривать улучшение отношений с Китаем как приоритет внешней политики СССР и проявил к этому большой энтузиазм. Однако его усилия не нашли отклик среди внешнеполитических элит, оставшихся от брежневского периода, в которые входили министр иностранных дел СССР, два заместителя министра иностранных дел СССР, ответственные за советско-китайские переговоры, первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и посол СССР в КНР. В связи с этим были проведены кадровые перестановки. В духе «нового политического мышления» преемники старых китаеведов-дипломатов активно продвигали политическое примирение с Пекином, что привело к достижению нормализации советско-китайских отношений в короткий срок.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, кадровые изменения, М.С. Горбачев, Дэн Сяопин, МИД СССР, ЦК КПСС.

Цитирование. Ли Инань. Кадровые перестановки на китайском направлении внешней политики СССР в 1986 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 137–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.13>

Введение. В первые годы после прихода М.С. Горбачева к власти в СССР весной 1985 г. под лозунгом скорейшего устранения препятствий на пути продвижения перестройки и практической реализации «нового политического мышления» им были реализованы масштабные кадровые перестановки в ЦК КПСС, союзных и республиканских министерствах [34]. Естественно, МИД и внешнеполитические отделы ЦК КПСС не были исключением [6]. Можно предположить, что именно это стало основой и предпосылкой последующей коренной и радикальной трансформации внешней политики СССР, в результате которой закончилась конфронтация между ОВД и НАТО в конце 1980-х годов. Одновременно с этим существенные изменения произошли и на китайском направлении внешней политики Москвы. Так, бывший заместитель министра иностранных дел СССР А.Л. Адамишин считает, что, наряду с прекращением сорокалетней холодной войны с США и их союзниками, переход отношений с Китаем из враждебных в нормальные – также заслуга горбачевской команды и важное наследие, оставленное ею новорожденной России [1, с. 431].

Мировая историография (как российская, так и зарубежная), посвященная изучению советско-китайских отношений периода перестройки М.С. Горбачева обширна. Однако к настоящему времени нет научных исследований, специально посвященных кадровым изменениям,

произведенным М.С. Горбачевым в рамках нормализации советско-китайских отношений второй половины 1980-х годов. Лишь в некоторых работах данный вопрос затрагивался частично и «попутно», в контексте иных проблем.

В монографиях А.В. Лукина и Э. Уишник затрагиваются разногласия в политике в отношении Китая и отношении к проводившейся в Китае реформе среди советских внешнеполитических элит в первой половине 1980-х гг. [30, с. 253–275; 52]. Кроме того, С.С. Радченко рассмотрел кадровые изменения в ЦК КПСС в середине 1980-х гг. косвенно связанные с динамикой советско-китайских отношений [35].

На основе вышеупомянутых работ автор данной статьи делает попытку углублять исследования по этому конкретному вопросу.

Предметом исследования являются кадровые перестановки, проведенные М.С. Горбачевым в 1986 г. в рамках содействия улучшению советско-китайских отношений. Объект исследования – деятельность советских китаеведов-дипломатов высшего ранга в контексте разработки и осуществления политики в отношении Китая. Целью исследования является определение ключевых фигур в дипломатических кругах СССР, которые отвечали за действия на китайском направлении и выявление их влияния на процесс нормализации советско-китайских отношений во второй половине 1980-х годов.

Методы. При рассмотрении избранных вопросов невозможно избежать оценки личных качеств и политических позиций исторических лиц. Об одной и той же исторической личности исследователи с разными политическими позициями и разными личными подходами могут иметь разные, часто даже противоположные мнения. Ввиду этого в данной статье делается попытка прояснить позиции определенных фигур по вопросам, касающимся советско-китайских отношений через сравнительный анализ, основанный на использовании многочисленной мемуарной литературы, прежде всего воспоминаниях бывших дипломатов и политиков СССР и КНР.

В связи с тем, что возможности полноценного использования по темам советско-китайских отношениями во второй половине 1980-х гг. документов Архива внешней политики России (АВП РФ), призванных помочь дать максимально объективную оценку прошедшим событиям все еще ограничены, а основной комплекс хранящихся там материалов к настоящему времени по-прежнему находится на «секретном хранении», в данной статье для обоснования изложенных рассуждений используются отдельные неопубликованные документы Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ) и архивы бывших соцстран Восточной Европы, которые непосредственно или косвенно связаны с темой исследования.

Анализ. Известно, что в 1969 г. в результате пограничного конфликта СССР и КНР оказались на грани войны, после чего отношения между Москвой и Пекином оставались достаточно напряженными.

В 1979 г. в связи с истечением срока действия советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. стороны начали переговоры с целью улучшения отношений. В ходе переговоров китайцы выдвинули концепцию так называемых «трех препятствий» нормализации советско-китайских отношений и определили их устранение как предварительные условия улучшения двусторонних отношений. В «три препятствия» входили: наличие многочисленных советских войск на границе с КНР и в Монголии, военная оккупация Кампучии Вьетнамом при поддержке СССР. А после возобновления поли-

тического диалога между Москвой и Пекином в 1982 г. советское военное присутствие в Афганистане было также добавлено в ряд «препятствий» [8, с. 184–193]. Суть «трех препятствий» состояла в том, что СССР, по мнению Пекина, представлял серьезную угрозу национальной безопасности КНР с Севера, Юга и Запада [43, с. 3].

В годы правления Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко Москва категорически отказывалась обсуждать с китайской стороной любые вопросы, связанные с «тремя препятствиями», и не имела намерений пойти на какие бы то ни было уступки. Такая позиция прежде всего зависела от того, что советское руководство не собиралось менять общий внешнеполитический курс, а следовательно, политику по китайскому направлению в том числе. Однако следует отметить, что одна из главных причин бескомпромиссной позиции всех трех советских лидеров заключалась в том, что близкие к Кремлю эксперты-китаеведы убедили их в совершенном отсутствии у официального Пекина всяческого желания к улучшению отношений с Советским Союзом при наличии стремления разыграть «американскую карту» в ущерб геостратегическим интересам СССР в Азии [53]. Таким образом к середине 1980-х гг. политические отношения между СССР и КНР были по-прежнему заморожены.

Перелом в отношениях наступил со сменой советского руководства весной 1985 года. Это произошло, по воспоминаниям М.С. Горбачева, о которых он пишет после ухода в отставку, в первую очередь по следующей причине: «с тех самых первых дней, когда я занимался своей деятельностью на посту лидера государства, нормализация отношений с Китаем стала приоритетом внешней политики нашей страны. Я считал, что достижение этой цели так же важно, как и устранение ядерного противостояния с США» [16, с. 2].

Пересмотр перспектив отношений с Китаем и переориентация соответствующей политики М.С. Горбачева, предполагается, исходили из реальности в динамике внутренней политики СССР, международной обстановки и самих советско-китайских отношений.

Во-первых, сразу после смерти Л.И. Брежнева М.С. Горбачев стал призывать к «пере-

стройке управления» [37]. В то же время экономические реформы Китая, особенно в сельскохозяйственном секторе, оказались на первом этапе успешными и привлекли его внимание [18, с. 502]. Сближение с социалистическим Китаем, занятым глубокими реформами, естественным образом усилило бы позиции М.С. Горбачева в продвижении перестройки в Советском Союзе.

Во-вторых, со второй половины 1984 г. в политике Пекина в отношении СССР проявлялись позитивные нюансы. Они передавались в Москву по разным каналам и в разных формах. Китайское руководство неоднократно намекало Москве, что пересматривает свою политику в отношении СССР и США. Пекин также выразил готовность развивать политические отношения и даже восстановить межпартийные связи. Все это привело к возможности скорейшего осуществления полной нормализации советско-китайских отношений [27].

В-третьих, к середине 1980-х гг. внешнеполитический курс Советского Союза оказался перед двойной угрозой: угроза конфронтации с НАТО на Западе при напряженных отношениях с Китаем, Японией и США на Востоке. Страдая от «застоя» социально-экономического развития, он уже не мог продолжать борьбу на двух фронтах. Как отметил М.С. Горбачев перед советскими дипломатами, США вместе с НАТО и Японией без учета Китая по валовому национальному продукту превосходят СССР в три с лишним раза. «Мы не можем поэтому в военном отношении превосходить всех своих потенциальных противников, вместе взятых, или даже сравняться с ними» [38]. Так что для Москвы актуализировалась потребность нормализовать отношения с Китаем.

В первом выступлении М.С. Горбачева в качестве генсека на внеочередном пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г. он заявил, что хотел бы «серьезного улучшения отношений с КНР» и уверен, что это «вполне возможно» [14, с. 131].

Слова М.С. Горбачева о его решимости и готовности к преодолению негативной полосы в отношениях с «великим соседом – социалистическим Китаем», породившей немало искусственных наслоений, а также к сотрудничеству на международной арене с ним

повторялись в его выступлении в Днепропетровске июня того же года [14, с. 299], и затем, на XXVII съезде КПСС февраля 1986 г. [17, с. 364]. Тем не менее, несмотря на энтузиазм нового генсека КПСС, по различным причинам восьмой раунд советско-китайских консультаций, состоявшийся в апреле 1986 г., так и не смог вывести замороженные политические отношения из тупика [43, с. 17].

Необходимая формулировка, точно отражающая позицию М.С. Горбачева, была им произнесена в мае 1986 г. на совещании в МИД СССР. Он заявил, что «добрососедские отношения с Китайской Народной Республикой для нас не менее важны, чем с США и другими странами». Вместе с этим было подчеркнуто, что «должна быть ясность и для нас – мы не будем улучшать отношения с Китаем за счет интересов третьих стран. И другим не позволим препятствовать такой важнейшей задаче, как улучшение наших отношений с Китайской Народной Республикой. Такова директива» [12, с. 30–31].

В действительности отказ от нормализации советско-китайских отношений «за счет интересов третьих стран» – это была старая формула, которой придерживались руководители СССР и до М.С. Горбачева. Новым в его выступлении в МИД в этот раз явилось высказывание о недопустимости позволять «другим» препятствовать улучшению советско-китайских отношений. Под «другими», по всей вероятности, М.С. Горбачев имел в виду сопротивление внутри ЦК. Именно об этом четко говорится в его мемуарах: «Набранная за десятилетия инерция конфронтации блокировала возможность поворота, которому так или иначе сопротивлялось большинство правящих кадров, выросших в атмосфере глубокой взаимной вражды. Слабые попытки трезвомыслящих политиков, дипломатов, специалистов с обеих сторон хоть как-то смягчить напряженность воспринимались чуть ли не как предательство национальных интересов. Нужен был мощный волевой импульс с самого верха...» [49, р. 488]¹.

В то время китаеведы-дипломаты высшего ранга, отвечающие за дела, связанные с Китаем, были теми, кто постепенно взбирался по карьерной лестнице в самый напряженный период советско-китайских отноше-

ний. Как считали западные советологи и политические наблюдатели, эти люди стояли на страже «своих собственных усилий, которыми они были заняты в прошлом почти в течение двух десятилетий», воспользовавшись этим для «безраздельного правления, используя острый антагонизм между Советским Союзом и Китаем» [51, р. 230]. На самом деле то, чем они занимались в последние десятилетия, было всего лишь критикой внутренней и внешней политики КНР. И как только враждебность между двумя странами исчезнет, их действия в прошлом будут отвергнуты, а их собственная привилегированная позиция защитников жесткой политики по отношению к Китаю, в конечном итоге, будет подорвана. Поэтому они не могли терпеть голоса, призывающего к улучшению отношений. Кроме этого, они давно получили фактическую монополию на интерпретацию политики Пекина и информирование руководства о положении в КНР. Считалось, что они «держат под контролем китаеведение и уши советских руководителей» [47]. Правота подобных рассуждений отразилась в докладе в то время заведующего сектором дальневосточной политики Института США и Канады АН СССР В.П. Лукина советскому руководству в конце 1985 г. [33, с. 333–334]. Она подтвердилась впоследствии Е.П. Бажановым, который в первой половине 1980-х гг. работал в посольстве СССР в Пекине [3]. По воспоминанию Е.П. Бажанова, некоторые ученые-китаеведы и сотрудники среднего и молодого поколений в центральном аппарате МИД ощущали подспудную заинтересованность Пекина в улучшении отношений с СССР, но были вынуждены помалкивать, опасаясь последствий [4, с. 147].

В целом выдвинутый М.А. Сусловым и подхваченный Л.И. Брежневым тезис – «Стабильность кадров – залог успеха» [44, с. 118], нашел отражение не только во внутренней политике СССР в годы брежневского периода, которая привела к «застою», а также в практических делах во внешней политике СССР, которая зашла в тупик и в отношениях с США, и в отношениях с КНР. Как отмечает Е.П. Бажанов, после прихода М.С. Горбачева к власти, «аппаратчики, сделавшие карьеру на конфронтации с Китаем, продолжали смотреть на

восточного соседа как на врага, старались вставлять палки в колеса процессу примирения СССР с КНР и делали все, чтобы убедить верхи в антисоветизме китайцев» [4, с. 238].

Иным словам, существовали противоречия между намерениями нового генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и тайным сопротивлением советских внешнеполитических элит по вопросу об улучшении отношений с Китаем. Разрешение этого противоречия, разумеется, требовало коренных кадровых изменений. Об этом заявил М.С. Горбачев на заседании Политбюро ЦК в марте 1986 г.: «Без соответствующих субъективных предпосылок, соответствующих изменений в самом политическом руководстве страны, в мышлении кадров, процесс перестройки не идет» [17, с. 545; 25]. По оценке самого М.С. Горбачева, в то время почти по всем вопросам старые сотрудники аппарата ЦК не могли воплощать в жизнь новые постановления и проводить новую политику без всякой скидки на обстоятельства [17, с. 82].

Среди приверженцев «антикитайских ястребов» внутри ЦК КПСС и МИД СССР, которые отвечали за осуществление политики и могли оказывать влияние на принятие решений руководством (особенно до 1985 г.), наиболее ключевой фигурой можно считать первого заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран О.Б. Рахманина. Его высокий авторитет в кругах советских китаеведов-дипломатов был им завоеван еще в 1950-е гг. благодаря успешному выполнению функций переводчика на встречах высших руководителей СССР и КНР. В брежневский период по разным причинам он пользовался благосклонностью всех членов советского руководства [45].

С начала 1970-х гг. О.Б. Рахманин возглавлял Интеркит – систему общих консультаций, в рамках которой регулярно собирались совещания заместителей заведующих международными отделами ЦК компартий стран ОВД (без румынских представителей), для критического рассмотрения внутренней и внешней политики Китая и согласования действий в отношении Пекина [30, с. 255–256; 46]. В воспоминаниях В.А. Медведева есть строки о популярной в те годы в дипломатических

кругах СССР шутке о том, что в советско-китайских отношениях наряду с «тремя препятствиями», о которых открыто говорят китайцы, есть и четвертое – О.Б. Рахманин [31]. Тем не менее у О.Б. Рахманина было немало сторонников как в Отделе ЦК, так и в различных министерствах и ведомствах, связанных с реализацией политики в отношении Китая, включая двух директоров ИДВ АН СССР М.И. Сладковского и М.Л. Титаренко [30, с. 254]. Они «плотно перекрыли все пути к объективному освещению обстановки в Китае» и заявляли, что в сравнении с ситуацией до смерти Мао Цзэдуна никаких значимых перемен во внешней политике Китая не происходит в 80-х гг. [7, с. 274].

В конце 1984 г. О.Б. Рахманин выпустил большим тиражом книгу «Советско-китайские отношения в сороковых-восьмидесятых годах», сделав это под общеизвестным псевдонимом «Владимиров». Автор книги не только резко осуждал «проимпериалистическую» внешнюю политику Китая, но и намекал, что продолжающиеся политические консультации и проявление доброй воли в целях улучшения отношений с КНР тщетны. В книге также были совершены нападки против Дэн Сяопина [9]. Вплоть до 1985 г. О.Б. Рахманин не только выступал против каких-либо уступок Пекину в политической области, пытаясь поддерживать публичную антикитайскую пропаганду, но также категорически отрицал и критиковал начатую в КНР экономическую реформу. В частности, он предупреждал своих товарищей из Венгрии, что в СССР у некоторых китаеведов нет должного объективного отношения к «правой ревизионистской реставрации», которая происходит в Китае. Он также предлагал акцентировать внимание внутри государств социалистического лагеря на негативных последствиях реформы управления экономикой Китая [50].

Ситуация была осложнена еще больше тем, что именно О.Б. Рахманин после смерти Ю.В. Андропова «захватил почти безраздельный контроль над советской политикой на китайском направлении». В то время он в частном порядке даже высказал мнение о необходимости наращивать ракетно-ядерный потенциал на границе с Китаем и уходить от контактов с ним [4, с. 163]. Естественно, столь

бескомпромиссный взгляд на политику в отношении Китая явно противоречил позиции нового советского лидера после марта 1985 г., вызывая замешательство и беспокойство среди товарищей братских партий [33, с. 356–358].

Среди сторонников «догматичного» курса в отношении КНР помимо О.Б. Рахманина заметным влиянием обладал заместитель министра иностранных дел СССР, кандидат в члены ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев – руководитель советской делегации на советско-китайских переговорах о межгосударственных отношениях в 1979 г. и советско-китайских политических консультациях, начавшихся в 1982 году. Бывший министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, коллега Л.Ф. Ильичева в роли главы китайской делегации на советско-китайских консультациях, писал чуть иронически в мемуарах, что «Ильичев долгое время управлял идеологической работой, имел степень доктора философских наук. Он не только придерживался твердой позиции, но и предпочитал пространные рассуждения и буквоедство. Его слова были догматичными и пустыми» [43, с. 14]. Вместе с этим коллега Л.Ф. Ильичева в МИД СССР М.С. Капица дал ему яркую характеристику: с ним китайцы «вели безрезультатные переговоры так или иначе более 10 лет, хорошо знали его любовь к длинным речам, его кривлянье и не были расположены говорить с ним» [26, с. 112].

Несмотря на то, что в 1980-х гг. в руководстве КПК существовали разногласия по поводу политики в отношении СССР [27], Л.Ф. Ильичев, вероятно, умышленно скрыл от Кремля этот важный факт. Так, в отчете о четвертом раунде советско-китайских консультаций он обратил внимание на жесткие взгляды в отношении Москвы как Дэн Сяопина, так и Ху Яобана, назвав ее «запрограммированной позицией» [22]. Однако в отличие от Дэн Сяопина, который ориентировался на США, Ху Яобан, в то время генеральный секретарь ЦК КПК, выступал за скорейшую нормализацию отношений с Советским Союзом [11].

Третьей известной фигурой среди сторонников твердой позиции в отношении КНР был посол СССР в КНР И.С. Щербаков. Он, как свидетельствовал В.П. Лукин, следовал указаниям О.Б. Рахманина во всем и не желал видеть расширение контактов между

двумя крупнейшими социалистическими державами [33, с. 334]. Кроме того, посол, порой, не останавливался и перед тем, чтобы блокировать информацию о происходящих в КНР процессах. В 1984 г. экономическая реформа Китая вызвала в Кремле интерес. Однако в материалах, подготовленных тогда по этому вопросу в посольстве СССР в КНР по заданию ЦК КПСС и направленных в Москву, были даны поспешные оценки и содержались исключительно скептические замечания без объективного, непредвзятого рассмотрения развернувшихся в КНР процессов [8, с. 206]. Столь предвзятый подход к подготовке документа достаточно ярко объяснил К.К. Токаев, который в то время работал вторым секретарем в советском посольстве в Пекине. И.С. Щербаков, по его словам, был «неимоверно ортодоксален» и зачастую обижался на китайских руководителей за то, что они «Ленина предали» [39, с. 81].

К группе влиятельных высокопоставленных советских экспертов, которые негативно относились к реформе в Китае, следует также отнести и заместителя министра иностранных дел СССР М.С. Капицу, долгое время отвечавшего за политику СССР в Восточной и Юго-Восточной Азии. Еще в 1982 г. он негативно охарактеризовал реформу в КНР, выразив уверенность в том, что она «разрушает основы социализма» в Китае и предсказал, что «капиталисты и кулаки умножатся, и через 10 лет у них не будет выбора кроме как раздавить их танками». По его мнению, «поистине трагично, что они пытаются построить социализм антисоциалистическими средствами на основе антисоветских взглядов» [48]. Китайская сторона считала М.С. Капицу «одним из главных сторонников жесткой линии» в отношении КНР [29, с. 245], хотя, согласно воспоминаниям Е.П. Бажанова, начиная с 1983 г. он в значительной степени смягчил свое отрицательное отношение к внешней политике КНР [4, с. 155]. Не следует забывать, что именно М.С. Капица являлся ключевым помощником, а затем заместителем А.А. Громыко в разработке политики в отношении Китая [32]. Известно также, что А.А. Громыко высоко оценивал и работу Л.Ф. Ильичева и О.Б. Рахманина в делах, связанных с Китаем [20].

Глава внешнеполитического ведомства СССР А.А. Громыко, как и упомянутые выше ведущие советские эксперты на китайском направлении, выражал сомнения в благоприятных перспективах улучшения отношений с Китаем. Стоит напомнить данную ему характеристику – «Мистер Нет». Он имел большой опыт общения с китайской стороной начиная с 1950-х гг., был свидетелем и участником процесса драматических изменений в советско-китайских отношениях. Его недоверие к китайцам за их «предательство» не исчезло вплоть до ухода из жизни. Даже в годы перестройки А.А. Громыко все еще считал, что ввиду пассивности китайцев и тесных связей, существующих между Пекином и Вашингтоном, какое-либо существенное улучшение советско-китайских отношений весьма маловероятно [21, с. 341].

Кроме того, по некоторым данным, он даже опасался, что развитие экономических связей с КНР могут усилить ее военный потенциал [2, с. 78]. Естественно, А.А. Громыко отрицательно относился к реформаторской деятельности китайского руководства. Об этом свидетельствует интересный эпизод в сентябре 1984 г., когда в ходе работы XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке впервые за многие годы состоялась встреча министров иностранных дел СССР и КНР. Во время этой встречи У Сюэцзянь, министр иностранных дел КНР заверил А.А. Громыко в том, что политика открытости Китая носит всесторонний характер и ориентирована не только на Запад, но и на Советский Союз и страны Восточной Европы. Участники этой встречи обратили внимание на то, что при упоминании слова «открытость», лицо А.А. Громыко сразу потемнело. Он холодно ответил: «Нас это не окрыляет» [29, с. 227].

В июле 1985 г. Э.А. Шеварднадзе, личный опыт внешнеполитической деятельности которого был крайне ограничен, был назначен М.С. Горбачевым вместо А.А. Громыко на пост министра иностранных дел СССР. После вступления в должность Э.А. Шеварднадзе на закрытом заседании в МИД высказал несколько основополагающих тезисов. Во-первых, конфронтация между СССР и КНР длилась более двух десятилетий и обе страны заплатили за это чрезвычайно высокую цену. Со-

ветская сторона, по его словам, потратила не менее 500 миллиардов рублей. Во-вторых, груз ответственности за ухудшение советско-китайских отношений лежит и на СССР. В-третьих, ненормальное положение в отношениях между Москвой и Пекином следует прекратить, приложив совместные усилия с китайцами, чтобы как можно скорее внести изменения во взаимоотношения [29, с. 243–244].

Несмотря на то, что произведенная замена министра иностранных дел вряд ли произошла исключительно из-за соображений М.С. Горбачева о Китае, она стала предпосылкой кадровых изменений, связанных с политикой по отношению к КНР. Весной 1986 г. параллельно с проведением М.С. Горбачевым совещания в МИД была начата серьезная «кадровая чистка» [19]. Естественно, упомянутые выше фигуры были заменены в короткие сроки.

В качестве первого шага М.С. Горбачев принял решение о назначении нового посла СССР в КНР. Э.А. Шеварднадзе было сообщено, что новым послом «должен быть видный профессиональный дипломат, а не партийный деятель, который в прошлом не имел отношения к Китаю». В итоге на эту должность был назначен бывший постоянный представитель СССР при ООН О.А. Трояновский [40, с. 345]. На встрече с ним перед отъездом Э.А. Шеварднадзе специально посоветовал внимательно следить за развитием экономических реформ Китая, особенно тех, которые могут представлять интерес и для Советского Союза. В заключение Э.А. Шеварднадзе подчеркнул, что «наша цель – нормализация советско-китайских отношений». Это серьезным образом отличалось от того, что говорил сразу после назначения О.А. Трояновского А.А. Громыко в беседе с новым послом. Во время беседы А.А. Громыко, ставший председателем Президиума Верховного Совета СССР, по-прежнему не скрывал своих сомнений по поводу серьезного улучшения отношений с Китаем [40, с. 354–357].

Уже в первых сообщениях из Пекина, адресованных высшему советскому руководству, новый посол объективно изложил свои аргументы в пользу улучшения отношений с Китаем и убеждал Кремль, что Пекин уже не упорствует в необходимости продолжения пре-

жней политики и с ним можно иметь дело [39, с. 82–84].

В августе того же года произошла еще одна перестановка на китайском направлении советской политики. Вместо М.С. Капицы кабинет заместителя министра иностранных дел занял И.А. Рогачев [41, с. 586]. Ему также было поручено возглавить советскую делегацию на советско-китайских политических консультациях, заменив на этом посту Л.Ф. Ильичева [8, с. 209].

Умеренное отношение И.А. Рогачева к Китаю было известно как в советских, так и в китайских дипломатических кругах. По воспоминаниям его китайских партнеров, он был «прагматичным, осмотрительным и спокойным», «существенно отличался от своего предшественника с точки зрения подходов, формулировок и тональности на переговорах» [29, с. 287]. А по оценке своего подчиненного, И.А. Рогачев «повел переговоры с китайцами в сдержанной манере и вместе с тем более гибко, маневренно и аналитично» [41, с. 586]. Возможно, это связано с тем, что, как и новый глава МИД СССР, он всецело был против советско-китайской конфронтации, считая ее «разорительной и бесперспективной» [36, с. 53]. Он также положительно относился к проводимой в Китае экономической реформе и считал, что советской стороне следует использовать этот опыт [41, с. 568–569].

Кроме того, весной 1986 г. В.А. Медведеву, которому глубоко доверял М.С. Горбачев, было поручено возглавить Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. После этого О.Б. Рахманин был вскоре отправлен на пенсию [4, с. 225, 238].

Таким образом, в 1986 г. на смену «догматичным» китаеведам-дипломатам старшего поколения, долгое время до этого занимавших ключевые посты на китайском направлении внешней политики СССР пришли новые лица. Произведенные кадровые перестановки сразу же привели к устранению расхождений обеих стран в идеологической сфере. Как упоминает бывший посол КНР в РФ Ли Фэнлинь, который исполнял обязанность поверенного в делах в СССР в 1980-х гг., именно с 1986 г. близкие к советскому руководству ученые-международники, такие как О.Т. Богомо-

лов, Г.А. Арбатов, А.А. Кокошин, В.П. Лукин стали регулярно посещать китайское посольство, чтобы обменяться опытом проведения реформ с коллегами из Китая². В результате отношение Москвы к реформам в КНР быстро изменилось: после 1986 г. вместо прежних отрицания, сомнения и критики началось активное изучение и обсуждение «китайского опыта» [28].

И, что еще важнее, с этого момента гибкая политика М.С. Горбачева в отношении Китая могла быть успешно реализована. Таким шагом стала его директива в отношении ключевой проблемы – «трех препятствий» в советско-китайских отношениях. Для В.А. Медведева и помощников генсека в июле 1986 г. она прозвучала кратко: «Мы готовы их преодолеть» [18, с. 321]. Примерно через две недели эта установка нашла отражение в речи М.С. Горбачева во Владивостоке, текст которой был подготовлен ими. В ней содержались новые заявления о внешней политике СССР, согласно которым объективно создавались предпосылки для устранения «трех препятствий», хотя сам термин «препятствия» и не был упомянут [18, с. 362–378]. Этот жест М.С. Горбачева произвел впечатление на Пекин. Уже позже, во время встречи с М.С. Горбачевым 1989 г., Дэн Сяопин напомнил: «...особенно Ваша речь во Владивостоке подтолкнула меня» к проведению китайско-советской встречи на высшем уровне [10]. Действительно, всего через полтора месяца после нового жеста Москвы Дэн Сяопин заявил в интервью американскому телевидению, что он готов встретиться с М.С. Горбачевым в любом месте в СССР при условии, что советская сторона проявит готовность устранить «препятствие» – кампучийскую проблему [43, с. 25–26].

В ходе девятого раунда советско-китайских политических консультаций в октябре 1986 г., советская делегация во главе с И.А. Рогачевым перестала уклоняться от обсуждения вопроса о выводе вьетнамских войск из Кампучии, признав, что он является «важным фактором» в нормализации советско-китайских отношений. В неофициальном разговоре после заседаний И.А. Рогачев высказался более откровенно. Он пояснил, что у Москвы есть возможности оказать влияние

на Ханой, и лично он намерен изо всех сил сыграть в этом «конструктивную» роль [29, с. 288]. Результатом произошедшего стало начало процесса устранения так называемых «препятствий».

В последующие два года процесс урегулирования кампучийской проблемы ускорился. В конце августа 1988 г. в Пекине состоялась специальная советско-китайская рабочая встреча по этому вопросу. При этом И.А. Рогачеву удалось установить взаимопонимание с партнерами с китайской стороны в многочисленных аспектах [24]. Через две недели после этого в выступлении в Красноярске М.С. Горбачев отметил, что успешное проведение упомянутой рабочей встречи послужило улучшению советско-китайских отношений. Он также заявил, что советская сторона готова к тому, чтобы безотлагательно начать подготовку к советско-китайской встрече на высшем уровне [15, с. 558].

Практически одновременно И.А. Рогачев и О.А. Трояновский подали Э.А. Шеварднадзе идею, что было бы очень хорошо опубликовать в «Правде» статью с положительной оценкой деятельности Дэн Сяопина. Именно с согласия М.С. Горбачева 12 августа 1988 г. в «Правде» была опубликована пространная статья «Политический портрет: Дэн Сяопин» [29, с. 249]. В ней была высоко оценена решающая роль Дэна и его значительный вклад в осуществление социалистической модернизации КНР. Как было указано в материале, он «открыл новую страницу в истории КПК и КНР» [5]. Статья сразу же привлекла внимание самого Дэн Сяопина. Двумя месяцами позже на встрече с главой Румынии Н. Чаушеску, находившимся с визитом в Китае, Дэн Сяопин сказал, что его представление о Горбачеве изменилось к лучшему. «Горбачев, давайте с этого дня начнем называть его “товарищ Горбачев”! Он, кажется, хочет делать добро», – заметил китайский лидер. Вместе с тем Дэн сделал заявление и о возможности проведения в следующем году «встречи на высшем уровне» [42]. На следующий день это было подтверждено и публично – «Жэньминь жибао» вышла с текстом речи китайского лидера о согласии проведения советско-китайской встречи на высшем уровне в следующем году [23]. Нормализа-

ция отношений приблизилась к своему полному осуществлению. Официально это произошло во время визита М.С. Горбачева в Китай в середине мая 1989 года.

Результаты. После того как М.С. Горбачев стал генеральным секретарем, он, исходя из разных соображений, сразу стал стремиться к скорейшему и серьезному улучшению советско-китайских отношений. Тем не менее он был вынужден столкнуться не только с поставленными Пекином «препятствиями», а также с противодействием «ястребов» среди внешнеполитических элит, занимавших кабинеты на Старой площади и Смоленской площади на протяжении многих лет. Именно поэтому, прежде чем предпринять серьезные шаги по политическому примирению с Пекином, новый советский лидер провел кадровые перестановки среди ведущих экспертов по Китаю, длительное время участвовавших как в формировании, так и в реализации политики высшего советского руководства в отношении КНР, что совпадало с «кадровой чисткой» не только в МИД СССР, но и во всех партийно-государственных органах страны в годы перестройки.

Новые люди, появившиеся на китайском направлении советских действий, не желали быть преемниками догматичных китаеведов-дипломатов старшего поколения. Они не только активно действовали под лозунгами «нового политического мышления» в улучшении советско-китайских отношений, но и по своей инициативе подталкивали М.С. Горбачева к быстрому сближению с Пекином, что ускорило процесс нормализации. Главные роли в этом сыграли О.А. Трояновский, И.А. Рогачев и Э.А. Шеварднадзе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует обратить внимание на то, что по невыясненным причинам в мемуарах М.С. Горбачева «Жизнь и реформы» на русском языке в цитируемом абзаце предложение «которому так или иначе сопротивлялось большинство правящих кадров, выросших в атмосфере глубокой взаимной вражды» не напечатано [13, с. 433], хотя, как представляется, англоязычная версия мемуаров была переведена именно с русского оригинала, с учетом того, что объем и содержание английского варианта по объему меньше, чем в русскоязычной версии.

² В докладе советскому руководству в конце 1985 г. В.П. Лукин выявил, что Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран во главе с О.Б. Рахманиным сознательно ограничивает контакты советских специалистов с их китайскими коллегами. В нем отмечалось, что «правила доступа в посольство КНР хуже, чем в посольство США» [33, с. 332].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М. : Весь Мир, 2016. 448 с.
2. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: воспоминания дипломата, советника А.А. Громько, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М. : Международные отношения, 1994. 299 с.
3. Бажанов Е. П. Вознесенные на Олимп // Знамя. 2007. №4. С. 171.
4. Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М. : Известия, 2007. 352 с.
5. Барахта Б. Политический портрет: Дэн Сяопин // Правда. 1988. №225. С. 5.
6. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 55–56.
7. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М. : Захаров, 2003. 654 с.
8. Верещагин Б. Н. В старом и новом Китае (из воспоминаний дипломата). М. : ИДВ РАН, 1999. 256 с.
9. Владимиров О. Е. Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятих годах. М. : Междунар. отношения, 1984. 383 с.
10. Встречи и переписка с руководством КНР (1989–1990 г.) // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 428. Л. 20.
11. Галенович Ю. М. Дао Ху-Гуна. В 2 кн. Кн. 2. М. : Русская панорама, 2008. 992 с.
12. Горбачев М. С. В меняющемся мире. М. : АСТ, 2018. 352 с.
13. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 2. М. : Новости, 1995. 656 с.
14. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. В 6 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1987. 510 с.
15. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. В 6 т. Т. 6. М. : Политиздат, 1989. 608 с.
16. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем (версия на китайском). Пекин : Изд-во Синьхуа, 2002.
17. Горбачев М. С. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 3. М. : Весь Мир, 2008. 576 с.

18. Горбачев М. С. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 4. М. : Весь Мир, 2008. 616 с.
19. Гриневский О. А. Перелом: от Брежнева к Горбачеву. М. : Олма-Пресс Образование, 2004. 623 с.
20. Громько А. А. Памятное. В 2 кн. Кн. 2. М. : Политиздат, 1990. 559 с.
21. Громько Ан. А. Метаморфозы нашего времени : избранное. М. : Весь Мир, 2012. 465 с.
22. Документы о партийно-государственной деятельности и личного происхождения Л.Ф. Ильичева // РГАНИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 43. Л. 5–6.
23. Дэн Сяопин хуйцзянь циаосайсыку ши шо, чжунсу гаоцэн хуйу миннянь кэнэн шисянь : [На встрече с Чаушеску Дэн Сяопин сказал, что китайско-советская встреча на высшем уровне может быть проведена в следующем году] // Жэньминь жибао. 1988. № 292. С. 1.
24. Завершилась советско-китайская встреча в Пекине // Правда. 1988. № 246. С. 6.
25. Из черновых записей М.С. Горбачева, сделанных на заседании Политбюро ЦК КПСС, посвященном XXVII съезду КПСС // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 207. Л. 12.
26. Капица М. С. На разных параллелях: записки дипломата. М. : Кн. и бизнес, 1996. 520 с.
27. Ли Инань. Новые элементы в политике Пекина в отношении СССР в 1984–1985 гг. // Российское китаеведение. 2023. № 2. (В печати).
28. Ли Фэнлинь. Мосыкэ эрши нянь пяньдунань (сюй эр) : [Двадцать лет в Москве (продолжение 2)] // Шицзе чжиши. 1996. № 6. С. 17.
29. Ли Цзинсянь. Во со чжидао де сулянь-элосы чжэняо : [Советские-российские политики, которых я знаю]. Пекин : Дунфан чубаньшэ, 2015. 302 с.
30. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках. М. : АСТ, 2007. 598 с.
31. Медведев В. А. Распад: как он назревал в «мировой системе социализма». М. : Междунар. отношения, 1994. 396 с.
32. Моисеев Л. П. Япония и Китай – приоритеты на Дальнем Востоке // Война между государствами – великое зло. К 110-летию А.А. Громько. М. : Весь Мир, 2019. С. 222–223.
33. Дикарев А. Д., Лукин В. П. «Я – не первый воин, не последний...». К 80-летию В.П. Лукина. В 3 кн. Кн. 2. М. : Весь Мир, 2018. 600 с.
34. Польшов М. Ф. Реформаторская деятельность М.С. Горбачева: первый этап перестройки (1985–1986 гг.) // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии : сб. докл. межвуз. науч. конф. 2016. С. 258–261.
35. Радченко С. Сулянь вайцзяо цигоу де ганьбу гэнти юй дуйхуачжэнцэ чжуаньбянь (1985–1986) : [Кадровые изменения в дипломатическом ведомстве СССР и перемена политики в отношении Китая (1985–1986)] // Цуйжо де лянъмэн: лэнчжань юй чжунсугуаньси : [Хрупкий альянс: холодная война и китайско-советские отношения]. Пекин : Шэхуй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 525–537.
36. Рогачев И. А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М. : Известия, 2005. 280 с.
37. Совещание в ЦК КПСС 26 ноября 1982 г. // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 5. Л. 251.
38. Стенограмма выступления М.С. Горбачева на совещании в Министерстве иностранных дел СССР 23 мая 1986 г. // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 139. Л. 35–36.
39. Токаев К. К. Преодоление. Дипломатические очерки казахстанского министра. М. : Мир, 2003. 463 с.
40. Трояновский О. А. Через годы и расстояния: история одной семьи. М. : Вагриус, 1997. 380 с.
41. Федотов В. П. Полвека вместе с Китаем: воспоминания, записи, размышления. М. : РОССПЭН, 2005. 636 с.
42. Цзян Бэньлянь. Гэй гунхэго линдаожэнь цзо фаньи : [Работать переводчиком для руководителей республики]. Шанхай : Шанхай цы шу чубаньшэ, 2007. С. 150.
43. Цянь Цичэнь. Вайцзяо ши цзи : [Десять воспоминаний о дипломатической работе]. Пекин : Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. 450 с.
44. Чазов Е. И. Здоровье и власть: воспоминания «кремлевского врача». М. : Новости, 1992. 224 с.
45. Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М. : Вагриус, 2001. 592 с.
46. Balázs S. Solidarity Within Limits: Interkit and the Evolution of the Soviet Bloc's Indochina Policy, 1967–1985 // Cold War History. 2017. Vol. 17, № 4. P. 385–403. DOI: 10.1080/14682745.2017.1319818
47. Chi Su. Soviet China-Watchers' Influence on Soviet China Policy // Journal of Northeast Asian Studies. 1983. Vol. 2, № 4. P. 26–27.
48. Conversation Between Soviet Foreign Ministry Official Mikhail S. Kapitsa and Deputy Foreign Minister of Mongolia D. Yondon, June 09, 1982. Translated by Sergey Radchenko and Onon Perenlei // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116533>
49. Gorbachev M. Memoirs. N. Y. : Doubleday, 1995. 769 p.
50. Memorandum for Comrade Mátyás Szűrös, February 21, 1985. Obtained by Péter Vámos and translated by Katalin Varga // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119348>
51. Rozman G. Moscow's China-Watchers in the Post-Mao Era: The Response to a Changing China // The China Quarterly. 1983. Vol. 94. P. 215–241.

52. Wishnick E. *Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle : University of Washington Press, 2001. 306 p.

53. Zubok V. *The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce // Cold War History*. 2017. Vol. 17, №2. P. 121–141. DOI: 10.1080/14682745.2017.1315923

REFERENCES

1. Adamishin A.L. *V raznye gody. Vneshnepoliticheskie ocherki* [Over the Years. Foreign Policy Essays]. Moscow, Ves Mir Publ., 2016. 448 p.

2. Aleksandrov-Agentov A.M. *Ot Kollontai do Gorbacheva: vospominaniia diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshchnika L.I. Brezhneva, Iu.V. Andropova, K.U. Chernenko i M.S. Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev: Memoirs of Diplomat, Adviser of Gromyko, and Assistant to Brezhnev, Andropov, Chernenko and Gorbachev]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 1994. 299 p.

3. Bazhanov E.P. *Voznesennye na Olimp* [Ascended to Olympus]. *Znamya*, 2007, no. 4, p. 171.

4. Bazhanov E.P. *Kitai: ot Sredinnoi imperii do sverkhderzhavy XXI veka* [China: From Middle Empire to Superpower of 21st Century]. Moscow, Izvestiia Publ., 2007. 352 p.

5. Barakhta B. *Politicheskii portret: Den Siaopin* [Political Portrait: Deng Xiaoping]. *Pravda*, 1988, no. 225, p. 5.

6. Barsenkov A.S. «Novoe myshlenie» vo vneshnei politike SSSR (1985–1991) [“New Thinking” in the Foreign Policy of the USSR (1985–1991)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2012, no. 1, pp. 55–56.

7. Bovin A.E. *XX vek kak zhizn. Vospominaniia* [20th Century as Life. Memories]. Moscow, Zakharov, 2003. 654 p.

8. Vereshchagin B.N. *V starom i novom Kitae (iz vospominanii diplomata)* [In the Old and New China (From the Memoirs of a Diplomat)]. Moscow, IDV RAN, 1999. 256 p.

9. Vladimirov O.E. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniia v sorokovykh – vosmidesiatykh godakh* [Soviet-Chinese Relations from the 1940s to the 1980s]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 1984. 383 p.

10. *Vstrechi i perepiska s rukovodstvom KNR (1989–1990 g.)* [Meetings and Correspondence with the Leadership of the PRC (1989–1990)]. *RGANI*, f. 84, inv. 1, d. 428, l. 20.

11. Galenovich Iu.M. *Dao Khu-Guna. V 2 kn. Kn. 2* [Mourn Hu Yaobang. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Russkaia panorama Publ., 2008. 992 p.

12. Gorbachev M.S. *V menyayushchemsya mire* [In the Changing World]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p.

13. Gorbachev M.S. *Zhizn i reformy. V 2 kn. Kn. 2* [Life and Reforms. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Novosti Publ., 1995. 656 p.

14. Gorbachev M.S. *Izbrannye rechi i statyi. V 6 t. T. 2* [Selected Speeches and Articles. In 6 Vols. Vol. 2]. Moscow, Politizdat, 1987. 510 p.

15. Gorbachev M.S. *Izbrannye rechi i stati. V 6 t. T. 6* [Selected Speeches and Articles. In 6 Vols. Vol. 6]. Moscow, Politizdat, 1989. 558 p.

16. Gorbachev M.S. *Razmyshleniia o proshlom i budushchem (versii na kitaiskom)* [Thinking on the Past and the Future (Chinese Version)]. Beijing, Izd-vo Sinkhua, 2002.

17. Gorbachev M.S. *Sobranie sochinenii. V 30 t. T. 3* [Collection of Works. In 30 Vols. Vol. 3]. Moscow, Ves Mir Publ., 2008. 576 p.

18. Gorbachev M.S. *Sobranie sochinenii. V 30 t. T. 4* [Collection of Works. In 30 Vols. Vol. 4]. Moscow, Ves Mir Publ., 2008. 616 p.

19. Grinevskij O.A. *Perelom: ot Brezhneva k Gorbachevu* [Turning-Point: From Brezhnev to Gorbachev]. Moscow, Olma-Press Obrazovanie Publ., 2004. 623 p.

20. Gromyko A.A. *Pamiatnoe. V 2 kn. Kn. 2* [Memorable. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Politizdat, 1990. 559 p.

21. Gromyko An.A. *Metamorfozy nashego vremeni: izbrannoe* [Metamorphoses of Our Time: Selected]. Moscow, Ves Mir Publ., 2012. 465 p.

22. *Dokumenty o partiino-gosudarstvennoi deiatelnosti i lichnogo proiskhozhdeniia L.F. Ilyicheva* [Documents About Party-State Activities and Personal Origin of Ilyichev]. *RGANI*, f. 97, inv. 1, d. 43, l. 5–6.

23. Den Siaopin khuitszian tsiaosaisyku shi sho, chzhunsu gaotsen khuiu minnian kenen shisian [When Meeting with Ceausescu, Deng Xiaoping Said That the Sino-Soviet Summit Might Be Held in the Next Year]. *Renmin Ribao*, 1988, no. 292, p. 1.

24. *Zavershilas sovetsko-kitaiskaia vstrecha v Pekine* [The Soviet-Chinese Meeting Ended in Beijing]. *Pravda*, 1988, no. 246, p. 6.

25. *Iz chernovykh zapisei M.S. Gorbacheva, sdelannykh na zasedanii Politbiuro TsK KPSS, posviashchennom XXVII sieezdu KPSS* [From Mikhail Gorbachev's Draft Notes Made at Meeting of Politburo of the CPSU Central Committee, Which Was Dedicated to the 27th Congress of the CPSU]. *RGANI*, f. 84, inv. 1, d. 207, l. 12.

26. Kapitsa M.S. *Na raznykh paralleliakh: zapiski diplomata* [On Different Parallels: Notes of a Diplomat]. Moscow, Kn. i biznes Publ., 1996. 520 p.

27. Li Yanan. *Novye elementy v politike Pekina v otnoshenii SSSR v 1984–1985 gg.* [New Elements in

- Beijing's Policy Towards the USSR in 1984–1985]. *Rossiiskoe kitaevedenie*, 2023, no. 2 (In Print).
28. Li Fenglin. Mo si ke er shi nian pian duan (xu er) [Twenty Years in Moscow (Continuation 2)]. *Shitsze chzhishi* [World Affairs], 1996, no. 6, p. 17.
29. Li Jingxian. *Wo suo zhi dao de su lian-e luo si zheng yao* [Soviet-Russian Politicians That I Know]. Beijing, Dong fang chu ban she Publ., 2015. 302 p.
30. Lukin A. V. *Medved nabliudaet za drakonom: obraz Kitaia v Rossii v XVII-XXI vekakh* [The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China from 17th to 21st Century]. Moscow, AST Publ., 2007. 598 p.
31. Medvedev V.A. *Raspad: kak on nazreval v «mirovoi sisteme sotsializma»* [Disintegration: How It Brewed in the “World Socialist System”]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 1994. 396 p.
32. Moiseev L.P. Iaponiia i Kitai – prioritety na Dalnem Vostoke [Japan and China – Priorities in the Far East]. «*Voina mezhdur gosudarstvami – velikoe zlo: k 110-letiiu A.A. Gromyko* [“War of States Is Great Evil”: To Commemorate the 110th Birthday of Gromyko]. Moscow, Ves Mir Publ., 2019. pp. 222-223.
33. Dikarev A.D., Lukin V.P. «*Ja – ne pervyi voin, ne poslednii...*». *K 80-letiiu V.P. Lukina. V 3 kn. Kn. 2* [“I Am Not the First Warrior, Nor the Last One...”. To Commemorate the 80th Birthday of V.P. Lukin. In 3 Books. Book 2]. Moscow, Ves Mir Publ., 2018. 600 p.
34. Polynov M.F. Reformatorskaia deiatel'nost' M.S. Gorbacheva: pervyi etap perestroiki (1985–1986 gg.) [Reform Activities of Gorbachev: First Stage of Perestroika (1985–1986)]. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl. mezhdvuz. nauch. konf.* [Russia in the Era of Revolutions and Reforms: Problems of History and Historiography: Collection of Reports of the Interuniversity Scientific Conference], 2016, pp. 258-261.
35. Radchenko S. Su lian wai jiao ji gou de gan bu geng ti yu dui hua zheng ce zhuan bian (1985-1986) [Personnel Changes in the Diplomatic Institution of the USSR and Transformation of Its China Policy (1985–1986)]. *Cui ruo de lian meng: leng zhan yu zhong su guan xi* [Fragile Alliance: Cold War and Sino-Soviet Relations]. Beijing, Shekhuy kesyue vensyan chubanshe Publ., 2010. pp. 525-537.
36. Rogachev I.A. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniia v kontse XX – nachale XXI veka* [Russian-Chinese Relations from the End of the 20th to the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Izvestiia Publ., 2005. 280 p.
37. Soveshchanie v CK KPSS 26 noyabrya 1982 g. [Meeting at the Central Committee of the CPSU, November 26, 1982]. *RGANI*, f. 84, inv. 1, d. 5, l. 251.
38. Stenogramma vystupleniya M.S. Gorbacheva na soveshchaniy v Ministerstve inostrannykh del SSSR 23 maya 1986 g. [Transcript of Mikhail Gorbachev's Speech at the Meeting in the Ministry of Foreign Affairs of USSR]. *RGANI*, f. 84, inv. 1, d. 139, l. 35-36.
39. Tokaev K.K. *Preodolenie: diplomaticheskie ocherki kazakhstanskogo ministra* [Overcoming: Diplomatic Essays of Minister of Kazakhstan]. Moscow, Mir Publ., 2003. 463 p.
40. Troianovskii O.A. *Cherez gody i rasstoianiia: istoriia odnoi semi* [Through the Years and Space: Story of a Family]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 380 p.
41. Fedotov V.P. *Polveka vmeste s Kitaem: vospominaniia, zapisi, razmyshleniia* [Half a Century with China: Memories, Notes, Thinking]. Moscow, ROSSPEN, 2005. 636 p.
42. Jiang Benliang. *Gei gong he guo ling dao ren zuo fan yi* [Work as an Interpreter for the Leaders of the Republic]. Shanghai, Shanghai si shu chubanshe Publ., 2007, p. 150.
43. Qian Qichen. *Wai jiao shi ji* [Ten Episodes of Diplomatic Work]. Beijing, Shitsze chzhishi chubanshe Publ., 2003. 450 p.
44. Chazov E.I. *Zdorovye i vlast: vospominaniia «kremlevskogo vracha»* [Health and Power: Memories of the “Kremlin Doctor”]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 224 p.
45. Shakhnazarov G.Kh. *S vozhdiami i bez nikh* [With and Without Leaders]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 592 p.
46. Balázs S. Solidarity Within Limits: Interkit and the Evolution of the Soviet Bloc's Indochina Policy. *Cold War History*, 2017, vol. 17, no 4, pp. 385-403. DOI: 10.1080/14682745.2017.1319818
47. Chi Su. Soviet China-Watchers' Influence on Soviet China Policy. *Journal of Northeast Asian Studies*, 1983, vol. 2, no 4, pp. 26-27.
48. Conversation Between Soviet Foreign Ministry Official Mikhail S. Kapitsa and Deputy Foreign Minister of Mongolia D. Yondon, June 09, 1982. Translated by Sergey Radchenko and Onon Perenlei. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116533>
49. Gorbachev M. *Memoirs*. New York, Doubleday, 1995. 769 p.
50. Memorandum for Comrade Mátyás Szűrös, February 21, 1985. Obtained by Péter Vámos and Translated by Katalin Varga. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119348>
51. Rozman G. Moscow's China-Watchers in the Post-Mao Era: The Response to a Changing China. *The China Quarterly*, 1983, vol. 94, pp. 215-241.
52. Wishnick E. *Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle, University of Washington Press, 2001. 306 p.
53. Zubok V. The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce. *Cold War History*, 2017, vol. 17, no 2, p. 125. DOI: 10.1080/14682745.2017.1315923

Information About the Author

Li Yinan, Visiting Researcher, Shanghai Academy of Global Governance & Area Studies, Wenxiang Road, 1550, 201620 Shanghai, China; Candidate for a Degree, National Research University Higher School of Economics, Malaya Ordynka St, 17, Bld. 1, 119017 Moscow, Russian Federation, liyinan92@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3075-7894>

Информация об авторе

Ли Инань, приглашенный научный сотрудник, Шанхайская академия глобального управления и международного регионоведения, ул. Вэньсян, 1550, 201620 г. Шанхай, Китай; соискатель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1, 119017 г. Москва, Российская Федерация, liyinan92@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3075-7894>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>

UDC 323.2, 316.77
LBC 66.04, 60.524

Submitted: 25.11.2022
Accepted: 13.03.2023

TRANSFORMATION OF PUBLIC COMMUNICATION OF GOVERNMENT AND CITIZENS IN CHINA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Wei Zhang

Huazhong University of Science and Technology, Wuhan, China

Liliia S. Pankratova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to identifying and characterizing the main trends in the transformation of public communication between government and citizens through digital media in China and Russia. The dynamics of state policies regarding the use of social media as an information and communication resource for solving pragmatic management tasks, forming the image of authorities, and developing a dialogue with the population is traced. *Methods and Materials.* As a methodological basis for the study, the conceptualizations of the public sphere within the framework of a critical approach (J. Habermas, H. Arendt), the sociocultural tradition of interpreting communication, the ideas on the power and strength of Internet communications in the “network society” by M. Castells, and the theoretical foundations of communication management are used. *Analysis.* Three stages in the development of social media authorities in China are identified and presented. The specifics of public communication between the authorities and users of various services (Weibo, WeChat, and TikTok) are characterized based on their technological capabilities (affordances). *Results.* The social effects obtained from the widespread use of digital media by the Chinese government are indicated. The political and socio-cultural foundations of the emerging state policy regarding the use of social networks as a resource for public communication between the government and society in Russia are shown. The key challenges and tasks that need to be solved for the successful development of a public dialogue between the authorities and the population through digital media and the formation of the social media capital of the state in China and Russia are fixed. *Authors' contribution.* Wei Zhang prepared an analysis of the transformations in the use of digital media by the government in China. L.S. Pankratova outlined the theoretical and methodological framework of the study, presented the Russian case, translated materials on the case of China into Russian and carried out general scientific editing of the article.

Key words: public communication, social media, communication between government and society, digitalization, open state, government, People's Republic of China, Russian Federation.

Citation. Wei Zhang, Pankratova L.S. Transformation of Public Communication of Government and Citizens in China and Russia in the Context of Digitalization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 151-164. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>

УДК 323.2, 316.77
ББК 66.04, 60.524

Дата поступления статьи: 25.11.2022
Дата принятия статьи: 13.03.2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН В КИТАЕ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Вэй Чжан

Хуачжунский университет науки и технологии, г. Ухань, Китай

Лилия Сергеевна Панкратова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению и характеристике основных тенденций трансформации публичной коммуникации органов власти и граждан посредством цифровых медиа в Китае и России. Прослежена динамика государственных политик в отношении использования социальных медиа как информационно-коммуникативного ресурса для решения прагматических задач управления, формирования имиджа власти, развития диалога с населением. В качестве методологической базы исследования используются концептуализации публичной сферы в рамках критического подхода (Ю. Хабермаса, Х. Арендт), социокультурная традиция интерпретации коммуникации, положения о власти и силе интернет-коммуникаций в «сетевом обществе» М. Кастельса, теоретические основания коммуникационного менеджмента. Выделены и представлены три этапа в развитии социальных медиа органов власти в Китае. Охарактеризована специфика публичной коммуникации между властью и пользователями различных сервисов (Weibo, WeChat и TikTok) исходя из их технологических возможностей (аффордансов). Указаны социальные эффекты, полученные от широкого использования правительством Китая цифровых медиа. Показаны политические и социокультурные основания формирующейся государственной политики в отношении использования социальных сетей как ресурса публичной коммуникации между властью и обществом в России. Зафиксированы ключевые вызовы и задачи, которые необходимо решить для успешного развития публичного диалога между властью и населением посредством цифровых медиа, формирования коммуникативного капитала государства в Китае и России. *Вклад авторов.* В. Чжан подготовил анализ трансформаций использования органами власти цифровых медиа в Китае. Л.С. Панкратова обосновала теоретико-методологическую рамку исследования, представила российский кейс, подготовила перевод на русский язык материалов об опыте Китая, осуществляла общее научное редактирование статьи.

Ключевые слова: публичная коммуникация, социальные медиа, коммуникация власти и общества, цифровизация, открытое государство, органы государственной власти, Китайская Народная Республика, Российская Федерация.

Цитирование. Вэй Чжан, Панкратова Л. С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 151–164. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>

Введение. Современный этап глобального развития мира характеризуется ориентацией на распространение информационно-коммуникативных технологий, а также активную цифровизацию в различных сферах жизни. Потенциал использования в деятельности органов государственной власти новейших цифровых форматов средств массовой коммуникации и информации в сети Интернет – социальных медиа (социальные сети, микроблоги, макроблоги, видеохостинги и т. д.) – активно обсуждается как на теоретическом, так и практическом уровнях. Например, правительство Китая начиная с 2009 г. целенаправленно осуществляет деятельность по внедрению практики использования органами власти различных социальных сетей. Исследователи [18] отмечают, что триггером для этого стал призыв Отдела пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) к государственным органам «окупировать микроблоги». Пришло осознание растущей популярности социальных медиа и их многообещающего потенциала в создании условий и облегчении возможности коммуни-

кации между властью и гражданами. За последнее десятилетие количество государственных социальных сетей значительно увеличилось, а также произошли изменения, связанные с самими платформами, функциями медиаресурсов и оказываемым ими влиянием. В настоящее время правительством часто используются локальные социальные медиа, включая Weibo, WeChat и TikTok.

С точки зрения авторов, происходит постепенный переход от их использования исключительно в информационных целях, в качестве канала для публичного предоставления новостей, передачи государством сведений и т. д., к налаживанию коммуникативных взаимодействий между властью и гражданами посредством социальных сетей. В свою очередь правительством проводится специфическая политика в отношении новых медиаресурсов. Например, разработаны и реализуются методические рекомендации для улучшения управления аккаунтами государственных органов власти в социальных сетях.

Схожие процессы происходят в настоящее время в России. С 2011 г. реализуется го-

сударственная программа Российской Федерации «Информационное общество», направленная: 1) на обеспечение информированности граждан по различным социально-политическим вопросам посредством использования Интернета и цифровых технологий; 2) организацию электронного взаимодействия между органами власти всех уровней и гражданами. В июле 2022 г. принят федеральный закон (от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ), обязывающий органы власти создавать и вести официальные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» с 1 декабря 2022 года. При этом практика использования российскими государственными органами власти различных уровней социальных медиа существовала и до этого. Например, функционируют Telegram-каналы и YouTube-каналы ряда федеральных министерств. Авторы констатируют, что вступление в силу данного нормативного акта свидетельствует о формировании целенаправленной государственной политики по организации институционализированной публичной коммуникации власти и населения в интернет-пространстве, переход от инициатив к развернутому плану действий в РФ.

Практики использования социальных медиа в деятельности государственных органов власти в Китае активно исследуются в настоящее время. Изучается деятельность по государственному управлению коммуникациями на сервисах [16], использование ресурсов мессенджеров, блогов для решения отдельных общественных проблем и вопросов [24], делиберативный потенциал новых медиа [17].

Исследования официальных ресурсов в социальных сетях органов власти различных уровней в России проводились А.А. Бабаевой [3], Н.Е. Дмитриевой [4], Н.В. Днепровской [5], А.А. Никитинской [8], С.А. Панкратовым, С.И. Морозовым [10], А. Сосновской [7] и др. Основное внимание отечественными авторами уделяется описанию ключевых элементов правительственных официальных аккаунтов (степень активности владельцев и подписчиков, динамика числа подписчиков и т. п.), выделению и характеристике основных индикаторов эффективности публичной коммуникации посредством социальных медиа между властью и населением (прозрачности, обратной связи), формулировке реко-

мендаций по совершенствованию данной работы, выявлению социокультурных условий развития кооперации между государством и обществом посредством цифровых сервисов.

В силу актуальности происходящих процессов малоизученными остаются преобразования, которые происходят в проводимых КНР и РФ государственных политиках по использованию информационно-коммуникативных сервисов для взаимодействия с гражданами, а также изменения в реальных практиках коммуникации власти и населения с помощью цифровых медиа. В связи с этим цель нашего исследования заключается в выявлении основных тенденций трансформации публичной коммуникации органов власти и граждан в условиях распространения цифровых медиа в Китае и России. Ставятся задачи зафиксировать основные вызовы, возникающие перед государствами в использовании медиаресурсов, а также выделить и обосновать новые направления оптимизации данной коммуникативной деятельности для реализации целей государственного управления.

Методология и материалы. В современном поле научных исследований использования цифровых медиа для осуществления публичной коммуникации по общественно-политическим вопросам между властью и населением существует несколько направлений. С точки зрения авторов, доминирующими и релевантными для реализации цели и задач данной работы являются два подхода противоположной направленности. Один из них базируется на идеях критической теории социальной коммуникации Ю. Хабермаса [12] и Х. Арндт [1; 2] о публичном пространстве как основе для демократического механизма принятия политических решений в процессе равноправного, экспертного, свободного обсуждения социально значимых проблем представителями различных групп общественности. В этом контексте социальные медиа рассматриваются в качестве виртуального пространства, в рамках которого происходит публичная политическая коммуникация. С авторской позиции, эвристический потенциал указанных теорий позволяет интерпретировать мотивы, смыслы и ключевые направления деятельности государства по управлению социальными медиа на концептуальном уровне, а

также использовать ряд релевантных теоретических методов исследования, в том числе сопоставление, ценностно-нормативный.

Другой подход раскрывает ограничительную, подавляющую и контролирующую общественность силу интернет-коммуникаций: таргетированное распространение фейков в социальных сетях; существование эхо-камер и «пузырей фильтров»; манипулирование общественным сознанием в онлайн-дискуссиях с помощью чат-ботов. В рамках данной работы эти явления интерпретируются как социальные риски, которыми необходимо управлять посредством развития прямого и оперативного публичного коммуникативного взаимодействия между властью и населением с помощью цифровых медиа. Методологически авторы разделяют позицию М. Кастельса [6] о том, что Интернет, а соответственно и цифровые медиа являются медиатором между индивидами, гражданским обществом и государственными институтами. Но вместе с тем одновременно происходит борьба политических акторов за возможность контроля над дискурсами публичных коммуникаций на платформах.

Опираясь на социокультурный подход [11; 13] к определению коммуникации как символического процесса по (вос)производству социально-политической реальности, авторы рассматривают дальнейшие перспективы и направления трансформации публичной коммуникации между органами власти и гражданами посредством цифровых медиа в Китае и России. В соответствии с выбранной теоретической рамкой используются методы качественного контент-анализа нормативных и официальных документов, материалов СМИ, публикаций в социальных медиа в целях выявления изменений культурных оснований, принципов и паттернов публичной коммуникации органов власти и населения в цифровой среде. В статье интерпретируются результаты эмпирических исследований, мониторингов, проведенных ведущими научными и аналитическими центрами в Китае и России, а также непосредственно авторами статьи.

Анализ. Первым государственным социальным медиаресурсом в Китае является Таоуцан Нет – официальный аккаунт в сети Weibo уезда Таоюань провинции Хунань, был

создан в конце 2009 года. В ноябре 2009 г. информационное управление правительства провинции Юньнань провело пресс-конференцию по поводу массовых инцидентов в городе Куньмин и открыло свой официальный аккаунт Weibo / микроблог – Weibo Yunnan – в целях своевременного информационно-коммуникативного реагирования на ситуацию. С тех пор микроблогам органов власти уделяется значительное внимание, партийные и правительственные структуры на разных уровнях начали создавать свои официальные страницы. Во время ежегодных заседаний Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) в 2011 г. депутат ВСНП Ли Дуншэн собрал общественные предложения через свой персональный аккаунт Weibo. К дискуссии было привлечено более 200 000 пользователей сети Интернет. Он учел пожелания населения и внес предложение о повышении порога для подоходного налога с физических лиц до 5 000 юаней. Его предложение было частично одобрено центральным правительством, что привело к повышению порога налога на доходы физических лиц до 3 500 юаней. Успех данной инициативы «снизу» стимулировал участие граждан и заинтересованность государства в социальных сетях.

Осознание потенциала использования новых медиа в качестве платформ для проведения общественных дискуссий привело к стремительному появлению большого количества Weibo-аккаунтов органов власти в 2011 году. Согласно отчету об оценке микроблогов органов власти Китая за 2011 г., опубликованному центром электронного правительства Национальной школы управления, общее число аккаунтов Weibo властных структур на четырех основных платформах микроблогов к концу 2011 г. превысило 50 000. Sina Weibo является наиболее популярной платформой, на которой существует более 30 000 официальных партийных и правительственных учетных записей, а также более 10 000 аккаунтов, верифицированных отдельными государственными служащими.

Теоретические и эмпирические обобщения авторов позволили сделать вывод о том, что ресурсы органов власти в социальных

сетях все еще находятся на начальной стадии развития. На административном уровне многие существующие Weibo-аккаунты принадлежат муниципальным или низшим государственным органам, меньшая часть – структурам уровня провинций и центрального правительства. Полицейское управление лидирует в этом тренде, несмотря на распространение данной практики во всех типах государственных органов. Авторы солидаризируются с позицией других исследователей, согласно которой в первое время основным видом деятельности правительства на платформах Weibo было распространение информации, объясняемое недостаточным опытом работы органов с данными сервисами. Некоторым структурам удалось создать свой уникальный стиль работы в социальных сетях для привлечения внимания населения. Например, некоторые Weibo-аккаунты органов власти были озаглавлены более неформально, использовался персонализированный подход в публикации информации. В целом ресурсы государственных структур на Weibo становятся каналом коммуникации между гражданами и правительством, позволяющим узнать общественное мнение путем проб и ошибок.

Авторы выявили тенденцию значительного роста внимания власти к сервису WeChat по мере развития социальных медиа. Мессенджер WeChat, в сравнении с Weibo, позволяет более точно информировать общественность, снижая финансовые затраты. Управление по чрезвычайным ситуациям района Байюнь в Гуанчжоу провинции Гуадун было первым органом, который стал использовать сервис WeChat в августе 2012 года. Позднее публичные аккаунты в мессенджере появились и у других структур. В 2013 г. Генеральная канцелярия Государственного совета выпустила заявление, в котором была отмечена инновационность использования органами власти сервисов Weibo и WeChat. С нашей точки зрения, социальные медиа были вполне оправданно признаны в качестве дополнительного – третьего – канала распространения информации наряду с пресс-секретарем и официальными сайтами. Они рассматриваются в качестве средства дальнейшего роста уровня информационной открытости органов власти касательно решения общественных проблем

в целях повышения уровня доверия населения к государству. Признание значимости социальных медиа на высоком официальном уровне способствовало тому, что многие правительственные структуры стали в своей работе использовать сервис WeChat. Уже в 2014 г. общее количество аккаунтов органов власти на платформе достигло 40 000.

Рост числа государственных социальных медиа сопровождался появлением ряда проблем: отсутствие четкого понимания роли, целей создания и эксплуатации государственных структурами профилей в мессенджерах и социальных сетях; недостаточность финансирования данного вида деятельности; низкое качество управления аккаунтами; незначительный уровень коммуникативного взаимодействия между властью и гражданами в сети [23]. Анализ этапов трансформации государственных социальных медиа позволил авторам прийти к выводу, что местные органы власти занялись поиском решений. В 2016 г. было проведено исследование [16], посвященное систематическому изучению государственной политики по регулированию использования социальных медиа правительственными учреждениями в Китае. В фокусе внимания были доступность и возможности использования указанных ресурсов. Анализ собранных данных показал, что основное внимание органами власти уделяется ответам сотрудников на комментарии в мессенджерах и социальных сетях, оформлению и презентации аккаунтов, экспертизе и проверке размещаемого контента, а также кадровым ресурсам. Незначительный интерес проявляется к доступности размещаемых материалов, прекращению работы официального профиля, разработке правил комментирования для граждан, финансовому обеспечению информационно-коммуникативной деятельности такого рода.

Качественный контент-анализ материалов прессы, социальных медиа позволил нам выявить обвинения, которые в этот период звучали в адрес региональных, местных органов власти, а именно: нерегулярность обновления содержания, размещения материалов на своих страницах в социальных медиа, отсутствие реакции на волнующие общественность проблемы и вопросы. По этой причине государственные ресурсы в мессенджерах, сетях

получили прозвище «Зомби» (Zombies). Авторы выделили возникшее противоречие между региональными и центральными органами власти в подходе к работе с социальными медиа. Так, в свою очередь центральное правительство Китая инициировало работу по «дезомбированию» (de-Zombify movement) аккаунтов в целях дальнейшего улучшения управления социальными медиа органов власти. Мессенджер WeChat показался руководству более привлекательным, чем сервис Weibo, так как обладает функциональностью, позволяющей предоставлять государственные услуги онлайн. Кроме того, данная система имеет технологические особенности, которые ограничивают возможность пользователям оставлять комментарии, что значительно снижает рабочую нагрузку сотрудников, связанную с необходимостью их обработки. Исходя из этих соображений органы власти постепенно стали переводить свои информационные ресурсы с медиаплатформы Weibo на WeChat.

Авторы фиксируют, что это решение привело к появлению новой проблемы. Перед правительством встал следующий вопрос: если у органа власти сохраняются аккаунты на обеих платформах, должны ли использоваться разные стратегии в их управлении, работе с ними? На практике некоторые полностью отказались от одного ресурса в пользу другого, то есть продолжали вести только аккаунт WeChat. Другие же параллельно размещали, дублировали публикуемые материалы на обеих платформах. Поскольку Weibo и WeChat различаются в функциях, возможностях их использования, а также аудиторией (пользователями), представляются обоснованными выводы исследователей [21] о необходимости разных подходов к работе с ними.

Авторы считают очень важным обращение китайского правительства к сервису TikTok в 2017 г., позволившему организовать взаимодействие власти с молодежью. Данная платформа позволяет легко создавать, редактировать короткие видео, добавлять в них музыкальное сопровождение благодаря простому и понятному пользовательскому интерфейсу. Видеоролики используются для коммуникационных целей. Первые аккаунты в TikTok среди организаций, входящих в структуру государственной системы страны, появились у

Центрального комитета Коммунистической лиги молодежи Китая и Центральной комиссии Коммунистической партии Китая по политическим и правовым вопросам (China Peace Net – официальный ресурс) в конце 2018 года.

Тогда же Государственный совет КНР объявил о содействии систематическому и планомерному развитию новых медиа органов власти. Признавалось их позитивное влияние на обеспечение прозрачности правительства, предоставлении государственных услуг. Авторами была выявлена важная роль государственных социальных медиа в достижении общественного согласия, развития инноваций в области социально-политического управления. Также был обозначен ряд барьеров, препятствий в развитии социальных сетей государственных органов, что негативно сказывается на имидже власти и доверии к ней со стороны общества. В целом это стало стимулом для местных властей осваивать, начинать работу в TikTok. Они размещают в данном сервисе не только видео, но и ведут прямые трансляции. Например, налоговое управление в прямом эфире может рассказать о новой налоговой политике государства. Представители власти проводят прямые трансляции в TikTok в целях поддержки сельскохозяйственной отрасли, что реализуется в рамках национальной стратегии восстановления аграрных территорий. Традиционной практикой является помощь местным фермерам в сбыте произведенной ими продукции.

Согласно проведенному нами анализу и интерпретации данных отчетов о мониторингах исследовательских центров Китая различные виды социальных медиа используются органами власти всех уровней и сфер деятельности. К июню 2019 г. 297 местных муниципальных администраций, органов были представлены в Weibo, WeChat, TikTok и App (онлайн-магазине приложений), а также других социальных сетях. Охват органов власти всех уровней составил 88,9 %. В декабре 2020 г. общее количество подтвержденных аккаунтов Weibo государственных органов составило 140 837. Авторы солидаризируются с выводом [25] о произошедшем за более чем 12 лет значительном прогрессе в обеспечении информационной прозрачности и открытости го-

сударства, повышении уровня доверия к нему со стороны граждан, формировании имиджа власти благодаря освоению и развитию ресурсов социальных медиа.

Таким образом, авторы констатируют, что обеспечение представленности органов власти всех уровней в социальных медиа является одним из ключевых направлений современной государственной политики в Китае. Дифференциация используемых цифровых сервисов, расширение охвата различных групп населения, накопление практического опыта использования новых медиа представителями власти, преодоление технических и культурно обусловленных проблем в организации электронного взаимодействия определили основные векторы трансформации и дальнейшего развития. Первый вектор – переход от модели информирования к модели публичной коммуникации власти и граждан в социальных сетях и блогах. Второй вектор – обеспечение интеграции и конгруэнтности онлайн- и офлайн-механизмов, ресурсов управления государством для решение общественных проблем.

В России концептуальные основы, стратегические цели и тактические задачи по формированию публичного взаимодействия власти, бизнеса и граждан с помощью информационно-коммуникативных технологий сформулированы в государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020)» (одобрена распоряжением Правительства от 20 октября 2010 г. № 1815-р), новой редакции государственной программы «Информационное общество» (утверждена постановлением Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 386-10), указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» (от 9 мая 2017 г. № 203). Они реализуются, например, в рамках мероприятий национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», деятельности Счетной палаты в соответствии со «Стратегией развития Счетной палаты на 2018–2024 гг.». С нашей точки зрения, важным моментом в развитии государственной политики по использованию органами власти всех уровней социальных медиа в целях информирования и коммуникации с гражданами

целесообразно считать 2022 г., когда был принят федеральный закон (от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ) об обязательном ведении ими в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» официальных аккаунтов.

Качественный контент-анализ дискуссий в публичном пространстве о необходимости нормативно-правового закрепления данной обязанности позволил авторам выделить два подхода к оценке общественностью и экспертами (депутатами, главами субъектов РФ, журналистами) нововведения. Сторонники выдвигали следующие аргументы: 1) взаимодействие в социальных сетях позволит создать коммуникативный механизм для осуществления задач организации диалога между властью и гражданами, гражданского контроля за деятельностью государственных органов и ответственности чиновников перед общественностью; 2) социальные медиа будут служить инструментом для получения обратной связи, сбора информации о проблемах различных групп населения и предлагаемых способах их решения; 3) с помощью цифровых медиа станет возможным осуществление оперативного информирования граждан.

Представители скептического подхода выразили свои доводы: 1) нерациональность эксплуатации цифровых медиа как площадки для общественных обсуждений законопроектов, так как уже существует специализированный сервис для этой задачи – «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов»; 2) неоправданность траты ограниченных временных ресурсов кадров, особенно на местном уровне, на создание нового контента специально для социальных сетей; 3) возможность снижения издержек посредством предоставления ссылки на официальный сайт.

Системный и регулярный экспертный мониторинг информационно-коммуникативной работы федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в социальных сетях проводится Счетной палатой РФ с 2019 года. Анализ методологии проводимого Счетной палатой исследования позволил авторам выявить, что концептуальным основанием для разработки индикаторов результативности социальной медиаактивности органов власти в России выступает доктрина государственного управ-

ления «открытое государство». Ведение аккаунтов в социальных сетях рассматривается в рамках данного подхода как один из ключевых способов реализации «открытого диалога», то есть непосредственного публичного коммуникативного взаимодействия власти с населением для достижения целей включения граждан в процесс принятия общественно-политических решений и осуществления общественностью контроля за их исполнением государственными служащими. Критерии экспертных оценок страниц в социальных сетях ФОИВ объединяются в следующие блоки [9]:

– информационная активность и наполненность;

– соучастие, то есть степень коммуникативной вовлеченности граждан в обсуждение поста. Используются количественные показатели отклика на посты органов власти в формате комментирования и действия (лайка, репоста);

– поддержание обратной связи, то есть существование удобных инструментов для отправки сообщений от пользователей к ФОИВ на их страницах в социальных сетях, получение ответа и его качество по критериям информативности и формальности;

– коммуникативные характеристики постов ФОИВ на страницах в социальных сетях: адаптированность текста к аудитории социального медиа, мультимодальность, семантика и синтактика сообщения.

Анализ и интерпретация данных отчета Счетной палаты о мониторинге аккаунтов ФОИВ в социальных медиа за 2022 г. [9] позволяют нам делать вывод о продолжении процесса институционализации практик партисипативности в публичной коммуникации власти и граждан по общественно-политическим вопросам посредством инструментов цифровых медиа. Наиболее проблематичными аспектами для органов государственной власти является переход от информационной к коммуникативной (диалоговой) модели взаимодействия с пользователями в социальных сетях, общение на доступном, а не формальном (канцелярите), сложном для понимания содержания и смысла сообщений языке. Представляется важным учитывать данные аспекты при разработке и совершенствовании регламентов работы ФОИВ в цифровых медиа.

Таким образом, авторы делают заключение, что в настоящее время в России проводится активная работа по внедрению использования социальных медиа органами власти всех уровней. Осуществляется деятельность по регламентации публичной коммуникации власти и граждан на официальных ресурсах социальных сетей, формированию новых паттернов взаимодействия органов власти и граждан в соответствии с принципами открытости, доступности, вовлеченности. Осознается необходимость совершенствования технологических возможностей для внедрения диалоговой модели коммуникации власти и населения при адекватном использовании имеющихся кадровых ресурсов.

Результаты. Теоретические и эмпирические результаты исследования позволили нам выделить три этапа в развитии социальных медиа органов власти в Китае на данный момент, отражающие логику постепенного движения в направлении формирования публичной сферы в понимании Хабермаса. Использование платформ цифровых медиа в качестве агоры – пространства для стихийно возникающих или целенаправленно организованных социально-политических дискуссий, выражения общественного мнения граждан, являющихся ресурсом для принятия решений властью. Первый этап связан с началом внедрения инноваций, а именно созданием аккаунтов правительств разного уровня на сервисе Weibo. Соответственно государственные органы не имели предшествующего опыта работы с подобными новыми медиа. Данный период характеризуется наличием у правительства весьма ограниченных ресурсов для обеспечения работы органов власти на платформе Weibo, а также отсутствием инструкций и правил регулирования их повседневной информационно-коммуникативной деятельности в микроблогах. Несмотря на возникавшие проблемы, в обществе в целом была поддержка, одобрение этого пилотного эксперимента. Позитивно оценивалось появление возможности донесения до власти позиций, представлений, тревог населения посредством социальных медиа. В социальных сетях стало удобнее и проще гражданам оперативно находить официальную, проверенную необходимую информацию, что существенно помо-

гает в борьбе с распространением слухов, особенно в периоды кризисных ситуаций. На сервисе Sina Weibo освещались некоторые проводившиеся антикоррупционные мероприятия. Пользователи могли оставлять комментарии о них на аккаунтах правительства в блогах. Возможность размещения на платформе Sina Weibo видео- и фотоматериалов позволяет гражданам следить за определенными событиями фактически в любое время.

С нашей точки зрения, второй этап характеризуется преимущественным использованием мессенджера WeChat, третий – сервиса TikTok. WeChat-аккаунты органов власти имеют более широкий и разнообразный функционал, а также проще в использовании и управлении. К использованию платформы TikTok как социального медиа государственные органы подходили уже более рационально. Так, если их уже существующие аккаунты на Weibo и WeChat имеют хорошую репутацию, то они не стремились начинать использовать в работе новый канал для информирования и коммуникации с гражданами. И наоборот, те, кто не активно использовал блоги, мессенджеры и социальные сети в своей деятельности на прежних этапах, стали создавать соответствующие официальные ресурсы в TikTok. Например, многие органы власти уровня провинций.

Представляется важным учет многолетнего опыта Китая при разработке политики по управлению коммуникациями органов государственной власти и органов местного самоуправления в цифровых медиа в России. В частности, интерес представляет практика создания и продвижения отечественных блогов, социальных сетей, видеохостингов и мессенджеров как альтернативы популярным глобальным ресурсам, работа с которыми оказалась невозможной или под угрозой в связи с политической конъюнктурой.

По мнению авторов, внедрению социальных медиа способствовала пандемия COVID-19. В этот период органы здравоохранения Китая активно и широко использовали социальные медиа в целях распространения различных материалов [19]: актуальной информации о заболевании и его распространении, рекомендаций для граждан, сведений о предпринимаемых государством мерах. Ин-

формационно-коммуникационная деятельность в социальных сетях, мессенджерах и блогах соответствует целям и задачам последней принятой национальной стратегии «Здоровый Китай» (Healthy China). Ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции, показала, что государственные органы постепенно приобретают и развивают компетенции по использованию социальных медиа для информирования населения в кризисные моменты. Согласно имеющейся статистике, за первые 12 дней пика вспышки заболеваемости вирусом – с 20 по 31 января 2020 г. – органами власти было опубликовано более 550 000 сообщений. Суммарно количество их просмотров составило 11,4 миллиарда. В городе Ухань в феврале 2020 г. властями был размещен 2 271 пост на сервисе Weibo, которые освещали политику, реализуемую государством в ответ на распространение заболевания; содержали рекомендации для населения по защите себя и окружающих от COVID-19; сводки о пандемии. Было зафиксировано 0,64 миллиарда просмотров и 89 655 репостов. Исследователи [14; 15] отмечают, что содержание сообщений, информационная насыщенность, диалогический цикл, эмоциональная валентность, языковые особенности, а также их комбинаторные вариации привлекли внимание общественности.

Считается, что социальные медиа органов власти имеют огромный потенциал для использования в кризисных ситуациях (реагирования и управления), так как они позволяют осуществлять коммуникацию быстро и за короткое время охватывать широкий круг аудитории. В связи с этим представляется целесообразным дальнейшее развитие, совершенствование использования социальных медиа государственными органами в своей повседневной деятельности. На наш взгляд, социальные медиа станут тем ресурсом, капиталом (social media capital), который упростит информационно-коммуникационное взаимодействие власти с населением в условиях кризиса. Потенциал цифровых медиа как инструмента управления коммуникациями в условиях различных кризисов является пока мало оцененным и концептуализированным в российской науке и практике государственного управления.

С точки зрения авторов, несмотря на развитие государственных ресурсов на платформах социальных медиа в России и Китае, остается ряд проблемных вопросов. Наиболее важной проблемой является обеспечение устойчивости, стабильности работы государственных аккаунтов на различных информационно-коммуникационных платформах. Предпринимаются целенаправленные усилия по снижению рисков, а именно меры, связанные с финансированием, управлением кадровыми ресурсами, регламентацией деятельности. Но возникает ряд других проблем и вызовов. Например, исследователи фиксируют [20], что сам факт успешного развития различных социальных медиа государственных органов в настоящее время уже недостаточен для удовлетворения ожиданий граждан от власти. Использование простого, доступного и уважительного стиля общения государственных служащих в социальных медиа является важной и позитивно оцениваемой общественностью социокультурной трансформацией, заключающейся в изменении норм и образцов публичной общественно-политической коммуникации.

Однако по мере нормализации и рутинизации данной коммуникативной стратегии требования населения к власти растут. Информирование граждан государственными органами посредством социальных медиа стало привычным. Теперь основное внимание общественности направлено на оценку реальных действий власти. На взгляд авторов, это требует активной работы правительства, демонстрации конкретных результатов, заметных улучшений в деятельности государственных органов офлайн на основе информации, получаемой от граждан онлайн. Актуализируется необходимость комплексного изучения проблемы интегрирования государственных ресурсов социальных медиа в систему офлайн-управления в целях повышения эффективности участия общественности в выявлении, обсуждении, решении социально значимых проблем и вопросов во взаимодействии с властью, то есть использования потенциала гражданского общества в регулировании общественно-политической жизни посредством публичной коммуникации (Ю. Хабермас, Х. Арндт).

Еще одной задачей для Китая и России становится необходимость интеграции множества существующих ресурсов социальных медиа. Решить ее достаточно просто, если аккаунты государственных органов расположены на одной платформе. Так, когда местные органы власти использовали преимущественно один сервис, то они старались объединить, связать свои локальные учетные записи. Это помогало повысить эффективность их работы. Но что делать, когда используются разные каналы для информирования и коммуникации с населением? Например, три разные платформы (Weibo, WeChat, TikTok) отличаются функциями, возможностями использования, социально-демографическими характеристиками своих пользователей. Ряд органов власти сосредотачиваются на работе с хорошо известным им сервисом и игнорируют другие. Некоторые – пытаются использовать сразу несколько мессенджеров, социальных сетей. На практике остается нерешенным вопрос о том, как сформировать интерактивный механизм, связывающий аккаунты государственных органов в разных социальных медиа, для обоснования синергетического эффекта от их сосуществования и одновременного использования. С нашей точки зрения, способствует решению этой задачи создание региональных объединенных медиацентров (fusion media centers). Интеграция медиаканалов в них осуществляется за счет объединения усилий кадровых ресурсов, взаимного обмена информационным контентом и стратегиями его распространения. Принципиальное значение имеет координация на горизонтальном уровне. В случае фиаско работы интеграционного механизма возрастает риск невозможности государства управлять социальными медиа, которые станут настоящим бременем для органов власти, а вложенные усилия окажутся потраченными впустую.

Авторы приходят к выводу, что одним из перспективных моментов в развитии публичной коммуникации между властью и гражданами посредством социальных медиа является эффективное и своевременное реагирование на реальные общественные проблемы. Очень востребован в настоящее время мультимодальный анализ данных в силу возможности сбора через социальные медиа ор-

ганов власти общественного мнения, позиций граждан по различным вопросам, транслируемых в формате текста, изображения и видео. Ранее интеллектуальный анализ текста (text mining) и анализ тональности текста (sentimental analysis) позволяли выделить важные, острые события и определить общественные настроения, что ложилось в основу разрабатываемых и применяемых стратегий коммуникаций на государственных ресурсах в социальных медиа. Но теперь в эпоху разнообразия форм данных, доступных на платформах мессенджеров и социальных сетей, необходимо применение методов мультимодального объединения информации (multimodal fusion techniques) для их обработки. Важно разобраться в том, как применять новейшие информационно-коммуникационные технологии и передовые аналитические методы для сбора, обработки и анализа мультимодальных данных в целях обеспечения успешной работы социальных медиа органов власти. Авторы солидарны с мнением исследователей [15] о целесообразности более широкого использования государственными органами технологий искусственного интеллекта и облачных технологий (cloud computing technologies) для анализа общественных потребностей и интересов. Таким образом социальные медиаресурсы смогут в большей степени удовлетворять нужды граждан за счет предоставления персонализированной информации.

Авторы разделяют точку зрения, согласно которой технологии искусственного интеллекта позволят государственным социальным медиа более полно использовать функциональные преимущества сервисов [22]. Например, повысить эффективность реагирования государственных органов на чрезвычайные ситуации. Улучшение технических возможностей повысит качество и оперативность предоставления государственных услуг, поможет органам власти осуществлять информирование граждан в соответствии с их потребностями. Так, правительство должно учитывать специфику психологического состояния населения на разных этапах развития конкретной кризисной ситуации и корректировать в соответствии с этим свою коммуникативную стратегию в мессенджерах и социальных сетях для достижения желаемых целей, в том числе умень-

шения беспокойства в обществе, опровержения слухов и распространения достоверной информации, реализуя регулятивно-контрольную функцию в обществе (М. Кастельс).

На авторский взгляд, ключевым направлением трансформации публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях распространения цифровых медиа являются попытки создания и внедрения механизмов, инструментов и условий для перехода от информационного воздействия на граждан к выстраиванию коммуникации с ними как обязательного компонента демократизации политических процессов в обществе и фактора повышения качества государственного управления. Реализация данной цели зависит от успешности ответа на институциональные вызовы, связанные со следующими аспектами: необходимостью формирования коммуникативной культуры, нацеленной на дискуссию и сотрудничество граждан и государственных служащих; использованием потенциала современных технологий искусственного интеллекта; развитием аналитических и инновационных исследований в области управления публичными политическими коммуникациями в цифровой среде; следованием принципу конгруэнтности в онлайн- и офлайн-деятельности органов власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов правительства Москвы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2021. № 3. С. 198–215.
4. Дмитриева Н. Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 123–146.
5. Днепровская Н. В. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и граждан // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 67. С. 96–110. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_67_aprel_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/dneprovskaya.pdf

6. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
7. Каткова А., Сосновская А. Стратегии использования социальных сетей органами государственной власти для диалога с населением на примере Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) // SSRN. 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3772867
8. Никитинская А. А. Феномен социальных сетей как инструмент диалога органов власти и общественности (на примере МО Северодвинск) // Философская мысль. 2021. № 4. С. 26–35. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.34045
9. Открытость государства в России – 2022 // Счетная палата Российской Федерации. 2022. 92 с. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2022.pdf>
10. Панкратов С. А., Морозов С. И. «Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 172–181. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>
11. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2, вып. 1 (2). С. 305–328.
12. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 342 с.
13. Carey J. W., Adam G. S. Communication as Culture: Essays on Media and Society. N. Y.: Routledge, 2008. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203928912>
14. Chen Q., Min C., Zhang W., Ma X., Evans R. Factors Driving Citizen Engagement with Government TikTok Accounts During the COVID-19 Pandemic: Model Development and Analysis // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23, № 2. DOI: 10.2196/21463
15. Chen Q., Min C., Zhang W., Wang G., Ma X., Evans R. Unpacking the Black Box: How to Promote Citizen Engagement Through Government Social Media During the COVID-19 Crisis // Computers in Human Behavior. 2020. № 110. P. 106380. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106380
16. Chen Q., Xu X., Cao B., Zhang W. Social Media Policies as Responses for Social Media Affordances: The Case of China // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33, № 2. P. 313–324. DOI: 10.1016/j.giq.2016.04.008
17. Medaglia R., Zhu D. Public Deliberation on Government-Managed Social Media: A Study on Weibo Users in China // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34, № 3. P. 533–544. DOI: 10.1016/j.giq.2017.05.003
18. Schlæger J., Jiang M. Official Microblogging and Social Management by Local Governments in China // China Information. 2014. Vol. 28, № 2. P. 189–213. DOI: 10.1177/0920203X14533901
19. Wang J., Zhou Y., Zhang W., Evans R., Zhu C. Concerns Expressed by Chinese Social Media Users During the COVID-19 Pandemic: Content Analysis of Sina Weibo Microblogging Data // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 11. Art. e22152. DOI: 10.2196/22152
20. Yang F., Zhao S., Li W., Evans R., Zhang W. Understanding User Satisfaction with Chinese Government Social Media Platforms // Information Research. 2020. Vol. 25, № 3. DOI: 10.47989/irpaper865
21. Zhang W., Deng Z., Evans R., Xiang F., Ye Q., Zeng R. Social Media Landscape of the Tertiary Referral Hospitals in China: Observational Descriptive Study // Journal of Medical Internet Research. 2018. Vol. 20, № 8. Art. e9607. DOI: 10.2196/jmir.9607
22. Zhang W., Yuan H., Zhu C., Chen Q., Evans R. Does Citizen Engagement with Government Social Media Accounts Differ During the Different Stages of Public Health Crises? An Empirical Examination of the COVID-19 Pandemic // Frontiers in Public Health. 2022. № 10. P. 807459. DOI: 10.3389/fpubh.2022.807459
23. Zheng L. Social Media in Chinese Government: Drivers, Challenges and Capabilities // Government Information Quarterly. 2013. Vol. 30, № 4. P. 369–376. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.017
24. Zheng S., Li M. Does Aggressive Tweeting by the Government Help to Control the COVID-19 Outbreak? Evidence from China // Economics of Transition and Institutional Change. 2022. № 30 (4). P. 691–713.
25. Zhu C., Xu X., Zhang W., Chen J., Evans R. How Health Communication Via TikTok Makes a Difference: A Content Analysis of TikTok Accounts Run by Chinese Provincial Health Committees // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, № 1. P. 192. DOI: 10.3390/ijerph17010192

REFERENCES

1. Arendt H. *Vita Activa, ili O deiatelnoi zhizni* [Vita Activa, or About Active Life]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 437 p.
2. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom, 1996. 672 p.
3. Babaeva A.A. *Organy gosudarstvennoi vlasti v sotsialnykh setiakh: analiz akkauntov pravitelstva Mockvy* [Bodies of State Power on Social Networks: An Analysis of Moscow Government Accounts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2021, no. 3, pp. 198–215.

4. Dmitrieva N.E. Dlia svyazi v seti: rezultaty monitoringa otkrytosti federalnykh organov ispolnitelnoi vlasti v sotsialnykh setiakh [Communications in Social Networks: Results of the Monitoring of Openness of Federal Bodies of the Executive Power]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniia* [Public Administration Issues], 2015, no. 2, pp. 123-146.
5. Dneprovskaya N.V. Tsifrovaia transformatsiia vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti i grazhdan [Digital Transformation of Interaction Between Public Authorities and Citizens]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-Journal (Russia)], 2018, iss. 67, pp. 96-110. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__67._aprel_2018_g./problemi_upravleniia_teoriia_i_praktika/dneprovskaya.pdf
6. Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow, Izdat. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 564 p.
7. Katkova A., Sosnovskaya A. Strategii ispolzovaniia sotsialnykh setei organami gosudarstvennoi vlasti dlia dialoga s naseleniem na primere Komiteta po gosudarstvennomu kontroliu, ispolzovaniiu i okhrane pamiatnikov istorii i kultury (KGIOP) [Strategies for the Use of Social Media by State Authority for Dialogue with the Public as in the Case of Committee for the State Inspection and Protection of Historic and Cultural Monuments (KGIOP)]. *SSRN*, 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3772867
8. Nikitinskaia A.A. Fenomen sotsialnykh setei kak instrument dialoga organov vlasti i obshchestvennosti (na primere MO Severodvinsk) [The Phenomenon of Social Networks as an Instrument for the Dialogue Between the Authorities and Society (On the Example of Severodvinsk)]. *Filosofskaia mysl* [Philosophical Thought], 2021, no. 4, pp. 26-35. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.34045
9. Otkrytost gosudarstva v Rossii – 2022 [Openness of the State in Russia – 2022]. *Schetnaia palata Rossiiskoi Federatsii* [The Accounts Chamber of the Russian Federation], 2022. 92 p. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2022.pdf>
10. Pankratov S.A., Morozov S.I. «Distant» kommunikatsii: transformatsiia vzaimodeistviia rossiiskogo obshchestva i vlasti v epokhu globalnoi pandemii [“Distant” Communication: Transformation of Interaction Between Russian Society and Authorities in the Era of the Global Pandemic]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 172-181. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>
11. Reznik Iu.M. Sotciokulturnyi podkhod kak metodologiya issledovaniia [Sociocultural Approach as a Research Methodology]. *Voprosy sotsialnoi teorii* [Questions of Social Theory], 2008, vol. 2, iss. 1 (2), pp. 305-328.
12. Habermas Ju. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovaniia otnositelno kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation in the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves Mir Publ., 2016. 342 p.
13. Carey J.W., Adam G.S. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. New York, Routledge, 2008. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203928912>
14. Chen Q., Min C., Zhang W., Ma X., Evans R. Factors Driving Citizen Engagement with Government TikTok Accounts During the COVID-19 Pandemic: Model Development and Analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 2021, vol. 23, no. 2. DOI: 10.2196/21463
15. Chen Q., Min C., Zhang W., Wang G., Ma X., Evans R. Unpacking the Black Box: How to Promote Citizen Engagement Through Government Social Media During the COVID-19 Crisis. *Computers in Human Behavior*, 2020, no. 110, art. 106380. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106380
16. Chen Q., Xu X., Cao B., Zhang W. Social Media Policies as Responses for Social Media Affordances: The Case of China. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, no. 2, pp. 313-324. DOI: 10.1016/j.giq.2016.04.008
17. Medaglia R., Zhu D. Public Deliberation on Government-Managed Social Media: A Study on Weibo Users in China. *Government Information Quarterly*, 2017, vol. 34, no. 3, pp. 533-544. DOI: 10.1016/j.giq.2017.05.003
18. Schlæger J., Jiang M. Official Microblogging and Social Management by Local Governments in China. *China Information*, 2014, vol. 28, no. 2, pp. 189-213. DOI: 10.1177/0920203X14533901
19. Wang J., Zhou Y., Zhang W., Evans R., Zhu C. Concerns Expressed by Chinese Social Media Users During the COVID-19 Pandemic: Content Analysis of Sina Weibo Microblogging Data. *Journal of Medical Internet Research*, 2020, vol. 22, no. 11, art. e22152. DOI: 10.2196/22152
20. Yang F., Zhao S., Li W., Evans R., Zhang W. Understanding User Satisfaction with Chinese Government Social Media Platforms. *Information Research*, 2020, vol. 25, no. 3. DOI: 10.47989/irpaper865
21. Zhang W., Deng Z., Evans R., Xiang F., Ye Q., Zeng R. Social Media Landscape of the Tertiary Referral Hospitals in China: Observational Descriptive Study. *Journal of Medical Internet Research*, 2018, vol. 20, no. 8, art. e9607. DOI: 10.2196/jmir.9607
22. Zhang W., Yuan H., Zhu C., Chen Q., Evans R. Does Citizen Engagement with Government Social

Media Accounts Differ During the Different Stages of Public Health Crises? An Empirical Examination of the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*, 2022, no. 10, art. 807459. DOI: 10.3389/fpubh.2022.807459

23. Zheng L. Social Media in Chinese Government: Drivers, Challenges and Capabilities. *Government Information Quarterly*, 2013, vol. 30, no. 4, pp. 369-376. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.017

24. Zheng S., Li M. Does Aggressive Tweeting by the Government Help to Control the COVID-19

Outbreak? Evidence from China. *Economics of Transition and Institutional Change*, 2022, no. 30 (4), pp. 691-713.

25. Zhu C., Xu X., Zhang W., Chen J., Evans R. How Health Communication Via TikTok Makes a Difference: A Content Analysis of TikTok Accounts Run by Chinese Provincial Health Committees. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, no. 1, p. 192. DOI: 10.3390/ijerph17010192

Information About the Authors

Wei Zhang, PhD in Management, Associate Professor, Department of Health Informatics, School of Medicine and Health Management, Tongji Medical College, Huazhong University of Science and Technology, Hangkong Road, 13, Qiaokou District, 430030 Wuhan, China, weizhanghust@hust.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-0178-0750>

Liliia S. Pankratova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Информация об авторах

Вэй Чжан, ученая степень в области менеджмента, доцент Департамента медицинской информатики, Школа медицины и управления здравоохранением, Медицинский колледж Тунцзи, Хуачжунский университет науки и технологии, ул. Ханкун, 13, район Цяокоу, 430030 г. Ухань, Китай, weizhanghust@hust.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-0178-0750>

Лилия Сергеевна Панкратова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.15>

UDC 323.174
LBC 60.59

Submitted: 05.09.2022
Accepted: 04.05.2023

“SUN YAT-SEN CULTURE” – SOCIO-CULTURAL BRAND FOR THE GREATER BAY AREA OF CHINA AND THE WORLD CONSOLIDATION

Polina E. Strukova

Guangzhou Nanfang College, Guangzhou, China

Abstract. *Introduction.* This article is devoted to the description of the phenomenon named after the Chinese revolutionary and thinker Sun Yat-sen, who lived at the turn of the 19th and 20th centuries. The image of this outstanding representative of the South Chinese Lingnan (Cantonese) culture has been actively used by the Chinese government for more than 15 years to unite the population of the urban cluster of the Greater Bay Area (Guangdong, Hong Kong, and Macau) of South China. The paper discusses the cultural and historical context, the personality of the politician himself, the prerequisites for his personal “culture” formation, as well as the methods and goals of popularizing the “Sun Yat-sen culture.” *Methods and Materials.* A wide range of recently published works by Chinese and foreign researchers and publicists on related topics were reviewed, analyzed, and theoretically compiled. *Analysis.* The author fills in the gaps in understanding the connection between the features of Sun Yat-sen’s image and the current tasks of the Chinese state. The characteristic features of the personality and the “Sun Yat-sen figure” have been determined, and its functions have been identified. *Results.* As a result of the application of general scientific methods, the author comes to the conclusion that the “Sun Yat-sen culture” is introduced as a regional brand, a role model, a showcase, and a personal cultural brand of South China. This brand is being transformed from local to regional and wider by means of state popularization. This happens with the aim of strengthening socio-cultural ties in the Greater Bay Area, with the prospect of further uniting representatives of the “Chinese world” and more. The article also shows examples of the means of socio-cultural brand popularization and touches upon its correlation with the idea of “discursive power” in modern China.

Key words: South China, Greater Bay Area, Sun Yat-sen, Cantonese culture, Lingnan culture, “soft power”.

Citation. Strukova P.E. “Sun Yat-sen Culture” – Socio-Cultural Brand for the Greater Bay Area of China and the World Consolidation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 165-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.15>

УДК 323.174
ББК 60.59

Дата поступления статьи: 05.09.2022
Дата принятия статьи: 04.05.2023

«КУЛЬТУРА СУНЬ ЯТСЕНА» – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД ДЛЯ КОНСОЛИДАЦИИ РАЙОНА БОЛЬШОГО ЗАЛИВА КИТАЯ И МИРА

Полина Эдуардовна Струкова

Гуанчжоуский Институт Наньфан, г. Гуанчжоу, Китайская Народная Республика

Аннотация. Данная статья посвящена описанию феномена, носящего имя китайского революционера и мыслителя Сунь Ятсена, жившего на рубеже XIX–XX веков. Образ этого выдающегося представителя южнокитайской линнаньской (кантонской) культуры уже более 15 лет активно используется правительством Китая с целью объединения населения агломерации района Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао) Южного Китая. В работе обсуждаются культурно-исторический контекст, личность самого политика, предпосылки образования феномена его личной «культуры», а также методы и цели популяризации «культуры Сунь Ятсена» сегодня. Автором восполняются пробелы в понимании связи образа Сунь Ятсена с актуальными китайскими государственными задачами. С этой целью проанализированы работы преимущественно китайских исследователей и публицистов на соответствующие темы, определены характерные черты личности и «культуры Сунь Ятсена», на основе проведенного анализа выявлены ее функции. В результате

применения общенаучных методов обзора и анализа автор приходит к выводу, что «культура Сунь Ятсена» позиционируется в первую очередь как региональная визитная карточка, личный культурный бренд и ролевая модель, которая продвигается государством. В перспективе из южнокитайского локального бренда «культура Сунь Ятсена» должна трансформироваться в региональный и далее. Происходит это с целью укрепления социально-культурных связей в районе Большого залива с перспективой дальнейшего объединения представителей «китайского мира» и не только. В статье также показаны примеры средств популяризации нового социокультурного бренда, а также затрагивается вопрос его соотнесенности с идеей «дискурсивной силы» современного Китая.

Ключевые слова: Южный Китай, район Большого залива, Сунь Ятсен, кантонская культура, культура Линнань, «мягкая сила».

Цитирование. Струкова П. Э. «Культура Сунь Ятсена» – социокультурный бренд для консолидации района Большого залива Китая и мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 165–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.15>

Введение. Сунь Ятсен (孙中山, Сунь Чжуншань, Sun Yat-sen, 1866–1925 гг.) – выдающийся китайский политик, мыслитель и революционер, а также наиболее яркий представитель культуры Линнань¹. Его образ и морально-нравственные ориентиры обретают в Китае и за его пределами особую актуальность в последние годы. Так называемая культура Сунь Ятсена (孙中山文化) выступает в качестве локального бренда в бурно развивающемся Южном Китае и активно поддерживается государством, в том числе для усиления социально-культурной консолидации не только региона, но и представителей всего китайского мира. По мнению автора, китайский опыт в вопросе активной реализации программ регионального сплочения граждан посредством привлечения образа исторической личности заслуживает пристального внимания в связи с общей актуальностью данного вопроса для каждой страны.

Тема жизненного пути и развития идей самого Сунь Ятсена в российской науке представляется глубоко проработанной, труды по этому вопросу публикуются с середины 1960-х. В этом контексте можно упомянуть работы С.Л. Тихвинского, А.Г. Юркевич, А.И. Каргуновой, Н.Л. Мамаевой, А.С. Давыдова и т. д. О южнокитайской культуре Линнань и социокультурных особенностях ее представителей в российском сегменте пишет, например, П.Э. Струкова. Намного шире тема представлена с китайской стороны. Так, особого внимания достойны работы авторов Жуань Бо, Чжан Юаньсю, Чжао Яньмэй, Ху Бо, рассмотренные далее.

В последние несколько лет в Китае также вышел ряд научно-публицистических материалов о необходимости не только экономической, но и культурной консолидации района Большого залива² Южного Китая (Ван Ляньцзун, Чжан Лэй и др.). При этом сама «культура Сунь Ятсена» является достаточно новым явлением, ее особенностям и функциям посвящены работы таких исследователей, как Цюй Шухун, Го Фанлин, Чжу Хуэй, Ян Тунлянь, Чжао Юй.

В русскоязычном научном обществе тема данной работы мало затронута, хотя имеет очевидный потенциал, поэтому автору представляется важным вынести на обсуждение вопросы формирования, базового наполнения и применения «культуры Сунь Ятсена» в современном Китае.

Таким образом, для выявления причин формирования, характерных особенностей и функций «культуры Сунь Ятсена», с учетом специфики заявленной темы, в данной работе проводится обзор имеющихся публикаций по вопросу, в число которых вошли как научные, так и общественно-политические материалы последних лет из открытых источников. Также проводится анализ и компиляция точек зрения зарубежных специалистов, при этом приоритет отдан материалам на китайском языке для иллюстрации восприятия нового явления глазами именно китайских авторов, наиболее погруженных в исследуемый контекст.

В результате проведенного обзора и анализа выявлен контекст возникновения «культуры Сунь Ятсена» в районе Большого залива, содержание и цели дальнейшего продвижения ее вовне; дано описание характерных особен-

ностей данной «культуры», сформулированы ее функции и практическая ценность для современного китайского общества; приведены примеры средств популяризации данной «культуры» китайскими властями; затронуты перспективы использования данной социокультурной концепции в качестве «мягкой силы» (или части «дискурсивной силы») для консолидации района Большого залива и других регионов и стран.

Методы и материалы. Теоретическую основу данного исследования составили труды специалистов как по вопросам региональной интеграции в целом, так и занимающихся анализом применения «мягкой силы» Китая. Под региональной интеграцией в широком смысле понимается «сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и формирование единого рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики» [14, с. 128]. Затронутый в данном исследовании процесс интеграции происходит не столько между странами, сколько в рамках региона Большого залива Южного Китая.

В подробном исследовании эволюции теоретического осмысления региональной интеграции О.В. Сонин неоднократно упоминает связь социально-культурных процессов и интеграции, в том числе в идеях школ структуризма и дирижизма [14, с. 130]. Так как в последние годы социальные аспекты региональной интеграции приобретают все большую важность [14, с. 128], актуальным становится изучение опыта Китая в этой сфере.

Рассматривая место «культуры Сунь Ятсена» в научном поле, необходимо обозначить, что она является примером регионального культурного бренда, входящим в комплексное понятие «мягкой силы» Китая. Так, «китайская мягкая сила» выделяется исследователями наряду с японской, российской, советской, европейской и традиционной (американской) [13, с. 3]. В современном понимании она фокусируется «на репрезентативных (перформативных), смыслообразующих и ценностно-ориентировочных стратегиях, на способности осуществлять ментальное переформатирование посредством культивирования определенных

желаний, предпочтений, образов, идей» [12, с. 116] и часто носит название «культурной мягкой силы» или «мягкой силы культуры» [12; 17]. В этом контексте «отдельное явление создания образа-имиджа с привлечением культурных ресурсов и их репрезентации» и составляет понятие «культурный бренд» [12, с. 116], примером которого является исследуемая «культура Сунь Ятсена».

Общее понимание концепции китайских культурных брендов позволяет сформировать знакомство с работой Ни Цзяоцзяо «Творческие культурные бренды как часть международной культурной стратегии КНР» [11]. О перспективах укрепления и расширения зоны влияния «культуры Сунь Ятсена» как культурного бренда рассказано также в нескольких официальных докладах о реализации конкретных шагов в этом направлении в последние годы [23–25; 30]. Важность развития культурных брендов как инструмента «мягкой силы» Китая подчеркивает и председатель КНР Си Цзиньпин [12]. В частности, говоря о КНР, к культурным брендам можно отнести как сугубо материальные и легко узнаваемые (пиво «Tsingtao», панды в Чэнду, чунцинский самовар), так и нацеленные преимущественно на внутреннего потребителя вроде культуры Шанчжай или объектов красного туризма.

В части теоретических основ культурного брендинга данное исследование опирается на работу С.Д. Бакулиной, в которой конкретизируются особенности региональных брендов в области культуры: «Во-первых, он [бренд] складывается на основе культурных феноменов места (этнических, конфессиональных, художественных, политических, исторических, образовательных и пр.); во-вторых, реализуется в социокультурных направлениях развития региона, определяя его сущность в пространстве государства» [1, с. 90]. В этой же работе приводится подробный анализ механизмов формирования культурных брендов, главным из которых является присутствие бренда в информационном пространстве.

Коллектив авторов в монографии «Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики» [4] отмечает, что понятийный аппарат этнокуль-

турного брендинга регионов пока находится на стадии формирования, а сама тема имеет особенную важность для современной России. Кроме того, авторы утверждают, что «территории, как и любые коммерческие структуры, могут заниматься продажей своих продуктов и услуг, связанных не только с экономическими, но и с историческими, культурными и природными особенностями территорий» [4, с. 6], тем самым стимулируя экономическую и культурную интеграцию как небольших территорий, так и целых государств.

Несмотря на существование термина «культура Сунь Ятсена» в китайском общественно-политическом и научном дискурсе с 2007 г., непосредственно о самой культуре как феномене написано относительно небольшое количество материалов. Как уже было отмечено ранее, существенно больше исследований посвящено фигуре самого Сунь Ятсена, его личным характеристикам и политическим воззрениям.

Актуальной для современного Китая представляется тема симбиоза идей Сунь Ятсена и линнаньской культуры, в которой рос и развивался будущий идейный вдохновитель и организатор борьбы китайского народа за освобождение. В данном контексте следует отметить книгу историка Ху Бо «Культура Линнань и Сунь Ятсен» [18] о взаимном влиянии линнаньской культуры и личности Сунь Ятсена, где в девяти главах подробно раскрываются философские идеи Сунь Ятсена и их связи с культурой Линнань, а также отслеживается процесс формирования личностных особенностей революционера сквозь призму культурного фона и, что немаловажно, с учетом влияния зарубежной культуры.

О специфике сочетания традиционного и инновационного в современной идеологической повестке Китая пишет Р.М. Зиганшин [9]. В своей работе он показывает, насколько важное место в китайском обществе сегодня занимают конфуцианские ценности, а также избирательность в плане реализации стратегий модернизации, подчеркивая позицию китайских лидеров в отношении восприятия и содержания «мягкой силы».

Для отслеживания заложенных в новую «культуру» задач и самой ее специфики был проанализирован ряд работ китайских ис-

следователей, обосновывающих важность и объединяющую силу «культуры Сунь Ятсена» как социокультурного бренда. Например, автор Цю Шухун в своих работах «Культура Сунь Ятсена и строительство района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао» и «Культура Сунь Ятсена: одна важная государственная тема» [19; 20] выносит региональную культуру на государственный уровень. Далее он же в соавторстве с историком по имени Го Фанлин публикует материал [21] о современном значении «культуры Сунь Ятсена». В работе «Культурные характеристики и ориентиры развития городской агломерации района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао» автора Ван Ляньцзун [2] подробно обсуждается специфика региональных социокультурных связей. Все названные выше материалы в той или иной мере раскрывают содержание вынесенного на обсуждение вопроса, но должны восприниматься именно в сочетании, так как комплексных исследований «культуры Сунь Ятсена» на данный момент не представлено.

Материал автора Чжу Хуэй «Продвижение культурного духа Сунь Ятсена и реализация “китайской мечты”» [23] в числе подобных посвящен перспективам дальнейшего международного распространения «культуры Сунь Ятсена» на другие азиатские страны, на «единый китайский мир» в целом (включая Тайвань, Гонконг, Макао и зарубежных китайцев), а также на страны, входящие в проект «Одного пояса и одного пути»⁴.

Также доступно большое количество материалов, описывающих в деталях социокультурный аспект уже идущих в районе Большого залива интеграционных процессов, частью которых и является «культура Сунь Ятсена». Статьи таких исследователей, как Чжан Лэй [22], Чэнь Вэйцзюнь [27], Чэнь Чэнь и Ло Сылян [28], несомненно, проливают свет на региональные особенности данного культурного кластера и использованы в настоящей работе.

Детальное изучение доступных материалов позволяет сделать выводы в рамках поставленных задач данного исследования и сформировать общее понимание места и роли «культуры Сунь Ятсена» на данном этапе развития китайского общества.

Контекст: южнокитайские региональные особенности. Активно развивающийся

Южный Китай отличается от других регионов страны интеграционными процессами, идущими в регионе с 80-х гг. прошлого века на разных уровнях и в разных сферах. В рамках реализации проекта района Большого залива культурная интеграция общества служит основным средством соединения трех ключевых точек этого района – провинции Гуандун, а также специальных административных районов (САР) – Гонконг и Макао. В настоящее время это наиболее интенсивно развивающаяся городская агломерация Китая [15, с. 91; 28].

Специфические традиции приморского региона Южного Китая ярко представлены в культуре Линнань, возникшей и распространившейся на данной территории с древних времен. Кантонская культура, преобладающая в районе дельты р. Чжуцзян, как одна из локальных репрезентаций культуры Линнань на протяжении веков поддерживала местную торговую культуру, ставшую когда-то отправной точкой Великого шелкового пути. Предполагается, что сегодня эта концепция приобретает статус основы для «Морского Шелкового пути XXI века» и Южного Китая как его части [22, с. 1].

Исследователи Чэнь Чэнь и Ло Сылян подчеркивают, что в документе «План проекта развития района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао», опубликованном в феврале 2019 г., четко указано, что Большой залив южного Китая – это «район совместного строительства цивилизации (человеческой культуры)» (共建人文湾区) [28, с. 45; 29]. Вместе с этим исследователь Чжан Лэй отмечает, что, согласно официальной риторике, сегодня ведущая роль в социально-культурной консолидации района Большого залива отведена именно культуре Линнань. Он пишет: «Культурное и национальное самоопределение, а также культурная самобытность жителей района Большого залива вдохновили [проект]. Так, широкие народные массы [принадлежащие культуре Линнань] проявляют смелость и выполняют историческую миссию в духе патриотизма» [22, с. 1].

Действительно, как считает ряд исследователей, в силу исторических и географических факторов представители линнаньской культуры объединяет и отличает от жителей других регионов страны целый набор качеств.

Среди них: прагматизм, предприимчивость, эклектизм, толерантность, гибкость, новаторство, приверженность гуманистическим идеалам и прогрессивным идеям, а также любознательность, многослойность общества, клановость, вовлеченность масс в общественную жизнь [7; 15; 18]. Кроме того, подчеркивают «политизированность, революционность, открытость, практичность и уникальную [самобытную] культуру» [30, с. 42].

Стоит отметить, что названные качества южан-приморцев позиционируются сегодня в китайском внутривластном дискурсе и массовой культуре не как противопоставленные самосознанию «материковых» китайцев. Наоборот, выделение этих характеристик как бы объясняет быстрый экономический подъем юга [27].

Личность Сунь Ятсена. Одним из наиболее широко почитаемых представителей линнаньской (кантонской) культуры в Китае был и остается революционер, политик и мыслитель – Сунь Ятсен, внесший значительный вклад в становление современного Китая.

Родился будущий революционер 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэн уезда Сяншань (ныне г. Чжуншань провинции Гуандун) в бедной крестьянской семье и с детства усердно трудился [18, с. 94]. По окончании традиционной китайской школы Сунь Ятсен был отправлен на Гавайи к старшему брату, где учился в английской миссионерской школе в г. Гонолулу. В возрасте 17 лет Сунь Ятсен вернулся на родину, где сразу же начал свою революционную деятельность [5, с. 176], значительное влияние на которую оказала война с Японией в 1894–1895 годах. В отличие от многих современников он много путешествовал по Европе и США, где знакомился с передовыми идеями социалистической мысли того времени. Позже он также учился в медицинском институте в британском Гонконге, расширяя кругозор [5].

Результатом поездок и обучения стала разработка Сунь Ятсеном политической доктрины «Три народных принципа» (三民主義)⁵, «в которой нашли место идеи национальной борьбы китайцев с маньчжурами, демократизм и идеи западноевропейских социалистических теорий» [16, с. 6].

В конце 1911 г. Сунь Ятсен был избран первым временным президентом Китайской

Республики. За короткое время своего правления он инициировал целый ряд указов общенационального значения: против опиумокурения, торговли людьми, физических пыток арестованных, ношения мужчинами длинной натуральной косы (символа маньчжурского правления) [5].

Духовную культуру человека Сунь Ятсен рассматривал как «культуру разума и природных свойств» личности (心性文明). Он же считал, что материальный достаток лишь облегчает бытовые вопросы, а настоящего развития можно достичь только путем самообразования, познания нового. Максимальная экономическая независимость представлялась Сунь Ятсену базисом, без которого общество не могло продвигаться вперед [26], при этом в обществе должна была сохраняться и словесная система [8, с. 75].

Проведя анализ написанных Сунь Ятсеном текстов, Э.А. Замов приходит к выводу, что развитие его идей изначально базировалось на монархистско-конфуцианских взглядах, затем он выступал как республиканец-западник, а к концу своей карьеры снова «вернулся к некоторым принципам конфуцианства» [8, с. 70] и легизму (школе законников). Сунь Ятсен действительно был «связан с конфуцианством, традиционной китайской культурой, но в то же время и с западной культурой», которые взаимно переплетались в его картине мира [18, с. 84; 19].

Немаловажен и тот факт, что Сунь Ятсен был протестантом, что позволяло ему, например, говорить о насильственном свержении маньчжурской династии, а это было недопустимо для строгих приверженцев конфуцианства; он отличался нехарактерным для китайцев того времени восприятием истории [3, с. 113]. В.С. Кузнецов и вовсе называет революционера транслирующим «воинствующий ханьский национализм» [10, с. 151].

Образ Сунь Ятсена в работах китайских коллег более «светлый»: духовный лидер Китая отличался «феноменальной смелостью и при этом легкомысленностью, даже некоторой грубостью, [что выдавало в нем обычного человека], он славился упрямством и сильным чувством долга, находчивостью и энергичностью» [18, с. 164–169]. Сегодня именно эти качества в сочетании с патриотизмом,

склонностью к самообразованию, космополитизмом, альтруизмом, практичностью и т. д. предлагаются в качестве ролевой модели современным китайцам в рамках «культуры Сунь Ятсена» [18, с. 110].

Особенности и функции «культуры Сунь Ятсена». «Культура Сунь Ятсена» – это предложенная в 2007 г. Южному Китаю и в перспективе миру модель поведения человека в социуме, ссылающаяся на личностные качества Сунь Ятсена как исторической фигуры. Как и любой другой культурный бренд, данная «культура» способна как минимум «выступить механизмом формирования региональной идентичности и консолидации населения» [1, с. 92]. Кроме того, «культуру Сунь Ятсена» уже называют «посредником и связующим звеном, образцом и брендом» Китая [30].

Создаваемый сегодня образ революционера-интеллектуала, конечно, не полностью отражает личностные характеристики взятого за образец исторического персонажа. Автор предполагает, что данный образ и, как следствие, продвигаемый политический и региональный бренд транслируют набор наиболее выгодных для Китая ценностей нового времени. Так, через фигуру Сунь Ятсена происходит «олицетворение» идеи реализации личностного потенциала с пользой для страны и народа.

В одной из своих публикаций Цю Шухун приводит 10 особенностей «культуры Сунь Ятсена», формулируя их при этом довольно сумбурно, ниже они даны в прямом переводе с китайского языка:

- «1. Дух бесстрашия, уверенность перед неизведанным.
2. Действовать согласно обстановке, классическое стремление к прогрессу.
3. Никогда не изменять своему чувству, настроению патриотизма.
4. Материальные условия жизни народа как основа, польза людям как эталон.
5. Поднебесная есть всеобщее достояние, дух человеколюбия.
6. Обращать взор на весь мир, душевная открытость.
7. Свобода и равенство, широкая душа.
8. Больше помогаешь, больше располагаешь, настойчивость.
9. Приносить пользу другим, не щадя себя.

10. Гуманизм, сочетающий китайскую и западную цивилизации» [19].

Как показывает анализ данных особенностей, в значительной степени они повторяют характерные черты культуры Линнань, носящей региональный характер. Более того, по мнению ряда китайских культурологов и историков, именно из-за присущего ей космополитизма и гуманизма эта новая культура имеет все шансы впоследствии стать всемирной. Сам же Сунь Ятсен уже стоит в одном ряду с великими – Конфуцием, Мао Цзэдуном и Си Цзиньпином [20; 24; 26].

Рассуждая о глобальной долгосрочной цели, Чжун Се пишет о создании культурно-творческой демонстрационной площадки, а также о «привлечении для этого китайских эмигрантов (*хуацяо*), отличающихся культурной самобытностью и сплоченностью» [24, с. 12]. Уже сейчас упор в этом делается на зарубежных специалистов в области китайской литературы и искусства [19].

Профессор Сямэньского университета Хуан Шуньли считает, что «культура Сунь Ятсена» имеет особую практическую ценность для Китая по трем причинам: во-первых, Сунь Ятсен выступал за расцвет китайской нации; во-вторых, возврат к его идеям – это историческая необходимость при интенсивном развитии страны сегодня; в-третьих, идеи Сунь Ятсена органично продолжают концепцию мирного совместного развития Тайваня, САР Гонконг и Макао с материковым Китаем [23].

О глобальной консолидирующей функции «культуры Сунь Ятсена» пишет и Чжу Хуэй в своей работе «Продвижение культурного духа Сунь Ятсена и реализация “китайской мечты”». Помимо упомянутой выше стратегии социально-культурного объединения стран «Одного пояса и одного пути», здесь упоминается также «стимулирование совместного развития материкового Китая и Тайваня» в контексте реализации социокультурного потенциала идей также почитаемого на Тайване политика. Фигурирует и задача «сконцентрировать дух китайских эмигрантов [*хуацяо*] и других китайцев по всему миру» и «реализовать “китайскую мечту”» [21, с. 37].

«Культура Сунь Ятсена» также вписывается в рамки нового формата внутренней и внешней политики КНР, которую детально

описывают И.Е. Денисов и И.Ю. Зуенко в докладе «От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР» [6]. В частности, приходящая на смену «мягкой силе» «дискурсивная сила» имеет множество репрезентаций и базируется на принципе сочетания китайских и западных учений, чтобы иностранные реципиенты могли легче «солидаризироваться с Китаем в его взглядах на современный миропорядок» [6, с. 11]. Так, сегодня «конфуцианство рассматривается в Китае как основа, а западная наука носит лишь сугубо прикладной характер» [9, с. 54]. Именно такое сочетание китайского и западного характерно и для «культуры Сунь Ятсена».

Рассуждая о специфике китайских культурных брендов как части «мягкой силы» Китая, Ни Цзяоцзяо и Т.Н. Кучинская отмечают тенденцию сочетания традиционного и новаторского. Они же подчеркивают и опору на локальные культурные особенности в качестве специфических черт брендов [12], что характерно для изучаемого феномена «культуры Сунь Ятсена».

В.А. Смирнов, рассматривая функции китайской «мягкой силы», пишет: «Внутри страны – трансформирующиеся ценностные традиции придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость» [13, с. 3]. Кроме того, развитие культурного бренда является ключевым фактором проявления «конкурентоспособности культурной индустрии» Китая в целом [12], будь то южная «культура Сунь Ятсена» или, например, культура «Шанчжай», используемая для интеграции района Пекин – Тяньцзинь – провинция Хэбэй (так называемый столичный регион КНР).

Популяризация бренда и практика применения. Принимая во внимание наличие более тысячи культурных кластеров в Китае, в качестве инструмента «мягкой силы» культурные региональные бренды, каковым является и «культура Сунь Ятсена», в сравнении с другими крупными группами культурных брендов, опирающимися на обширное культурно-историческое наследие, обладают конкурентными преимуществами и пользуются активной поддержкой правительства [11].

Сегодня на родине Сунь Ятсена, в г. Чжуншань на юге провинции Гуандун,

идет активная урбанизация: здесь на территории 1 770 кв. км проживает 3,2 млн человек. При этом за границей проживает еще более 800 тыс. выходцев из этой местности [2, с. 132], поэтому в мероприятиях действительно активно участвуют не только местные культурологи и историки, но и приглашенные зарубежные специалисты китайского происхождения.

Рассмотрим примеры, непосредственно связанные с «культурой Сунь Ятсена», в контексте механизмов формирования культурных брендов в регионе. Как пишет С.Д. Бакулина, основополагающей задачей в данном процессе является «обеспечение присутствия бренда в информационном пространстве на основе его узнаваемости» [1, с. 92], что, в свою очередь, состоит из финансового и информационного аспектов.

С момента первого упоминания членом постоянного горкома партии и министром пропаганды города Чжуншань Цю Шухуном в 2007 г., концепция «культуры Сунь Ятсена» проявила себя в обоих этих аспектах. В первую очередь Неделя памяти исторического деятеля была переименована в Неделю культуры в 2008 г., а имя Сунь Ятсена стало употребляться как символ культурности, уважения к личным качествам. Далее, осенью 2011 г. в городе Чжуншань прошел первый крупный национальный Фестиваль культуры Сунь Ятсена с привлечением большого количества участников [19].

В наши дни для популяризации нового культурного бренда и в городе Чжуншань, и по всей стране ведется активная работа по сбору и сохранению богатого исторического наследия революционера [19], учреждены премии его имени, публикуются статьи и информационные брошюры о «культуре Сунь Ятсена» [25]. Ряд таких мероприятий, как литературные конкурсы и театральные выступления, популяризирующие лучшие качества представителей культуры Линнань, также носят имя Сунь Ятсена [2, с. 135].

На данном этапе «культура Сунь Ятсена» непосредственно связана с г. Чжуншань и рассматривается в контексте его регионального значения. Чжун Се заявляет: учитывая, что все города, входящие в проект Большого залива, имеют свою «задачу» (например, г. Гуанчжоу –

образовательный центр, г. Шэньчжэнь – логистический хаб и т. д.), развитие г. Чжуншань должно фокусироваться прежде всего на «активизации историко-культурных ресурсов» и подготовке кадров [24, с. 11].

Также, по его мнению, в качестве промежуточной цели пять аспектов местной экономики (в числе которых культурное производство, интеграция культурного туризма, развлечения, полиграфия, выставки) должны достичь 5 % ВВП, чтобы послужить драйвером развития для других отраслей. В числе первоочередных шагов значится разработка и создание медийного образа «культуры Сунь Ятсена», а также улучшение инфраструктуры объектов, где проводятся мероприятия [24, с. 12].

С 2012 по 2019 г. только в г. Чжуншань под руководством и при поддержке Народного политического консультационного совета Китая (НПКСК) было проведено более 100 мероприятий. В рамках проекта «История великой литературы» (大文史) изданы книги «История литературного [творчества] Чжуншаня» (中山文史), «Академический Чжуншань» (学术中山), «Собрание сочинений Сяншань 6» (香山文库) и проведена соответствующая работа по распространению информации [30].

В будущем планируется популяризация «культуры Сунь Ятсена» за счет включения важнейших исторических локаций по всей стране в список объектов «красного туризма». На данный момент в Китае уже насчитывается 300 точек революционно-коммунистического исторического наследия, а также других культурных брендов, которые пользуются особой популярностью среди китайских туристов [25, с. 30].

Таким образом, становится очевидным, что в настоящее время в Китае идет создание персонифицированной культурной «визитной карточки» всего южного региона, визитной карточки «Морского Шелкового пути XXI века» [2, с. 134], а данный региональный бренд, наряду с другими, «выступает в качестве транслятора культурных ценностей Китая вовне главным образом посредством культурно-туристских ресурсов» [17].

Заключение. Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что на сегодняшний

день в целом «культура Сунь Ятсена» расширяется с локального на региональный уровень, в перспективе выходя на государственный. Средствами государственной популяризации по возможности всюду подчеркивается исключительная роль линнаньского (кантонского) мыслителя и революционера в китайской истории. Неприятие Сунь Ятсеном одновременно культурного консерватизма и «тотальной вестернизации», а также другие его идеи отлично вписываются в концепцию социализма с китайскими особенностями.

Можно с уверенностью утверждать, что образ политического и культурного деятеля Сунь Ятсена в глазах политтехнологов Южного Китая стал концептуальным историческим культурным брендом. Официальная китайская пропаганда позиционирует фигуру Сунь Ятсена как ролевую модель для современной интеллигенции, в общих чертах описывая его как человека, впитавшего прогрессивные зарубежные идеи и при этом унаследовавшего традиционную китайскую культуру. По большому счету, это все те же перечисленные ранее качества представителей культуры Линнань, но с более явным проявлением космополитизма, патриотизма, альтруизма, стремления к самообразованию.

Последователи идей Сунь Ятсена в Китае, как и сто лет назад, ценят просвещение, науку и благотворительность, а также предъявляют высокие требования к самим себе. Они же говорят о «возрождении китайской нации», моральные ценности которой и постулируются данной культурой. Сочетание в самой фигуре Сунь Ятсена восточного и западного, внутреннего и внешнего, революционного и традиционного, живой человеческой природы и строгих моральных рамок предлагается в качестве примера для подражания современной китайской (и не только) интеллигенции, направленной на диалог с миром.

Изученный в рамках данного исследования китайский опыт социально-культурного объединения жителей отдаленного региона представляется позитивным, соответствующим актуальному пониманию «мягкой силы» («дискурсивной силы»). Показаны причины формирования «культуры Сунь Ятсена» в современном Китае. Выделены цели трансформации исторического образа в региональный

«очеловеченный» бренд, сфокусированный на таких позитивных качествах, как космополитичность, открытость, инклюзивность, практичность, жизнелюбие, патриотизм, уважение к традициям, смелость, находчивость и т.д., а приведенные примеры популяризации «культуры» иллюстрируют интерес правительства Китая к поддержанию данной темы.

Необходимо отметить, что изучаемые в рамках данной работы китайские авторы пишут про грядущий международный резонанс и глобальное расширение «культуры Сунь Ятсена» на другие страны, однако примеров этому пока не найдено. Кроме того, подавляющее большинство авторов так или иначе связаны с муниципалитетом и СМИ г. Чжуншань, при этом отсутствуют исследования «культуры Сунь Ятсена» широким научным сообществом.

В будущих исследованиях, вероятно, появятся описания и примеры грамотного позиционирования фигуры Сунь Ятсена в иностранных медиа для более широкого распространения данного социально-культурного бренда. Также представляется актуальным изучение неоднозначного отношения к политической деятельности революционера со стороны жителей разных стран. Особый интерес представляет изучение примеров продвижения данного бренда современными техническими средствами в условиях модернизации и цифровизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Культура Линнань (岭南文化) – одна из культур приморского региона Китая, охватывающая провинцию Гуандун, остров Хайнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, а также северный Вьетнам. Культуру Линнань часто упрощенно называют «кантонской» культурой (粤文化), так как на территории ее распространения преобладал кантонский язык (диалект). Стоит отметить, что сама территория Кантона является лишь малой частью всех линнаньских территорий [15, с. 96–98].

² Район Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао (粤港澳大湾区), также называемый Большой зоной залива (GBA), представляет собой агломерацию, состоящую из девяти городов и двух специальных административных районов (САР Гонконг и Макао) в Южном Китае.

³ Китайская мечта (中国梦) – действующий социально-политический курс и лозунг КНР. Впер-

вые термин был озвучен в ноябре 2012 г. председателем КНР Си Цзиньпином, который вложил в него смысл «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

⁴ Проект «Один пояс и один путь» (一带一路), также известен как «Организация международного сотрудничества Шелковый путь», – выдвинутое в 2010-х гг. КНР предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

⁵ «Три народных принципа» Сунь Ятсена включают национализм, демократию и народное благосостояние. Принцип национализма заключается в свержении маньчжурской династии, освобождении и объединении народов, проживающих на территории Китая, «в единую нацию, единое государство», «в культурное и политическое целое». Принцип демократии подразумевал реализацию четырех основ прямого избирательного права: избирательного права для всех граждан, права референдума, права отзыва и права инициативы. Принцип народного благосостояния заключался в проведении аграрной реформы, то есть «разрешении проблемы о земле и капитале» [16, с. 125–126].

⁶ Сяншань (香山) – прежнее название города Чжуншань, а также название улицы, на которой жил Сунь Ятсен в Шанхае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакулина С. Д. Культурный брендинг как стратегия трансляции культурной памяти и механизм формирования региональной идентичности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 89–94.
2. Ван Ляньцун 王廉总. Юэганьбао даваньцуй чэншицинь вэньхуа тэсэ юй фачжань дуйбяо 粤港澳大湾区城市群文化特色与发展对标 [Культурные характеристики и ориентиры развития городской агломерации района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао]. Гуанчжоу: Хуачэн чубань, 2018. 165 с.
3. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
4. Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. и др. Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики / отв. ред. Т. В. Коваленко. М.: Институт Наследия, 2020. 114 с.
5. Давыдов А. С. К 150-летию Сунь Ятсена // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 175–177.
6. Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы

внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, Ин-т междунар. исслед., 2022. 24 с.

7. Жуань Бо 阮波, Чжан Юаньсю 张远秀, Чжао Яньмэй 赵颜梅. Лю Сыфэнь дэ сюэшу сысян юй вэньи цзиншэнь 刘斯奋的学术思想与文艺精神 [Академическая мысль и литературный дух Лю Сыфэня] // Юэхайфэн. 2021. № 5. С. 126–131. DOI:10.16591/j.cnki.44-1332/i.2021.05.023

8. Замов Э. А. Общественная мысль стран Востока. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 150 с.

9. Зиганьшин Р. М. Традиции и модерн в идеологии и современной политике Китая // Китай в год проведения XX съезда КПК : сб. ст. на основе докладов ежегод. всерос. науч. конф. «Современное китайское государство» (Москва, 16–18 марта 2022 г.). М.: ИКСа РАН, 2022. 260 с. DOI: 10.48647/ICSA.2022.73.94.005

10. Кузнецов В. С. Смута в Китае и Сунь Ятсен // Общество и государство в Китае. 2009. Т. 39, № 1. С. 144–151.

11. Ни Цзяоцзяо. Творческие культурные бренды как часть международной культурной стратегии КНР // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 1. С. 540–546.

12. Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т. Н. Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14, № 3–4. С. 115–120.

13. Смирнов В. А. Социокультурные измерения «мягкой силы» в контексте современных политических практик // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 3 (21). С. 1–4. DOI: <https://portal.novsu.ru/file/1525497>

14. Сонин О. В. Теоретические концепции региональных интеграционных процессов // Вестник Московского института лингвистики. 2011. № 2. С. 126–141.

15. Струкова П. Э. Историко-культурные предпосылки создания района Большого залива в Южном Китае // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 88–113.

16. Сунь Ят-Сен. Записки китайского революционера : Программа национального строительства Китая. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 142 с.

17. Тарабарко К. А., Кучинская Т. Н. Культурные практики реализации «мягкой силы» Китая // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 22–24.

18. Ху Бо 胡波. Линнань вэньхуа юй Сунь Чжуншань 岭南文化与孙中山 [Культура Линнань и Сунь Ятсен]. Гуанчжоу: Чжуншань дасюэ чубаньшэ, 2017. 329 с.

19. Цю Шухун 丘树宏. Сунь Чжуншань вэньхуа: игэ чжуньяо дэ гоцзя минти 孙中山文化: 一

个重要的国家命题 [Культура Сунь Ятсена: одна важная государственная тема] // Туаньцзе бао. 2017, 9 нояб. (№ 007).

20. Цюй Шухун 丘树宏. Сунь Чжуншань вэньхуа юй Юэганъао даваньцюй цзяньшэ 孙中山文化与粤港澳大湾区建设 [Культура Сунь Ятсена и строительство района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао] // Чжунго ишу бао. 2019. 11 марта (№ 007).

21. Цюй Шухун 丘树宏, Го Фанлин 郭昉凌. Сунь Чжуншань вэньхуа цзи ци дандай цзячжи 孙中山文化及其当代价值 [Культура Сунь Ятсена и ее современное значение] // Юньнань шэцзюй чжун сюэюань сюэбао. 2016. № 4. С. 32–39.

22. Чжан Лэй 张磊. Цзоюсян чжунхуа вэньхуа дэ сецзоуцой – Юэганъао даваньцюй цзяньшэ юй Линнань вэньхуа 奏响中华文化的协奏曲 – 粤港澳大湾区建设与岭南文化 [Концерт китайской культуры – Строительство Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао и культура Линнань] // Культура Линнань. 2019. № 2. С. 1.

23. Чжу Хуэй 朱晖. Хунъян Сунь Чжуншань вэньхуа цзиншэнь, шисянь «Чжунго мэн» 弘扬孙中山文化精神, 实现“中国梦” [Продвижение культурного духа Сунь Ятсена и реализация “китайской мечты”] // Чжуншань Жибао. 2015. 17 дек.

24. Чжун Се 钟谐. Чунчжэнь хувэй: тишэн вэньхуа жуаньшили дэ ‘ши гэ и’ 重振虎威: 提升文化软实力的“十个一” [Возрождение величия: “десять идей” для усиления культурной “мягкой силы”] // Чжэнсе Чжуншань ши вэйюаньхуэй баньгунши. 2019. № 4 (28). С. 10–13.

25. Чжун Се 钟谐, Вэнь Луи 文露漪, Лю Сяона 刘晓娜, Суй Шэньвэй 隋胜伟, Хуан Ляньцзе 黄廉捷. Ши чжэнсе чжундянь тиань баньли чжиди юшэн 市政协重点提案办理掷地有声 [Ключевые предложения НПКСК звучат звонко и ясно] // Чжэнсе Чжуншань ши вэйюаньхуэй баньгунши. 2019. № 4 (28). С. 30–31.

26. Чжуншань Дасюэ 中山大学. Сунь Чжуншань юй чжунхуа вэньхуа де фусин 孙中山与中华文化的复兴 [Сунь Ятсен и возрождение китайской культуры] // Гуанмин жибао. 2016, 12 дек.

27. Чэнь Вэйцзюнь 陈伟军. И линнань вэньхуа ханши даваньцюй жэньвэнь диюнь 以岭南文化夯实大湾区人文底蕴 [Объединение культурного наследия Большого залива посредством культуры Линнань] // Жэньминь лунгань. 2019. № 19. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0717/552116.shtml>

28. Чэнь Чэнь 陈晨, Ло Сылян 罗嗣亮. Шилунь Юэганъао даваньцюй дэ вэньхуа чжэнхэ 试论粤港澳大湾区的文化整合 [О культурной интеграции района Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао] // Чжунгун Чжухай ши вэйтансяо Чжухай ши синчжэн сюэсяо сюэбао. 2019. № 4. С. 45–49.

29. Юэганъао даваньцюй фачжань гуйхуа ганъао 粤港澳大湾区发展规划纲要 [План проекта развития района Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао)]. ЦК КПК, Госсовет КНР. 2019. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/g/201904/20190402851396.shtml>

30. Ян Тунлянь 杨统连, Чжао Юй 赵瑜. Гуандун шэн Чжуншань ши Чжэнсе: чжили дацзао ‘жэньвэнь син’ чжэнсе дэ Чжуншань янбэнь 广东省中山市政协: 致力打造“人文型”政协的中山样本 [НПКСК, город Чжуншань, провинция Гуандун: образец Чжуншаня, приверженный созданию “гуманистического” НПКСК] // Чжунго чжэнсе. 2019. № 22. С. 42–43.

REFERENCES

1. Bakulina S.D. Kulturnyi brending kak strategiya translatsii kulturnoi pamiati i mekhanizm formirovaniia regionalnoi identichnosti [Cultural Branding as a Strategy of Cultural Memory Translating and a Mechanism of Regional Identity Formation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2013, no. 6 (27), pp. 89-94.

2. Wang Lianzong. *Yuegangao dawanqu chengshiqun wenhua tese yu fazhan duibiao* [Cultural Characteristics and Development Benchmarks of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Urban Agglomeration]. Guangzhou, Huacheng chuban Publ., 2018. 165 p.

3. Vinogradov A.V. *Kitaiskaia model modernizatsii. Poiski novoi identichnosti* [Chinese Model of Modernization. The Search for a New Identity]. Moscow, NOFMO, 2008. 363 p.

4. Gorlova I.I., Kovalenko T.V., Bychkova O.I. et al. *Etnokulturnoe brendirovanie territorii v kontekste strategii regionalnogo razvitiia: nauchno-metodicheskie podkhody i praktiki* [Ethno-Cultural Branding of the Territory in the Context of the Regional Development Strategy: Scientific and Methodological Approaches and Practices]. Moscow, Institut Naslediya, 2020. 114 p.

5. Davydov A.S. K 150-letiiu Sun Iatsena [To the 150th Anniversary of Sun Yat-sen]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Far Eastern Studies], 2017, no. 1, pp. 175-177.

6. Denisov I.E., Zuenko I.Iu. *Ot miagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politiki KNR* [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy]. Moscow, MGIMO-Universitet, In-t mezhdunar. issled., 2022. 24 p.

7. Ruan Bo, Zhang Yuanxiu, Zhao Yanmei. Liu Sifen de xueshu sixiang yu wenyi jingshen [Liu Sifen's Academic Thought and Literary Spirit]. *Yuehaifeng*,

2021, no. 5, pp. 126-131. DOI: 10.16591/j.cnki.44-1332/i.2021.05.023

8. Zamov E.A. *Obshchestvennaia mysl stran Vostoka* [Public Thought of the Countries of the East]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 150 p.

9. Ziganshin R.M. Traditsii i modern v ideologii i sovremennoi politike Kitaia [Traditions and Modernism in Ideology and China's Modern Politics]. *Kitai v god provedeniia XX sieezda KPK: sb. st. na osnove dokladov ezhegod. vseros. nauch. konf. «Sovremennoe kitayskoe gosudarstvo»* (Moskva, 16–18 marta 2022 g.) [China in the Year of the 20th Congress of the CCP. Collection of Articles Based on Reports of the Annual All Russian Scientific Conference “Modern Chinese State” (Moscow, March 16–18, 2022)]. Moscow, IKSA RAN, 2022. 260 p. DOI: 10.48647/ICCA.2022.73.94.005

10. Kuznetsov V.S. Smuta v Kitae i Sun Iatsen [Troubles in China and Sun Yat-sen]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2009, vol. 39, no. 1, pp. 144-151.

11. Ni Jiaojiao. Tvorcheskie kulturnye brendy kak chast mezhdunarodnoj kulturnoj strategii KNR [Creative Cultural Brands as a Part of China's International Cultural Strategy]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2019, vol. 49, no. 1, pp. 540-546.

12. Ni Jiaojiao, Kuchinskaya T.N. Kulturnyi brending v reprezentativnykh praktikakh kitaiskoi miagkoi sily [Cultural Branding in Representative Practices of China's Soft Power]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2017, vol. 14, no. 3-4, pp. 115-120.

13. Smirnov V.A. Sotsiokulturnye izmereniia «miagkoi sily» v kontekste sovremennykh politicheskikh praktik [Sociocultural Dimensions of “Soft Power” in the Context of Modern Political Practices]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 2019, no. 3 (21), pp. 1-4. DOI: <https://portal.novsu.ru/-file/1525497>

14. Sonin O.V. Teoreticheskie kontseptsii regionalnykh integratsionnykh protsessov [Theoretical Concepts of Regional Integration Processes]. *Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki* [Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics], 2011, no. 2, pp. 126-141.

15. Strukova P.E. Istoriko-kulturnye predposylki sozdaniia rajona Bolshogo zaliva v Juzhnom Kitae [Historical and Cultural Background for Creation of the Greater Bay Area in South China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija* [Bulletin of Moscow University. Series 8: History], 2020, no. 4, pp. 88-113.

16. Sun Yat-sen. *Zapiski kitajskogo revoljucionera: Programma nacionalnogo stroitelstva Kitaja* [Sun Yat-sen. Notes of a Chinese Revolutionary: China's Nation-Building Program]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1926. 142 p.

17. Tarabarko K.A., Kuchinskaya T.N. Kulturnye praktiki realizatsii «miagkoi sily» Kitaia [Cultural Practices of Implementation of China's “Soft Power”]. *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2017, no. 1, pp. 22-24.

18. Hu Bo. *Lingnan wenhua yu Sun Zhongshan* [Lingnan Culture and Sun Yat-sen]. Guangzhou, Zhongshan daxue chubanshe Publ., 2017. 329 p.

19. Qiu Shuhong. Sun Zhongshan wenhua: yige zhongyao de guojia mingti [Sun Yat-sen Culture: An Important National Proposition]. *Tuanjie bao*, 2017, 9 Nov. (no. 007).

20. Qiu Shuhong. Sun Zhongshan wenhua yu Yuegangao dawanqu jianshe [Sun Yat-sen Culture and the Construction of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Zhongguo yishu bao*, 2019, 11 Mar. (no. 007).

21. Qiu Shuhong, Guo Fangling. Sun Zhongshan wenhua ji qi dangdai jiazhi [Sun Yat-sen's Culture and Its Contemporary Value]. *Yunnan shehui zhuyi xueyuan xuebao*. 2016, no. 4, pp. 32-39.

22. Zhang Lei. Zouxiang zhonghua wenhua de xiezouqu – Yuegangao dawanqu jianshe yu Lingnan wenhua [Playing Out the Concerto of Chinese Culture – The Construction of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area and Lingnan Culture]. *Kultura Linnan* [Lingnan Culture], 2019, no. 2, p. 1.

23. Zhu Hui. Hongyan Sun Zhongshan wenhua jingshen, shixian «Zhongguo meng» [Carry Forward the Cultural Spirit of Sun Yat-sen and Realize the “Chinese Dream”]. *Zhongshan ribao*, 2015, 17 Dec.

24. Zhong Xie. Zhongzhen huwei: tisheng wenhua ruanshili de “shi ge yi” [Reinvigorating Tiger Power: “Ten Ideas” to Enhance Cultural “Soft Power”]. *Zhengxie Zhongshan shi weiyuanhui bangongshi*, 2019, no. 4 (28), pp. 10-13.

25. Zhong Xie, Wen Luyi, Liu Xiaona, Sui Shengwei, Huang Lianjie. Shi zhengxie zhongdian ti'an banli zhidi yousheng [The Key Proposals of the CPPCC are Handled Loudly]. *Zhengxie Zhongshan shi weiyuanhui bangongshi*, 2019, no. 4 (28), pp. 30-31.

26. Zhongshan Daxue. Sun Zhongshan yu zhonghua wenhua de fuxing [Sun Yat-sen and the Revival of Chinese Culture]. *Guangming ribao*, 2016, 12 Dec.

27. Chen Weijun. Yi Lingnan wenhua hangshi dawanqu renwen diyun [Consolidate the Humanistic Heritage of the Greater Bay Area with Lingnan Culture]. *Renmin luntan*, 2019, no. 19. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0717/552116.shtml>

28. Chen Chen, Luo Siliang. Shilun yuedangao dawanqu de wenhua zhenghe [On the Cultural Integration of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Zhonggong zhuhai shiwei dangxiao zhuhai shi hang zheng xueyuan xuebao*, 2019, no. 4, pp. 45-49.

29. *Yuagangao dawanqufazhanguihuagangyao* [Outline Development Plan for the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. TsK KPK, Gossovet KNR, 2019. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/g/201904/20190402851396.shtml>

30. Yang Tonglian, Zhao Yu. Guangdong sheng Zhongshan shi zhengxie: zhili dazao 'renwen xing' zhengxie de Zhongshan yangban [Zhongshan CPPCC Guangdong Province: A Zhongshan Sample Committed to Creating a 'Humanistic' CPPCC]. *Zhongguo zhengxie*, 2019, no. 22, pp. 42-43.

Information About the Author

Polina E. Strukova, PhD, Associate Professor, Lecturer, School of Foreign Languages, Guangzhou Nanfang College (广州南方学院), Wenquan Dadao, 882, 510900 Guangzhou, China, st-polina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0962-5109>

Информация об авторе

Полина Эдуардовна Струкова, PhD, доцент, преподаватель, факультет иностранных языков, Гуанчжоуский Институт Наньфан, Вэнцунь Дадао, 882, 510900 г. Гуанчжоу, Китайская Народная Республика, st-polina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0962-5109>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.16>

UDC 329.1/6+327.83/914/919

LBC 66.4(4/8)+66.69(5), 63.3(5Түп)6

Submitted: 08.06.2022

Accepted: 15.02.2023

THE TRANSFORMATION OF NEO-OTTOMANISM UNDER JUSTICE AND DEVELOPMENT PARTY (JDP) RULE IN TURKEY (2002–2022): THE CENTRAL ASIAN VECTOR

Taissiya V. Marmontova

“Astana” International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Miras B. Zhiyenbayev

Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

Ekaterina A. Vaseneva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper describes aspects of the transformation of neo-Ottomanism under Justice and Development Party (JDP) rule in Turkey (2002–2022), with a focus on the situation in Central Asia. *Methods and materials.* The article employs the case study method and examines the Central Asian vector of Turkish foreign policy from 2002 to 2022. *Analysis.* Since the collapse of the Soviet Union, filling the political power void in Central Asia has been one of Turkey’s key foreign policy interests. This interest was reinvigorated by the domestic political transformation in light of the accession of the Justice and Development Party in 2002. The neo-Ottomanism that formed the basis of JDP’s foreign policy, on the one hand, elaborated on the Ottomanism of the last century and, on the other hand, mirrored the changes in the political system of the country after 2013, such as the authoritarianization of the ruling regime and the rise of Islam as a tool for public support consolidation. *Results.* As a result, the conclusion was drawn that over the past twenty years, neo-Ottomanism has come to represent a broadly circumscribed liberal economic approach combined with an appeal not only to the common Ottoman past and pan-Turkic sentiments but also to the Muslim present. Meanwhile, Turkey’s cultural and religious rapprochement with the region is driven by its strategic economic interests, for which Central Asia is an integral component of Turkey’s new international role. Thus, Turkey’s policy towards Central Asian states reverberates the outcome of the transformation of the neo-Ottoman discourse as a product of the country’s changing domestic political landscape while shedding light on the strategic priorities it encompasses: becoming a regional hub and a proactive regional power. *Authors’ contributions.* T.V. Marmontova – preparation of the structure of the article, methodology, and review of literature, M.B. Zhiyenbayev – “Regionalization” of foreign policy of Turkey and the place of Central Asia in the pan-Turkic picture of the world, E.A. Vaseneva – assessment of the policy of the Justice and Development Party in Turkey in 2002–2022.

Key words: foreign policy of Turkey, neo-Ottomanism, Central Asia, pan-Turkism, Erdogan, Justice and Development Party.

Citation. Marmontova T.V., Zhiyenbayev M.B., Vaseneva E.A. The Transformation of Neo-Ottomanism Under Justice and Development Party (JDP) Rule in Turkey (2002–2022): The Central Asian Vector. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 178-186. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.16>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ НЕООСМАНИЗМА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ В ТУРЦИИ (2002–2022 гг.): ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР

Таисия Викторовна Мармонтова

Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

Мирас Бахытханович Жиенбаев

Казахстанский институт стратегических исследований, г. Астана, Республика Казахстан

Екатерина Андреевна Васенёва

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья освещает вопросы трансформации политики неоосманизма в период правления Партии справедливости и развития в Турции в период 2002–2022 гг., с упором на ситуацию в Центральной Азии. *Методы и материалы.* Статья опирается на метод *case study* и рассматривает центральноазиатский вектор турецкой внешней политики с 2002 по 2022 год. *Анализ.* С распадом Советского Союза заполнение вакуума политической власти в Центральной Азии называлось одним из ключевых внешнеполитических интересов Турции. С новой силой этот интерес возрос под влиянием внутриполитических трансформаций в стране, сопряженных с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития. Легший в основу ее внешней политики неоосманизм, с одной стороны, развивал положения османизма, возникшие еще в прошлом столетии, а с другой – являлся зеркалом изменений политической системы страны после 2013 г., таких как авторитаризация правящего режима и усиление позиций ислама в общественной жизни как инструмента консолидации общественной поддержки ПСР. *Результаты.* По итогам анализа были сделаны выводы о том, что за прошедшие двадцать лет в свете внутриполитических трансформаций неоосманизм стал представлять широко очерченный либеральный экономический подход, сочетающийся с апелляцией не только к общему османскому прошлому и пантюркистским настроениям, но и к мусульманскому настоящему. При этом культурное и религиозное сближение Турции с регионом движется стратегическими экономическими интересами Анкары, для которой Центральная Азия – неотъемлемый компонент занятия ей новой роли на международной арене. Тем самым турецкая политика в отношении государств Центральной Азии в полной мере отражает результат трансформации неоосманистского дискурса как продукта изменений внутриполитической конъюнктуры страны, в то же время проливая свет на заключающиеся в нем стратегические приоритеты: превращение в региональный хаб и проактивную региональную державу. *Вклад авторов.* Т.В. Мармонтова – подготовка структуры статьи, методология и анализ литературы, М.Б. Жиенбаев – рассмотрение «регионализации» внешней политики Турции и места Центральной Азии в пантюркистской картине мира, Е.А. Васенёва – оценка политики Партии справедливости и развития в Турции в 2002–2022 годах.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, неоосманизм, Центральная Азия, пантюркизм, Эрдоган, Партия справедливости и развития.

Цитирование. Мармонтова Т. В., Жиенбаев М. Б., Васенёва Е. А. Трансформация политики неоосманизма в годы правления Партии справедливости и развития в Турции (2002–2022 гг.): центральноазиатский вектор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 178–186. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.16>

Introduction. With the collapse of the Soviet Union and the establishment of independent Turkic republics in 1991, Central Asia became a major direction in Turkish foreign policy. One of the tasks of the Justice and Development Party, whose leader, as you know, is the current head of

the Republic of Turkey, Recep Tayyip Erdogan, was to fill the power vacuum characteristic of the political situation in the newly independent states in Central Asia. The changes in the political situation in the region partly coincided with the internal transformations of the Turkish political

system, where the Justice and Development Party (Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP) has been in power since 2002. This transformation at the junction of foreign and domestic policy became the basis for a gradual change in foreign policy behavior in the 2010s, which became increasingly proactive, anti-western, and multilateral [20, p. 3052; 23].

Having won the December 2002 elections, the AKP combined economic liberalism with political conservatism, in which Islam played a key role. The party's approach represented a new, intermediate option between Kemalist secularism and Islamism. As L. Gontingio emphasizes, the AKP "used Islam as a means to consolidate support and also relied on nostalgia for the Ottoman Empire to rebuild the national identity of the country" [16, pp. 6-9] having achieved, as a result, an increase in the country's position in the international arena. The party itself is the last and most successful organization of the Islamist Movement of the national outlook (Milli Görüş Hareketi, MGH), which determines its predisposition to appeal not only to common ethno-national but also religious grounds [32, p. 1815].

Traditionally, the neo-Ottoman rhetoric of the AKP emphasized the common cultural heritage, Islamic ideology, and economic pragmatism [16, p. 3], which largely explains its attractiveness for the countries of Central Asia.

Purpose of the work is to carry out monitoring of the process of transformation of neo-Ottomanism policy in the Republic of Turkey in 2002–2022.

The subject of the work is the Central Asian vector of Turkey's foreign policy during the rule of the Justice and Development Party in Turkey.

Methods. The research is based on a systematic approach and the principle of scientific objectivity. The article used comparative and evaluative methods, including case studies, which made it possible to show the process of transformation of the neo-Ottomanist policy in the Central Asian direction of Turkey's foreign policy.

Literature review. The information base for the study was a set of works devoted to various aspects of the doctrinal aspects of Turkey's foreign policy. In particular, V.A. Avatkov [1; 2] examines in detail the place and instruments of Turkey's foreign policy in the context of the modern system of international relations. Central Asian vector the foreign policy described in papers

of T. Dzhakupov, M. Laumullin, G. Lukyanova [3; 4; 5], as well as M. Celebrate, Z. Preface, T. Wheeler [20; 29]. It is possible to evaluate the doctrinal foundations of Turkey's policy formation during the rule of the Justice and Development Party on the basis of studying the works of such authors as T. Cavlan, S. Durgun, L. Gontijo, S.B. Çevik, and Y. Naz [9; 10; 12; 16; 21].

Analysis. The analysis focuses on the internal dynamics and historical transformations of the neo-Ottomanist policy and its natural limitations arising from the ideological approaches of the countries of the Central Asian region to cooperation. The authors focus on the transformation of the Turkish neo-Ottomanist policy in a Central Asian direction. Azerbaijan is mentioned in the work only in the context of its positioning by Turkey as a "Turkic" state, which determines the importance of its mention in the context of the analysis of neo-Ottomanism as a whole. In this regard, the work touches on certain aspects of Turkey's policy towards Azerbaijan that are only inscribed in the general context of Turkish policy in Central Asia. Turkish neo-Ottomanism in the post-Soviet space as a set of cultural-ideological and political-economic measures is considered by some researchers as one of the factors distancing the Central Asian countries from Russia [6]. Neo-Ottomanism as the central ideology in Turkish foreign policy has undergone transformations during the AKP's rule, reflecting the internal political dynamics in Turkey and the evolution of its approach to participation in the regional agenda, including in Central Asia.

From Ottomanism to Neo-Ottomanism.

The origins of neo-Ottomanism go back to the politics of the Young Turks and the idea of Turkism in the 20s of the last century [3, p. 438; 28, p. 491]. The formation of the "Ottoman" identity was conceived as a unifying factor for the ethnically and confessionally diverse population of the country and was seen as a socio-political link that would unite multi-ethnic elements from top to bottom [12, p. 308]. Throughout the 20th century, the content of the concept of "Ottomanism" was associated with the reforms of Mustafa Kemal Atatürk. Without challenging the Western orientation of Turkish politics, it was associated with the weakening of the role of religion in the life of society and democracy, as well as the unifying nature of the Ottoman historical and

cultural heritage [28, p. 495; 16, p. 12]. However, according to S. Durgun, the idea of Ottomanism as a rationalistic state project in the early years of the Turkish Republic could not emotionally satisfy society and establish itself, as a result of which Islam was put forward to the fore [12, p. 303].

Neo-Ottomanism emphasized both pragmatic economic and ideological-historical foundations of the Ottoman identity. They were fully developed during the reign of T. Ozal (1989–1993), when an attempt was made to update the country's policy; its multi-vector nature was expressed in the intensification of bilateral relations between the Republic of Turkey and its partners, the Balkan countries and Central Asia. Even then, the President emphasized the commonality of the historical past of Turkey and the countries of the region [28, p. 493].

In 1993, along with the summits of the Turkic states, congresses of Turkic public organizations and communities (Turkic kurultai) began to be held. The kurultai was suspended by the AKP in 2002 and resumed only in 2006 [3, p. 439]. In the 1990s, pan-Turkist rhetoric was noticeable in the foreign policy discourse of the Turkish government. This was happening against the backdrop of economic liberalization: Turkey was becoming a key regional player whose growth, coupled with internal secularism and ethnic diversity, turned it into a model for the developing countries of Central Asia.

The transformation of the country's international positioning proceeded in parallel with internal political changes: at the second stage of the AKP's dominance, a more authoritarian and appealing to historical sentiments and economic interests, policy began to move in place of democratic consolidation [32, p. 1816].

The coming to power of President R.T. Erdogan marked the fusion of Turkish national identity with social and cultural conservative traditions [16, p. 5]. Although the party in the program emphasized the importance of Islamic values and the inseparability of secularism as the primacy of the state over religious institutions from democracy, the changes in the political system were characterized by growing authoritarian tendencies and the strengthening of the positions of Islam. Within the country, the ideological promotion of neo-Ottomanism has affected education; since 2011, the Ottoman Turkish language has been included

in the curricula of secondary schools, and since 2014, it has been recommended as an optional course [16, p. 6].

The religious aspect of Turkish neo-Ottomanism was Islamization, which often took place under the pretext of "religious democratization"; an illustration is the attempt to lift the ban on women wearing headscarves in state institutions in 2008 [16, p. 6]. The rhetoric of religious democratization was linked to the process of organizing Turkey's accession to the EU; in fact, "religious epistemology" largely replaced "Kemalist secular epistemology" [26, p. 195]. A striking example is the deprivation of the Hagia Sophia mosque of the status of a museum in 2020 and the resumption of Muslim worship in it; the gradual "return of the rights" of Muslims under the AKP enters the field of historical memory issues and cultivates nationalism [21, p. 226]. "Religious democratization" meant the empowerment of the Muslim population, which reflected the appeal to the Islamic heritage as a tool to consolidate support for the AKP.

In his address to the nation on February 25, 2005, Erdogan presented a new concept of Turkey's foreign policy, neo-Ottomanism (*yeni osmanlıcılık*), based on the principles of strategic depth (*stratejik derinlik*), multi-vector foreign policy (*çok boyutlu dış politika*), and regional centrality of the country (*merkez ülke*) [28, p. 494]. The synthesis of Islamic ideology with economic and political pragmatism began to be at the heart of the neo-Ottoman policy of the AKP, constructing a picture of the great Turkic and "Ottoman-Islamic" past and legitimizing Turkish policy not only inside Turkey but also beyond its borders: in the Balkans, the Middle East, and North Africa [31, pp. 21, 23].

Economic pragmatism put neoliberalism at the forefront – the liberalization of Turkey's trade relations with partners. The economic component of pan-Turkism, for example, contributed to the identification of another ideology similar to neo-Ottomanism, neo-Adventurism, emphasizing the policy of the common cultural and historical past of all Turks in combination with "smart" tools for its promotion, including economic and cultural.

Against the background of escalating tensions in countries bordering Turkey or belonging to regions that constitute a priority for it, the promotion of the image of the historical Turkic-Muslim heritage and stability formed the essence

of the neo-Ottoman course promoted in the foreign policy of the AKP governments. Meanwhile, the democratic appeal, which for some time was part of the image of the Turkish state model promoted by the party, gradually dissolved in the light of the authoritarianization of the Turkish political system after the protests, giving way to Islamic values. Thus, following the results of the 2010 referendum on the amendment of the country's Constitution, innovations consolidated the reorganization of the Constitutional Court and the Supreme Council of Judges and Prosecutors, de facto placing them under the control of the government; Since the late 2000s, the pressure of the state on independent media has increased; symptomatic episodes were the anti-government protests in Istanbul's Gezi Park in 2013, which spread throughout the country, and, finally, the 2016 coup attempt led by F. Gulen [32, p. 1816]. Accompanied by the growth of President Erdogan's personal authority and populist rhetoric, the AKP's actions in these years were aimed at social consolidation on religious and nostalgic grounds. The concept of "neo-Ottomanism" largely repeated the fate of its predecessor, "Ottomanism", and was replaced by a more pronounced Islamic narrative, both inside and outside the country. The strengthening of the Islamic component of neo-Ottomanism testified to the construction of a new Turkish identity: the perception based on the principle of gender was displaced by a broad, cultural, and religious Turkism, thereby expanding to the borders of the entire Muslim Turkic world [30, p. 40].

The "Regionalization" of Turkey's Foreign Policy and the Place of Central Asia in the Pan-Turkist Worldview. Along with the appeal to historical values and neo-Ottomanist discourse, the innovation was the reorientation of Turkish foreign policy to a regional perspective. The regional focus of Turkish politics was expressed in new geopolitical concepts; one of them was the concept of "strategic depth", proposed in 2001 by Ahmet Davutoglu. In the book of the same name, he stressed the need to form a long-term and independent strategy for Turkey in relation to its key regional areas, which include both the Middle East and Central Asian countries [19, p. 214]. Davutoglu's central idea was the diplomacy of a regional mediator power not involved in border conflicts.

With the AKP coming to power in 2002, the reorientation of Turkish policy from the West to the East and "cooperation with Muslim countries" was marked [16, pp. 6-9]. The Central Asian countries, due to their ethnolinguistic, historical, and economic proximity, were among the priorities of Turkish foreign policy after the AKP came to power.

Historically, such features of the Turkish model as secularism, democracy, common culture, and economic growth have been factors of rapprochement between the countries of Central Asia and Turkey [8, p. 5]. Since the 1990s, Turkey has been building up institutional cooperation mechanisms with the region; for example, in 1992, the Turkish Agency for Cooperation and Coordination (TIKA) was established, whose activities are aimed at supporting Turkish communities abroad and allocating official development assistance. Following the opening of the first office in Turkmenistan, the agency opened offices throughout the region: out of 2,506 activities carried out by it from 1992 to 2003, 31.3% were implemented in Kazakhstan, 10.9% in Kyrgyzstan, and 8.8% in Turkmenistan [25, p. 21]. In 1993, the Organization for the Joint Development of Turkic Culture and Art (TÜRKSÖY) was founded. A reflection of the new neo-Ottoman "multi-vector nature" was President Erdogan's proposal at the 2012 Kurultai to create a Commonwealth of Turkic-speaking States [3, p. 440]. Earlier, in 2009, the Turkic Council was established, which in 2021 was transformed into the Organization of Turkic States, which marked a new stage in the institutionalization of Turkey's cooperation with the "Turkic republics", which include Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Azerbaijan. It also serves as a basis for discussing mechanisms for creating a Turkic investment fund [22]; the Parliamentary Assembly of Turkic-speaking Countries functions under the auspices of the Organization.

Along with the use of institutions of multilateral cooperation, Turkey uses the tools of "cultural diplomacy." These include the International Organization of Turkic Culture and the Yunus Emre Foundation, whose opening began in 2009 [1]. The main areas of cultural expansion in Turkey have become education, religion, the film industry, and tourism. Along with the institutions promoting Turkish culture and

language, the financing of the Turkish film and TV series industry has become a manifestation of the state's use of neo-Ottoman discourse as a tool of soft power. Although Turkish TV series were not originally created for sale abroad, today Turkey is a world leader in the export of film products. As S. Cevik notes, Turkish television, especially after the 2013 protests, "has become a tool of public engineering." Two major TV companies are associated with the AKP: Tekken Film, which created the series "Resurrection" (Dirilis Ertugrul), broadcast in 72 countries, was founded by K. Tekden, a member of parliament from the AKP [10, p. 231; 13].

With references to the Ottoman past, neo-Ottomanism in Turkish foreign policy has reached a broader contour among Muslim Turks, which has become a factor in the active use of religion as an institution of interaction with partners. Reliance on Islam allows Ankara to form "symbolic, cultural, and network" ties; after the defeat of F. Gulen's Hizmet movement in 2016, Islam became even more clearly the basis of Turkish foreign policy tools [24]. In the post-Soviet space, the key institution of Turkey's religious "soft power" has become Diyanet (Diyanet, Directorate of Religious Affairs). Since the AKP came to power, its budget has grown four times, surpassing even the Foreign Ministry in 2013 [18, p. 752].

The key characteristic of the transformation of Turkey's foreign policy under the AKP was its regionalization – an appeal to new diplomatic directions and instruments: cultural, religious, and educational. Appealing to the common historical past and the Muslim present of the "Turkic republics", Turkey seeks to increase cultural and religious promotion within its priority regional directions.

Between ideology and economics. The Turkish model – both democratic and, further, pan-Turkist – faced obstacles in the course of its progress in Central Asia. Thus, Uzbekistan, considered by Ankara a "recipient of its secular model with an emphasis on modernization and democracy" after Turkey supported the UN resolution condemning the events in Andijan in 2005, temporarily froze relations with Ankara [14, p. 118]. Pan-Turkic narratives also face limitations: the nationalism of Central Asian countries is less susceptible to Turkish influence, emphasizing their autonomous identities [14, p. 118]. As a result,

instead of promoting historical models, the Turkish policy of neo-Ottomanism in Central Asia focuses on the tools of "smart power" – building up institutional, economic, and cultural ties.

Turkey, as a Eurasian power connecting the West and the East, positions itself as a bridge between two continents and a regional hub [9, p. 134]. This approach determines its importance for the realization of Turkish foreign economic ambitions. The desire to become an "energy terminal and corridor" (Enerji Terminali ve Koridoru) of the Eurasian continent dictates Turkey's policy of increasing cooperation with Azerbaijan as well as Central Asian countries: first of all, Kazakhstan and Turkmenistan [4].

One of the facets of Turkey's economic presence in Central Asia is transport infrastructure and logistics. Thus, in February 2021, Turkish Foreign Minister M. Cavusoglu held a meeting with the Foreign Ministers of Turkmenistan and Azerbaijan on Turkey's participation in hydrocarbon exploration, and discussions resumed on a potential Trans-Caspian pipeline for transporting Turkmen gas to Europe [15, p. 2]. Ankara has also invested in the restoration of the Turkmenbashi port in the Caspian Sea [7].

One of the landmark stages on the way to deepening bilateral partnerships was the joint statement of the leaders of Turkey and Kazakhstan on May 10, 2022, on the expanded strategic partnership and the construction of the Trans-Caspian International Trade Route (TMTP) as part of the Central Corridor [11; 17]. Due to the Central Corridor, Turkey will be able to play an active role in the integration of Central Asia and the South Caucasus into the international community through trade and transport [25, p. 24].

At the same time, the results of bilateral trade between Turkey and the "Turkic republics" are far from potential: in 2021, the share of the republics in the structure of Turkish exports was only 3.2% [5; 27]. Despite the relatively low indicators of bilateral trade, the growing level of interaction between Ankara and the Central Asian states is evidenced by their ten-year growth: exports of Turkish goods to Kazakhstan in 2012 amounted to \$ 1.06 billion, compared with \$ 160 million in 2001; imports were \$ 3.3 billion, up from \$ 203 million in 2002 [29, p. 9].

Thus, the driver of Turkey's relations with the states of the region is primarily the potential

of their economic interaction and the integral role of the countries of the region in realizing Ankara's international ambitions: becoming a hub standing at the junction of three continents and transport and energy arteries. Its policy of "soft" and "smart" power corresponds to Turkey's geostrategic interests, and neo-Ottomanism acts as an ideological and civilizational framework that frames them.

Conclusion. The neo-Ottomanism of the Justice and Development Party under R. T. Erdogan became the ideological formalization of the pragmatic aspirations of Turkish diplomacy, using the tools of "soft power" – historical, linguistic, and cultural community – to achieve rational foreign policy guidelines for proactive positioning and strategic economic objectives. The central vector for Turkish foreign policy has been a shift in focus from focusing on cooperation with Western countries to the regional agenda, where, along with the Middle East and the Balkans, Central Asia has become one of the key areas. At the same time, the domestic political background for this was a departure from democratic secularism in favor of a more authoritarian regime governing the country based on the consolidation of public support, including on a religious principle. The consequence of this transition on the diplomatic plane was the expansion of the concept of neo-Ottomanism, from the principle of community based on the heritage of the Ottoman Empire to the expansion of its borders along ethnic and religious lines. The pairing of identity and ideology with rational political and economic priorities today serves as a distinctive feature of the policy of neo-Ottomanism promoted by the AKP.

REFERENCES

1. Avatkov V.A., Chulkovskaja E.E. Centry tureckoj kultury imeni Junusa Jemre – «mjagkaja sila» Turcii [Yunus Emre Turkish Cultural Centers – Turkey's "Soft Power"]. *Geopolitika i bezopasnost* [Geopolitics and Security], 2013, no. 2, pp. 116-122.
2. Avatkov V. *Vneshnepoliticheskij Kurs Tureckoj Respubliki v Ramkah Sovremennoj Sistemy Mezhdunarodnyh Otnoshenij* [Foreign Policy Course of the Republic of Turkey Within the Framework of the Modern System of International Relations]. Moscow, Diplomaticheskaja Akademija Publ., 2021. 386 p.
3. Dzhakupov T. Centralnaja Azija vo vneshnepoliticheskoj koncepcii Turcii [Central Asia in Turkey's Foreign Policy Concept]. *Postsovetskie issledovanija* [Post Soviet Studies], 2018, no. 5, pp. 437-444.
4. Laumullin M. *Turcija i Centralnaja Azija* [Turkey and Central Asia]. URL: <https://carnegie.ru/publications/?fa=49758>
5. Lukjanov G., Kulieva N., Mironov A. *Politika Turcii v CA: obosnovany li ambicii?* [Turkey's Policy in the CA: Are Ambitions Justified]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/>
6. Malysheva D.B. *Mezhdunarodno-politicheskoe vzaimodejstvie gosudarstv Centralnoj Azii s Turciej i Iranom* [International Political Interaction of the States of Central Asia with Turkey and Iran]. *Rossija i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia], 2017, no. 3, pp. 46-58.
7. Useinov A. *Turcija v Centralnoj Azii: vlijanie i limity* [Turkey in Central Asia: Influence and Limits]. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21989/turczyia-v-czentralnoj-azii-vliyanie-i-limity>
8. Bal I. The Turkish Model and the Turkic Republics. *Perceptions Journal of International Affairs*, 1998, vol. 3, no. 3, pp. 1-17.
9. Cavlan T. Yeni Osmanlilik: Batidan Kopus' Mu? *Sosyal Bilimler Dergisi*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 126-156.
10. Çevik S.B. Turkish Historical Television Series: Public Broadcasting of Neo-Ottoman Illusions. *Southeast European and Black Sea Studies*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 227-242. DOI: 10.1080/14683857.2019.1622288
11. Collinsworth A. *Renewed Alliances: A Trans-Caspian "Middle Corridor" Brings Kazakhstan Closer to Turkey*. URL: <https://thegeopolitics.com/renewed-alliances-a-trans-caspian-middle-corridor-brings-kazakhstan-closer-to-turkey/>
12. Durgun S. Türk Ulusal Kimliğinin Dönüşümü ve Yeni Osmanlılık. *Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 300-316. DOI: 10.30692/sisad.735977
13. *Ertuğrul: How an Epic TV Series Became the 'Muslim Game of Thrones'*. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/aug/12/ertugrul-how-an-epic-tv-series-became-the-muslim-game-of-thrones>
14. Fida Z. Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy. *Policy Perspectives*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 113-125. DOI: 10.13169/polipers.15.1.0113
15. Fraioli P. Turkey's Central Asia Policy. *Strategic Comments*, 2021, vol. 27, no. 3, v-vii. DOI: 10.1080/13567888.2021.1934252
16. Gontijo L., Barbosa R. Erdoğan's Pragmatism and the Ascension of AKP in Turkey: Islam and Neo-

Ottomanism. *Digest of Middle East Studies*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1111/dome.12205>

17. *Joint Statement of President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev and President of the Republic of Türkiye Recep Tayyip Erdoğan on Enhanced Strategic Partnership*. URL: <https://www.akorda.kz/en/joint-statement-of-president-of-the-republic-of-kazakhstan-kassym-jomart-tokayev-and-president-of-the-republic-of-trkiye-recep-tayyip-erdoan-on-enhanced-strategic-partnership-104238>

18. Kirdiş E. Islamic Populism in Turkey. *Religions*, 2021, vol. 12, no. 9, p. 752. DOI: 10.3390/rel12090752

19. Kösebalaban H., Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul, Küre Yayınları, 2001, xiii + 584 p.

20. Kutlay M., Öniş Z. Understanding Oscillations in Turkish Foreign Policy: Pathways to Unusual Middle Power Activism. *Third World Quarterly*, 2021, vol. 42, no. 12, pp. 3051-3069. DOI: 10.1080/01436597.2021.1985449

21. Naz Y. Kollektif Hafızanın Derin Dehliz Mabedi Ayasofya. *Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 2021, vol. 5, pp. 219-231. DOI: 10.30692/sisad.930239

22. *Organization of Turkic States 2022*. URL: <https://www.turkkon.org/en>

23. Özgöker C.U., Erdoğan M. Türk dış politikasındaki başlıca sorunlara bir çözüm yolu olarak avrasyacılık. *Meriç Uluslararası Sosyal ve Stratejik Araştırmalar Dergisi*, 2021, no. 12, pp. 1-14.

24. Öztürk A. *The Many Faces of Turkey's Religious Soft Power*. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/publications/the-many-faces-of-turkey-s-religious-soft-power>

25. Toprak N. Orta Koridor Girişimi Bağlamında Türkiye'nin Değişen Orta Asya Politikası. *Ahi Evran Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi (AEÜSBED)*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 19-32.

26. Türkeş M. Decomposing Neo-Ottoman Hegemony. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 191-216. DOI: 10.1080/19448953.2016.1176388

27. *Turkstat Statistics*. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-December-2020-37412&dil=2#:~:text=According%20to%20the%20provisional%20data,increase%20compared%20with%20December%202019>

28. Volfova G. Turkey's Middle Eastern Endeavors: Practices of Neo-Ottomanism Under the AKP. *Die Welt des Islams*, 2016, vol. 56, no. 3-4, pp. 489-510. DOI: 10.1163/15700607-05634p10

29. Wheeler T. *Turkey's Role and Interests in Central Asia*. Safeworld, 2013. 12 p.

30. White J. *Müslüman Milliyetçiliği ve Yeni Türkler*. İletişim Yayıncılık, 2013. 332 p.

31. Yavuz M.H. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism. *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, 1999, vol. 7, no. 12, pp. 19-41.

32. Yılmaz I., Bashirov G. The AKP After 15 Years: Emergence of Erdoganism in Turkey. *Third World Quarterly*, 2018, vol. 39, no. 9, pp. 1812-1830. DOI: 10.1080/01436597.2018.1447371

Information About the Authors

Taissiya V. Marmontova, Candidate of Sciences (History), Acting Associate Professor, Higher School of Socio-Humanitarian Studies, “Astana” International University, Prosp. Kabanbay-batyr, 8, 020000 Astana, Republic of Kazakhstan, marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Miras B. Zhiyenbayev, Leading Expert, Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Beibitshilik St, 4, 020000 Astana, Republic of Kazakhstan, mzhiyenbayev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5321-2766>

Ekaterina A. Vaseneva, Trainee Researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, Malaya Ordynka St, 17, 119017 Moscow, Russian Federation, avasenyova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7693-0736>

Информация об авторах

Таисия Викторовна Мармонтава, кандидат исторических наук, и.о. ассоциированного профессора Высшей школы социально-гуманитарных наук, Международный университет «Астана», просп. Кабанбай-батыра, 8, 020000 г. Астана, Республика Казахстан, marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Мирас Бахытханович Жиенбаев, ведущий эксперт, Казахстанский институт стратегических исследований, ул. Бейбитшилик, 4, 020000 г. Астана, Республика Казахстан, m.zhiyenbayev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5321-2766>

Екатерина Андреевна Васенёва, стажер-исследователь, Центр комплексных Европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, 119017 г. Москва, Российская Федерация, eavasenyova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7693-0736>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

UDC 327:94(5)
LBC 66.4(5)

Submitted: 31.01.2023
Accepted: 15.02.2023

**REGIONAL SECURITY IN CENTRAL ASIA
AFTER THE RETURN OF THE TALIBAN TO POWER:
CHALLENGES AND THREATS, SCENARIOS ¹**

Ainur E. Dzhorobekova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaev,
Bishkek, Kyrgyzstan

Evgeny F. Troitskiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Sergey M. Yun

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Alexey G. Timoshenko

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article focuses on reconstructing the major parameters of the complex of challenges and threats to post-Soviet Central Asia regional security that has emerged in the wake of or in direct connection with the radical change of the situation in Afghanistan after August 2021. These challenges and threats have developed across several functional and territorial dimensions and require a comprehensive analysis followed by the building of scenarios for their evolution. *Methods and materials.* The research relies on the regional security complex theory developed by Barry Buzan and Ole Waever. The methodological toolkit includes external indirect observation, political descriptive and historical genetic methods, scenario building. The research materials include official statements, news briefs, expert opinions, periodicals, academic papers. *Analysis.* The authors have analyzed the geostrategic, regional-strategic, regional-economic, and regional-societal dimensions of the challenges and threats to Central Asian regional security generated by the changes in Afghanistan and have built scenarios of their evolution. The major geostrategic challenge is the exacerbation of U.S. – Chinese contradictions centered on the influence of the Taliban factions. The key regional-strategic threat is the risk of the Afghan conflict spilling over into Tajikistan or Turkmenistan. The regional-economic challenges include the risks of blocking trans-Afghan transport, pipeline, and electricity transmission projects. The regional-societal risks consist of the dissemination of radical Islamist ideologies from Afghanistan throughout Central Asia. The two basic scenarios of the regional security evolution are inertia or a resumption of a full-scale civil war in Afghanistan. *Results.* The authors have worked out sets of recommendations for regional policymakers and the intergovernmental bodies whose functions include maintaining security and stability in Central Asia. *Authors' contribution.* A.E. Dzhorobekova has developed the general concept of the article and organized the research. E.F. Troitskiy has focused on the analysis of threats and challenges to regional security. S.M. Yun has developed scenarios for regional security situations. A.G. Timoshenko has formulated the relevant recommendations.

Key words: Central Asia, Tajikistan, USA, Russia, regional security, Afghanistan, Taliban, scenarios.

Citation. Dzhorobekova A.E., Troitskiy E.F., Yun S.M., Timoshenko A.G. Regional Security in Central Asia After the Return of the Taliban to Power: Challenges and Threats, Scenarios. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 187-196. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

**РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В УСЛОВИЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТАЛИБОВ К ВЛАСТИ:
ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ, СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ¹****Айнур Эшимбековна Джоробекова**Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызстан**Евгений Флорентьевич Троицкий**

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Сергей Миронович Юн

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Алексей Георгиевич Тимошенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена реконструкции основных параметров комплекса вызовов и угроз региональной безопасности постсоветской Центральной Азии, сложившегося в результате или в непосредственной связи с коренным изменением ситуации в Афганистане после августа 2021 года. Эти вызовы и угрозы проявляют себя в нескольких функциональных и территориальных измерениях и требуют комплексного анализа с последующим построением сценариев их развития. *Методы и материалы.* Исследование опирается на теорию комплекса региональной безопасности, разработанную Б. Бузаном и О. Вэвером. Методологический инструментарий включает внешнее косвенное наблюдение, политико-описательный и историко-генетический методы, сценирование. Материалы исследования включают официальные заявления, сводки новостей, экспертные мнения, научные статьи. *Анализ.* Авторы проанализировали геостратегическое, регионально-стратегическое, регионально-экономическое и регионально-социетальное измерения вызовов и угроз региональной безопасности Центральной Азии, порожденных изменениями в Афганистане, и построили сценарии их эволюции. *Результаты.* Авторы разработали набор рекомендаций для руководства стран региона и межправительственных органов, в функции которых входит поддержание безопасности и стабильности в Центральной Азии. *Вклад авторов.* А.Э. Джоробекова разработала общую концепцию статьи и организовала исследование. Е.Ф. Троицкий сосредоточил внимание на анализе вызовов и угроз региональной безопасности. С.М. Юн разработал сценарии развития ситуации в сфере региональной безопасности. А.Г. Тимошенко сформулировал рекомендации.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, США, Россия, региональная безопасность, Афганистан, Талибан, сценарии развития.

Цитирование. Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 187–196. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

Введение. Поспешный вывод сил стран НАТО из Афганистана и неожиданно легкий захват власти движением «Талибан»* создал для стран постсоветской Центральной Азии целый ряд новых вызовов в сфере безопасности. Эти вызовы проявляют себя в несколь-

ких функциональных и территориальных измерениях и требуют комплексного анализа и разработки сценариев их эволюции. Цель статьи состоит в выявлении основных параметров комплекса вызовов и угроз региональной безопасности Центральной Азии, сложившихся

* Признано в России террористической организацией решением Верховного Суда от 14 февраля 2003 года.

вследствие и в связи с коренным изменением ситуации в Афганистане. Ее задачи состоят в анализе геостратегических, регионально-стратегических, регионально-экономических и регионально-социетальных аспектов этого комплекса, построении сценариев эволюции системы вызовов и угроз региональной безопасности в Центральной Азии и формулировании рекомендаций для руководства стран региона и региональных межправительственных организаций, призванных способствовать обеспечению безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Методы и материалы. Теоретико-методологической основой статьи является концепция региональных комплексов безопасности, разработанная Б. Бузаном и О. Вэвером [19]. Постсоветская Центральная Азия рассматривается как сформировавшийся региональный комплекс безопасности, а Афганистан – как изолирующий элемент (*insulator*), разделяющий Центральную Азию, Южную Азию и подсистему Ближнего и Среднего Востока. Изолирующие функции Афганистана имеют тенденцию к ослаблению, но у страны при этом формируются функции связующего элемента в новой международно-политической конфигурации – слабом, еще только складывающемся паназиатском суперкомплексе, охватывающем Центральную, Восточную и Южную Азию. Для проведения исследования, обобщенного в данной статье, использовались методы внешнего инструментального наблюдения, политико-описательный, историко-генетический, сценирование.

Источниками для исследования стали официальные заявления и материалы стран-участников Московского формата консультаций по Афганистану [14], стран «Большой семерки» [20], Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (ФАО) [1], Фонда Ага Хана [11], информационные публикации новостных порталов Lenta.ru [9], Regnum.ru [3; 10], Коммерсантъ [4], gazeta.uz [15], ritmeurasia.org [12]. При подготовке статьи авторы опирались также на экспертные мнения и научные статьи российских ученых – А.А. Князева [6; 7], А.Н. Серенко [13], И.А. Зимина [5], Л.А. Шашок [18], Т.А. Умарова [17], центральноазиатских исследователей – М.А. Олимова [8],

Е. Тукумова и А. Абдрешева [16], американского эксперта З. Зовака [21].

Анализ. Приход к власти в Афганистане в августе 2021 г. движения «Талибан» стал толчком к формированию комплекса новых вызовов и угроз региональной безопасности в Центральной Азии. В этом комплексе можно выделить следующие основные блоки. Первый блок – **геостратегический**, связанный с трансформацией взаимодействий между великими и крупными региональными державами по центральноазиатской и афганской проблематике. В этом блоке, в частности, формируются следующие вызовы и угрозы. Во-первых, происходит обострение борьбы между США и Китаем за влияние на фракции движения «Талибан» и превращение Афганистана в полигон американо-китайских противоречий [21]. Одним из последствий этого станет усугубление американо-китайских противоречий в Центральной Азии и усиление давления Вашингтона и Пекина на страны региона с целью побудить их отказаться от нейтральной позиции в американо-китайской конфронтации.

Во-вторых, имеет место усиление поддержки со стороны США и ЕС Фронта национального сопротивления Афганистана (ФНСА) и недавно сформированного «Движения за мир и справедливость», чреватое резким расширением масштабов гражданской войны в Афганистане, выходом ее за рамки провинции Панджшер. На формирование этого вызова указывают состоявшиеся в сентябре 2022 г. визиты лидера ФНСА А. Масуда в Австрию и Францию [3]. Активность стран Запада происходит на фоне значительного снижения влияния России на движение «Талибан», связанного с затянувшейся специальной военной операцией на Украине и сокращением российских внешнеполитических ресурсов. При этом России недостает каналов взаимодействия с ФНСА, которые отчасти могли бы компенсировать оказавшуюся несостоятельной ставку на возможность проецировать влияние на талибов [13].

В-третьих, резко обострились индо-пакистанские противоречия в связи с возрастающими рисками трансформации части Афганистана в зону пакистанского влияния и поле свободных действий пакистанских спецслужб

и вооруженных сил [18]. В-четвертых, приход талибов к власти привел к появлению в обширном блоке индо-китайских противоречий афганского измерения, затрудняющего конструктивный диалог Пекина и Дели по международной, региональной и двусторонней повестке дня. В то же время инспирированная Вашингтоном в апреле 2022 г. смена власти в Пакистане с заменой склонного ориентироваться на Пекин премьер-министра Имран Хана на тяготеющего к курсу на приоритетное сотрудничество с США Ш. Шарифа, с последующем «удалением» Имран Хана с политического поля, открыла перспективу сокращения китайского влияния в Пакистане и Афганистане и, соответственно, снижения значимости афганского вопроса в индо-китайских отношениях.

В-пятых, произошло обострение противоречий между талибами и Ираном в связи с отказом движения «Талибан» допустить представителей связанной с Ираном хазарейской общины к участию в разделе власти в стране [4]. Наличие общего противника, «Исламского государства в Хорасане»*, и развернувшийся в Иране масштабный внутривнутриполитический кризис способствуют сглаживанию этих противоречий в краткосрочной перспективе. В то же время нельзя исключить использования Соединенными Штатами афганского фактора для усиления давления на Иран и дальнейшей дестабилизации социально-политической ситуации в Иране.

Второй блок вызовов и угроз региональной безопасности в Центральной Азии – **регионально-стратегический** – связан с формированием новых военно-политических угроз и вызовов стабильности центральноазиатской региональной подсистемы и трансформацией взаимодействий между странами региона. В этот блок входят риски «перелива» гражданской войны в Афганистане на территории Таджикистана и (или) Туркменистана, особенно опасные в условиях снижения способности России действовать в качестве гаранта безопасности стран Центральной Азии и неготовности Китая заменить Россию в этом качестве и втягивания Таджикистана во внутриафганский конфликт на стороне ФНСА.

Потеря афганскими таджиками позиций в Афганистане, неспособность России, Китая и США добиться от талибов создания «инклюзивной» системы управления с участием таджиков подталкивают Душанбе к попыткам политико-психологической компенсации неудач в Афганистане за счет локальных военных «успехов» на киргизско-таджикской границе [17].

Также к числу вызовов и угроз регионально-стратегического характера можно отнести усиление сепаратистских настроений в Горно-Бадахшанской области Таджикистана, в том числе в связи с возрастающей активностью Фонда Ага Хана в Афганистане [11]; ослабление ОДКБ как организации, теряющей способность оперативного реагирования на военные угрозы центральноазиатским государствам-членам, чреватое деструкцией единственного механизма обеспечения коллективной безопасности в регионе; выхолащивание потенциала ШОС в связи с обострением противоречий между ключевыми странами-членами и неспособностью организации учесть в своей деятельности новые афганские реалии; рост контрабандных поставок оружия как из Афганистана в страны Центральной Азии, так и в обратном направлении [10].

Неспособность талибов нанести существенный урон «Исламскому государству в Хорасане» создает угрозу распространения ячеек этой террористической сети в Центральной Азии, роста терроризма в регионе [12], дестабилизации социально-политической ситуации в странах Центральной Азии [2]. При талибах имеет место рост производства наркотиков в Афганистане и объемов наркотрафика, проходящего через территории стран Центральной Азии, в том числе в связи с неспособностью движения «Талибан» поддерживать функционирование анклавов легальной прибыльной экономической деятельности, существовавших, прежде всего, за счет западной финансовой, кадровой и технологической поддержки [9]. Существенным остается риск массового притока беженцев в страны Центральной Азии из Афганистана, связанный с обострением мирового продовольственного кризиса, слабой способностью движения «Та-

*Террористическая группировка, запрещенная в РФ.

либан» к управлению экономикой и неготовностью стран Запада оказывать Афганистану масштабную гуманитарную и другую экономическую помощь [16].

Третий блок вызовов и угроз региональной безопасности в Центральной Азии имеет **регионально-экономический** характер, связанный с формированием новых вызовов и угроз в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных ресурсов. Данный блок, во-первых, включает возможность блокирования транспортных и энергетических проектов, предусматривающих использование территории Афганистана для транзита, в том числе проекта газопровода «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Иран» и Трансафганской железной дороги, действующих железных дорог Термез – Хайратон – Мазари-Шариф, Хаф – Герат, двух участков железных дорог, соединяющих Туркменистан и Афганистан, проекта поставок электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан.

Во-вторых, возрастает вероятность диверсий против газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай», особенно на туркменском участке. Диверсии могут быть организованы, в частности, западными или турецкими спецслужбами, действующими через связанные с ними афганские группировки в целях нанесения урона китайской экономике. Также увеличивается риск диверсий против объектов гидроэнергетики в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

В-третьих, можно прогнозировать сокращение доходов стран Центральной Азии для собственного развития. Сворачивание западными правительствами, НКО и организациями системы ООН многочисленных проектов помощи Афганистану сократит финансовые ресурсы стран Центральной Азии, являющихся косвенными бенефициарами этих проектов, лишит граждан центральноазиатских государств возможностей трудоустройства в рамках реализации этих проектов. Возрастает вероятность необходимости масштабных поставок странами Центральной Азии гуманитарной помощи населению Афганистана, призванной предотвратить массовый исход беженцев из Афганистана в приграничные страны Центральной Азии [1]. Расходы на постав-

ки продовольствия, медикаментов и энерго-ресурсов в Афганистан ограничат возможности поддержки собственного населения и усилят инфляционные процессы. Дополнительно возможно удорожание стоимости инвестиционных проектов в Центральной Азии в связи с учетом инвесторами рисков, генерируемых нестабильной ситуацией в Афганистане. Наконец, «милитаризация» национальных бюджетов стран Центральной Азии, повышение расходов на оборону и правоохранительную деятельность приведут к сокращению социальных расходов и вложений в инфраструктуру.

В-четвертых, высока вероятность резкого ухудшения эпидемиологической ситуации в Афганистане, связанного с деградацией системы здравоохранения и городской инфраструктуры в стране, распространения эпидемий и эпизоотий из Афганистана на страны Центральной Азии [15].

Четвертый, **регионально-социетальный блок**, касается формирования новых вызовов и угроз в духовной, идеологической, морально-психологической сферах. В частности, формируются такие вызовы и угрозы, как интенсификация распространения радикальных течений ислама, создание в Афганистане благоприятной почвы для их «экспорта» в страны Центральной Азии; подрыв самой концепции светского государства, действующего в исламском обществе, произошедший в связи с молниеносным крахом светской государственности в Афганистане; подрыв идей гендерного и этнического равенства, их реализуемости в исламском обществе; подрыв доверия к международным институтам, способности США и стран Запада гарантировать поддержку союзникам и сателлитам при одновременном росте недоверия к Китаю и России, чьи декларации о влиянии на движение «Талибан» оказались неподкрепленными реалиями развития ситуации в Афганистане. В этой связи среди политических элит стран Центральной Азии можно констатировать общую тенденцию снижения доверия к союзническим и партнерским обязательствам.

Увеличение контрабандной торговли наркотиками и оружием приведет к дальнейшему повышению коррумпированности государственного аппарата стран Центральной Азии, усугублению социального расслоения, подрыв-

ву морального и политического авторитета правящих элит, интенсивному поиску социально активными группами населения, прежде всего молодежью, новых авторитетов и моральных ориентиров. Этот поиск, вероятно, будет направлен в поле традиционных ценностей и претендующих на их воспроизводство новых течений ислама. Набирающая обороты архаизация афганского общества увеличивает риски аккумуляции архаизационных тенденций в центральноазиатских обществах и способствует дискредитации самой модернизационной парадигмы.

Сценарии развития ситуации в сфере региональной безопасности в Центральной Азии в среднесрочной перспективе под влиянием афганского фактора варьируются в зависимости от способности Талибана консолидировать власть в стране и интенсивности вмешательства стран Запада, прежде всего США, во внутривнутриполитические процессы в Афганистане. В настоящее время вокруг Афганистана сложилась ситуация неопределенности, временного хрупкого затишья. Талибан контролирует почти всю территорию Афганистана и ни одна из противостоящих им политических сил не способна за счет ресурсов, расположенных на территории Афганистана, бросить им политический или военный вызов [6].

Страны-соседи Афганистана (кроме Таджикистана [8]), Кыргызстан, Казахстан, Россия, Китай, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Турция, формально не декларируя признание режима талибов, фактически поддерживают с ним взаимодействие на официальном уровне и пытаются через развитие конструктивного взаимодействия и оказание помощи убедить Талибан сформировать власть в Афганистане, которая бы включала другие крупные этнические группы, а также обеспечить базовые права человека [14]. Страны Запада во главе с США со своей стороны жестко обуславливают выполнением данных требований как официальное признание режима талибов, так и разморозку афганских активов и развитие полноценных связей с Афганистаном, проявляя готовность только выделять гуманитарную помощь населению страны [20].

Соответственно, наиболее вероятными являются два сценария развития ситуации в

Афганистане и ее влияния на безопасность в Центральной Азии. Первый сценарий – **инерционный**, при котором талибы, не идя на уступки другим этнополитическим группам в Афганистане, будут удерживать власть военно-политическими средствами на большей территории Афганистана, а страны Запада, признавая риски и угрозы безопасности Центральной Азии со стороны Афганистана, будут воздерживаться от того, чтобы разыгрывать афганскую карту, например, в своих интересах в отношении Китая или России и активно вмешиваться в политические процессы в Афганистане на стороне антиталибских сил.

При таком сценарии, когда меньшую роль будет играть блок геостратегических рисков, но будет отсутствовать консолидированная политика основных игроков с целью стабилизации политической ситуации в Афганистане и его интеграции в международные политические, экономические и иные связи, высокое значение для безопасности в Центральной Азии сохранят риски и угрозы из других блоков, в том числе:

– дальнейшая деградация экономики Афганистана и рост производства наркотиков в Афганистане и объемов наркотрафика, проходящего через территории стран Центральной Азии;

– еще большее обнищание населения Афганистана, его радикализация и пополнение рядов террористических группировок, действующих на территории Афганистана и стран Центральной Азии;

– блокирование транспортных проектов, проектов поставок электроэнергии, которые могли бы принести дополнительные доходы странам Центральной Азии.

Второй наиболее вероятный и наихудший сценарий с точки зрения безопасности в Центральной Азии – **возобновление масштабной гражданской войны в Афганистане** в случае, если США и их союзники решатся на использование прозападной сети влияния, сохранившейся в Афганистане [7], и оказание масштабной военно-политической и экономической помощи антиталибской оппозиции с целью ослабления позиций или даже свержения режима талибов. В этом случае в дополнение к выделенным выше основным рискам инерционного сценария возможна реализация

самых опасных рисков и угроз региональной безопасности в Центральной Азии, включая:

- «перелив» гражданской войны в Афганистане на территории Таджикистана и (или) Туркменистана;

- втягивание Таджикистана во внутри-афганский конфликт на стороне ФНСА, дальнейшая милитаризация Таджикистана и рост агрессивности Таджикистана по отношению к Кыргызстану;

- распространение ячеек террористической сети в Центральной Азии, рост терроризма в регионе, дестабилизация социально-политической ситуации в странах Центральной Азии;

- массовый приток беженцев из Афганистана в страны Центральной Азии;

- «милитаризация» национальных бюджетов стран Центральной Азии, повышение расходов на оборону и правоохранительную деятельность, ведущее к сокращению социальных расходов и вложений в инфраструктуру.

Оптимальным в контексте укрепления региональной безопасности в Центральной Азии, но наименее вероятным сценарием развития ситуации является «**двойной консенсус**» по Афганистану: с одной стороны, согласие талибов на создание этнополитического правительства с участием лидеров основных этнических групп Афганистана при доминирующей роли Талибана, а с другой – фактическое признание странами Запада политического режима талибов и оказание Афганистану широкой программы помощи в кооперации со странами-соседями и другими взаимодействующими с Талибаном странами. Реализации данного сценария прежде всего препятствует курс США на сдерживание Китая и России как ключевых геостратегических соперников, резкое обострение военно-политической конфронтации стран Запада с Россией.

Результаты. На основании проведенного анализа и построенных сценариев представляется возможным сформулировать ряд рекомендаций для руководства стран Центральной Азии, структур ОДКБ и ШОС. При правительствах стран региона целесообразно создание межведомственных рабочих групп по разработке среднесрочной стратегии действий на афганском направлении и реагированию на угрозы и вызовы, генерируемые ситу-

ацией в Афганистане. В частности, группы должны представить высшему политическому руководству стран региона рекомендации по следующим вопросам: 1) соответствует ли признание правительства талибов национальным интересам государств; 2) при отрицательном ответе на первый вопрос, соответствует ли национальным интересам аккредитация при министерствах иностранных дел представительств движения «Талибан» (этот вариант, как известно, уже реализован в Туркменистане). После принятия соответствующих решений на национальных уровнях необходима выработка консолидированной позиции стран региона и проведение консультаций с Россией и Китаем.

В целом России, Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану необходимо запустить механизм регулярных консультаций по афганской проблематике по линии советов безопасности, министерств иностранных дел, министерств обороны, министерств внутренних дел, ведомств, ответственных за охрану государственных границ.

На многосторонней основе рекомендуется рассмотреть целесообразность следующих шагов: 1) создание рабочей группы по Афганистану в рамках ОДКБ; 2) кадровое и материально-техническое усиление отделения Антитеррористического центра СНГ по Центральноазиатскому региону; 3) возобновление работы контактной группы ШОС по Афганистану; 4) приглашение представителей движения «Талибан» и, возможно, Движения за мир и справедливость в Афганистане на очередную Консультативную встречу глав государств Центральной Азии; 5) создание Центральноазиатского фонда восстановления и развития Афганистана с привлечением в качестве доноров ведущих мировых и региональных держав и международных организаций.

В отношении США, других стран Запада рекомендуется активная «разъяснительная» дипломатия стран Центральной Азии на двустороннем и многостороннем уровне, нацеленная, прежде всего, на донесение до политического руководства стран Запада информации о существенных комплексных угрозах безопасности стран Центральной Азии, генерируемых внутривнутриполитической и гуманитарной ситуацией в Афганистане, и о соответству-

ющих вызовах политическим и экономическим интересам стран Запада в регионе. Дипломатии центральноазиатских государств необходимо приложить усилия к тому, чтобы убедить политическое руководство стран Запада в необходимости возобновления экономической помощи населению Афганистана без жестких предварительных требований.

В рамках оказания помощи Афганистану со стороны международного сообщества рекомендуется проработать вопрос о запуске отдельных программ обучения граждан Афганистана в вузах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана на грантовой основе, возможно, за счет международных доноров. Перспективные направления – подготовка для Афганистана медицинских, инженерных кадров, специалистов в сферах сельского и водного хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного заказа Министерства иностранных дел Кыргызской Республики «Угрозы национальной безопасности КР с учетом ситуации в Афганистане и в контексте взаимоотношений КР с мировыми державами».

The paper was written within the research grant of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic “Threats to the national security of the Kyrgyz Republic, taking into account the situation in Afghanistan and in the context of relations between the Kyrgyz Republic and great powers”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афганистан: ФАО и Всемирный банк усиливают меры реагирования в связи с ухудшением продовольственной безопасности. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/afghanistan-fao-and-the-world-bank-step-up-their-response-to-the-worsening-food-security/ru>
2. Ахмади А. Регион отворачивается от режима талибов. URL: <https://afghanistan.ru/doc/150156.html>
3. Венская встреча: перейдет ли сопротивление талибам в новую фазу? URL: <https://regnum.ru/news/polit/3698675.html>
4. Власти Ирана сообщили о столкновении пограничников с талибами // Коммерсантъ. 2022. 31 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5490816>

5. Зимин И. А. Социальные вызовы правительству Талибана. URL: <https://afghanistan.ru/doc/150191.html>
6. Князев А. А. Афганистан без войны и признания. URL: <https://csegr.ru/afghanistan-review-10-2022/>
7. Князев А. А. Долговременная неопределенность и перспективы эскалации военно-политического конфликта в Афганистане. Ч. II. URL: <https://csegr.ru/afghan-crisis-part-2/>
8. Олимов М. А. Афганистан при талибах: современная ситуация и ее влияние на Таджикистан. URL: <https://oxussociety.org/афганистан-при-талибах-современная-с/?lang=ru>
9. Опиумные плантации и лагеря для наркоманов. Как талибы загнали миллионы афганцев в героиновое рабство. URL: https://lenta.ru/articles/2022/08/15/afghan_year/
10. Оружие США, ввезенное из Афганистана, массово продается в Пакистане. URL: <https://regnum.ru/news/3565720.html>
11. ПРООН и АКДН расширяют сотрудничество для удовлетворения потребностей народа Афганистана. URL: <https://the.akdn/ru/ресурсы-и-сми-новости/пресс-релизы/проон-и-акдн-расширяют-сотрудничество-для-удовлетворения-потребностей-народа>
12. Риск проникновения террористов в страны СНГ под видом мигрантов высок. URL: <https://www.ritmearasia.org/news—2022-11-29—risk-proniknovenija-terroristov-v-strany-sng-pod-vidom-migrantov-vysok-63304>
13. Серенко А. Афганистан превращается для России в территорию упущенных возможностей // Независимая газета. 2022. 12 окт. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-12/3_8563_kb.html
14. Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану (Москва, 16 ноября 2022 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1838997/>
15. СЭС усилила контроль прибывающих из соседних стран в связи со вспышкой холеры в Афганистане. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/16/vibrio-cholerae/>
16. Тукумов Е., Абдрешев А. Активизация миграционных процессов в Афганистане при новой власти талибов // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. 2022. № 1-2. С. 38–49. URL: https://kisi.kz/wp-content/uploads/2022/08/kjfs_1_22_verstka.pdf
17. Умаров Т. Культ мести. Откуда и куда ведет война Кыргызстана и Таджикистана. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87961>
18. Шашок Л. А. Пакистан и Индия столкнулись в Афганистане // Независимое военное обозрение. 2023. 26 янв. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-01-26/10_1222_afganistan.html

19. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

20. G7 Leaders Statement on Afghanistan. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/g7-leaders-statement-afghanistan_en

21. Zovak Z. China's Embrace of the Taliban Complicates US Afghanistan Strategy // *The Diplomat*. 2022. April 13. URL: <https://thediplomat.com/2022/04/chinas-embrace-of-the-taliban-complicates-us-afghanistan-strategy/>

REFERENCES

1. *Afganistan: FAO i Vsemirnyi bank usilivaiut mery reagirovaniia v sviazi s ukhudsheniem prodovolstvennoi bezopasnosti* [Afghanistan: FAO and the World Bank Step Up Their Response to the Worsening Food Security]. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/afghanistan-fao-and-the-world-bank-step-up-their-response-to-the-worsening-food-security/ru>

2. Akhmedi A. *Region otvorachivaetsia ot rezhima talibov* [The Region Turns Away from Taliban Regime]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/150156.html>

3. *Venskaia vstrecha: pereidet li soprotivlenie talibam v novuiu fazu?* [Vienna Meeting: Will the Resistance to the Taliban Enter a New Phase?]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3698675.html>

4. Vlasti Irana soobshchili o stolknovenii pogranichnikov s talibami [Iranian Authorities Reported a Clash of Border Guards with the Taliban]. *Kommersant*, 2022, 31 July. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5490816>

5. Zimin I.A. *Sotsialnye vyzovy pravitelstvu Talibana* [Social Challenges to the Taliban Government]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/150191.html>

6. Kniazev A.A. *Afganistan bez voiny i priznaniia* [Afghanistan Without War and Recognition]. URL: <https://csegr.ru/afghanistan-review-10-2022/>

7. Kniazev A.A. *Dolgovremennaia neopredelennost i perspektivy eskalatsii voenno-politicheskogo konflikta v Afganistane. Ch. II* [Long-Term Uncertainty and Prospects for the Escalation of the Military-Political Conflict in Afghanistan. Part 2]. URL: <https://csegr.ru/afghan-crisis-part-2/>

8. Olimov M.A. *Afganistan pri talibakh: sovremennaia situatsiia i ee vliianie na Tadzhikistan* [Afghanistan Under the Taliban: The Current Situation and Its Impact on Tajikistan]. URL: <https://oxussociety.org/афганистан-при-талибах-современная-с/?lang=ru>

9. *Opiumnye plantatsii i lageria dlia narkomanov. Kak taliby zagnali milliony afgantsev*

v geroinovoe rabstvo [Opium Plantations and Camps for Drug Addicts. How the Taliban Drove Millions of Afghans into Heroin Slavery]. URL: https://lenta.ru/articles/2022/08/15/afghan_year/

10. *Oruzhie SShA, vvezennoe iz Afganistana, massovo prodavetsia v Pakistane* [US Weapons Imported from Afghanistan Sold in Bulk in Pakistan]. URL: <https://regnum.ru/news/3565720.html>

11. *PROON i AKDN rasshiriaut sotrudnichestvo dlia udovletvoreniia potrebnosti naroda Afganistana* [UNDP and AKDN Expand Collaboration to Meet the Needs of the People of Afghanistan]. URL: <https://the.akdn.ru/ресурсы-и-сми/новости/пресс-релизы/проон-и-акдн-расширяют-сотрудничество-для-удовлетворения-потребностей-народа>

12. *Risk proniknoveniia terroristov v strany SNG pod vidom migrantov vysok* [The Risk of Terrorists Entering the CIS Countries Under the Guise of Migrants is High]. URL: <https://www.ritmearasia.org/news—2022-11-29—risk-proniknovenija-terroristov-v-strany-sng-pod-vidom-migrantov-vysok-63304>

13. Serenko A. *Afganistan prevrashchaetsia dlia Rossii v territoriiu upushchennykh vozmozhnostei* [Afghanistan is Turning into a Territory of Missed Opportunities for Russia]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent Newspaper], 2022, 12 Oct. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-12/3_8563_kb.html

14. *Sovmestnoe zaiavlenie uchastnikov Moskovskogo formata konsultatsii po Afganistanu (Moskva, 16 noiabria 2022 g.)* [Joint Statement of the Participants of the Moscow Format of Consultations on Afghanistan (Moscow, November 16, 2022)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1838997/>

15. *SES usilila kontrol pribyvaiushchikh iz sosednikh stran v sviazi so vspyshkoi kholery v Afganistane* [Rospotrebnadzor Has Strengthened the Control of Arrivals from Neighboring Countries in Connection with the Outbreak of Cholera in Afghanistan]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/16/vibrio-cholerae/>

16. Tukumov E., Abdreshev A. *Aktivizatsiia migratsionnykh protsessov v Afganistane pri novoi vlasti talibov* [Activation of Migration Processes in Afghanistan Under the New Taliban Government]. *Kazakhstan Journal of Foreign Studies*, 2022, no. 1-2, pp. 38-49. URL: https://kisi.kz/wp-content/uploads/2022/08/kjfs_1_22_verstka.pdf

17. Umarov T. *Kult mesti. Otkuda i kuda vedet voina Kyrgyzstana i Tadzhikistana* [Revenge Cult. From Where and Where to Leads the War Between Kyrgyzstan and Tajikistan]. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87961>

18. Shashok L.A. Pakistan i Indii stolknulis v Afganistane [Pakistan and India Clash in Afghanistan]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent Military Review], 2023, 26 Jan. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-01-26/10_1222_afghanistan.html

19. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 564 p.

20. *G7 Leaders Statement on Afghanistan*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/g7-leaders-statement-afghanistan_en

21. Zovak Z. China's Embrace of the Taliban Complicates US Afghanistan Strategy. *The Diplomat*, 2022, April 13. URL: <https://thediplomat.com/2022/04/chinas-embrace-of-the-taliban-complicates-us-afghanistan-strategy/>

Information About the Authors

Ainur E. Dzhorobekova, Candidate of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaev, Erkindik Boulevard, 36, 720040 Bishkek, Kyrgyzstan, donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

Evgeny F. Troitskiy, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, eftroitskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

Sergey M. Yun, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, sergey.yun@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6166-1716>

Alexey G. Timoshenko, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, 21timoshenko48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6860-3778>

Информация об авторах

Айнур Эшимбековна Джоробекова, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и права, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева, бульвар Эркиндик, 36, 720040 г. Бишкек, Кыргызстан, donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

Евгений Флорентьевич Троицкий, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, eftroitskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

Сергей Миронович Юн, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, sergey.yun@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6166-1716>

Алексей Георгиевич Тимошенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, 21timoshenko48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6860-3778>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.18>

UDC 323
ЛБС Ф3(Рос),4

Submitted: 30.01.2023
Accepted: 30.03.2023

TRANSFORMATION OF POLICY OF THE SOUTHERN RUSSIAN REGIONS UNDER THE CONDITIONS OF EXTERNAL SHOCKS¹

Inna V. Mitrofanova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga A. Chernova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The need to respond to external shocks determines the adjustment of state policy in order to maintain a stable socio-economic situation in the regions. This study aims to determine how the political strategy of solving the problems of increasing political stability and economic security is changing in the regions in the face of growing economic pressure from Western countries, as well as evaluate the effectiveness of the measures taken. *Methodology and methods.* The object of the study was the Volgograd and Rostov regions. Research methods included: a systematic approach to the analysis of the economic policy of the region as an integral component of ensuring national security in the face of external shocks; context analysis of documents adopted by the legislative authorities of the regions in relation to the implementation of economic policy; and a comparative analysis of indicators of economic security in the regions. As indicators characterizing the effectiveness of economic policy measures, indicators of the economic security of the region, formed in the context of the goals and directions laid down in the Economic Security Strategy of the Russian Federation, were used. *Analysis.* The results of the analysis showed that, from the point of view of maintaining economic security, the measures to support capitalist relations associated with the increment of the total assets of the region showed the greatest effectiveness. At the same time, there is a clear shortage of state support instruments in the social sphere. *Results.* It was found that the political goals of the authorities in the face of increasing current shocks have shifted from “adaptation as a way of survival”, characteristic of the period of the COVID-19 pandemic, to “ensuring economic security through renewal.” At the same time, a significant role in the implementation of political strategies of public administration in the regions was assigned to new practices of subsidiarity with a focus on strengthening cooperation between authorities, local communities, and the private sector. It is concluded that the ways of adapting the South Russian regions to current challenges involve the further development of intra-regional interactions among a wide range of agents, with special attention to the role of formal and informal institutions in solving the problems of ensuring economic security. *Authors' contribution.* I.V. Mitrofanova: development and substantiation of the concept, interpretation and generalization of research results, formulation of conclusions, design and editing of the manuscript; O.A. Chernova: formation of methodology, development of research design, context analysis of documents accepted by regional authorities, design and editing of the manuscript.

Key words: political strategy, political stability, regional policy, socio-economic policy, economic security, South of Russia, external shocks.

Citation. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Transformation of Policy of the Southern Russian Regions Under the Conditions of External Shocks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 197-209. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.18>

УДК 323
ББК Ф3(2Рос),4

Дата поступления статьи: 30.01.2023
Дата принятия статьи: 30.03.2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ¹

Инна Васильевна Митрофанова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Анатольевна Чернова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Необходимость ответа на внешние шоки обуславливает корректировку государственной политики в целях поддержания стабильной социально-экономической обстановки в регионах. В данном исследовании поставлена цель – определить, каким образом в регионах меняется политическая стратегия решения задач повышения политической стабильности и экономической безопасности в условиях нарастающего экономического давления со стороны западных стран, а также оценить эффективность принимаемых мер. *Методология и методы.* Объектом исследования стали Волгоградская и Ростовская области. Методы включали: системный подход для анализа экономической политики региона как составного компонента обеспечения национальной безопасности в условиях внешних шоков; контекст-анализ документов, принимаемых органами законодательной власти регионов в отношении реализации экономической политики; сравнительный анализ показателей экономической безопасности регионов. В качестве показателей, характеризующих эффективность мер экономической политики, были использованы показатели экономической безопасности региона, сформированные в контексте целей и направлений, заложенных в Стратегии экономической безопасности РФ. *Анализ.* Результаты анализа продемонстрировали, что с точки зрения поддержания экономической безопасности наибольшую эффективность в регионах показали меры в отношении поддержки капиталистических отношений, связанных с приращением совокупных активов региона. Одновременно в социальной сфере ощущается явный дефицит инструментов государственной поддержки. *Результаты.* Было установлено, что политические цели органов власти в условиях усиления текущих шоков сместились с «адаптации как способа выживания», характерной для периода пандемии COVID-19, на «обеспечение экономической безопасности на основе обновления». При этом значительная роль в реализации политических стратегий государственного управления в регионах была отведена новым практикам субсидиарности с ориентацией на укрепление сотрудничества органов власти с местными сообществами и частным сектором. Сделан вывод, что пути адаптации южнороссийских регионов к текущим вызовам предполагают дальнейшее развитие внутрирегиональных взаимодействий широкого круга агентов, с особым вниманием на роль формальных и неформальных институтов в решении задач обеспечения экономической безопасности. *Вклад авторов.* И.В. Митрофанова – разработка и обоснование концепции, интерпретация и обобщение результатов исследования, формулировка выводов, оформление и редактирование рукописи; О.А. Чернова – формирование методологии, разработка дизайна исследования, проведение контекст-анализа документов, принимаемых региональными властями, оформление и редактирование рукописи.

Ключевые слова: политическая стратегия, политическая стабильность, региональная политика, социально-экономическая политика, экономическая безопасность, Юг России, внешние шоки.

Цитирование. Митрофанова И. В., Чернова О. А. Трансформация политики южнороссийских регионов в условиях внешних шоков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 197–209. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.18>

Введение. Изменения в региональной политике являются неизбежным процессом, связанным как с внутренней трансформацией социально-экономических систем регионов, так и с появлением внешних шоков. При этом шоки отличаются от угроз стремительностью воздействия, что значительно усиливает риски их неблагоприятных последствий для социально-политической ситуации. Необходимость ответа на наблюдаемые или ожидаемые вызовы обуславливает корректировку политических стратегий государственного управления в целях поддержания стабильной социально-экономической обстановки в регионах и мобилизации в максимально короткий срок ресурсов, обеспечивающих экономическую безопасность страны.

После череды шоковых событий, связанных с мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг., экономическими санкциями со стороны западных стран в отношении России с 2015 г. после присоединения Крыма, пандемией COVID-19, российская экономика вновь оказалась под воздействием шоков, заставляющих пересмотреть политическую стратегию управления в регионах. Отвечая на новые вызовы, органы власти субъектов Федерации используют различные инструменты в осуществлении преобразующих действий, связанных со стабилизацией социально-политической ситуации в регионах и обеспечением их экономической безопасности. При этом регион воспринимается как институциональный актор государственной политики, а проводимая в регионе экономическая политика – как важнейший институт государственной деятельности, обеспечивающий согласованность и последовательность действий отдельных ведомств [4].

Центральные вопросы данного исследования – как органы власти понимают сложившиеся вызовы для экономики региона и их возможные социально-политические последствия; какие политические решения они принимают в связи с этим? Соответственно, цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, каким образом в регионах меняется политическая стратегия решения задач повышения экономической безопасности в условиях нарастающего экономического давления со стороны западных стран, а также

оценить результативность предпринимаемых мер. Новизна исследования состоит в том, что оценка эффективности реализуемых региональными властями политических решений в условиях текущих шоков осуществляется сквозь призму обеспечения экономической безопасности региона, определяемой в контексте целей и направлений, заложенных в Стратегии экономической безопасности РФ, тогда как большинство научных работ сосредоточено на анализе эффективности использования властями отдельных инструментов региональной политики.

Методология и методы исследования. В последние годы в научной литературе уделяется достаточно много внимания вопросам обеспечения экономической безопасности регионов, что связано с ухудшением геополитической ситуации в мире. Как известно, экономическая безопасность региона характеризуется: 1) устойчивостью развития региональной экономики; 2) защищенностью экономических отношений от внешних угроз; 3) способностью экономики адаптироваться к новым условиям и вызовам [14]. Исследователи рассматривают различные аспекты обеспечения экономической безопасности территории с учетом региональной специфики [5; 10; 15; 16; 20] и в условиях различных шоковых событий [18]. При этом всеми авторами признается важнейшая роль государственного управления в решении задач мобилизации ресурсов для достижения баланса выгод и потерь в условиях потрясений.

В рамках нашего исследования при оценке эффективности мер экономической политики мы фокусируем внимание на том, насколько эти меры способствуют решению задач обеспечения экономической безопасности региона в контексте целей и направлений, заложенных в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [17], проецируя отраженные в ней показатели на региональный уровень управления. При формировании системы показателей мы учитывали, что они должны, во-первых, отражать «справедливость» существующей системы распределения, обеспечивающей политическую стабильность в регионе [1], во-вторых, демонстрировать реакции экономики региона на внешние шоки [8; 24]. При этом мы не использовали

показатели, характеризующие общую макроэкономическую ситуацию в стране. Также мы принимали во внимание возможность получения для анализа данных из Информации для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе – декабре 2022 года.

В частности, в качестве показателей, характеризующих экономическую безопасность региона, в статье были выбраны следующие:

- индекс промышленного производства;
- индекс производства продукции с/х;
- оборот розничной торговли;
- индекс цен на товары и услуги;
- объем инвестиций в основной капитал;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- уровень занятости населения.

Оценку эффективности мер экономической политики мы определяли на основе расчета относительных отклонений перечисленных показателей в 2022 г. от их прогнозных значений. Использование усредненных по России показателей в качестве базы сравнения, как это достаточно часто встречается в исследованиях устойчивости регионов к потрясениям [6; 7; 23], представлялось нам некорректным, поскольку не позволяло оценить, в какой мере предпринимаемые региональными властями усилия по стабилизации ситуации в регионе позволили обеспечить выход на те социально-экономические позиции, которые бы достиг регион при сохранении имеющихся тенденций развития при отсутствии внешних шоков.

Прогнозные значения показателей определялись на основе использования метода линейной регрессии с применением функции ПРЕДСКАЗ в Excel. В рамках построения прогноза рассматривался период с 2016 по 2021 год. Индекс (I_i), характеризующий отклонение i -го фактического показателя в 2022 г. от прогнозного, определялся по формуле:

$$I_i = \frac{I_{i\text{факт}}}{I_{i\text{прогн}}} - 1,$$

где $I_{i\text{факт}}$ – фактическое значение i -го индекса; $I_{i\text{прогн}}$ – прогнозное значение i -го индекса.

Значение $I_i < 0$ свидетельствовало о том, что выбранная политическая стратегия экономического развития оказалась неэффективной в отношении обеспечения экономической безопасности по данному показателю; $I_i > 0$ – об эффективности выбранной стратегии в отношении обеспечения уровня экономической безопасности по данному показателю.

Объектом исследования являлись старопромышленные регионы Юга России – Волгоградская и Ростовская области. Для проведения работы авторы использовали: системный подход для исследования экономической политики региона как составного компонента обеспечения национальной безопасности в условиях внешних шоков; контекст-анализ документов, принимаемых органами законодательной власти регионов в отношении реализации экономической политики; сравнительный анализ показателей экономической безопасности регионов. Источниками данных являлась нормативно-законодательная база по проблематике исследования, представленная на официальных сайтах региональных Правительств, а также официальные данные Федеральной службы государственной статистики, включая оперативные показатели за 2022 г., представленные территориальными органами службы государственной статистики в Волгоградской и Ростовской областях.

Результаты исследования. Современные угрозы дестабилизации социально-политической обстановки в южнороссийских регионах. Специальная военная операция (СВО) на Украине и обусловленное ею экономическое давление со стороны зарубежных оппонентов привели к возникновению серьезных проблем для экономической безопасности российских регионов. Еще не оправившаяся от последствий введенных с 2015 г. санкций и шоков пандемии COVID-19 экономика российских регионов столкнулась с новыми вызовами и угрозами, связанными с усилением санкционных мер со стороны западных стран и значительной мировой изоляцией.

Исторически экономическая ситуация влияет на социально-политическую стабильность, поскольку определяет возможности реализации планов модернизационного развития, реализации социальных проектов [21].

Слабая экономика приводит к утрате доверия к государственной власти с возрастанием риска выражения социальных протестов в условиях роста цен и снижения реальных доходов населения [12]. Поэтому, столкнувшись с экономическими проблемами, органы власти в регионах все больше фокусируются на необходимости корректировки экономической политики в направлении сглаживания негативных воздействий кризисных явлений и поиска новых возможностей развития. В какой мере преобладает тот или иной процесс, во многом определяется тем, как оценивают власти сложившуюся ситуацию и какие политические цели преследуют.

Наиболее серьезную угрозу социально-политической стабильности для Волгоградской и Ростовской областей в настоящее время представляет ограничение импорта высокотехнологичного оборудования и комплектующих, программного обеспечения [19].

Как видно из данных рисунка 1, географически внешняя торговля в 2021 г. в исследуемых регионах была ориентирована на дальнейшее зарубежье. В структуре экспорта в Ростовской области преобладали продовольственные товары и продукция сельского хозяйства (см. рис. 2). Значительную долю также занимала продукция ТЭК, машины и оборудование. При этом на долю США и Европы в 2021 г. приходилось порядка 10–12 % всего экспорта; на долю Азии – 49 %, на долю Аф-

рики – более 21 % [13]. Для Волгоградской области наибольшая доля экспорта приходилась на продукцию ТЭК, металлы и продукцию химической промышленности (см. рис. 3), при этом доля США и Европы также составила около 12 %; доля Азии – 28,5 %. В структуре импорта в обоих регионах преобладали машины и оборудование, продукция химической промышленности и металлы.

В сфере экспорта технологий и услуг технического характера Ростовская область по числу и стоимости соглашений значительно превышала Волгоградскую область (54 соглашения стоимостью более 26,9 млн долл. США против 13 соглашений стоимостью 7,6 млн долл. США), а в сфере импорта, при относительно равном числе соглашений (67 и 54 соответственно) их стоимость также была выше более чем в 2 раза (29,8 и 13,9 млн долл. США).

Высокий уровень импортозависимости экономики регионов предоставляет им ограниченное пространство возможностей для предотвращения ухудшения условий и качества жизни населения, дефицита определенных товаров и услуг. Ограничения на доступ к высокотехнологичному оборудованию сдерживают возможности модернизации промышленного сектора экономики, а также сектора ИКТ для обоих регионов. А дефицит спроса на ряд товаров нашего экспорта еще более усугубляет ситуацию в отношении возможностей развития

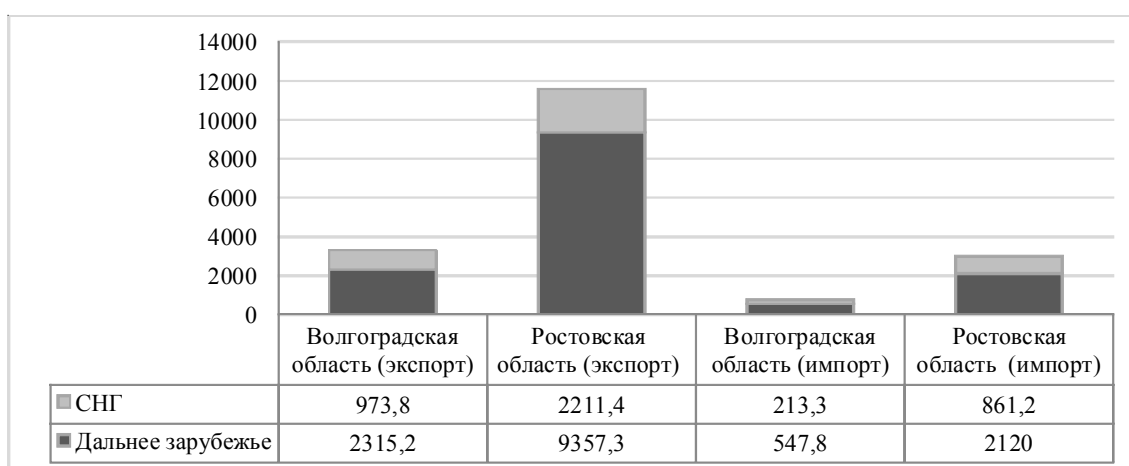

Рис. 1. Географическая структура внешней торговли в Волгоградской и Ростовской областях в 2021 г., млн долл. США

Fig. 1. Geographical structure of foreign trade in the Volgograd and Rostov regions in 2021, mln USD

Примечание. Источник: [11].

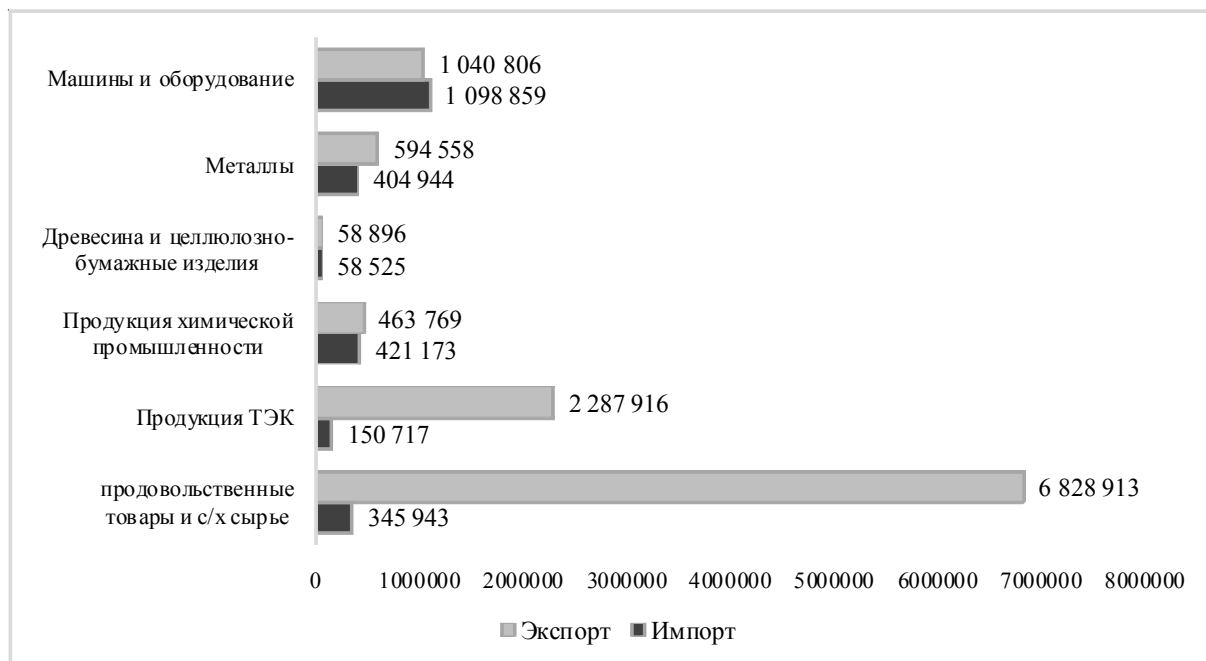

Рис. 2. Товарная структура экспорта / импорта в Ростовской области в 2021 г., млн долл. США

Fig. 2. Commodity structure of export/import in the Rostov region in 2021, mln USD

Примечание. Источник: [11].

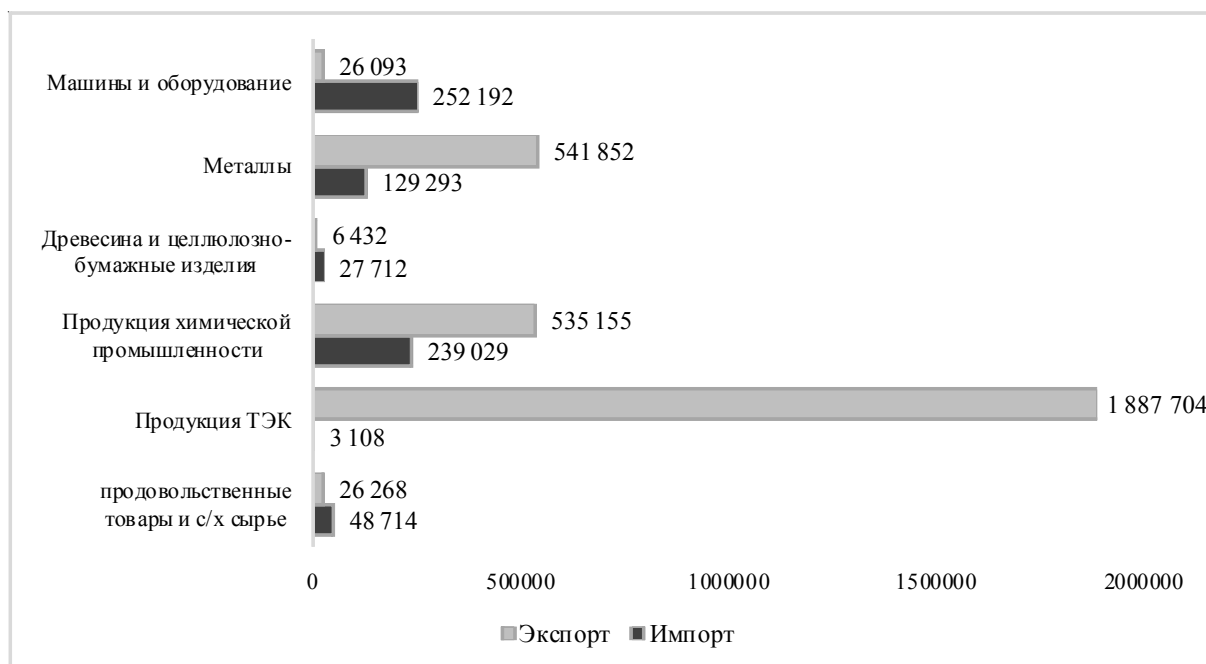

Рис. 3. Товарная структура экспорта / импорта в Волгоградской области в 2021 г., млн долл. США

Fig. 3. Commodity structure of export/import in the Volgograd region in 2021, million USD

Примечание. Источник: [11].

отечественного промышленного производства. При этом в результате ухудшения внешнеторговой конъюнктуры региональные бюджеты Волгоградской и Ростовской областей, доходы которых в значительной степени определяют-

ся деятельностью экспортоориентированных и импортозависимых отраслей, почувствуют осязаемое давление, что делает риски социально-политической дестабилизации в регионах достаточно высокими.

Ключевые изменения в экономической политике южнороссийских регионов: анализ преемственности и новых трендов развития. Крупномасштабные геополитические изменения, начало которым было положено СВО на Украине, привели к сдвигу парадигмы региональной политики в сторону поиска инклюзивных факторов развития и поддержания экономической безопасности. Условием, позволяющим стабилизировать социально-экономическую ситуацию в регионе, стало рассмотрение угроз как перспектив развития с возложением на региональные власти особой ответственности в отношении выбора мер, позволяющих не только смягчить возникающие потери, но и найти возможности для обновления и реконфигурации.

Для мониторинга социально-экономической ситуации в стране и решения задач обеспечения национальной безопасности в марте 2022 г. в РФ начал работу оперативный штаб, возглавляемый председателем правительства страны. Аналогичные структуры под руководством губернаторов регионов и их заместителей были созданы в Волгоградской и Ростовской областях.

Накопленный значительный опыт в реализации политических действий в период коронакризиса определил общую направленность предпринимаемых органами власти мер поддержки экономики региона: финансовые, имущественные и административные. При этом, учитывая обстоятельства, отличающие текущую ситуацию от коронакризиса, решение задач повышения экономической безопасности в условиях нарастающего экономического давления со стороны западных стран региональные правительства связывали с поддержанием деловой активности бизнеса и стабилизацией экспортных поставок. В решении задачи поддержания деловой активности регионального бизнеса органы власти традиционно сосредоточились на фискальных мерах и отсрочках платежей в бюджет, уже доказавших свою эффективность в стимулировании процессов восстановительного роста экономики в условиях коронакризиса. В дополнение к федеральным мерам отсрочки по страховым взносам для предприятий из ряда отраслей, работающих на внутренний рынок, а также введению промышленной ипотеки, призванной стимулировать при-

обретение производственной недвижимости, на региональном уровне были разработаны дополнительные меры, призванные облегчить доступ к источникам финансирования и снизить налоговое бремя.

Задача стабилизации экспортных поставок в условиях разрушения сложившихся глобальных цепочек имела место и в период пандемии COVID-19. Однако, в отличие от коронакризиса, ее решение в настоящее время определяется не только ориентацией отечественного производства на внутренний рынок, но и возможностью перенаправления ресурсных и товарных потоков в Азию, Африку, Латинскую Америку. Продвижению продукции регионов на новых рынках сбыта во многом помогло эффективное взаимодействие государственного института поддержки несырьевого экспорта – Российского экспортного центра – с региональными органами власти Ростовской и Волгоградской областей. Так, объем поддержанного экспорта в Ростовской области в 2022 г. составил более 1,5 млрд долл. [3], в Волгоградской области – более 367 млн долл. [2]. В целом же можно отметить, что данные меры были оперативными и тактическими.

К стратегическим мерам можно отнести те, которые были направлены на стимулирование импортозамещающего производства для повышения технологического суверенитета страны в рамках решения задач обеспечения национальной безопасности. Курс на импортозамещение в южнороссийских регионах был взят еще в 2014 г., но низкий импортозамещающий потенциал российской промышленности, сложности перехода на отечественные аналоги и недоказанность их эффективности привели к тому, что активно разрабатываемые в 2015–2016 гг. региональные программы импортозамещения были свернуты в результате отсутствия каких-либо значимых практических результатов [9; 22]. Однако введенные санкции и массовый уход из регионов фирм с иностранным капиталом и бенефициарами потребовали возврата внимания региональных властей к разработке и реализации импортозамещающих проектов.

В настоящее время для возможностей осуществления сценария импортозамещения в Волгоградской и Ростовской областях открываются широкие перспективы, что связа-

но с принятием в инструментарий государственного управления новых методов и приемов регулирования, ориентированных на развитие хозяйственных связей и привлечение общественных институтов для противодействия новым вызовам. Одновременно власти сосредоточились на том, чтобы региональные финансы были направлены на конкретные проекты, связанные с укреплением технологического суверенитета страны.

Так, в Волгоградской и Ростовской областях с 2021 г. действуют инвестиционные стандарты, дающие право претендовать на дотации из федерального бюджета с получением предпринимателями инвестиционного налогового вычета. Также в этих регионах Юга России планируется создание особых экономических зон (далее – ОЭЗ). Для Волгоградской области планируется создание ОЭЗ «Химпром» с запуском новых высокотехнологичных химических производств. В Ростовской области создание ОЭЗ планируется на территории Новочеркасского индустриального парка, где на сегодняшний день уже успешно функционирует компания по производству прицепной техники «Бонум», предприятия ООО «Ростовского механического завода» и ряд других. При этом значимой предпосылкой для стимулирования процессов импортозамещения в Ростовской области является создание в конце апреля 2022 г. регионального центра кооперации и импортозамещения на базе АНО «Агентство инноваций Ростовской области» при содействии АНО МФК «РРАПП». Значительный стратегический резерв с точки зрения повышения экономической безопасности региона также имеет новый инструмент государствен-

ной поддержки предприятий – промышленная ипотека, позволяющая относительно быстро запустить производство с созданием новых рабочих мест.

Таким образом, можно сделать вывод, что политические цели органов власти в условиях усиления экономического давления со стороны западных стран сместились с «адаптации как способа выживания», характерной для периода пандемии COVID-19, на «обеспечение экономической безопасности на основе обновления». Соответственно, поменялись драйверы изменений и рычаги воздействия в региональной экономической политике (табл. 1).

Для анализа эффективности реализуемых региональными властями политических решений в условиях текущих шоков сравним прогнозные и фактические значения показателей экономической безопасности Волгоградской и Ростовской областей (см. табл. 2).

Для наглядности изобразим значения индексов отклонений фактических показателей экономической безопасности регионов от прогнозных в виде лепестковой диаграммы (см. рис. 4).

Обсуждение и выводы. Практика государственного управления в условиях современных вызовов усиления экономического давления со стороны западных стран, как и в условиях пандемии COVID-19, отличается децентрализацией принимаемых решений с передачей ответственности на региональный уровень. Одновременно стоит заметить, что решение задач обеспечения экономической безопасности регионов в условиях существующих вызовов не возлагается исключительно на региональные власти. Значительная роль

Таблица 1. Изменения в региональной политике Волгоградской и Ростовской областей

Table 1. Changes in the regional policy of the Volgograd and Rostov regions

Характеристики экономической политики	Шоки пандемии COVID-19	Шоки усиления экономического давления
Основные драйверы изменений	Цифровизация	Инвестиции в импортозамещающее производство Поиск новых торговых партнеров
Рычаги воздействия	Инструменты налоговой и денежно-кредитной политики	Региональный инвестиционный стандарт Региональный экспортный стандарт Промышленная ипотека

Примечание. Составлено авторами.

Таблица 2. Прогнозные и фактические показатели экономической безопасности Ростовской и Волгоградской областей в 2022 году

Table 2. Forecast and actual indicators of economic security of the Rostov and Volgograd regions in 2022

Показатель	Регион					
	Волгоградская область			Ростовская область		
	прогноз	факт	I_i	Прогноз	факт	I_i
Индекс промышленного производства	96,79	103,5	0,07	104,76	102,8	-0,02
Индекс производства продукции с/х	95,84	116,4	0,21	99,04	111,9	0,12
Оборот розничной торговли, млн руб.	485 872,5	536 132,9	0,10	1 146 965,5	1 308 618,1	0,14
Индекс потребительских цен	106,55	111,38	0,04	106,55	112,2	0,05
Объем инвестиций в основной капитал (январь-сентябрь), млн руб.	86 534,5	136 641,8	0,58	179 765,1	287 821,2	0,60
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	36 021	31 370	-0,13	43 404	42 894	-0,01
Уровень занятости населения, %	62,0	64,6	0,04	63,1	65,6	0,04

Примечание. Рассчитано авторами на основе данных территориальных органов Росстата по Волгоградской и по Ростовской областям.

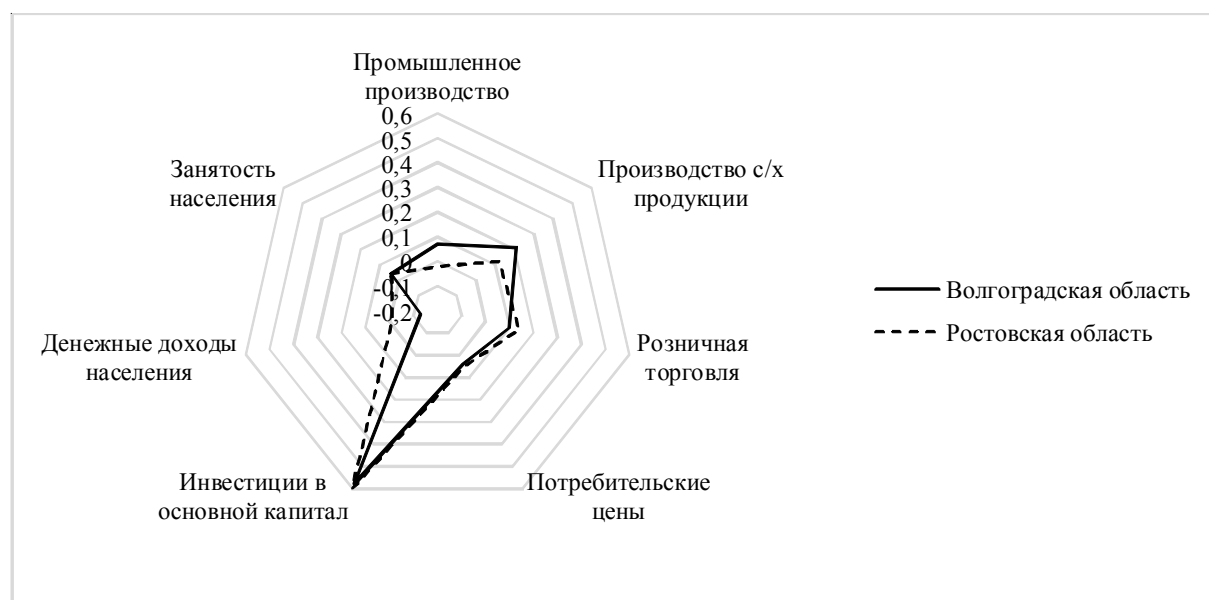

Рис. 4. Индексы отклонений фактических показателей экономической безопасности регионов от прогнозных

Fig. 4. Indices of deviations of actual indicators of economic security of regions from forecast ones

Примечание. Рассчитано авторами.

в реализации политических стратегий государственного управления в регионах отводится новым практикам субсидиарности с ориентацией на укрепление сотрудничества органов власти с местными сообществами и частным сектором. В то же время, как показал проведенный анализ реализуемой в 2022 г. органами власти Волгоградской и Ростовской областей экономической политики, предпринимаемые в регионах меры во многом стали пролонгированием принятых мер поддержки бизнеса, доказавших свою эффективность в ус-

ловиях коронакризиса. Представляется, что пути адаптации южнороссийских регионов к текущим вызовам предполагают дальнейшее развитие внутрирегиональных взаимодействий широкого круга агентов с особым вниманием к роли формальных и неформальных институтов в решении задач обеспечения экономической безопасности.

Результаты проведенного анализа эффективности экономической политики регионов демонстрируют, что с точки зрения поддержания экономической безопасности наи-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

большую результативность в регионах показали меры в сфере поддержки капиталистических отношений, связанных с приращением совокупных активов региона: а) за счет поиска новых партнеров в странах Азии, Африки и Латинской Америке; б) за счет развития собственного производства и реформирования экспортных потоков. При этом на рост инвестиций в основной капитал в регионах в большей степени мог оказать влияние контроль стоимости заимствований со стороны Центрального Банка, чем принимаемые региональными властями меры. Одновременно в социальной сфере ощущается явный дефицит инструментов государственной поддержки, что сказалось на снижении денежных доходов населения. Несмотря на то что безработица, судя по официальным данным, не является в настоящее время фактором социального риска, определенную угрозу социально-политической стабильности в регионах может представлять непропорциональное влияние роста цен на отдельные категории населения.

Многие предпринимаемые региональными властями меры имеют стратегический характер, и их результаты сложно увидеть за относительно короткий период времени, их эффективность рельефнее проявится не в текущем, а в стратегическом горизонте. Поэтому авторские выводы, безусловно, имеют ограничения, связанные с наличием временного лага, что предполагает необходимость проведения дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, проект «Стратегические векторы развития социоэкономического комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)», № гос. регистрации 122020100349-6.

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, project “Strategic vectors of development of the socio-economic complex of the south of Russia taking into account regional resilience (economic and demographic aspects)”, state registration No. 122020100349-6.

1. Акбердина В. В., Смирнова О. П. Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 8. С. 1506–1517. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.8.1506>

2. В 2022 году более 320 волгоградских компаний получили поддержку Российского экспортного центра // Российский экспортный центр. 2023. 6 февр. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/v-2022-godu-bolee-320-volgogradskikh-kompaniy-poluchili-podderzhku-rossiyskogo-eksportnogo-tsentra

3. В 2022 году Российский экспортный центр поддержал более 250 компаний Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. 2023. 24 янв. URL: <https://www.donland.ru/news/21303>

4. Журавлева Г. П., Смагина В. В. Угрозы экономической безопасности государства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9 (125). С. 19–23.

5. Калинина А. Э., Митрофанова И. В., Чернова О. А. Антикризисная политика южнороссийских регионов в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 296–316. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.21>

6. Климанов В. В., Казакова С. В., Михайлова А. А. Ретроспективный анализ устойчивости российских регионов как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-46-64>

7. Климук В. В., Анаева З. К., Юрина В. С. Методика оценки и анализа динамики устойчивости экономического развития регионов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 2 (11). С. 33–36.

8. Малкина М. Ю. Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 1. С. 101–124. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.101-124>

9. Митрофанова И. В., Чернова О. А. Импортзамещение, ориентированное на экспорт, как модель стратегического развития регионов ЮФО // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 9. DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_9_535

10. Песцов С. К. Концепция свободного и открытого индо-тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 4. С. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/111-131>

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. М.: Росстат, 2022. 1122 с.

12. Россия и санкционная политика: оценки и комментарии // Российское общество политологов. Аналитический центр. 2022. 20 марта. URL: <http://ruspolitology.ru/ekspertnaya-deyatelnost/126530>

13. Ростовская область планирует наращивать международную торговлю в восточном и африканском направлениях // Официальный портал Правительства Ростовской области. 2022. 27 апр. URL: <https://www.donland.ru/news/18110>

14. Руденко М. Н. Теоретические основы понятия «экономическая безопасность региона» // Экономика и управление. 2018. № 2 (148). С. 22–28.

15. Рыжов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. № 1 (25). С. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-1-48-55>

16. Сингао Л. Эволюция угроз азиатско-тихоокеанской безопасности после «холодной войны»: взгляд китайского исследователя // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1, № 1 (54). С. 75–88. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-075-088>

17. Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 // Официальный сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

18. Шубина Н. В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16, № 2. С. 288–307. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.2.015>

19. Эксперт Гойхман назвал основные вызовы для российской экономики в 2023 году // Федеральное агентство новостей. URL: https://riafan.ru/23846574-ekspert_goihman_nazval_osnovnie_vizovi_dlya_rossiiskoi_ekonomiki_v_2023_godu

20. Kurikka H., Kolehmainen J., Sotarauta M., Nielsen H., Nilsson M. Regional Opportunity Spaces – Observations from Nordic Regions // Regional Studies. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2107630>

21. Miljkovic D., Rimal A. The Impact of Socio-Economic Factors on Political Instability: A Cross-Country Analysis // The Journal of Socio-Economics. 2008. Vol. 37, iss. 6. P. 2454–2463. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socsec.2008.04.007>

22. Mitrofanova I. V., Chernova O. A., Nagy H., Pleshakova M. V. Adaptive Potential of Inclusive Growth of the Regions of the South of Russia in the

Context of the COVID-19 Pandemic // New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies / ed. by E. I. Inshakova, A. O. Inshakova. Singapore: Springer, 2022. Vol. 287. P. 35–46. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_4

23. Rahma H., Fauzi A., Juanda B., Widjojanto B. Development of a Composite Measure of Regional Sustainable Development in Indonesia // Sustainability. 2019. Vol. 11. Art. 5861. DOI: <https://doi.org/10.3390/sul1205861>

24. Turgel I., Chernova O., Usoltceva A. Resilience, Robustness and Adaptivity: Large Urban Russian Federation Regions During the COVID-19 Crisis // Area Development and Policy. 2022. Vol. 7, iss. 2. P. 222–244. DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2021.1973522>

REFERENCES

1. Akberdina V.V., Smirnova O.P. Ekonomicheskaya bezopasnost regiona: otsenka i perspektivy [Economic Security of the Region: Assessment and Prospects]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2018, vol. 16, no. 8, pp. 1506–1517. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.8.1506>

2. V 2022 godu boleye 320 volgogradskikh kompaniy poluchili podderzhku Rossiyskogo eksportnogo tsentra [In 2022, More Than 320 Volgograd Companies Received Support from the Russian Export Center]. *Rossiyskiy eksportnyy tsentr* [Russian Export Center], 2023, 6 Feb. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/v-2022-godu-bolee-320-volgogradskikh-kompaniy-poluchili-podderzhku-rossiyskogo-eksportnogo-tsentra/

3. V 2022 godu Rossiyskiy eksportnyy tsentr podderzhal boleye 250 kompaniy Rostovskoy oblasti [In 2022 Russian Export Center Supported More Than 250 Companies of the Rostov Region]. *Ofitsialnyy portal Pravitelstva Rostovskoy oblasti* [Official Portal of the Government of the Rostov Region], 2023, 24 Jan. URL: <https://www.donland.ru/news/21303/>

4. Zhuravleva G.P., Smagina V.V. Ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva [Threats to the Economic Security of the State]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2013, no. 9 (125), pp. 19–23.

5. Kalimina A.E., Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Antikrizisnaya politika yuzhnorossiyskikh regionov v usloviyakh pandemii COVID-19 [Anti-Crisis Policy of the Southern Russian Regions in the Conditions of the COVID-19 Pandemic]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya.*

Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 296-316. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.3.21

6. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhaylova A.A. Retrospektivnyy analiz ustoychivosti rossiyskikh regionov kak sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Retrospective Analysis of the Resilience of Russian Regions as Socio-Economic Systems]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 5, pp. 46-64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64

7. Klimuk V.V., Anayeva Z.K., Yurina V.S. Metodika otsenki i analiza dinamiki ustoychivosti ekonomicheskogo razvitiya regionov [Methods for Assessing and Analyzing the Dynamics of the Sustainability of the Economic Development of Regions]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], 2015, no. 2 (11), pp. 33-36.

8. Malkina M. Yu. Ustoychivost ekonomik rossiyskikh regionov k pandemii 2020 [Resilience of the Russian Regional Economies to the 2020 Pandemic]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 101-124. DOI: 10.14530/se.2022.1.101-124

9. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Importozameshcheniye, oriyentirovannoye na eksport, kak model strategicheskogo razvitiya regionov YuFO [Export-Oriented Import Substitution as a Model of Strategic Development of the Regions SFD]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal], 2022, vol. 7, no. 9. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_9_535

10. Pestsov S.K. Kontseptsiya svobodnogo i otkrytogo indo-tikhookeanskogo regiona: obshcheye v mnogoobrazii interpretatsiy [The Concept of a Free and Open Indo-Pacific Region: The Common Ground in a Variety of Interpretations]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law], 2021, vol. 23, no. 4, pp. 111-131. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-4/111-131

11. *Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli. 2022: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2022. Statistical Collection]. Moscow, Rosstat, 2022. 1122 p.

12. Rossiya i sanktsionnaya politika: otsenki i kommentarii [Russia and Sanctions Policy: Assessments and Comments]. *Rossiyskoye obshchestvo politologov. Analiticheskiy tsentr* [Russian Society of Political Scientists. Analytical Center], 2022, 20 March. URL: <http://ruspolitology.ru/ekspertnaya-deyatelnost/126530/>

13. Rostovskaya oblast planiruyet narashchivat mezhdunarodnuyu torgovlyu v vostochnom i afrikanskom napravleniyakh [The Rostov Region Plans

to Increase International Trade in East and African Directions]. *Ofitsialnyy portal Pravitelstva Rostovskoy oblasti* [Official Portal of the Government of the Rostov Region], 2022, 27 Apr. URL: <https://www.donland.ru/news/18110/>

14. Rudenko M.N. Teoreticheskiye osnovy ponyatiya «ekonomicheskaya bezopasnost regiona» [Theoretical Foundations of the Concept of “Economic Security of the Region”]. *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], 2018, no. 2 (148), pp. 22-28.

15. Ryzhov I.V., Borodina M. Yu., Savicheva Ye.M. Osnovnyye problemy regionalnoy bezopasnosti na Blizhnem Vostoke [The Main Problems of Regional Security in the Middle East]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki»* [Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”], 2021, no. 1 (25), pp. 48-55. DOI: 10.30914/2411-3522-2021-7-1-48-55

16. Sintao L. Evolyutsiya ugroz aziatsko-tikhookeanskoy bezopasnosti posle «kholodnoy voyny»: vzglyad kitayskogo issledovatelya [A Chinese Researcher on the Evolution of Asia-Pacific Security Challenges After the Cold War]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnyye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development], 2022, vol. 1, no. 1 (54), pp. 75-88. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-075-088

17. Strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti RF na period do 2030 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 13 maya 2017 goda № 208 [Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208]. *Ofitsialnyye setevyye resursy Prezidenta Rossii* [Official Internet Resources of the President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

18. Shubina N.V. Kontseptualnyye podkhody k ponimaniyu ekonomicheskoy bezopasnosti regiona: sushchnost, struktura, faktory i usloviya [Conceptual Approaches to the Understanding of Economic Safety of Region: Essence, Structure, Factors and Conditions]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management], 2017, vol. 16, no. 2, pp. 288-307. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.2.015

19. Ekspert Goykhman nazval osnovnyye vyzovy dlya rossiyskoy ekonomiki v 2023 godu [Expert Goykhman Called the Main Challenges for the Russian Economy in 2023]. *Federalnoye agentstvo novostey* [Federal News Agency]. URL: https://riafan.ru/23846574-ekspert_goykhman_nazval_osnovnie_vizovi_dlya_rossiiskoi_ekonomiki_v_2023_godu

20. Kurikka H., Kolehmainen J., Sotarauta M., Nielsen H., Nilsson M. Regional Opportunity Spaces –

Observations from Nordic Regions. *Regional Studies*, 2022. DOI: 10.1080/00343404.2022.2107630

21. Miljkovic D., Rimal A. The Impact of Socio-Economic Factors on Political Instability: A Cross-Country Analysis. *The Journal of Socio-Economics*. 2008, vol. 37, iss. 6, pp. 2454-2463. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2008.04.007>

22. Mitrofanova I.V., Chernova O.A., Nagy H., Pleshakova M.V. Adaptive Potential of Inclusive Growth of the Regions of the South of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic. Inshakova E.I., Inshakova A.O., eds. *New Technology for Inclusive and*

Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies. Singapore, Springer, 2022, vol. 287, pp. 35-46. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_4

23. Rahma H., Fauzi A., Juanda B., Widjojanto B. Development of a Composite Measure of Regional Sustainable Development in Indonesia. *Sustainability*, 2019, vol. 11, art. 5861. DOI: 10.3390/su11205861

24. Turgel I., Chernova O., Usoltceva A. Resilience, Robustness and Adaptivity: Large Urban Russian Federation Regions During the COVID-19 Crisis. *Area Development and Policy*, 2022, vol. 7, iss. 2, pp. 222-244. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522

Information About the Authors

Inna V. Mitrofanova, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Economic Theory, Regional Economics and Entrepreneurship, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Olga A. Chernova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Information Economics, Southern Federal University, M. Gorkogo St, 88, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Информация об авторах

Инна Васильевна Митрофанова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, лаборатория региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Ольга Анатольевна Чернова, доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.19>

UDC 32.019.5
LBC 66.04

Submitted: 14.10.2022
Accepted: 29.03.2023

DIGITAL SERVICES AS A STAGE OF ECOSYSTEM DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIAN POLITICS¹

Alexander V. Sokolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Alexander A. Frolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Egor D. Grebenko

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with issues related to the comprehensive phenomenon of modernity, the Internet. Attention is paid to new phenomena of its development, such as the emergence of digital services and platforms as well as the creation of digital ecosystems. Domestic and foreign approaches to the analysis of the ecosystem phenomenon are considered, and specific characteristics that are observed in the process of the formation of digital ecosystems in Russian politics are given. *Materials and methods.* The article presents the results of a survey of experts from 12 subjects of the Russian Federation, with a total sample of 134 respondents, aimed at determining the features of the formation and functioning of digital services in modern Russian politics. Experts assess the digital services of modern Russia and the potential of ecosystem development in politics. *Analysis.* Experts' assessment of the existence of full-fledged ecosystems in politics at the moment in Russia is quite unambiguous. More than half of the experts note that at the moment there are no full-fledged ecosystems in politics, and only a small part of the experts note that they see certain elements of the manifestation of ecosystems in politics. At the same time, many experts note the effectiveness of the use of ecosystems in the commercial sphere, elements of which can be successfully used and integrated into ecosystems in politics. *Results.* The research conducted suggests that initially small digital services, as they developed, significantly transformed many traditional areas of activity. Moreover, they became the technologies that began to monopolize them, turning into global (both geographically and functionally) ecosystems. The Internet allows citizens and various political and civil institutions to simplify their own interactions through the use of modern advances in digital technologies. The creation of ecosystems is most effective when it is initiated by actors pursuing specific goals. In the case of ecosystems, there is a shortage of both subjectivity and goal-setting in politics. This significantly limits the incentives for the development of digital services. *Authors' contribution.* Sokolov A.V.: formulation of the paper's problem, creation of a theoretical concept, analysis of the literature on the research problem, scientific editing of the text of the paper, formulation of conclusions and research results. Frolov A.A.: creation of the main concept of the article, revision of the paper's text, formulation of conclusions. Grebenko E.D.: data processing, preparation of the paper's text and graphic results of the study, formulation of conclusions.

Key words: digital platforms, digital services, digital ecosystems, Russian politics, ecosystem, Internet.

Citation. Sokolov A.V., Frolov A.A., Grebenko E.D. Digital Services as a Stage of Ecosystem Development in Modern Russian Politics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 210-225. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.19>

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Александр Владимирович Соколов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Александр Альбертович Фролов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Егор Дмитриевич Гребенко

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы, связанные с всеобъемлющим явлением современности – Интернетом. Внимание уделяется новым феноменам его развития, появлению цифровых сервисов и платформ, а также созданию цифровых экосистем. Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к анализу феномена экосистем, приводятся специфические характеристики, которые наблюдаются в процессе формирования цифровых экосистем в российской политике. *Материалы и методы.* В статье приводятся результаты опроса экспертов из 12 субъектов РФ общей выборкой 134 респондента, направленного на определение особенностей формирования и функционирования цифровых сервисов в современной российской политике. Эксперты дают оценку цифровой инфраструктуры современной России и потенциала развития экосистем в политике. *Анализ.* Оценка экспертами существования полноценных экосистем в политике на данный момент в России достаточно однозначна. Больше половины экспертов считают, что на данный момент полноценных экосистем в политике нет, только часть экспертов отмечает, что видят отдельные элементы проявления экосистем в политике. При этом, многие эксперты отмечают эффективность использования экосистем в коммерческой сфере, элементы которых могут быть успешно использованы и интегрированы в экосистемы в политике. *Результаты.* Проведенное исследование позволяет говорить, что изначально небольшие цифровые сервисы, развиваясь, существенно трансформировали многие традиционные сферы деятельности. Более того, они стали теми технологиями, которые начали монополизировать их, превращаясь в глобальные (как территориально, так и функционально) экосистемы. Интернет позволяет гражданам и различным политическим и гражданским институтам упрощать собственное взаимодействие посредством использования современных достижений в цифровых технологиях. Создание экосистем наиболее эффективно в тех случаях, когда они иницируются субъектами, преследующими конкретные цели. В случае же экосистем в политике наблюдается дефицит как субъектности, так и целеполагания. Это существенно ограничивает стимулы развития цифровых сервисов. *Вклад авторов.* А.В. Соколов – формулирование проблемы, разработка теоретической концепции, анализ литературы по проблеме исследования, научное редактирование текста статьи, формулирование выводов и результатов исследования. А.А. Фролов – разработка основной концепции статьи, доработка текста статьи, формулирование выводов. Е.Д. Гребенко – обработка данных, подготовка текста статьи, графических результатов исследования, формулирование выводов.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровые сервисы, цифровые экосистемы, российская политика, экосистема, Интернет.

Цитирование. Соколов А. В., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Цифровые сервисы как этап развития экосистем в современной российской политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 210–225. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.19>

Введение. В XXI в. Интернет становится постоянным и всеобъемлющим явлением современного общества. Он не только заполняет личное пространство людей, но и стано-

вится неотъемлемым атрибутом работы бизнес-структур (e-commerce), некоммерческих организаций и органов власти. По данным ежегодных отчетов о состоянии цифровой сферы

«Digital 2022 Global Overview Report» [29] за последнее десятилетие количество пользователей сети Интернет увеличилось более чем в два раза, при этом количество пользователей социальных сетей увеличилось более чем в три раза. Среднестатистический пользователь проводит в Интернете около семи часов в сутки, главным образом посредством смартфона. Период пандемии вызвал активизацию сектора e-commerce: по данным исследования более 50 % населения мира покупают что-то онлайн каждую неделю.

Развитие информационно-коммуникативных технологий предопределило формирование нового феномена цифровых сервисов и платформ, которые стремительно меняют характер взаимодействия субъектов, формируя новые отношения, смещая центры значимости с традиционных на новые сущности. Создаваемые цифровые платформы на начальном этапе представляют собой достаточно простые цифровые сервисы (площадки, оказывающие всего несколько услуг), однако постепенно развиваясь, они трансформируются в глобальные, стремящиеся к монополии в своей нише. Более того, осознавая, что, чем большее количество пользователей у них будет, тем более востребованы они будут, данные платформы стремятся расширяться и в смежные сферы, тем самым захватывая все новые направления деятельности. Постепенно на их основе формируются экосистемы.

Формирование нового феномена цифровых экосистем спровоцировало значительный интерес к ним как практиков, так и исследователей [18]. Изначально концепция экосистем рассматривалась в экологии. Впоследствии Д. Мур [19] адаптировал ее под бизнес-процессы. Позже стали развиваться отдельные исследования, которые концентрировали свое внимание на разных направлениях данных процессов: экосистемы знаний [21], инновационные экосистемы [13], предпринимательские экосистемы [26], цифровые экосистемы [30], экосистемы платформ [23], организационные экосистемы [17] и другие.

Американский исследователь А. Сонг сформировал модель цифровой бизнес-экосистемы [24], которая может быть использована для конструирования цифровой политичес-

кой экосистемы. Исследователь указал, что она состоит из 4 элементов:

- пользователи (граждане);
- цифровая инфраструктура управления;
- цифровой маркетплейс / платформа (цифровая площадка взаимодействия участников);
- цифровое предпринимательство (взаимодействие участников, преследующих свои цели).

В отечественной научной литературе доминирует подход анализа экосистем, в первую очередь, с позиций экономики и менеджмента (в рамках социо-гуманитарного спектра). Среди ученых данного подхода можно отметить Е.Ф. Авдокушину [1], Д.Ю. Бусалова, А.Д. Бусалову [2], Н.С. Ивашенко, Л.Е. Зернову, В.Ю. Мишакова [4].

Другие исследователи анализируют сущность цифровых платформ и формирующихся на их базе экосистем (Л.А. Раменская [10], А.Г. Голов и Е.В. Курбатова [3]). Ряд исследователей рассматривает процессы внедрения цифровых платформ в управление, в том числе государственное, и решение социально значимых проблем (Т.В. Мармونتова [7], П.В. Меньшиков и А.А. Агрба [8; 9]).

Лишь незначительное число исследователей акцентирует внимание на политических последствиях развития экосистем (например, О.Н. Четверикова [11], Л.Е. Ильичева и А.В. Лапин [5]).

В контексте исследования важным является определение дефиниции «цифровой экосистемы». Х. Болей и И. Чанг определили цифровую экосистему как «открытую, слабо связанную, кластеризованную по предметной области, управляемую спросом, самоорганизующуюся среду агентов, где каждый агент каждого вида проявляет инициативу и реагирует на свою собственную выгоду (прибыль), но также несет ответственность перед своей системой» [15].

В процессе функционирования экосистемы формируется асимметрия взаимодействия цифровой платформы и ее пользователей [20]. За счет возможности предоставлять видимую ценность своим пользователям, цифровые платформы имеют возможность привлекать все большее их количество, тем самым усиливая сетевые эффекты и имея возможность

навязывать новым и ранее присоединившимся свои условия взаимодействия.

Помимо этого, успех экосистемы обеспечивается двумя их характеристиками: модульностью и открытостью [27]. Экосистемы должны изначально конструироваться под интересы и ожидания потенциальных участников, тем самым оправдывая их ожидания после присоединения [12]. Более того, они должны постоянно поддерживаться и развиваться их создателями [28].

Устанавливая стандарты, цифровые платформы навязывают свои форматы и технологические решения для сторонних организаций, так как принимают их продукцию для распространения через свои каналы (примером могут служить магазины приложений Apple, Google и их платежные сервисы). Подобный феномен позволяет говорить о формировании своего рода политической власти цифровых платформ над другими организациями, которые хотят осуществлять свою деятельность с использованием их сервисов [14]. Постоянно развиваясь и создавая новые сервисы и услуги, цифровые платформы имеют свойство превращаться в сознании людей в «вездесущие цифровые программы» [22]. Цифровые платформы постоянно усложняются, так как они объединяются в более масштабную цифровую инфраструктуру [16], тем самым создавая экосистемы [25]. При этом ряд авторов отождествляет категории «цифровая экосистема» и «цифровая платформа» [6]. Цифровая экосистема будет тем более эффективно и быстро развиваться, чем больше на ней будет пользователей (как поставщиков, так и покупателей услуг), а также чем более открытой она будет для разработчиков (для создания сторонними потребителями новых сервисов).

Таким образом, можно говорить о том, что развитие информационно-коммуникативных технологий дало существенный стимул развитию цифровых платформ и сервисов, на основе которых постепенно формируются цифровые экосистемы. При этом, первоначально возникнув в бизнес-среде, они постепенно формируются и в других сферах. В связи с этим целью данного исследования является выявление особенностей формирования цифровых сервисов и экосистем в политической в современной России.

Под цифровыми экосистемами в политике можно понимать сложные цифровые системы, базирующиеся на электронной инфраструктуре (на основе которой возможно получение определенных сервисов) и обеспечивающие взаимодействие целого ряда политических акторов (создатели цифровой платформы, создатели контента, трансляторы контента потребители контента и др.), преследующих собственные цели в общественно-политическом пространстве.

Методика и материалы исследования. С целью определения особенностей формирования и функционирования цифровых сервисов в современной российской политике был проведен опрос экспертов. Опрос проводился в период 26 мая – 27 июня 2022 г. посредством анкетирования, в нем приняли участие 134 эксперта. В состав экспертов вошли: 25 сотрудников органов исполнительной власти регионального или муниципального уровня, 20 представителей законодательных / представительных органов власти регионального или муниципального уровня, 35 руководителей и сотрудников НКО, 12 руководителей и сотрудников аппарата политической партии, 9 бизнесменов и наемных работников в коммерческой сфере, 17 представителей средств массовой информации, 16 представителей профильного академического учреждения.

Для проведения опроса экспертов было отобрано 12 субъектов РФ (см. таблицу). Достоверность результатов выборки обеспечивалась, исходя из принципа гетерогенности, по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта РФ;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Применение данного подхода для анализа гражданской активности позволяет распространять выводы настоящего исследования на страну в целом.

География опроса экспертов

Geography of the survey of experts

№	Регион	Частота	Проценты
1	Республика Бурятия	10	7,6
2	Воронежская область	12	9,1
3	Республика Дагестан	12	9,1
4	Иркутская область	10	7,6
5	Новосибирская область	10	7,6
6	Республика Адыгея	12	9,1
7	Республика Башкортостан	10	7,6
8	Республика Татарстан	11	8,3
9	Самарская область	10	7,6
10	Свердловская область	14	10,6
11	Хабаровский край	10	7,6
12	Ярославская область	11	8,3

Компетентность и осведомленность в изучаемой проблеме стали главными критерием отбора экспертов. Каждая из целевых групп была представлена относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте РФ, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35 % выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30 %), представители экспертного сообщества (примерно 35 %).

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее десяти человек. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Для опроса экспертов использовались полуформализованная анкета и заочный письменный сбор данных. При стандартном порядке проведения опроса респондент самостоятельно заполнял вопросник, высланный по электронной почте. В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для обработки результатов опроса применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS.

Анализ собранных данных. Развитие цифровой инфраструктуры. Большинство экспертов считает, что политическая сфера требует постоянного развития цифровой инфраструктуры (61,4 %). 34,8 % убеждены, что политическая сфера требует развития цифровой инфраструктуры только в определенных областях деятельности, и лишь 3,8 % не видят необходимости в развитии подобной инфраструктуры в политике.

Руководители и сотрудники аппаратов политических партий (75 %), так же как и представители профильных академических учреждений (75 %), в большей мере склонны к мнению, что политическая сфера требует постоянного развития цифровой инфраструктуры. Только представители средств массовой информации в большей степени считают (52,9 %), что политическая сфера требует развития цифровой инфраструктуры лишь в определенных областях деятельности. Результаты ответов представлены на рисунке 1.

Распределение ответов по регионам выглядит неоднозначным. Так, эксперты из Республики Бурятия (60 %), Иркутской области (60 %) в большей степени придерживаются мнения, что политическая сфера требует развития цифровой инфраструктуры только в определенных областях деятельности. При этом некоторая часть представителей из Иркутской (10 %) и Новосибирской областей (20 %) считают, что политическая сфера не требует развития цифровой инфраструктуры.

Развитие ИКТ предопределяет формирование различных инструментов и форматов действий в цифровой среде. По мнению экспертов, цифровые сервисы в политике представлены следующими элементами: сайты (24,1 %), порталы по оказанию государственных и муниципальных услуг (23,3 %), группы и сообщества в социальных сетях (22,3 %), каналы и чаты в мессенджерах (19 %). Результаты ответов по этому вопросу представлены на рисунке 2.

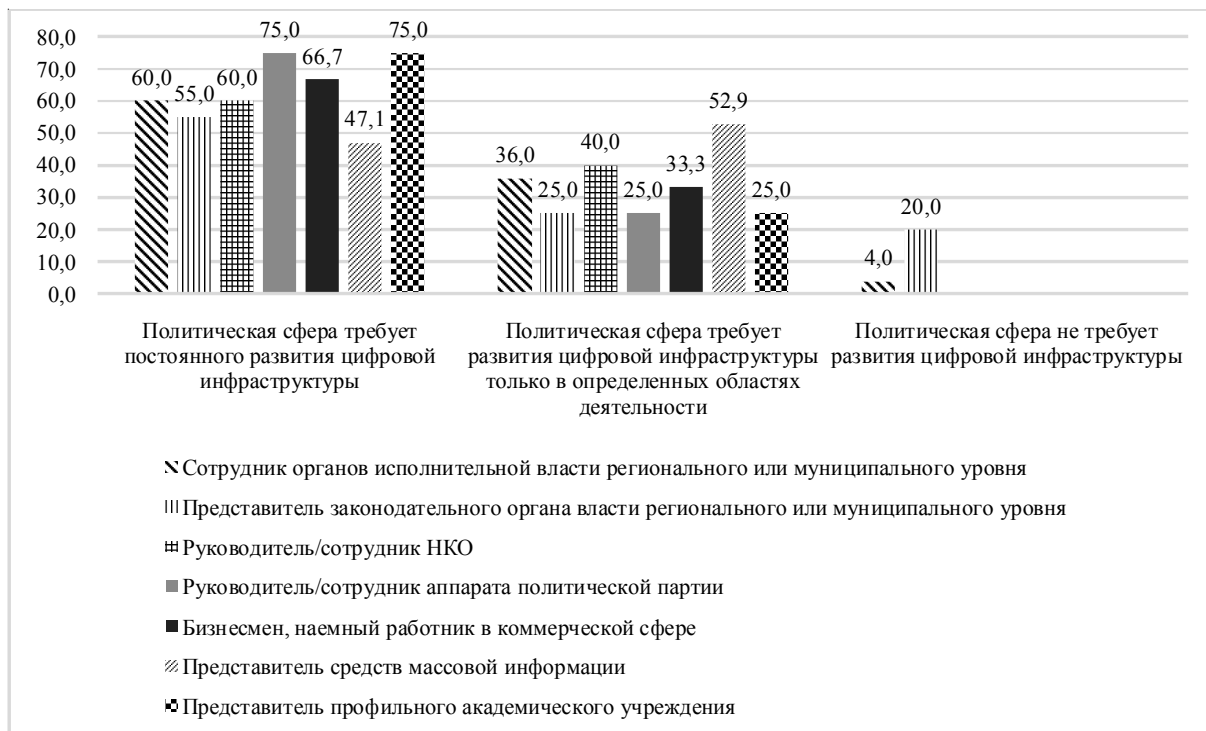

Рис. 1. В какой степени необходимо развивать цифровую инфраструктуру в политической сфере?
 Fig. 1. To what extent is it necessary to develop digital infrastructure in the political sphere?

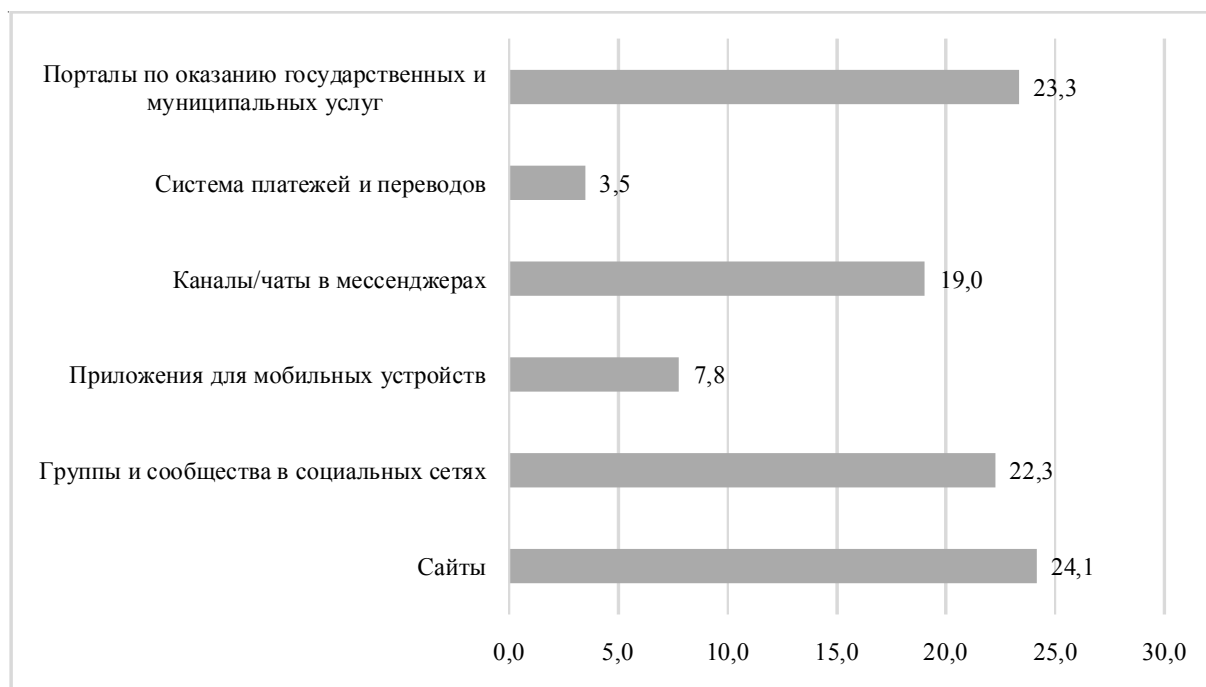

Рис. 2. Какими элементами инфраструктуры представлены цифровые сервисы в политике?
 Fig. 2. What infrastructure elements are digital services represented in politics?

Степень развития цифровых сервисов в современной российской политике оценена экспертами на среднем уровне (5,8 балла по 10-балльной шкале). При этом чуть больше половины (56,8 %) поставили оценку выше среднего. Высоко степень развития цифровых сервисов оценили руководители и сотрудники аппаратов политических партий (7 баллов), сотрудники органов исполнительной власти (6,4 балла) и представители профильных академических учреждений (6,4 балла). Наименьшую оценку поставили представители средств массовой информации 4,4 балла. В целом эксперты склонны считать, что цифровые сервисы в политике находятся на этапе развития. Вместе с этим некоторые видят в них достаточно слабую форму реализации полноценных цифровых сервисов из коммерческой сферы, называя главными недостатками развитость их инфраструктуры и ограниченный функционал в использовании для конечных пользователей.

Распределение оценок по регионам выглядит довольно неоднозначным. Так, эксперты из Республики Адыгея оценили развитие цифровых сервисов в политике на 7 баллов. Высокие оценки дали и представители из Свердловской области (6,9 балла), Республики Башкортостан (6,5 балла), Республики Да-

гестан (6,4 балла), Воронежской области (6,3 балла), Ярославской области (6,2 балла). В наименьшей степени развитие цифровых сервисов оценили эксперты из Иркутской области (4,5 балла), Хабаровского края (4,2 балла) а также представители Новосибирской области (2,9 балла). Необходимо отметить, что и сами эксперты склонны считать, что цифровые сервисы в политике развиты неравномерно в некоторых регионах (особенно с развитой инфраструктурой и высокой численностью населения) они развиты лучше, чем в отдаленных частях России. Подробное распределение ответов представлено на рисунке 3.

Самым распространенным и используемым цифровым сервисом в российской политике, по мнению большинства экспертов, является портал «Госуслуги» (43,5 %). Кроме того, распространенными эксперты называют различные негосударственные платформы для обращений и петиций (20,9 %). Наименее используемыми эксперты назвали сервисы «Российская общественная инициатива» (8,6 %) и региональные порталы по инициативному бюджетированию (4,5 %). Распределение ответов представлено на рисунке 4.

Среди наиболее важных рисков, возникающих в процессе развития цифровых сервисов в политике, эксперты отметили угрозу безопас-

Рис. 3. В какой степени в современной российской политике развиты цифровые сервисы?

Fig. 3. To what extent are digital services developed in modern Russian politics?

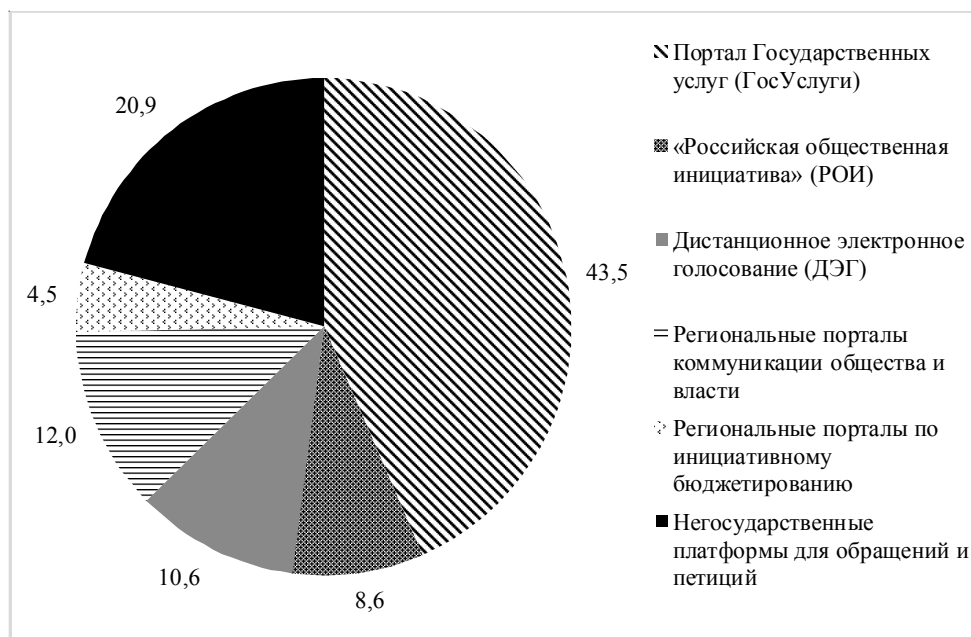

Рис. 4. Какие цифровые сервисы в политике наиболее часто используются в современной России?

Fig. 4. Which digital services in politics are most often used in modern Russia?

ности данных (28,4 %) и возможность манипуляции общественным мнением (24,7 %).

Среди представителей средств массовой информации выделяется также важность риска дополнительной нагрузки для представителей органов власти (20,9 %). Эксперты из профильных академических учреждений видят важным риск имитационности участия власти в процессе развития цифровых сервисов в политике. Эксперты из органов законодательной власти видят риски в снижении политической конкуренции (14,6 %).

Ответы экспертов в разрезе регионов выявили следующие отличия относительно общей совокупности ответов по этому вопросу. Так, представители из Республики Бурятия (21,7 %) высоко оценивают риск дополнительной нагрузки для представителей органов власти. Подобные тенденции заметны и у экспертов из Республики Дагестан (21,9 %), Самарской области (22,7 %) и Хабаровского края (20,8 %). Достаточно низко оценили риск возможности манипуляции общественным мнением эксперты из Иркутской области (7,7 %). Высоко оценили риск имитационности участия власти представители из Республики Башкортостан (19,2 %), Республики Татарстан (21,7 %) и Свердловской области (22,9 %). Распределение ответов экспертов относительно рисков в

процессе развития цифровых сервисов в политике представлены на рисунке 5.

Главными возможностями использования цифровых сервисов в политике эксперты назвали облегчение коммуникации с гражданами и партнерами (29,5 %), а также возможность влияния на общественное мнение (19,5 %). Менее всего эксперты считают, что цифровые сервисы в политике смогут привлекать средства для политической деятельности (5 %).

В целом можно отметить, что ответы экспертов в разрезе их профессионального статуса соответствуют общему результату, что объясняется общей согласованностью экспертов в контексте данного вопроса.

Распределение ответов экспертов по регионам выявило следующие особенности. Представители из Республики Дагестан отмечают важность возможности повышения конкуренции в политике, а эксперты из Новосибирской области (23,8 %) считают это главной возможностью использования цифровых сервисов в политике. Высокую важность возможности обеспечения коммуникации с гражданами и партнерами отмечают эксперты из Иркутской области (46,7 %) и Хабаровского края (47,1 %). Подробные ответы экспертов относительно возможностей использования цифровых сервисов в политике представлены на рисунке 6.

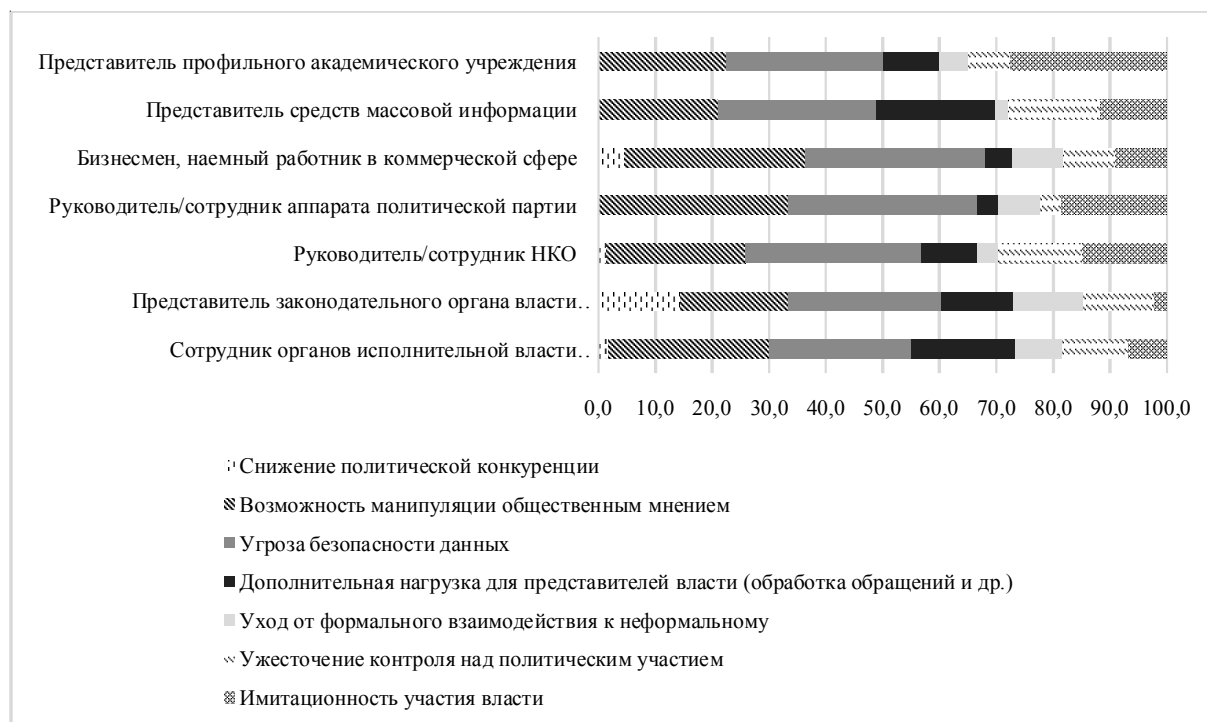

Рис. 5. Какие риски формирует процесс развития цифровых сервисов?

Fig. 5. What risks are generated by the development of digital services?

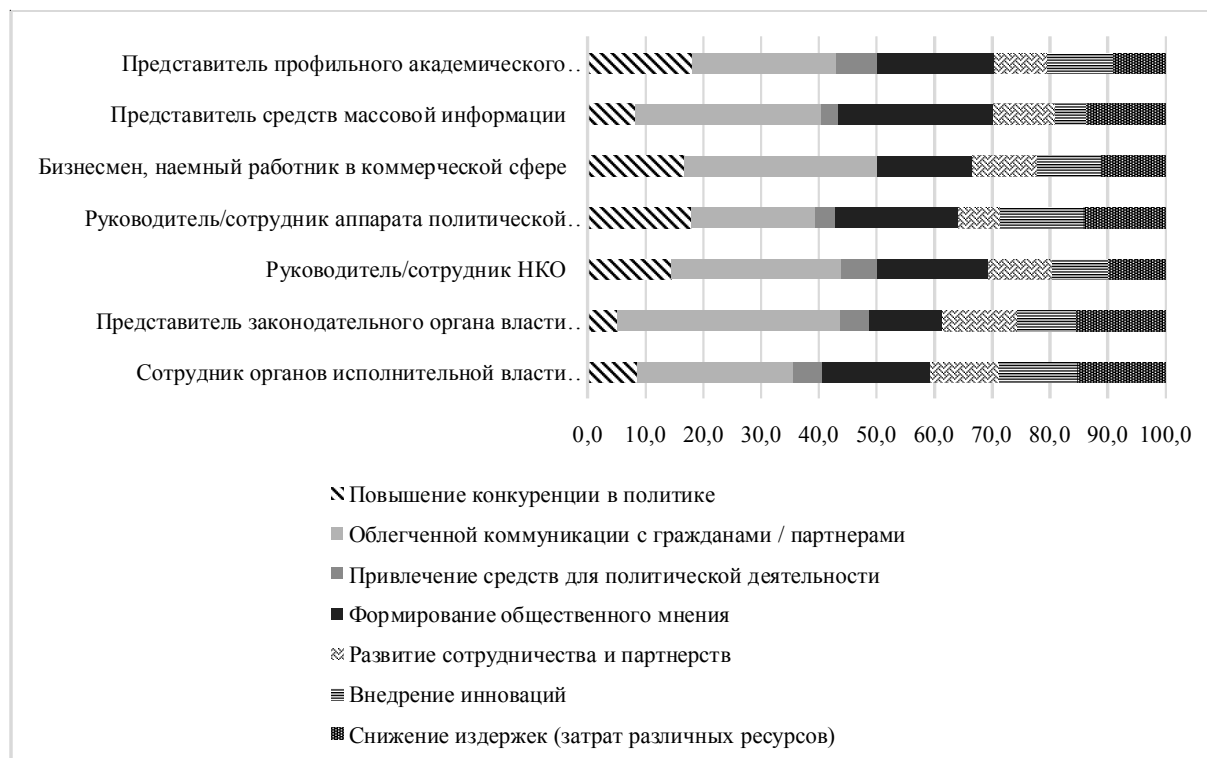

Рис. 6. Какие возможности создают цифровые сервисы в политике?

Fig. 6. What opportunities do digital services create in politics?

Потенциал развития экосистем в политике. Оценка экспертами существования полноценных экосистем в политике на данный момент в России достаточно однозначна. 66,7 % считают, что экосистем в политике нет. Необходимо отметить, что 16,7 % экспертов затруднились дать ответ на данный вопрос, а 12,9 % – видят отдельные элементы правления экосистем в политике. При этом эксперты относят к элементам экосистем в политике действующие сайты органов власти, портал «Госуслуги» его прообразы в других регионах и муниципальных образованиях. Некоторые эксперты также отметили сформированность целостных систем, но только в коммерческих проектах по типу Сбера, Тинькоффа, VK и Яндекса, которые обладают широким спектром возможных форм взаимодействия с клиентами. Только представители бизнеса и работники коммерческой сферы (33,3 %) видят эти отдельные элементы. Остальные эксперты относительно их профессионального статуса и региона солидарны с общим мнением. Исключением являются пред-

ставители Республики Башкортостан (50 %), Республики Татарстан (54,5 %), Хабаровского края (40 %) и Ярославской области (36,4 %), значительная часть которых затруднилась оценить действительную ситуацию по наличию экосистем в современной российской политике. Результаты ответов представлены на рисунке 7.

Оценка экспертами возможности развития цифровых сервисов и формирования полноценных экосистем в политике находится на уровне чуть выше среднего и составляет 6,8 балла (по 10-балльной шкале). Наивысшую оценку потенциальному развитию экосистем в политике дали бизнесмены и сотрудники коммерческой сферы (8,1 балла). Необходимо отметить, что значительных расхождений оценок экспертов относительно их профессионального статуса в этом вопросе не замечено. Ответы на вопрос представлены на рисунке 8.

Ответы экспертов в разрезе регионов также не выявили значительных отклонений от средней оценки возможности развития циф-

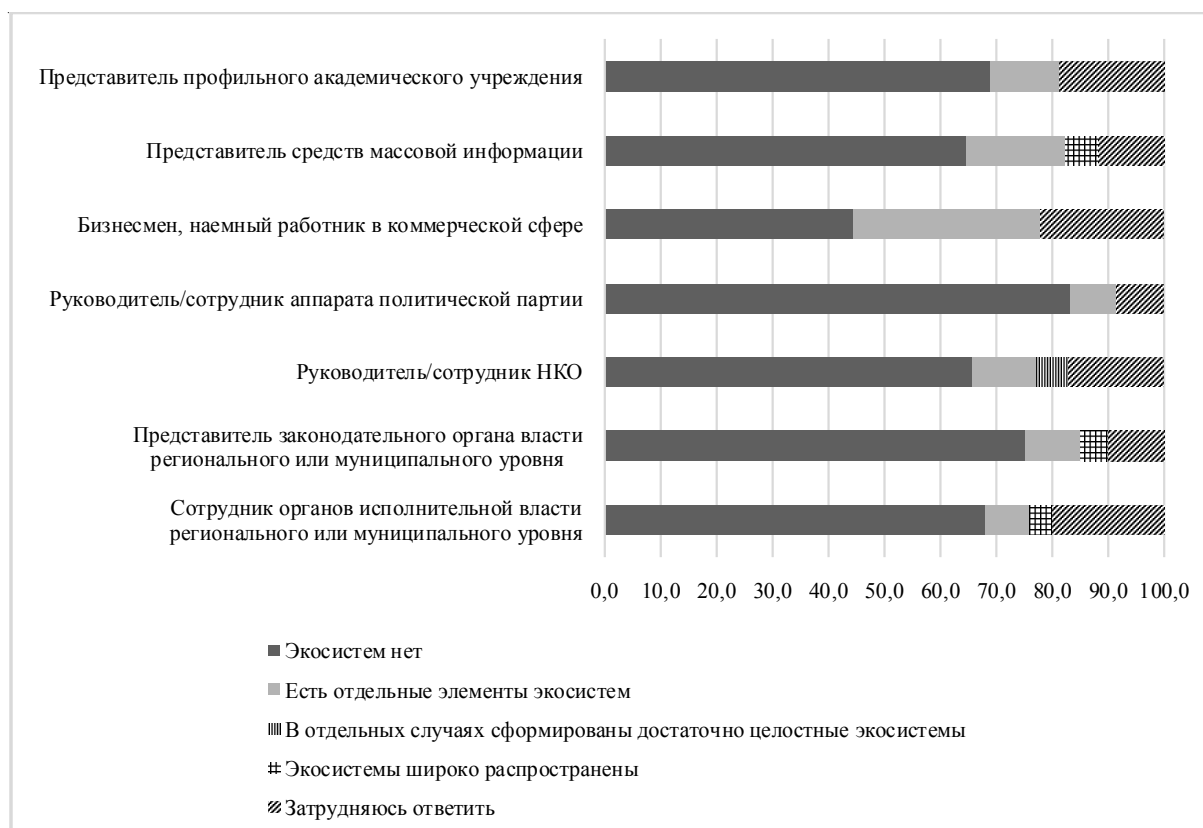

Рис. 7. Есть ли экосистемы в современной российской политике?

Fig. 7. Are there ecosystems in contemporary Russian politics?

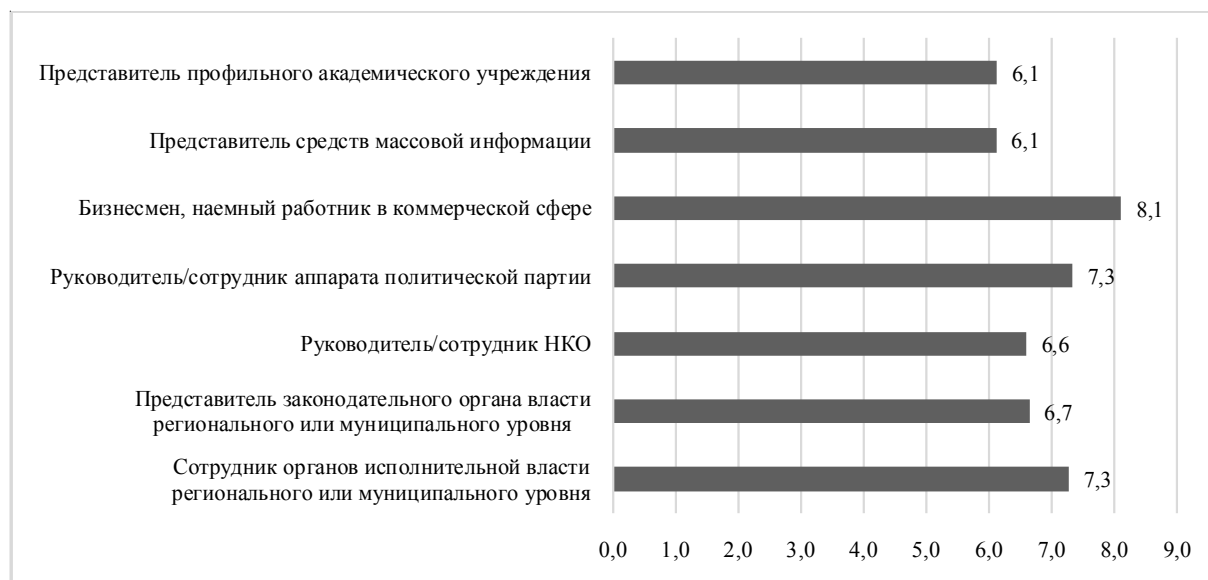

Рис. 8. Может ли развитие цифровых сервисов в перспективе привести к формированию экосистем в политике?

Fig. 8. Can the development of digital services in the future lead to the formation of ecosystems in politics?

ровых сервисов в экосистемы в политике. Исключением являются представители из Республики Адыгея, давшие среднюю оценку в 7,8 балла.

По мнению экспертов, экосистемы в политике будут обладать следующими характеристиками: доступ к широкому спектру услуг на базе одной платформы (21,5 %), наличие единого аккаунта (13,8 %), направленность на решение широкого спектра социально-политических потребностей граждан (13,5 %) и многоканальность представительства и взаимодействия (11,1 %). Менее всего эксперты ожидают от будущих экосистем в политике открытости и модульности (5,1 %), выстраивания элементов архитектуры системы цифровых сервисов на основе их взаимосвязи и тесной интеграции (4,3 %) и наличия общего бренда всех сервисов и элементов единой инфраструктуры (3,9 %). Ответы экспертов в разрезе их профессионального статуса в целом совпадают с общей совокупностью ответов. Подробное распределение ответов по характеристикам будущих экосистем в политике представлено на рисунке 9.

Результаты. Интернет создавался как локальная сеть. Однако она, как и многие другие изначально небольшие цифровые сервисы, развиваясь, существенно трансформировала многие традиционные сферы деятельно-

сти. Более того, они стали теми технологиями, которые начали монополизировать их, превращаясь в глобальные (как территориально, так и функционально) экосистемы.

Экосистемы, будучи как термин разработанными в биологических науках, в начале органично вошли в менеджмент и управление, а затем были инкорпорированы и в другие науки уже в контексте цифровизации различных сфер жизни человека и общества.

Как демонстрируют результаты проведенного исследования, Интернет оказывает значительное влияние на современную российскую политику, позволяя гражданам и различным политическим и гражданским институтам упрощать собственное взаимодействие посредством использования современных достижений в цифровых технологиях. Интернет, по мнению экспертов, позволяет субъектам использовать широкий спектр доступной информации, при этом упрощается контроль государства за действиями граждан в онлайн-пространстве. Цифровые сервисы требуют постоянного развития инфраструктуры для внедрения более успешных практик взаимодействия граждан и власти, что в свою очередь способствует развитию каналов коммуникации.

Современные цифровые сервисы в политике представлены в основном просты-

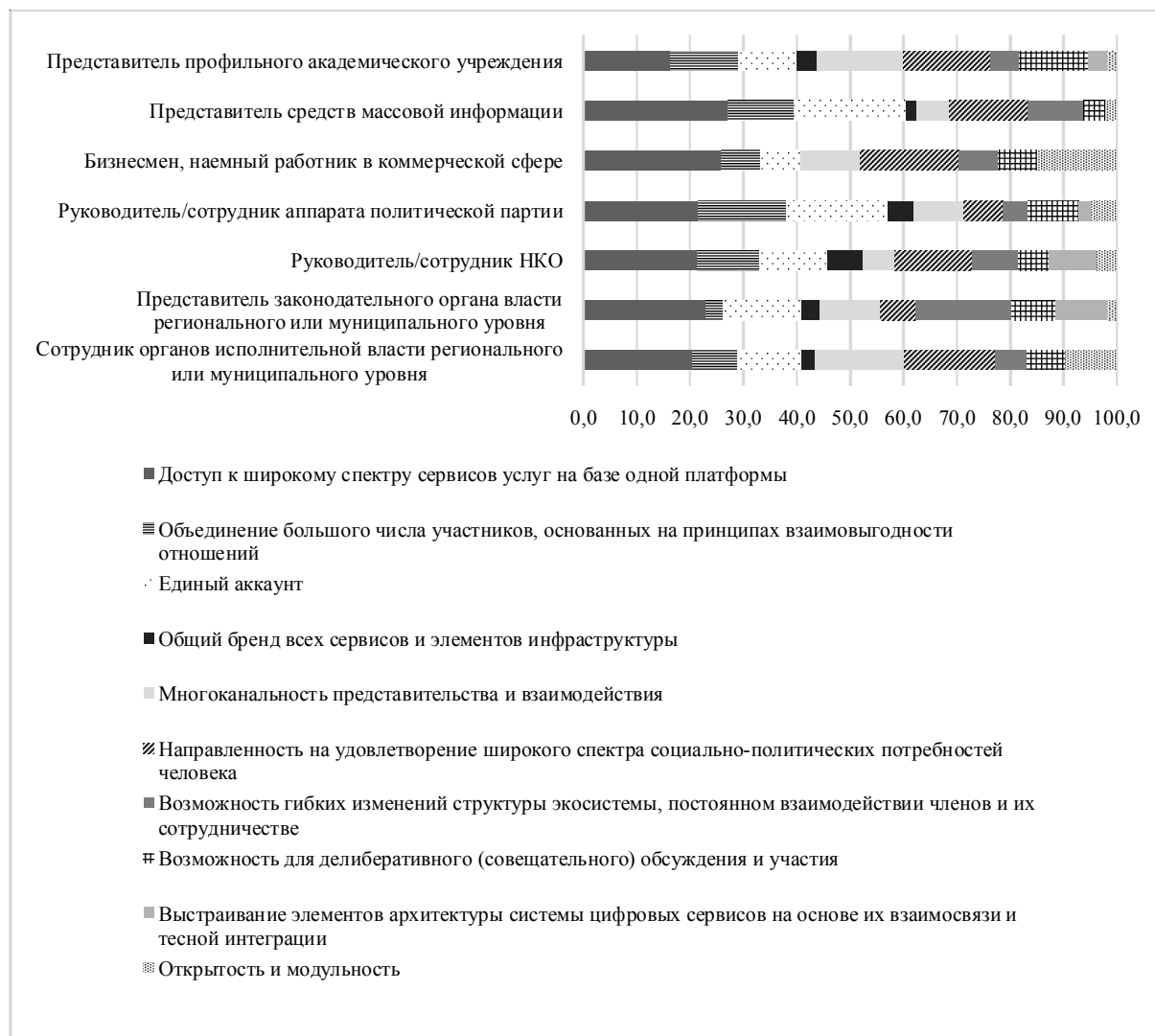

Рис. 9. Как Вы считаете, какими характеристиками будут обладать экосистемы в политике?
 Fig. 9. What characteristics do you think ecosystems will have in politics?

ми сервисами на основе успешных коммерческих проектов, такими как сайты различных политических и гражданских институтов, каналы и чаты в мессенджерах, а также группы и сообщества в социальных сетях. При этом уровень развития этих сервисов на данный момент оценивается экспертами невысоко. Необходимо отметить наблюдающиеся тенденции в их развитии и адаптации под современные запросы российского общества.

Достаточно крупным цифровым сервисом, используемым большинством граждан для получения государственных услуг и взаимодействия с органами власти, признан портал «Госуслуги», который представляется на сегодняшний день одним из самых развитых

с точки зрения полноценности функционирования цифровым сервисом в общественно-политическом пространстве России. При этом главными рисками развития подобных сервисов признаны угрозы безопасности данных граждан в онлайн-пространстве и риск манипуляции общественным мнением.

Помимо этого, цифровые сервисы обладают высоким потенциалом к вовлечению граждан в политический процесс государства, особенно посредством повышения осведомленности граждан относительно важных общественно-политических повесток, которые возможно решить через диалоговые площадки.

На данный момент существует определенная уверенность экспертов в перспек-

тиве трансформации цифровых сервисов в полноценные экосистемы, несмотря на то что, по их мнению, экосистем в российской политике на данный момент нет. В то же время многие отмечают эффективность использования экосистем в коммерческой сфере, элементы которых могут быть успешно использованы и интегрированы в экосистемы в политике.

При этом важно отметить ряд специфических характеристик, которые наблюдаются в процессе формирования цифровых экосистем в российской политике.

Во-первых, на данный момент, в их рамках не в полной мере реализуется принцип выстраивания платформы исходя из интересов потребителя. На данный момент сервисы скорее отвечают потребностям их создателей, которые затем стремятся привлечь к их использованию потребителей. Во многом этим определяется их слабая развитость и низкая осведомленность о них среди населения.

Во-вторых, создание экосистем наиболее эффективно в тех случаях, когда они инициируются субъектами, преследующими конкретные цели. В случае же экосистем в политике наблюдается дефицит как субъектности, так и целеполагания. Это существенно ограничивает стимулы развития цифровых сервисов. Отсутствие же повестки и предмета коммуникации и взаимодействия с целевой аудитории снижает вовлеченность граждан. Это подтверждается отмеченной ранее концепцией Авраама Сонга, которая базируется на четырех элементах: пользователи (граждане), цифровая инфраструктура управления, цифровая площадка взаимодействия участников, цифровое взаимодействие участников, преследующих свои цели.

Данный вывод также актуален и в контексте неспособности цифровых сервисов наполнить актуальным для потребителей контентом и новыми востребованными форматами взаимодействия (все еще пытаясь сохранить вертикально-ориентированные форматы).

В-третьих, в связи со стремительным развитием цифровых сервисов целесообразно инициировать публичную дискуссию о допустимых пределах и форматах их развития в

политической сфере, чтобы обеспечить заблаговременное и адекватное нормативно-правовое регулирование возникающим новым отношениям сущностям.

На данный момент в России активно внедряются цифровые технологии в различных областях политики. Можно выделить те направления, в которых развитие экосистем видится наиболее динамично и проявляется как на региональном, так и на федеральном уровнях: электронное голосование, оказание государственных и смежных с ними услуг в цифровом виде («Госуслуги»), электронные медицинские карты и электронные записи в больницы и др.), создание возможностей и условий для делиберации (портал «Активный гражданин»), создание платформ для взаимодействия и трансляции знаний и ценностей («Университет-2035»).

При этом широкую совокупность сценариев развития цифровых экосистем в политике можно свести к двум крайним позициям:

1) формирование единой цифровой экосистемы, контролируемой государством, предоставляющей полный спектр сервисов, необходимых политическим акторам, и предполагающей определенный контроль со стороны граждан (их объединений или представителей);

2) формирование множественности цифровых экосистем, предоставляющих определенные комплексы услуг для участников политического процесса и подконтрольных разным акторам.

При этом первый сценарий видится наиболее вероятным в долгосрочной перспективе. Основной вопрос в данном случае заключается в том, в какой степени в данной экосистеме будут сохранены базовые свободы и возможности граждан, или они будут в какой-либо степени переосмыслены и получат свое новое толкование.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01517, <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

The research was funded by the Russian Science Foundation, research project No. 22-28-01517, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01517>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдокушина Е. Ф. Формирование и развитие цифровых экосистем // Вопросы новой экономики. 2021. № 4. С. 4–12.
2. Бусалов Д. Ю., Бусалова А. Д. Методические подходы к исследованию экосистем в бизнесе // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7 (132). С. 922–929. DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.167
3. Голов А. Г., Курбатова Е. В. Цифровая экосистема города как драйвер устойчивого развития // Экономические системы. 2021. Т. 14, № 4. С. 43–52.
4. Иващенко Н. С., Зернова Л. Е., Мишаков В. Ю. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 1 (397). С. 38–42.
5. Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Анализ моделей экосистем в ракурсе социальной деполяризации в обществе // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 157–171. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8801
6. Колуман С. Может ли Интернет укрепить демократию? СПб. : Алетейя. 2018. 150 с.
7. Мармонтова Т. В. Роль цифровых экосистем в системе государственного управления и бизнес-процессов в период пандемии // Цифровая наука. 2020. № 12. С. 108–116.
8. Меньшиков П. В., Агрба А. А. Работа современных социальных экосистем в период пандемии // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 4 (80). С. 1141–1153. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.018
9. Меньшиков П. В., Агрба А. А. Цифровые экосистемы как фактор создания совместных ценностей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 3 (84). С. 917–928. DOI: 10.35775/PSI.2022.84.3.027
10. Раменская Л. А. Почему и как растут экосистемы на основе цифровых платформ // Менеджмент в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 27–34.
11. Четверикова О. Н. Цифровая приватизация власти. Как «бизнес-экосистемы» вытесняют государство // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 25–42.
12. Armstrong S. The Untold Story of Stripe, the Secretive \$20bn Startup Driving Apple, Amazon and Facebook *. URL: <https://www.wired.co.uk/article/stripe-payments-apple-amazon-facebook>
13. Autio E., Thomas L. D. W. Innovation ecosystem // The Oxford Handbook of Innovation Management. Oxford, UK : Oxford University Press. 2014. P. 204–228.
14. Bodle R. Regimes of Sharing // Information, Communication & Society. 2011. № 14 (3). P. 320–337.
15. Boley H., Chang E. Digital Ecosystems: Principles and Semantics // Inaugural IEEE International Conference on Digital Ecosystems and Technologies. Cairns Australia. 2007. P. 398–403.
16. Evans P. C., Basole R. C. Revealing the API Ecosystem and Enterprise Strategy Using Visual Analytics // Communications of the ACM. 2016. № 59 (2). P. 23–25.
17. Mars M. M., Bronstein J. L., Lusch R. F. The Value of a Metaphor // Organizational Dynamics. 2012. № 41 (4). P. 271–280. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2012.08.002
18. McDonough K., Hutchinson S., Moore T., Hutchinson J. M. S. Analysis of Publication Trends in Ecosystem Services Eesearch // Ecosystem Services. 2017. № 25. P. 82–88. DOI: /10.1016/j.ecoser.2017.03.022
19. Moore J. F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>
20. Nieborg D. B., Poell T. The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity // New Media & Society. 2018. № 20 (11). P. 4275–4292.
21. Owen-Smith J., Powell W. W. Knowledge Networks as Channels and Conduits: The Effects of Spillovers in the Boston Biotechnology Community // Organization Science. 2004. № 15 (1). P. 5–21.
22. Plantin J.-C., Lagoze C., Edwards P. N. et al. Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook // New Media & Society. 2018. № 20 (1). P. 293–310.
23. Rysman M. The Economics of Two-Sidedmarkets // Journal of Economic Perspectives, 2009. № 23 (3). P. 125–143. DOI: 10.1257/jep.23.3.125
24. Song A. K. The Digital Entrepreneurial Ecosystem – A Critique and Reconfiguration // Small Bus Econ. 2019. № 53. P. 569–590. DOI: 10.1007/s11187-019-00232-y
25. Sørensen C., Landau J. Academic Agility in Digital Innovation Research: The Case of Mobile ICT Publications Within Information Systems 2000–2014 // Journal of Strategic Information Systems. 2015. № 24 (3). P. 158–170.
26. Stam E. Entrepreneurial Ecosystems and Regional Policy: A Sympathetic Critique // European Planning Studies. 2015. № 23 (9). P. 1759–1769. DOI: 10.1080/09654313.2015.1061484
27. Valdez-De-Leon O. How to Develop a Digital Ecosystem: A Practical Framework // Technology Innovation Management Review. 2019. Vol. 9, iss. 8. P. 43–54.
28. Valdez-de-Leon O. Key Elements and Enablers for Developing a Digital Ecosystem for the IoT.

* Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Pipeline. 2018. URL: https://www.pipelinepub.com/network-transformation/iot_ecosystems

29. We Are Social Ltd. URL: <https://wearesocial.com/>

30. Weil P., Woerner S. L. Thriving in an Increasingly Digital Ecosystem // MIT Sloan Management Review. 2015. № 56 (4). P. 27–34.

REFERENCES

1. Avdokushina Ye.F. Formirovaniye i razvitiye tsifrovyykh ekosistem [Formation and Development of Digital Ecosystems]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of New Economy], 2021, no. 4, pp. 4-12.
2. Busalov D.Yu., Busalova A.D. Metodicheskiye podkhody k issledovaniyu ekosistem v biznese [Methodological Approaches to the Study of Ecosystems in Business]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2021, no. 7 (132), pp. 922-929. DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.167
3. Golov A.G., Kurbatova Ye.V. Tsifrovaya ekosistema goroda kak drayver ustoychivogo razvitiya [Digital Ecosystem of the City as a Driver of Sustainable Development]. *Ekonomicheskiye sistemy* [Economic Systems], 2021, vol. 14, no. 4, pp. 43-52.
4. Ivashchenko N.S., Zernova L.Ye., Mishakov V.Yu. Biznes-ekosistema kak forma vedeniya biznesa: vidy, printsipy partnerstva i napravleniya razvitiya v tekstilnoy promyshlennosti [Business Ecosystem as a Form of Doing Business: Types, Principles of Partnership and Directions of Development in the Textile Industry]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Tekhnologiya tekstilnoy promyshlennosti* ["Textile Industry Technology" (Series: "Proceedings of Higher Educational Institutions")], 2022, no. 1 (397), pp. 38-42.
5. Ilyicheva L.Ye., Lapin A.V. Analiz modeley ekosistem v rakurse sotsial'noy depolyarizatsii v obshchestve [Analysis of Ecosystems Models in the Venue of Social Depolarization in Society]. *Vlast* [The Authority], 2022, vol. 30, no. 1, pp. 157-171. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8801
6. Koluman S. *Mozhet li Internet ukrepit demokratsiyu?* [Can the Internet Strengthen Democracy?]. Saint Petersburg, Aletyya Publ., 2018. 150 p.
7. Marmontova T.V. Rol tsifrovyykh ekosistem v sisteme gosudarstvennogo upravleniya i biznes-protsessov v period pandemii [The Role of Digital Ecosystems in the System of Public Administration and Business Processes During the Pandemic]. *Tsifrovaya nauka* [Digital Science], 2020, no. 12, pp. 108-116.
8. Menshikov P.V., Agrba A.A. Rabota sovremennykh sotsialnykh ekosistem v period pandemii [The Work of Modern Social Ecosystems During a Pandemic]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2022, vol. 12, no. 4 (80), pp. 1141-1153. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.018
9. Menshikov P.V., Agrba A.A. Tsifrovyye ekosistemy kak faktor sozdaniya sovmestnykh tsennostey [Digital Ecosystems as a Factor in Creating Shared Values]. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy* [Issues of National and Federative Relations], 2022, vol. 12, no. 3 (84), pp. 917-928. DOI: 10.35775/PSI.2022.84.3.027
10. Ramenskaya L.A. Pochemu i kak rastut ekosistemy na osnove tsifrovyykh platform [Why and How Ecosystems Based on Digital Platforms Grow]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2022, no. 1, pp. 27-34.
11. Chetverikova O.N. Tsifrovaya privatizatsiya vlasti. Kak "biznes-ekosistemy" vytesnyayut gosudarstvo [Digital Privatization of Power. How "Business Ecosystems" Are Replacing the State]. *Svobodnaya mysl*, 2021, no. 2 (1686), pp. 25-42.
12. Armstrong S. *The Untold Story of Stripe, the Secretive \$20bn Startup Driving Apple, Amazon and Facebook*. URL: <https://www.wired.co.uk/article/stripe-payments-apple-amazon-facebook>
13. Autio E., Thomas L.D.W. Innovation Ecosystem. *The Oxford Handbook of Innovation Management*. Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 204-228.
14. Bodle R. Regimes of Sharing. *Information, Communication & Society*, 2011, no. 14 (3), pp. 320-337.
15. Boley H., Chang E. Digital Ecosystems: Principles and Semantics. *Inaugural IEEE International Conference on Digital Ecosystems and Technologies*. Cairns, s.n., 2007, pp. 398-403.
16. Evans P.C., Basole R.C. Revealing the API Ecosystem and Enterprise Strategy Using Visual Analytics. *Communications of the ACM*, 2016, no. 59 (2), pp. 23-25.
17. Mars M.M., Bronstein J.L., Lusch R.F. The Value of a Metaphor. *Organizational Dynamics*, 2012, no. 41 (4), pp. 271-280. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2012.08.002
18. McDonough K., Hutchinson S., Moore T., Hutchinson J.M.S. Analysis of Publication Trends in Ecosystem Services Research. *Ecosystem Services*, 2017, no. 25, pp. 82-88. DOI: 10.1016/j.ecoser.2017.03.022
19. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. URL: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>
20. Nieborg D.B., Poell T. The Platformization of Cultural Production: Theorizing the Contingent Cultural Commodity. *New Media & Society*, 2018, no. 20 (11), pp. 4275-4292.

21. Owen-Smith J., Powell W.W. Knowledge Networks as Channels and Conduits: The Effects of Spillovers in the Boston Biotechnology Community. *Organization Science*, 2004, no. 15 (1), pp. 5-21.
22. Plantin J.-C., Lagoze C., Edwards P.N. et al. Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook. *New Media & Society*, 2018, no. 20 (1), pp. 293-310.
23. Rysman M. The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*, 2009, no. 23 (3), pp. 125-143. DOI: 10.1257/jep.23.3.125
24. Song A.K. The Digital Entrepreneurial Ecosystem – A Critique and Reconfiguration. *Small Business Economy*, 2019, no. 53, pp. 569-590. DOI: 10.1007/s11187-019-00232-y
25. Sørensen C., Landau J. Academic Agility in Digital Innovation Research: The Case of Mobile ICT Publications Within Information Systems 2000–2014, *Journal of Strategic Information Systems*, 2015, no. 24 (3), pp. 158-170.
26. Stam E. Entrepreneurial Ecosystems and Regional Policy: A Sympathetic Critique. *European Planning Studies*, 2015, no. 23 (9), pp. 1759-1769. DOI: 10.1080/09654313.2015.1061484
27. Valdez-De-Leon O. How to Develop a Digital Ecosystem: A Practical Framework. *Technology Innovation Management Review*, 2019, vol. 9, iss. 8, pp. 43-54.
28. Valdez-de-Leon O. Key Elements and Enablers for Developing a Digital Ecosystem for the IoT. *Pipeline*, 2018. URL: https://www.pipelinepub.com/network-transformation/iot_ecosystems
29. *We Are Social Ltd.* URL: <https://wearesocial.com/>
30. Weil P., Woerner S.L. Thriving in an Increasingly Digital Ecosystem. *MIT Sloan Management Review*, 2015, no. 56 (4), pp. 27-34.

Information About the Authors

Alexander V. Sokolov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Head of the Department of Social and Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 10, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, alex8119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

Alexander A. Frolov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Social and Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 10, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, a.a.froloff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>

Egor D. Grebenko, Assistant, Department of Social and Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 10, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, grebenkoegor76@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9978-077X>

Информация об авторах

Александр Владимирович Соколов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская 10, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, alex8119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

Александр Альбертович Фролов, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская 10, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, a.a.froloff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>

Егор Дмитриевич Гребенко, ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская 10, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, grebenkoegor76@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9978-077X>

www.volsu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТЕКСТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20>

UDC 327.7/327.82

LBC 66.4(2Рос)/66.4(4/8)

Submitted: 21.04.2023

Accepted: 27.05.2023

RUSSIA IN CONTEMPORARY ARCHITECTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS: FORECAST SCENARIOS AND LIMITS OF ACCEPTABLE RESTRUCTURING

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elena V. Klinshans

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the characterization and substantiation of the basic principles and priority areas of the foreign policy activity of the Russian Federation in the context of the transformation of the modern system of international relations. Scenario approaches to the development of the Russian state and its functional role in the context of increased conflict potential between countries of Western and non-Western civilizations that are most frequently articulated within the political science discourse are interpreted. The study's relevance stems from the need to reconsider the dominant grounds for restructuring the contemporary world order, which lacks security and stability, while compromising the development interests of most states and societies at national, regional, and global levels. *Methods and materials.* The authors rely on the conceptual statements of the political organization of the contemporary world, developed by M.M. Lebedeva within the framework of a system approach. In identifying the sources of global turbulence experienced by the current system of international relations, the theoretical constructions by I. Wallerstein, S. Huntington, G. Kissinger, and O.V. Gaman-Golutvina were used. The elucidation of the functional specifics of Russia as a civilization state in the system of the world order of the past and present is based on a civilizational approach. The empirical base of the article was the normative and legal documents of the Russian Federation and the results of surveys conducted by leading centers: VCIOM, FOM, and Levada Center (this organization is included in the unified register of individuals and organizations recognized as foreign agents in the Russian Federation). *Analysis and results.* In the course of the study, the dominant factors that contribute to the radicalization of the conflict potential of the existing system of international relations were revealed and interpreted. The relationship between the escalation of the conflict between the Western bloc countries and Russia, the multifaceted objectification of Russophobia in all spheres of life, and the strategic vectors of Russia's foreign policy formulated in The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2023) is traced. At the same time, attention is focused not only on the principles of the new Russian statehood and the place of the Russian Federation in the contemporary world but also on the historical continuity of Russia as a civilization state. *Authors' contribution.* S.A. Pankratov developed the theoretical basis of the study, analyzed the dominant trends in the transformation of the modern system of international relations, and carried out the general scientific editing of the article. E.V. Klinshans summarized and analyzed the empirical data related to the priorities of the implementation of the foreign policy of the Russian Federation and formulated the main conclusions of the work.

Key words: Russian Federation, international relations, foreign policy, political development of the world, scenarios, globalization, regionalization, civilization state.

Citation. Pankratov S.A., Klinshans E.V. Russia in Contemporary Architecture of International Relations: Forecast Scenarios and Limits of Acceptable Restructuring. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 226-238. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20>

УДК 327.7/ 327.82

ББК 66.4(2Рос)/66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 21.04.2023

Дата принятия статьи: 27.05.2023

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ И ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Сергей Анатольевич Панкратов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Викторовна Клиньшанс

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена характеристике и обоснованию базовых принципов и приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Российской Федерации в условиях трансформации современной системы международных отношений. Интерпретируются наиболее часто высказываемые в рамках политологического дискурса сценарные подходы развития российского государства и его функциональная роль в контексте усиления конфликтогенности стран западной и незападной цивилизаций. Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления доминирующих оснований реструктуризации институционально сложившейся системы современного мироустройства, не обеспечивающей безопасность и устойчивость, интересы развития абсолютного большинства государств и обществ на национальном, региональном и глобальном уровнях. *Методы и материалы.* Авторы опираются на концептуальные положения политической организации современного мира, разработанные М.М. Лебедевой в рамках системного подхода. При выявлении источников глобальной турбулентности, переживаемой нынешней системой международных отношений, использовались теоретические конструкции И. Валлерстайна, С. Хантингтона, Г. Киссинджера, О.В. Гаман-Голутвиной. Раскрытие функциональной специфики России как государства-цивилизации в системе мироустройства прошлого и настоящего базируется на цивилизационном подходе. Эмпирической базой статьи выступили нормативно-правовые документы РФ; результаты исследований, проведенные ведущими центрами, такими как: ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр» (данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации). *Анализ и результаты.* В ходе исследования были раскрыты и интерпретированы доминирующие факторы, способствующие радикализации конфликтного потенциала сложившейся системы международных отношений. Прослежена взаимосвязь между обострением конфликта стран западного блока с Россией, многогранным опредмечиванием русофобии во всех сферах жизнедеятельности и стратегическими векторами внешней политики России, сформулированными в Концепции внешней политики Российской Федерации (2023 г.). При этом акцентируется внимание не только на принципах новой российской государственности и места РФ в современном мире, но и на исторической преемственности России как государства-цивилизации. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретическую базу исследования, проанализировал доминирующие тенденции трансформации современной системы международных отношений и осуществил общее научное редактирование статьи. Е.В. Клиньшанс обобщила и проанализировала эмпирические данные, связанные с приоритетами реализации внешней политики РФ, сформулировала основные выводы работы.

Ключевые слова: Российская Федерация, международные отношения, внешняя политика, политическое развитие мира, сценарии, глобализация, регионализация, государство-цивилизация.

Цитирование. Панкратов С. А., Клиньшанс Е. В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 226–238. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20>

Введение. С распадом СССР в начале 1990-х гг. начался процесс трансформации миропорядка, установленного после Второй мировой войны. Доминирующим выступил вектор разрушения системы международных отношений, основывающихся на документах Ялтинской и Потсдамской конференций и заложивших функциональные принципы международного права, функционирования международных политических институтов, в том числе ООН и Совета Безопасности. При этом в рамках «очерчивания» проблемного поля исследования важно подчеркнуть, что разрушение Ялтинско-Потсдамской системы выступает конкретным проявлением трансформации Вестфальской (европейской) модели мирового порядка, принципы которой функционировали на протяжении почти четырех столетий. Следует согласиться с Г. Киссинджером, определившим Вестфальскую систему «в качестве “каркаса” межгосударственного и международного порядка, охватывающего различные цивилизации и регионы, поскольку европейцы, расширяя границы своих владений, всюду навязывали собственные представления о международных отношениях» [14, с. 13–14].

Как отметил в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в феврале 2023 г. В.В. Путин, «все годы после развала Советского Союза Запад не оставил попыток поджечь постсоветские государства и, главное, окончательно добить Россию как самую большую сохранившуюся часть нашего исторического государственного пространства» [30]. В настоящее время в полной мере проявились трагические последствия «геополитической катастрофы», связанные с вытеснением (экономическим, социокультурным, политико-правовым и т. д.) РФ из бывших республик Советского государства, продуцируя ряд конфликтов, не нашедших разрешения на протяжении нескольких десятилетий.

Доктрина «конца истории» [37] выступила объяснительной парадигмой окончательной победы после распада СССР либерально-демократической модели глобального мира, предполагающей дальнейшее развитие национальных государств, их региональных объединений и союзов по западным образцам «ведущих» стран мира во главе с США, не пре-

дусматривающих альтернатив видения и реализации собственных интересов, приоритетов, целей. К сожалению, стоит признать, что в процессе формирования новой постсоветской российской государственности «наша страна пыталась войти и частично входила в западную систему ориентиров и координат» [31, с. 14], где коллективный Запад разрабатывает и диктует правила, навязывая другим странам «параллельное международное право».

С нашей точки зрения, одной из первых попыток неприятия «однополярного мира» со стороны России продемонстрировал Е.М. Примаков, развернувший самолет над Атлантикой в знак несанкционированных ООН военных действий НАТО во главе с США в Югославии [27]. Выступление в 2007 г. Президента РФ В.В. Путина на Мюнхенской конференции заложило основы внешней и внутренней политики, отстаивающей право России на экономический, политический, духовный, военный суверенитет и отвергающей существование «однополярного мира» [28].

Последовавшие затем события, в том числе воссоединение Крыма и Севастополя с Россией, реализация санкционной политики с доминированием русофобской идеологии со стороны недружественных стран, достижение целей СВО по денацификации Украины и обеспечению безопасности жизнедеятельности жителей Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей, «спровоцировали», с одной стороны, процесс консолидации российских граждан, повышение уровня доверия к институтам власти, в первую очередь Президенту РФ. С другой стороны, углубили идейно-ценностную диверсификацию внутри социальных групп, выявили факторы воспроизводства «раскола» между отдельными представителями элиты и большей частью гражданского общества.

Таким образом, в рамках политической науки актуализировалась потребность осмысления условий и факторов трансформации современной системы международных отношений в контексте анализа возможных сценарных подходов к развитию российского общества и государства как неотъемлемой части мирового сообщества. Безусловным приоритетом выступает анализ основных направлений внешней политики России, возможности

сотрудничества с дружественными странами, региональными и глобальными организациями, что позволило бы реализовать проект институционализации многополярного мира как содружества равноправных суверенных государств и их объединений.

Методы и материалы. Исследованию источников и векторов трансформации современной системы международных отношений посвящен целый ряд фундаментальных, аналитических и поисковых научных трудов отечественных и зарубежных авторов [4; 19; 22; 44], основывающихся на различных, часто несовместимых и диаметрально противоположных теоретико-методологических подходах. Вместе с тем большинство исследователей признают или по крайней мере не отрицают доминирующего влияния на состояние и процессы изменения сложившегося и институционально закрепленного миропорядка триады имманентно противоречивых мегатрендов глобализации – деглобализации, интеграции – дезинтеграции, демократизации – дедемократизации [20]. Структурные и содержательные характеристики альтернатив данных мегатрендов позволяют интегрировать и иные векторы (тренды) мирового развития (активное внедрение и использование информационных технологий, формирование цифрового общества и цифровой культуры, хаотизация последствий неконтролируемых миграционных потоков и т. д.), существенно расширяющие и дополняющие реалии первой трети XXI в. [1; 9; 13].

В рамках данной статьи нынешний мировой порядок будет рассматриваться как трансформация системы международных отношений. При этом авторы для четкой аргументации позиции по вопросам места Российской Федерации и ее роли в реструктуризации современной архитектуры международных отношений опираются на концептуальные положения М.М. Лебедевой о том, что «политическая организация мира понимается как структура, образованная тремя основными уровнями: 1) Вестфальская политическая система; 2) система международных (межгосударственных) отношений, включающая в себя конфигурацию ведущих государств мира, а также иные структуры, образованные государствами (международные организации, ин-

теграционные объединения, клубные форматы взаимодействия и т. п.); 3) совокупность политических систем различных государств мира. При этом все три уровня испытывают взаимные влияния друг друга, что в современных условиях при их одновременной трансформации образует эффект “идеального шторма”» [20, с. 12]. Возможности выбранного системного анализа дополняются исследовательским инструментарием реалистического подхода в международных отношениях, что позволяет конкретизировать факторы и условия, направленность их трансформации.

В работе использованы идеи и теоретические конструкции целого ряда методологических подходов – конфликтологического, рискологического, глобализации и регионализации [5; 8; 32; 42; 45] для характеристики качественных и количественных параметров, основных акторов реструктуризации системы международных отношений. Авторы сознательно пытались преодолеть идеологическую ангажированность и ограниченный потенциал тех или иных концепций при анализе конкретных фактов, механизмов, условий и факторов, формулирования и отстаивания национально-государственных и иных интересов в политическом пространстве глобального мира в исторической перспективе.

Анализ основных направлений и приоритетов внешней политики России в соответствии с принятой в 2023 г. «Концепцией внешней политики Российской Федерации» [17] базируется на целом ряде положений цивилизационного подхода [10; 26; 35; 43]. Важно подчеркнуть, что актуализация цивилизационного «взгляда» на современный мир предполагает, с одной стороны, преодоление западноцентричного «акцента» на понимание и изучение цивилизаций. С другой стороны, переосмысление двух доминирующих по большому счету альтернативных культурно-цивилизационных версий, одна из которых «полагала организующим принципом миропорядка противостояние унитарной и универсальной по своему потенциалу общечеловеческой цивилизации», а другая «исходила из сосуществования множественных цивилизационных проектов и предполагала, что основания нового миропорядка будут вырабатываться, а его перспективы проясняться непосредственно в

процессе межцивилизационного взаимодействия» [18, с. 136].

Обосновывая место Российской Федерации в условиях трансформации современного миропорядка, авторы статьи исходят из признания более чем тысячелетнего опыта существования самостоятельной российской государственности, «определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [17]. Вместе с тем следует учитывать дискуссионность точек зрения в научном сообществе при констатации базовых характеристик российской цивилизации в сравнении с иными цивилизационными образованиями, на которые совершенно справедливо в своей двухтомной монографии, вышедшей в 2022 г., акцентировал внимание В.Г. Хорос [39; 40].

Эмпирической базой данной работы выступили нормативно-правовые документы РФ; результаты исследований, проведенных ведущими центрами, такими как: ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр»* [6; 24; 33; 34]. Существенную роль в подборе доказательной базы при обосновании авторских положений сыграли результаты теоретических и эмпирических исследований, сценарные подходы, изложенные в докладах Международного дискуссионного клуба «Валдай» [3; 4].

Анализ. Утверждение в марте 2023 г. «Концепции внешней политики Российской Федерации» обозначило, по нашему мнению, новую точку отсчета в обоснованной артикуляции и реализации национальных интересов, стратегических целей России в условиях нарастающих темпов трансформации сложившегося миропорядка в целом и системы международных отношений в частности. «Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются кон-

курентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров» [17].

Такая действенная позиция России по реструктуризации системы международных отношений во многом связана с тем, что ни руководство страны, ни большинство граждан в настоящее время «не питают иллюзий» относительно возможности позитивного сотрудничества РФ со странами Западного мира [6; 25]. Фактически Россия выступила одним из международных акторов, инициировавшим процесс целенаправленной консолидации незападных стран по формированию многополярности и преодолению гегемонии немногих во главе с США. Следует признать, что обретение внешнеполитической автономии и возможности свободно планировать собственные региональные и глобальные проекты заняло достаточно длительный интервал болезненного переосмысления и преодоления последствий псевдолиберальных реформ (социально-экономических, политико-правовых, военных и т. д.) 90-х гг. прошлого века. При этом ограниченность ресурсов, с одной стороны, и нецелесообразность политики изоляционизма, к которой подталкивают Россию ряд недружественных стран, с другой стороны, объективно позволяют проводить многовекторный, прагматичный внешнеполитический курс, основанный на принципах равноправного международного сотрудничества по решению общих задач и отстаиванию взаимовыгодных интересов.

Таким образом, утрачивается функциональная необходимость наличия сверхдержавы в структуре ныне институционально сложившегося миропорядка. Безоговорочная гегемония одной супердержавы в лице США как следствие прекращения существования СССР и политики поддержания «баланса сил» между двумя полюсами притяжения проявила существенные признаки девальвации в силу деструктивных практик безальтернативного навязывания либеральной модели глобализации, идеологически оправдываемой концепцией «конца истории». Идеологическое и институциональное закрепление «однополярного мира», определяемого непосредственно интересами США и ближайшими союзниками, в

* Данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

первую очередь по НАТО в конце XX в., свело на нет реальный суверенитет российского государства. Как было отмечено в ежегодном докладе клуба «Валдай», «Россия стала первой крупной державой, которая, руководствуясь собственными представлениями о безопасности и справедливости, решила отказаться от благ “глобального мира”, создаваемых единственной сверхдержавой (США)» [2, с. 7].

Самостоятельная успешная экономическая и финансовая политика Китая [7], укрепление военно-политической сферы РФ, усиление процессов регионализации в неевропейской части мира с институализацией новых экономических, межправительственных, военно-стратегических блоков и структур позволяет говорить об усилении тенденции, с одной стороны, к потере позиций сторонниками однополярного мира, а с другой – к выявлению проблемных сторон России как субъекта международных отношений. При этом целый ряд экспертов указывает на асимметричность складывающихся отношений РФ и КНР, что может привести к потенциальной зависимости России от Китая, лишению нашей страны свободы действий как минимум в сфере международного сотрудничества. В этом контексте именно реализация многовекторной внешней политики РФ, заключающейся в том числе в развитии многосторонних межгосударственных связей, особенно в рамках создаваемых евроазиатских структур, позволит избежать взаимного недоверия и ошибок.

С точки зрения авторов, трудно игнорировать тот факт, что в условиях сосредоточения на решении внутренних социально-экономических и политических задач, КНР и РФ считали, что доминирование США выступит временным явлением с возможным в дальнейшем равноправным сотрудничеством. Однако США не планировали диалога с данными странами как самостоятельными субъектами. Именно это обстоятельство во многом сблизило Китай и Россию в начале XXI века. Более того, ни одна из этих стран в своей внутренней и внешней политике не претендует на признание универсальности для мирового сообщества своих ценностей, экономической и политической систем. Скорее наоборот, они акцентируют вни-

мание на своей исторической уникальности и неповторимости.

Учет цивилизационной специфики отдельных государств и их союзов отражается в признании самой России как самобытного государства-цивилизации, на территории которого проживают народы, образующие общность Русского мира. Использование цивилизационного подхода при анализе трансформации современного миропорядка расширяет возможности политологического инструментария рассматривать взаимодействия государств и обществ как органический / прерывистый / конфликтный процесс развития самобытных национальных культур. При этом нынешняя структура миропорядка основывается на параметрах европейской цивилизации, практически не признающей (а скорее, игнорирующей) достижения иных цивилизаций, что и приводит к «столкновению цивилизаций» [23; 38].

Следовательно, одним из направлений анализа трансформации системы международных отношений объективно выступает переосмысление механизмов и форм совмещения несовместимых ранее цивилизаций, претендующих на то, чтобы иметь и реализовывать политическое содержание и форму. В философско-историческом, а затем и политологическом дискурсе до недавнего времени превалировала позиция о том, что несовместимость систем ценностей выступает главной причиной отличия одной цивилизации от другой. В этом смысле практика существования Китая как государства-цивилизации и его векторы взаимодействия с Россией направлены на воспроизводство и отстаивание цивилизационных основ незападного мира в условиях сложившейся глобальной цивилизации.

Цивилизационная составляющая позволяет иначе взглянуть на процессы экспорта демократии, демократические транзиты в иные страны и регионы, которые через различные формы экспансии реализуют США вместе со своими ближайшими союзниками по НАТО и ЕС. Именно они возложили на себя «историческую миссию» ценности демократии и демократического транзита в их версии трактовки и индикативных показателей распространять, укоренять в иных государствах и регионах с совершенно иными цивилизаци-

онными кодами организации жизнедеятельности, в том числе политической [12].

Не меньшее значение для понимания векторов трансформации системы международных отношений имеет признание пределов воздействия глобализации на государственный суверенитет [15]. Сложилась практика, что члены интеграционных объединений добровольно отказываются от части своего суверенитета, делегируя его на наднациональный уровень. Однако это не означает, что в глобализирующемся мире государственный суверенитет не существует, тем самым позволяя другим субъектам международных отношений (государствам, региональным и глобальным организациям) под тем или иным предлогом осуществлять вмешательство во внутренние дела государств. С нашей точки зрения, одним из важнейших условий существования Российской Федерации как суверенного государства является сохранение ее территориального и конституционного единства [16].

Ранее в данной статье подчеркивалось, что США и их ближайшие союзники не оставляют попытки вмешательства в дела России как суверенного государства, оказывая информационное, экономическое (санкционное) и иные виды давления на институты государства и гражданского общества, в том числе на отдельных граждан. Еще в 2017 г. была создана и активно работает Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ. Основными задачами комиссии выступают как осуществление мониторинга внешних угроз российскому суверенитету, в том числе попытки повлиять на основы конституционного строя, внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации, ее территориальную целостность, состав органов публичной власти, так и разработка рекомендаций по предотвращению реальных и потенциальных угроз путем совершенствования национального законодательства [11].

Вместе с тем даже в условиях нынешнего миропорядка имеется позитивная практика сотрудничества стран, обладающих полным суверенитетом в набирающей силу организации БРИКС. Следует подчеркнуть, что данная организация в течение достаточно ко-

роткого времени эволюционировала от искусственного конструкта, созданного группой стран и названного БРИК, до выработки основополагающего критерия полноправного вхождения в ее структуры – способности проводить полностью независимую политику. При этом данный критерий не просто декларируется, а подкрепляется экономическим потенциалом каждой из стран. Таким образом, участие в БРИКС есть маркер причастности к системе вне пределов западного доминирования [21]. Авторы акцентируют внимание на том, что в данном случае практически все страны, входящие в БРИКС, испытывают давление со стороны западного альянса. В этом контексте жизнеспособность организации основывается не на противостоянии и конфронтации с иными государствами, а на способности минимизировать риски от взаимодействия с ними.

Одним из ресурсов противодействия трансформации однополярного мира к многополярному выступает использование технологии «геополитики восприятия», определяемой как господствующий дискурс, «вырабатываемый доминирующими державами и навязываемый всему остальному миру в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире» [41, с. 364]. Страны Запада формулируют и навязывают свою собственную интерпретацию развития миросистемы, не допуская иного видения ситуации, иных трендов, «вызванных» и объективируемых в XXI веке. Примером использования «геополитики восприятия» может служить русофобская риторика, обусловленная экспансией ЕС и НАТО на Восток, к границам с Россией.

Подводя итог политологического анализа векторов и факторов трансформации современной системы международных отношений, логично возникает вопрос о месте и роли России в условиях хаотичности деятельности институциональных / неинституциональных субъектов, турбулентности и противоречивости политической организации мира. В настоящее время доминируют несколько вариантов прогнозных сценариев включенности РФ в мироустройство, характеризующее высоким уровнем конфликтности и непредсказуемости:

– «растворение» россиян в демографической структуре глобального сообщества с сужением территориально-государственных рамок и потерей субъектности в доминирующей системе международных отношений;

– цивилизационная регионализация России в рамках системы ограниченного влияния на отдельные страны, ранее входящие в структуру СССР;

– этатизация всех внутрисоциальных отношений с ускоренной институализацией самодостаточного «закрытого общества»;

– либеральный, подразумевающий окончательную закреплённость западных ценностей и стандартов общежития с потерей суверенитета российского государства;

– востокоцентричный, основанный на доминировании Китая и соподчиненном положении России как государства-цивилизации;

– самостийный (сдержанно-оптимистический), характеризующий Россию как одного из суверенных акторов складывающегося многополярного мира.

При этом внешнеполитический курс России и ее место в трансформирующейся системе во многом зависят от взаимопонимания с дружественными и недружественными странами, в том числе соотношения двух базовых векторов – ценностей и интересов. Россия исходит из того, что демократизация общественной жизни и государственного устройства различных стран выступает как внутренний эволюционный процесс с учетом исторических, цивилизационных особенностей и социально-экономических приоритетов.

Результаты. В Концепции внешней политики РФ четко ранжированы региональные приоритеты России в контексте турбулентности современных мировых политических процессов: ближнее зарубежье, Арктика, Евразийский континент, КНР, Индия, Азиатско-Тихоокеанский регион, исламский мир, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Европейский регион, США и другие англосаксонские государства, Антарктика. Вместе с тем необходимо сделать вывод о высоком уровне динамизма изменений и часто непредсказуемости в развитии международных отношений. Таким образом, с точки зрения авторов, современный миропорядок в целом представляет лишь относительно устойчивое,

ограниченное в пространственном и временном измерении состояние международной системы, характеризующееся действенно-функциональной спецификой государственных / негосударственных, институциональных / неинституциональных акторов с признаваемыми / ограниченно признаваемыми большинством правилами поведения на международной арене.

При этом выделяются базовые компоненты и их характеристики, подверженные трансформации и в конечном итоге определяющие структуру и характер миропорядка в конкретный период мировой истории. Современные трансформационные процессы мироустройства, с нашей точки зрения, выступают, с одной стороны, логическим, принимающим завершённый вид «конца» биполярной конфронтации двух держав и основывающимся на классовых, идеологических различиях систем СССР – США, социализма – капитализма. С другой стороны, несмотря на более чем тридцатилетний срок прекращения существования СССР, РФ как правопреемник Советского государства у определенной части правящих элит и населения по-прежнему воспринимается в «образе врага», потерпевшего поражение в холодной войне, но претендующего на установление принципов нового миропорядка в координатах многополярности с опорой на содружество незападных стран.

Утвердившаяся кризисная система международных отношений в начале XXI в. определяется резким обострением и противостоянием отношений России с НАТО; ущемлением прав России в европейских региональных структурах и организациях (Совете Европы и Парламентской ассамблее Совета Европы); обострением позиций и взаимоотношений между постоянными членами Совета Безопасности ООН и т. д. Вместе с тем принципы международного права во многом трансформировались в символическую политику, осуществляемую по неким правилам, установленным единственной глобальной супердержавой США [22, с. 15–26].

В настоящее время, с нашей точки зрения, лишь ограниченное число стран, региональных организаций включено в процесс трансформации миропорядка от однополярности – к многополярности, что характеризует

позитивную тенденцию в системе реструктурирования международных отношений во главе с РФ, КНР, другими странами БРИКС. Однако серьезные усилия предпринимают США и ближайшие союзники по сохранению или незначительной модификации однополярного мира с сохранением данными странами сложившихся глобальных привилегий. Отсюда и «раскручивание» маховика конфликтности через противостояния по «периметру» с Россией, не скрывая желания и цели ее не просто ослабления, а поражения и уничтожения как суверенного субъекта международных отношений [29; 36].

Следовательно, нынешний этап политической трансформации мира, скорее всего, займет длительное время, и России, КНР, а также другим странам не-Запада предстоит отстаивать свое право на суверенность и многовекторность сотрудничества в условиях «сопротивления» стран Запада движению мира к многополярности. Неизбежно возникает борьба за выработку и реализацию модели реформирования ООН, закрепления статуса новых членов Совета Безопасности как на сегодняшний день единственного легитимного международного института по координации основных направлений в системе международных отношений. При этом у России как государства-цивилизации есть внутренние (которые необходимо усиливать) и внешние ресурсы (которые необходимо расширять) для функционирования в качестве одного из ведущих центров притяжения в многополярном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апанович М. Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе. М.: Аспект Пресс, 2018. 176 с.
2. Барабанов О. Н., Бордачев Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Мир без сверхдержав. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodnyy-doklad/>
3. Барабанов О. Н., Бордачев Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Не одичать в «осыпающемся мире» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/nehodichat-v-osyayushchemsya-mire/>
4. Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Унив. кн., 2001. 414 с.
6. Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet>
7. Внутренняя и внешняя политика Китая в контексте современных политических вызовов / под ред. В. Н. Панина, А. К. Боташевой. Пятигорск: ПГУ, 2022. 322 с.
8. Гаман-Голутвина О. В., Сморгун Л. В. Политическое в пространстве турбулентного мира // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 7–10.
9. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 384 с.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
11. Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (23 декабря 2022 г.). URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/141465
12. Истомин И. А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущности неопределимого концепта // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 120–137.
13. Капто А. С. Современная цивилизация: вызовы и альтернативы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 304 с.
14. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2019. 544 с.
15. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006. 180 с.
16. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. М. : [б. и.], 2022. 76 с.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
18. Лапкин В. В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150.
19. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.

20. Лебедева М. М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
21. Лукьянов Ф. А. Новая жизнь БРИКС // Российская газета. 2022. 20 окт.
22. Мировой порядок – время перемен / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019. 375 с.
23. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
24. Общественное восприятие санкций Запада: март 2023 // Левада-центр. URL: <https://e.mail.ru/1/0:16807952730223482250:1/>
25. Отношение России с другими странами // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14872>
26. Пантин В. И. Цивилизации в современной политике: субъектность, внутренние размежевания, динамика // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 180–191.
27. Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 320 с.
28. Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
29. Путин В. В. Выступление на итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695>
30. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>
31. Пушкив А. К. «Ледяная война» против России и новый мировой порядок // Российская газета. 2022. 9 нояб. С. 14.
32. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. 320 с.
33. Россия и Китай: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rossija-i-kitai-monitoring>
34. Россия на международной арене: место среди других стран мира // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14854>
35. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
36. Тимофеев И. Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 103–119.
37. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
38. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.
39. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 1. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. М.: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.
40. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 2. Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.
41. Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 576 с.
42. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414 с.
43. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
44. Sakwa R. The Perils of Democratism // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 88–102.
45. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. Vol. 15, no. 2. P. 251–267.

REFERENCES

1. Apanovich M.Iu. *Politicheskie aspekty migratsionnykh protsessov v sovremennoi Evrope* [Political Aspects of Migration Processes in Modern Europe]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018. 176 p.
2. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ia.D., Lukianov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. Mir bez sverkhderzhav. Ezhegodnyi doklad kluba «Valdai» [A World Without Superpowers. Valdai Club Annual Report]. *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»* [Valdai Discussion Club]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodny-doklad/>
3. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ia.D., Lukianov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. Ne odichat v «osypaiushchemsya mire» [Do Not Run Wild in the “Crumbling World”]. *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»* [Valdai Discussion Club]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypaiushchemsya-mire/>
4. Batalov E.Ia. «Novyi mirovoi poriadok»: k metodologii analiza [“New World Order”: Toward a Methodology of Analysis]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2003, no. 5, pp. 25–37.
5. Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire* [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World]. Saint Petersburg, Univ. kn. Publ., 2001. 414 p.

6. Vneshnepoliticheskii kurs Rossii: v borbe za suverenitet [Russia's Foreign Policy: In the Struggle for Sovereignty]. *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet>
7. Panin V.N., Botasheva A.K., eds. *Vnutrennaia i vneshnaia politika Kitaia v kontekste sovremennykh politicheskikh vyzovov* [China's Domestic and Foreign Policy in the Context of Contemporary Political Challenges]. Piatigorsk, PGU, 2022. 322 p.
8. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V. Politicheskoe v prostranstve turbulentnogo mira [Political in the Space of a Turbulent World]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2023, no. 1, pp. 7-10.
9. Tsygankov P.A., ed. «Gibridnye voiny» v khaotiziruiushchemsya mire XXI veka ["Hybrid Wars" in the Chaotic World of the 21st Century]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2015. 384 p.
10. Danilevskii N.Ia. *Rossii i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 573 p.
11. *Ezhegodnyi doklad Vremennoi komissii Soveta Federatsii po zashchite gosudarstvennogo suvereniteta i predotvrashcheniiu vmeshatelstva vo vnutrennie dela Rossiiskoi Federatsii (23 dekabria 2022 g.)* [Annual Report of the Interim Commission of the Federation Council for the Protection of State Sovereignty and Prevention of Interference in the Internal Affairs of the Russian Federation (December 23, 2022)]. URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/141465
12. Istomin I.A. Inostrannoe vmeshatelstvo vo vnutrennie dela: problematizatsiia sushchnostno neopredelimogo kontsepta [Foreign Interference in Internal Affairs: Problematicization of an Essentially Indefinable Concept]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2023, no. 2, pp. 120-137.
13. Kapto A.S. *Sovremennaia tsivilizatsiia: vyzovy i alternativy* [Modern Civilization: Challenges and Alternatives]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2013. 304 p.
14. Kissindzher G. *Mirovoi poriadok* [World Order]. Moscow, AST Publ., 2019. 544 p.
15. Kokoshin A.A. *Realnyi suverenitet v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme* [Real Sovereignty in the Modern World Political System]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 180 p.
16. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020* [Constitution of the Russian Federation. Adopted by Popular Vote on December 12, 1993, with Amendments Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020]. Moscow, s.n., 2022. 76 p.
17. *Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 marta 2023 g. № 229* [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation Dated March 31, 2023 No. 229]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
18. Lapkin V.V. Sotsialno-politicheskaia dinamika epokhi globalnogo krizisa: tsivilizatsionnyi bekgrund [Socio-Political Dynamics of the Global Crisis Era: Civilizational Background]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2022, no. 6, pp. 135-150.
19. Lebedeva M.M. Novyi mirovoi poriadok: parametry i vozmozhnye kontury [The New World Order: Parameters and Possible Outlines]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2020, no. 4, pp. 24-35.
20. Lebedeva M.M. Politicheskaia organizatsiia mira v usloviiakh sovremennykh megatrendov: stsennarii razvitiia [Political Organization of the World in the Context of Modern Megatrends: Development Scenarios]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 10-21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
21. Lukianov F.A. Novaia zhizn BRIKS [New Life for BRICS]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2022, 20 Oct.
22. Solovev A.I., Gaman-Golutvina O.V., eds. *Mirovoi poriadok – vremia peremen* [World Order – Time for Change]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019. 375 p.
23. Naumkin V.V. Model ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-tsivilizatsiia? [Non-Western Model: Does a Civilization State Exist?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2020, no. 4, pp. 78-93.
24. Obshchestvennoe vospriiatie sanktsiy Zapada: mart 2023 [Public Perception of Western Sanctions: March, 2023]. *Levada-tsentr* [Levada Center]. URL: <https://e.mail.ru/1/0:16807952730223482250:1/>
25. Otnoshenie Rossii s drugimi stranami [Russia's Relationship with Other Countries]. *FOM* [Foundation "Public Opinion"]. URL: <https://fom.ru/Mir/14872>
26. Pantin V.I. Tsivilizatsii v sovremennoi politike: subieektnost, vnutrennie razmezhevaniia, dinamika [Civilizations in Modern Politics: Subjectivity, Internal Divisions, and Dynamics]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* ["Polis. Political Studies" Journal], 2023, no. 2, pp. 180-191.
27. Primakov E.M. *Vyzovy i alternativy mnogopoliarnogo mira: rol Rossii* [Challenges and Alternatives of a Multipolar World: The Role of Russia]. Moscow, Izd-tvo Mosk. un-ta, 2014. 320 p.

28. Putin V.V. *Vystuplenie i diskussii na Miunkhenskoj konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti. 10 fevralia 2007 goda* [Speech and Discussion at the Munich Security Policy Conference. February 10, 2007]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
29. Putin V.V. *Vystuplenie na itogovoi plenarnoi sessii XIX zasedaniia Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». 27 oktiabria 2022 goda* [Speech at the Final Plenary Session of the 19th Meeting of the Valdai International Discussion Club. October 27, 2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695>
30. Putin V.V. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu* [Message from the President to the Federal Assembly]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>
31. Pushkov A.K. «Ledianaia voina» protiv Rossii i novyi mirovoi poriadok [“Ice War” Against Russia and the New World Order]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2022, 9 Nov., p. 14.
32. Pshevorskii A. *Demokratiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 320 p.
33. Rossiia i Kitai: monitoring [Russia and China: Monitoring]. *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring>
34. Rossiia na mezhdunarodnoi arene: mesto sredi drugikh stran mira [Russia in the International Arena: A Place Among Other Countries of the World]. *FOM* [Foundation “Public Opinion”]. URL: <https://fom.ru/Mir/14854>
35. Toinbi A.Dzh. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p.
36. Timofeev I.N. Politika sanktsiy v meniaiushchemsia mire: teoreticheskaia refleksia [The Policy of Sanctions in a Changing World: A Theoretical Reflection]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2023, no. 2, pp. 103-119.
37. Fukuiama F. Konets istorii? [The End of History?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 3, pp. 134-148.
38. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii? [A Clash of Civilizations?]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 1994, no. 1, pp. 33-48.
39. Khoros V.G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. Kn. 1. Indiiskaia, Afrikskaia, Islamskaia i Kitaiskaia tsivilizatsii. Latinoamerikanskaia tsivilizatsionnaia obshchnost* [Civilizations in the Modern World. Book 1. Indian, African, Islamic and Chinese Civilizations. Latin American Civilizational Community]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 304 p.
40. Khoros V.G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. Kn. 2. Evropeiskaia tsivilizatsiia. Rossiiskaia tsivilizatsiia* [Civilizations in the Modern World. Book 2. European Civilization. Russian Civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 240 p.
41. Tsygankov P.A. *Politicheskaia dinamika sovremennogo mira: teoriia i praktika* [Political Dynamics of the Modern World: Theory and Practice]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. 576 p.
42. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsialnykh izmenenii* [Sociology of Social Change]. Moscow, Aspekt Press, 1996. 414 p.
43. Eizenshtadt Sh. *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and Transformation of Societies. Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 416 p.
44. Sakwa R. The Perils of Democratism. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2023, no. 2, pp. 88-102.
45. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System. *International Sociology*, 2000, vol. 15, no. 2, pp. 251-267.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Elena V. Klinshans, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, klinshans_e@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0586-2548>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Елена Викторовна Клиньшанс, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, klinshans_e@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0586-2548>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.21>

UDC 001.89+070
LBC 72.4+76.02

Submitted: 24.11.2022
Accepted: 03.04.2023

RUSSIAN JOURNALS IN THE SUBJECT CATEGORY “HISTORY” IN SCOPUS: KEY INDICATORS AND IMPACT ASSESSMENT AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Vitaliy A. Gorelkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of Russian journals indexed in Scopus in 2021 by the category “History.” The *purpose* of the study was to assess the current level and influence of Russian historical journals on the basis of a comparison of their bibliometric indicators with data from journals in France and Germany. *Sources and methods.* The sources were the data of the Scopus international scientometric database, the SCImago Journal & Country Rank portal, the Russian Science Citation Index, and the Internet sites of journals. *Conclusions and discussion.* The important features of Russian journals that need to be taken into account when analyzing their bibliometric indicators are revealed: the late start of indexing in Scopus, the presence of more works from other socio-humanities, a large number of articles published annually, the affiliation of the absolute majority of historical journals to universities and research institutes, and the predominance of the journal distribution model by the type of open access. Open access to Russian journals compensates for a high percentage of publications in Russian (85.5%) and a high proportion of Russian authors (82.8%). In terms of citation indicators, Russian journals are superior to French ones and inferior to German ones. Based on the analysis of the “extreme citation” of individual Russian journals, options for correcting it are proposed. Despite the higher self-citation rate of Russian journals (40%), they have higher ratings on average, both at the national level and in comparison with historical journals in France and Germany. The question of defining the boundaries between the specializations of the journal in a closed scientific discipline, going beyond which can be assessed as artificial self-citation, is raised separately. Doubts are expressed about the possibility of a rapid reorientation of Russian journals from the European and American areas of cooperation to researchers from other regions.

Key words: Russian historical journal, Scopus, SJR, citation, “extreme citation”, journal ratings.

Citation. Gorelkin V.A. Russian Journals in the Subject Category “History” in Scopus: Key Indicators and Impact Assessment at the International Level. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 239-279. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.21>

УДК 001.89+070
ББК 72.4+76.02

Дата поступления статьи: 24.11.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

РОССИЙСКИЕ ЖУРНАЛЫ КАТЕГОРИИ «HISTORY» В SCOPUS: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Виталий Александрович Горелкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ российских журналов, индексируемых в Scopus в 2021 г. по категории «History». *Цель исследования* – оценка текущего уровня и влияния российских исторических журналов на основе сравнения их библиометрических показателей с журналами Франции и Германии.

Источники и методы. Источниками послужили данные МНБД Scopus, портала «SCImago Journal & Country Rank», Российского индекса научного цитирования и интернет-сайты научных журналов. *Выводы и обсуждение.* Выявлены особенности российских журналов, которые необходимо учитывать при анализе их библиометрических показателей: позднее начало индексации в Scopus; наличие большего количества работ из других социогуманитарных наук; количество ежегодно публикуемых статей значительно превышает аналогичные показатели журналов Франции и Германии; преобладание среди издателей университетов и исследовательских институтов; распространение большинства журналов по модели открытого доступа. Открытый доступ компенсирует отечественным изданиям высокий процент публикаций на русском языке (85,5 %) и высокую долю русских авторов (82,8 %): по показателям цитирования российские журналы в среднем выглядят лучше французских и уступают германским изданиям. На основе анализа «экстремальной самоцитируемости» отдельных российских журналов предложены варианты его исправления. Несмотря на более высокий коэффициент самоцитируемости российских журналов (40 %), они в среднем обладают более высокими рейтингами как на общероссийском уровне, так и в сравнении с историческими журналами Франции и Германии. Отдельно ставится вопрос определения границ между специализацией журнала на замкнутой научной дисциплине, выход за которые может оцениваться как искусственное самоцитирование. Выражаются сомнения в возможности быстрой переориентации российских журналов с европейского и американского направлений сотрудничества на другие регионы.

Ключевые слова: российский исторический журнал, Scopus, SJR, цитирование, «экстремальное цитирование», журнальные рейтинги.

Цитирование. Горелкин В. А. Российские журналы категории «History» в Scopus: основные показатели и оценка влияния на международном уровне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 239–279. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.21>

Введение. В 2012 г. президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ, в котором среди прочих мер, направленных на совершенствование государственной политики в сфере науки и образовании, планировалось «увеличение к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных “Сеть науки” (далее – Web of Science), до 2,44 процента» [39]. Достаточно оперативно Министерство науки включило в систему оценки подведомственных научных и образовательных организаций наличие публикаций в изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах данных (далее – МНБД) – Web of Science и Scopus. Такие же требования были выдвинуты к соискателям получения степени кандидата или доктора наук, грантов научных фондов, государственного задания на научно-исследовательские работы, то есть на все, от чего зависит научная карьера и материальное благосостояние исследователя. В этой ситуации труднее всего было ученым-гуманитариям. В иностранных журналах отечественным историкам опубликоваться намного сложнее, чем специалистам из области естественных или техни-

ческих наук. И дело не столько в недостаточном высоком уровне владения академическим письмом на английском языке у российских гуманитариев, сколько в низком международном интересе к русской истории и ограниченном количестве западных журналов по русистике. С публикациями в отечественных изданиях, индексируемых в МНБД, ситуация была ненамного легче. В средствах массовой информации (далее – СМИ) писали, что «в России нет ни одного достойного научного журнала по истории, экономике и социологии» [44]. Достойных было много, но включенных в МНБД – считанные единицы.

В 2013 г. из 265 российских исторических журналов, отнесенных в Российском индексе научного цитирования (далее – РИНЦ) к категории «История. Исторические науки», в Web of Science индексировалось всего два издания: «Вопросы истории» и «Российская история». В Scopus было на три наименования больше – «Былые годы», «Российская история», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Social Evolution and History» и «Новый исторический вестник» [9, с. 413], что не меняло удручающей картины пессимистического настоящего и будущего российской исторической науки. Выход оста-

вался один – развивать свои журналы. Нужно было привести их оформление к современным международным стандартам, повысить качество экспертной оценки рукописей, увеличить видимость материалов в сети Интернет, получить высокий интерес (цитирование) со стороны индексируемых в Web of Science и Scopus журналов и многое другое, чтобы в итоге оказаться в заветном перечне изданий МНБД.

Запуск двух государственных программ по поддержке включения российских научных журналов в МНБД мало затронул исторические издания. Так, во второй программе развития, рассчитанной на 2018–2019 гг., из 100 журналов для изданий гуманитарного профиля (тематика Государственного рубрикатора научно-технической информации (ГРНТИ): Философия; История и исторические науки; Культура. Культурология; Языкознание; Литература. Литературоведение; Искусство. Искусствоведение) была выделена квота всего на 13 изданий [7, с. 21]. Не получали гуманитарии и общественной поддержки, так как новые рейтинги отечественных изданий строились преимущественно на субъективных критериях оценки качества, а не на симбиозе анализа наукометрических данных и экспертной оценки (см., например, работу А.Г. Гуськова и В.В. Тихонова [9]).

Со временем стратегия редакций российских исторических журналов стала приносить результаты: Web of Science и Scopus в несколько раз увеличили количество отечественных изданий гуманитарного профиля, в том числе и по истории. Пройдя через международную экспертизу авторитетных баз данных, эти журналы доказали свой высокий уровень, но к ним до сих пор наблюдается настороженное отношение. Теперь их наукометрические показатели сравнивают с ведущими мировыми изданиями, оценивают уровень «международности» по долям публикаций на английском языке, ссылкам на них из иностранных источников, количеству зарубежных авторов и другим критериям, свидетельствующим об уровне интернационализации [14; 28]. Подобное сравнение не всегда является уместным, так как финансовые, организационные и репутационные ресурсы мировых лидеров издания научной периодики несопоставимы с возможностями российских редакций. Понят-

но, что цель таких работ – показать российским редакциям направления повышения качества и престижа своего издания, но из-за неоправданно завышенных критериев у научной общественности поддерживается представление о низком качестве отечественных исторических журналов, что в свою очередь является питательной средой для различных «теорий заговора» об уничтожении или разграблении отечественной науки с помощью МНБД. Поэтому недавнее исключение «Вопросов истории» из Scopus некоторыми коллегами по цеху было оценено как катастрофическое сужение публикационного ландшафта российской исторической науки.

Цель данного исследования – оценить текущий уровень и влияние российских исторических журналов, индексируемых в МНБД Scopus в категории «History».

Краткий историографический обзор. Проблема применения наукометрических оценок для социогуманитарных наук сразу стала темой обсуждения отечественными исследователями. В первую очередь ученых волновала репрезентативность МНБД в отношении национальных гуманитарных и общественных изданий, последствия грубой переориентации гуманитариев на журнальные публикации и в общем применимость библиометрических методов для оценки эффективности деятельности гуманитариев [4; 9; 12; 13; 30; 40; 43]. Так, А.С. Усачев еще в 2013 г. призывал коллег, делящих журналы по проблематике и кругу печатающихся в них авторов на международные и национальные, не забывать «общеизвестный и абсолютно нормальный факт: национальные издания гуманитарного профиля (независимо от их тематической направленности) в первую очередь предназначены для соответствующего (национального. – В. Г.) круга авторов и читателей» [40, с. 80]. Последующие исследования подтвердили это мнение, в них прекрасно показано, что максимальная концентрация публикаций на национальных языках является характерной особенностью социогуманитарных изданий [22]. Локальный характер гуманитарных журналов не означает провинциализм, он имеет культурное измерение [54].

Даже когда проблема публикации результатов исследования в изданиях, индексируемых

в МНБД, для историков стала не такой острой, исследователи продолжали обращать внимание на потенциально негативное воздействия такой политики на национальную гуманитарную науку. Общее настроение было представлено в работе А.И. Иванчика, который предостерег от формального использования МНБД для оценки исследователей-гуманитариев и привел к тому негативные примеры. Он писал, что «отказ от публикаций на национальном языке через одно-два поколения приведет к устареванию и отмиранию понятийного аппарата и терминологии» [12, с. 987]. Однако А.И. Иванчик одновременно с призывом сохранить русский язык обращал внимание на то, что современный ученый-гуманитарий должен публиковаться как минимум на двух языках – русском и иностранном, при этом последним необязательно должен быть английский [12, с. 990].

Непосредственно анализу положения и влиянию российских исторических журналов на международном уровне посвящено немного исследований [41; 42]. Наибольший интерес представляет статья А.И. Филюшкина, в которой выделены основные проблемы индексации отечественных изданий в Scopus на 2018 г., обозначены их слабые места и предложены варианты их усиления [42]. Работы, посвященные отдельным журналам, как правило, носят описательный характер и рассказывают об истории издания [5; 11; 23; 29; 38; 45]. Однако среди них встречаются аналитические обзоры, как, например, статья венгерского исследователя Viktor Szabó, в которой автор на основе квантитативного анализа изучил исторический вестник Волгоградского государственного университета с точки зрения гендерного и географического баланса авторов, тематики и международного интереса к публикуемым материалам [53].

Интерес к теме социогуманитарных журналов в МНБД намного чаще проявляют ученые-экономисты [2; 3; 31–36]. Они изучили различные аспекты функционирования редакции экономического издания, исследовали библиометрические показатели и многое другое, вплоть до создания нескольких отдельных рейтингов лучших экономических журналов.

Большая заслуга в продвижении российских журналов на международный уровень

принадлежит О.В. Кирилловой, президенту Ассоциации научных редакторов и издателей, главному редактору ведущего профессионального издания России «Научный редактор и издатель». Являясь крупнейшим отечественным экспертом в области МНБД, О.В. Кириллова опубликовала множество аналитических работ и рекомендаций, способствующих повышению уровня российских изданий [15–19].

Отдельно отметим масштабное исследование Henk F. Moed, Felix de Moya-Anegon, Vicente Guerrero-Bote и Carmen Lopez-Iglesias, посвященное национальным журналам, индексируемым в МНБД [46]. Авторы, по результатам наблюдений, предложили не делить их на национальные или международные, а вместо этого определить и рассчитать показатели национальной или международной направленности. С учетом того, что в основной массе исторические журналы являются по своему адресату и авторам национально ориентированными, выводы авторов вполне применимы к объекту нашего исследования – российским историческим журналам.

В работе также использовались исследования, посвященные изучению роли в современном журнале английского языка и положения неанглоязычных журналов в МНБД [22; 51; 54; 55], анализу международного сотрудничества российских журналов и уровню их интернационализации [14; 28; 50], отдельным аспектам цитируемости и выпуска российских изданий [8; 10; 20; 21; 27] и прогнозам дальнейшего развития научной периодики России [1; 37].

Источники и методы. Источниками исследования послужили данные о журналах России, Франции и Германии и их библиометрические показатели в МНБД Scopus, на портале «SCImago Journal & Country Rank» (далее – портал SJR), в Научной электронной библиотеке, рассчитывающей показатели РИНЦ, а также на интернет-сайтах изучаемых научно-периодических изданий.

В качестве референтных групп для отечественных журналов по истории были взяты аналогичные по тематике издания Франции и Германии. Эти государства выбраны по двум причинам. Во-первых, они вместе с Россией, по данным 2021 г., находятся в первой десятке государств по численности исследовате-

лей и расходам на науку [24]. Во-вторых, так как английский язык у них не является государственным, научная периодика и гуманитарная (историческая) наука должны испытывать схожие проблемы в англоязычных МНБД.

Национальную принадлежность научного журнала, как правило, определяют по официальной (страновой) юрисдикции его издателя, редакции или учредителя. Такой подход отсекает от национальной выборки «мигрировавшие» издания и переводные иностранные версии, но оставшиеся имеют наивысшую степень влияния на национальную науку и могут служить основой для ее оценки и прогнозирования развития. «Журналы-мигранты» – издания, которые вследствие правовых, экономических или других причин сменили национальную юрисдикцию. У них рано или поздно ослабнет или совсем исчезнет связь с прежним государством, и, соответственно, может произойти снижение их влияния на национальную науку. Также исключаются переводные версии отечественных журналов от иностранных издателей (например, издания РАН, выпускаемые Pleiades Publishing). С точки зрения издательского дела и международных стандартов подобные журналы являются самостоятельными: они имеют разных издателей, собственную уникальную атрибуцию – международный номер серийных изданий (далее – ISSN) и могут существенно отличаться от версий на оригинальном языке (от пагинации до содержания). Кроме того, российское законодательство в сфере СМИ обладает некоторыми особенностями [6, с. S8–S10], поэтому издания, выходящие в ином правовом поле, могут иметь ряд организационных, финансовых и иных преимуществ или ограничений.

Основой для определения принадлежности журнала к той или иной стране стали сведения портала SJR, аналитическая команда которого использует данные МНБД Scopus. На портале SJR поиск осуществлялся по схеме: определение предметной области – предметной категории – страны – типа издания – года оценки («Arts and Humanities» – «History» – «Russian Federation / Germany / France» – «Journal» – «2021»).

Обратим особое внимание, что «Arts and Humanities: History» – это журнальный рубри-

катор, а не классификатор области знания, равнозначный определению «Исторические науки». Он показывает, что в издании публикуются исторические статьи, но не означает полное соответствие публикуемого изданием контенту данной области науки. Используемое в данной работе словосочетание «исторические журналы» означает индексацию журнала в МНБД Scopus по предметной категории «History».

После получения предварительного списка издания были дополнительно проверены в Scopus для определения наименований, которые в настоящий момент не индексируются по категории «History» или охват которых прекращен. «Прекращение охвата» является следствием того, что у журнала специалистами МНБД выявлены серьезные проблемы с качеством издательского процесса: нарушение периодичности (вплоть до прекращения выхода в свет), низкая цитируемость материалов (отсутствие интереса со стороны читателей) или нарушение редакцией принципов публикационной этики. К последней причине, как правило, относится публикация статей без какой-либо экспертной оценки (рецензирования). Поэтому, несмотря на то что после прекращения индексации издания в Scopus в базе данных остаются все ранее размещенные материалы, анализ таких изданий исключен из данного исследования.

Для получения библиометрических показателей журналов всех трех стран использовались статистические данные по выбранным журналам из МНБД Scopus и с портала SJR.

Основой для расчета рейтингов журналов Scopus является CiteScore – численный показатель, отражающий уровень цитируемости статей. CiteScore основывается на четырехлетнем публикационном окне и четырехлетнем окне цитирования [47]. То есть для расчета показателя CiteScore 2021 г. берется число цитирования, полученное журналом в 2018–2021 гг. на опубликованные в этом периоде статьи, и делится на общее количество научных публикаций издания за эти годы. По этим основаниям был определен дополнительный критерий для отбора журналов – наличие четырехлетнего комплекта выпусков изданий России, Франции и Германии. Однако, поскольку у достаточно большого количества журналов (более 10 % от

общего числа) было выявлено отсутствие статей за один год, было принято решение «снизить» требования и допустить до анализа издания с трехгодовыми комплектами.

Ниже, до двухлетнего публикационного окна, критерий отбора журналов опускать нецелесообразно. Неслучайно Web of Science, который при расчете классического «Гарфилдовского» импакт-фактора (Impact Factor, далее – IF) основывается именно на таком периоде, не использует IF для оценки гуманитарных изданий [25, с. 173, 185].

Дополнительно были изучены профили российских изданий в РИНЦ, что позволило уточнить названия, тематику и данные по цитированию в крупнейшей российской библиографической базе данных. Основная информация о журналах (место в рейтинге Scopus, SJR, объем выпущенных статей) указана в приложениях 1–3. Наименования российских изданий в приложениях приведены в соответствии с их описанием в РИНЦ, германских и французских – с описанием профиля журнала в Scopus. В связи с тем, что часть журналов имеет параллельные международные названия, а специалисты англоязычных баз данных используют различные системы транслитерации (например, слово «История» у российских изданий в Scopus имеет три варианта написания: «Istoriya», «Istoriia» и «Istoria»), у всех журналов указан основной идентификатор – ISSN.

Сбор данных из МНБД Scopus и с портала SJR был проведен в период с июля по август 2022 г., однако в связи с решением Scopus о прекращении индексации журнала «Вопросы истории» в сентябре 2022 г. все количественные показатели российских исторических журналов были заново пересчитаны в ноябре – декабре 2022 года. Информация о российских исторических журналах в РИНЦ была собрана в период с сентября по ноябрь 2022 года.

Результаты. Общая характеристика. Первый этап исследования был проведен на основе информации портала SJR. В тематической категории «Arts and Humanities: History» в 2021 г. в Scopus индексировалось 42 российских, 55 германских и 56 французских журналов. Отметим, что в число изданий России не попали некоторые известные журналы, которые в научном сообществе пока еще считаются российскими: «Ab Imperio»¹ и «Былые годы» (оба сменили свою национальную юрисдикцию на США), а также «Русин» (Республика Молдова).

Как видно из таблицы 1, количество журналов в категории «History» у России почти на треть меньше, чем у Германии или Франции. Также наблюдается высокая доля отечественных (9,2 %) и французских (10,3 %) изданий по истории в общем количестве национальных изданий, что почти в 2,5 раза выше аналогичных показателей Германии.

На втором этапе отобранные наименования были проверены в Scopus на соответствие дополнительным критериям отбора (количеству годовых комплектов и текущей индексации). У России было выявлено 8 журналов с отсутствующим трехлетним набором выпусков (они были включены в МНБД в 2020–2021 гг.) и 2 издания, охват которых прекращен. Журналы Франции и Германии были проверены по таким же критериям, дополнительно у них были отмечены издания, у которых в карточке в Scopus отсутствует индексация по категории «History» (см. табл. 2).

В дальнейшем были выявлены два российских журнала, у которых доля исторических статей составляет около 2 % от общего числа публикаций. Первый – «Baltic Region». В нем всего 3 работы из 144 опубликованных в 2018–2021 гг. можно отнести к категории «History» (при этом две из них являются рецензиями). Второй – «Терапевтический архив»,

Таблица 1. Количество российских, французских и германских журналов в Scopus в 2021 г.

Table 1. Number of Russian, French, and German journals in Scopus in 2021

Страна	Категория «Arts and Humanities: History»	Все категории	Доля исторических журналов в общем количестве национальных изданий
Россия	42	458	9,2 %
Франция	56	542	10,3 %
Германия	55	1452	3,8 %

где из 943 статей только 19 публикаций связаны с историей, при этом 10 из них представляют собой заметки о персоналиях, посвященные юбилеям или смерти известных ученых-медиков. Поэтому, несмотря на их высокий рейтинг в Scopus («Baltic Region» имеет 92-й, а «Терапевтический архив» 88-й перцентиль в категории «Arts and Humanities: History»), индексирование этих журналов по категории «History» следует считать ошибочным. Если эти издания не исключить из дальнейшего анализа, то статьи по их основным категориям, цитируемые чаще, чем гуманитарные публикации, внесут серьезные искажения. К сожалению, по-

добный анализ германских и французских журналов затруднен в силу отсутствия у ряда изданий краткого описания (аннотации) статей и открытого доступа к опубликованным материалам.

В результате полностью соответствующими установленным критериям были признаны 30 российских журналов (прил. 1), 44 французских (прил. 2) и 46 германских (прил. 3). Они издаются редакциями университетов, научно-исследовательских институтов, коммерческими и общественно-профессиональными организациями и ассоциациями, а также частными лицами

Таблица 2. Исключенные из анализа российские, французские и германские исторические журналы, индексируемые в Scopus в 2021 г.

Table 2. Russian, French, and German historical journals indexed in Scopus in 2021 that are excluded from the analysis

Страна	Журнал с двумя или одним годовым комплектом номеров	Охват в Scopus прекращен	Отсутствие индексации по категории «History»	Количество исключенных журналов
Россия	1. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2. Вестник Пермского университета. История. 3. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 4. Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. 5. Новая и новейшая история. 6. История, археология и этнография Кавказа. 7. Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: международные отношения. 8. Философия. Журнал Высшей школы экономики	1. Hyperboreus. 2. Вопросы истории	0	10
Франция	1. Afriques. 2. Angles. 3. Bulletin Hispanique. 4. Criticon. 5. Histoire, economie et societe. 6. Parlement[s]. 7. Societes et Representations	1. Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2. Cahiers d'Economie Politique. 3. Revue des Etudes Byzantines. 4. Temps Modernes	1. Journal of Cultural Heritage	12
Германия	1. Asian-European Music Research Journal. 2. Indiana. 3. Sport und Gesellschaft. 4. Zeithistorische Forschungen	1. Central Asiatic Journal. 2. International Journal of Research on History Didactics, History Education and History Culture. 3. Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft	1. Jahrbuch fuer Geschichte Lateinamerikas/Anuario de Historia de Amrica Latina. 2. Mind and Society	9

(табл. 3). Значительной разницы между показателями «государственных» и «негосударственных» журналов не выявлено, поэтому говорить о том, что коммерческие издания в России «не уступают, а зачастую превосходят по своим качественным параметрам государственных конкурентов» [13, с. 185–186], на наш взгляд, не совсем корректно.

Как видно из таблицы 3, большинство ведущих российских исторических журналов выпускаются научно-образовательными организациями. Отечественные университеты являются издателями 11 исторических журналов и соучредителями еще 3; институты Российской академии наук выпускают 10 наименований самостоятельно и одно вместе с университетом и коммерческой организацией. Здесь мы видим заметное отличие от ситуации в Германии и Франции, где ведущая роль в издании исторической научной периодики принадлежит независимым частным издателям.

Абсолютное большинство российских изданий распространяется по модели открытого доступа (Open Acces, далее – ОА), в отличие от французских и германских журналов, значительная часть которых доступна читателю только после оплаты номера (статьи) или истечения временного эмбарго на перевод их в ОА (табл. 4).

Примечательно, что у всех пяти подписных журналов России учредителем (соучре-

дителем) являются институты РАН. Это «Российская археология», «Вестник древней истории», «Российская история», «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность» и «Электронный научно-образовательный журнал “История”» (далее – «ЭНОЖ “История”»). Грустно, что государство в лице РАН не может обеспечить свободный доступ к журналам, в которых публикуются за государственный счет результаты исследований, выполненных, как правило, тоже за государственный счет.

В ходе сбора и анализа материалов была выявлена особенность исторических изданий Германии и Франции в МНБД: у них в Scopus индексируются кроме журналов книжные серии («Book Series»). Они обладают рядом черт, благодаря которым могут восприниматься как периодические, а не продолжающиеся издания. В связи с огромной ролью книг в гуманитарных науках в приложении 4 приведены названия всех исторических книжных серий.

Российские, французские и германские исторические журналы на международном уровне: основные характеристики. Данные портала SJR по количеству опубликованных статей в 2013–2021 гг. показывают неуклонный рост публикаций российских исследователей в изданиях, индексируемых в Scopus в категории «History, который не прекратился даже с началом пандемии (см. рис. 1).

Наблюдаемая ситуация – это, безусловно, результат государственной политики по

Таблица 3. Издатели российских, французских и германских исторических журналов, индексируемых в Scopus в 2021 г.

Table 3. Publishers of Russian, French, and German historical journals indexed in Scopus in 2021

Издатели	Россия	Франция	Германия
Университеты и исследовательские институты	22	14	3
Коммерческая организация / частное лицо	2	19	42
Общественно-профессиональные ассоциации и организации	3	11	1
Соиздание (университет / исследовательский институт совместно с коммерческой / общественной организацией)	3	0	0

Таблица 4. Форма доступа к опубликованным статьям российских, французских и германских исторических журналов

Table 4. Form of access to published articles in Russian, French, and German historical journals

Модель распространения	Россия	Франция	Германия
Открытый доступ (ОА)	25	8	6
Платный доступ	5	36	40

увеличению доли отечественных публикаций в ведущих мировых журналах. Увеличение ежегодного количества публикаций с российской аффилиацией с 537 статей в 2013 г. до 3755 в 2021 г., то есть почти в семь раз за девять лет, потрясает! При этом доля статей в категории «History» в общей массе российских публикаций увеличилась с 1,06 до 3,03 %, что превышает аналогичные показатели Германии и Франции более чем в три раза.

Первое предположение, которое возникает при наблюдении такой картины, – данный рост является результатом искусственного процесса, тем более есть примеры, когда увеличение числа публикаций по социогуманитарным направлениям обеспечивалось изданием в зарубежных «мусорных», «хищнических» изданиях и сборниках материалов конференций [27]. Дополнительно настораживает кейс журнала «Вопросы истории», в котором количество ежегодно публикуемых статей со 178 в 2018 г. увеличилось до 657 в 2021 г. (всего

за этот период в нем вышло 1446 работ). Такое резкое увеличение объема издания не осталось без внимания, и в сентябре 2022 г. Scopus остановил его индексацию с пометкой «Publication Concerns» («Беспокойство относительно публикационных моментов»).

Проверим первое предположение на нашей выборке, в которой отсутствуют такие типы материалов, как «Book Chart» и «Conference Paper», а также удалены журналы, охват которых Scopus прекращен. Как видно из таблицы 5, при анализе исключительно журнальных публикаций 2018–2021 гг. отмеченная диспропорция сохраняется, правда, при более плавном росте. Соответственно, теория, что количественный рост российских публикаций в категории «History» происходил за счет увеличения публикаций в «мусорных», «хищнических» и «конференционных» изданиях, не подтвердилась.

Второе предположение – причина роста количества публикаций заключается в срав-

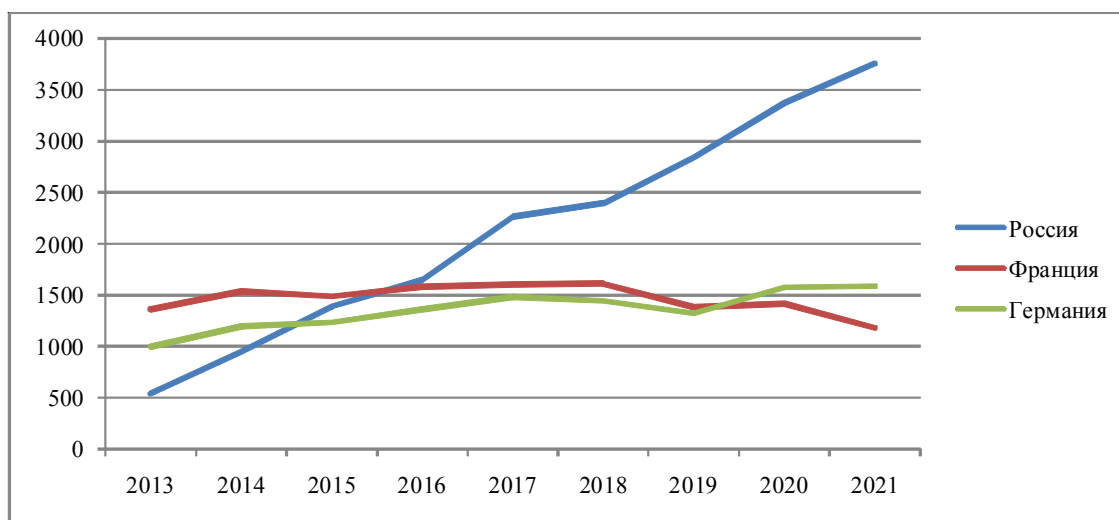

Рис. 1. Динамика количества публикаций категории «Arts and Humanities: History» ученых России, Франции и Германии в 2013–2021 гг. (по данным портала SJR)

Fig. 1. Dynamics of the number of publications in the category “Arts and Humanities: History” by scientists from Russia, France, and Germany in 2013–2021 (according to the SJR portal)

Таблица 5. Количество публикаций в российских, французских и германских исторических журналах в Scopus в 2018–2021 гг.

Table 5. Number of publications in Russian, French, and German historical journals in Scopus in 2018–2021

Страна	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	1521	2075	2275	2426
Франция	1121	1031	1156	1028
Германия	958	907	892	975

нительно позднем начале массовой индексации российских журналов в МНБД. В 2013 г. в Scopus по категории «Arts and Humanities: History» входило всего 5 российских журналов [9, с. 413]². В 2017 г. их стало 20 [5], 2018 г. – 22 [42, с. 146], а в 2021 г. – 42. Этот рост был спрогнозирован специалистами [1, с. 68] и, возможно, продолжится далее, но пополнение будет уже единичными наименованиями. Разумеется, что чем больше исторических журналов России начинало индексироваться в МНБД, тем больше становилось статей. По сути, этот процесс можно отчасти рассматривать как нормализацию доли исторических исследований в общей публикационной массе российских работ на международном уровне.

Третья версия заключается в существовании разницы в подходах определения предметной области исторических исследований в России и на Западе. Приведем только один пример: археология в нашей стране традиционно относится к историческим дисциплинам, а в МНБД она выделяется отдельно в гуманитарной области («Arts and Humanities: Archeology») и дополнительно учитывается в области социальных наук («Social Sciences: Archeology»).

Также не следует забывать, что «Arts and Humanities: History» – это журнальный рубрикатор, а не индикатор научной области. Много журналов индексируется в Scopus по двум и более тематическим категориям. Количество изданий с единственной отмеченной категорией «History» довольно мало. Французских журналов исключительно по истории выходит 15 наименований, германских – 7, российских – 6. Отечественные журналы в Scopus в среднем в несколько раз чаще ин-

дексируются по «дополнительным» категориям, что позволило предположить следующее: в российской научной периодике в категории «History» значительно чаще индексируются материалы по гуманитарным и социальным наукам, нежели в Германии или Франции. Статистические данные портала SJR по журналам предметных областей «Arts and Humanities» и «Social Sciences» подтвердили эту теорию (табл. 6): у России значительно меньше изданий по гуманитарным и социальным наукам, а общее количество опубликованных статей за три года находится примерно на уровне с Францией и почти в полтора раза меньше, чем у Германии.

Таким образом, поскольку у России количество исторических изданий в Scopus увеличилось за последние восемь лет почти в восемь раз (на 37 наименований), при этом журналов по другим категориям социальных и гуманитарных наук индексируется намного меньше, главной причиной кратного роста отечественных публикаций категории «History» в 2014–2021 гг. является позднее включение изданий в МНБД и их «междисциплинарность». «Междисциплинарность» с точки зрения особенности истории как науки, дающей возможность представителям других гуманитарных и социальных направлений проводить исторические исследования, не выходя за рамки своей тематической области. А так как в МНБД привязка к предметным категориям возможна только на журнальном уровне, все публикуемые в исторических изданиях исследования «привязываются» к категории «History».

Прямым следствием более широкого тематического охвата отечественными изда-

Таблица 6. Количество изданий и опубликованных статей в российских, французских и германских журналах по предметным областям «Arts and Humanities» и «Social Sciences»

Table 6. Number of issues and published articles in Russian, French, and German journals in the subject areas “Arts and Humanities” and “Social Sciences”

Показатель	Россия	Франция	Германия
Количество журналов в области «Arts and Humanities» в 2021 г.	85	149	204
Количество журналов в области «Social Sciences» в 2021 г.	124	177	339
Итого уникальных названий	154	253	440
Итого статей 2021 г.	10 260	5 585	13 347
Итого статей 2019–2021 гг.	25 072	22 381	40 096

ниями и одновременно более узкой специализацией иностранных журналов по социогуманитарным областям является существенная разница в объеме издаваемого материала. В России при меньшем количестве журналов ежегодно выпускается в среднем почти в 3–3,5 раза больше статей, чем в изданиях Франции и Германии. Кратное превосходство наблюдается также на уровне максимального и минимального количества публикаций в годовом комплекте изданий (табл. 7).

Характеристика типов, языка публикаций и географии авторов российских, французских и германских журналов. Распределение публикаций по типам документа (табл. 8), показывает, что в российских журналах, как и в германских, наибольший процент материалов составляют оригинальные исследования («Article»), в то время как во французских изданиях больше публикуется научных обзоров («Review»). Специалисты по наукометрии считают, что «Review» потенциально является более цитируемым типом публикаций, и рекомендуют редакциям для повышения известности (цитирования)

уделять этому типу документов особое внимание [25, с. 87].

Кроме более частой публикации в европейских журналах редакционных статей («Editorial»), отметим тип «Erratum» – признание ошибок (опечаток и неточностей). В германских изданиях было опубликовано 17 подобных материалов, 6 раз это сделали во Франции и только 1 раз в России. Учитывая количество выпускаемых российскими издателями материалов и перманентные сложности с финансированием, трудно поверить в более высокий контроль за качеством статей. Единственная российская публикация типа «Erratum» вышла в «Вестнике СПбГУ. История» в 2020 г. в № 4. Однако это не означает, что ранее в издании не было опечаток, просто до этого момента их исправление не выделялось отдельной публикацией. Например, в № 1 в 2017 г. сообщение об ошибке размещено на странице с содержанием номера («Contents») и отделено от него горизонтальной чертой в ширину полосы набора. То есть ничтожно малое количество публикаций типа «Erratum» в отечественных журналах является

Таблица 7. Количество публикаций российских, французских и германских журналов в 2018–2021 гг.

Table 7. Number of publications in Russian, French, and German journals in 2018–2021

Показатель	Россия	Франция	Германия
Общее количество публикаций	8297	4336	3732
Максимальное количество публикаций в годовом комплекте журнала	351	63	68
Минимальное количество публикаций в годовом комплекте журнала	21	4	4
Среднее количество публикаций в годовом комплекте журнала	73	25	21

Таблица 8. Типы документов, публикуемые в российских, французских и германских исторических журналах в 2018–2019 гг., %

Table 8. Types of documents published in Russian, French, and German historical journals in 2018–2019, %

Тип документа	Россия	Франция	Германия
Article	65,08	44,95	56,89
Review	31,61	48,04	37,62
Note	2,59	2,38	1,42
Conference Paper	0,37	0,60	0,46
Editorial	0,20	3,39	2,12
Short Survey	0,10	0,37	0,91
Letter / Undefined	0,02	0,14	0,13
Erratum	0,01	0,14	0,46

не следствием пресловутого стремления редакции «не выносить сор из избы» или плохой обратной связи с авторами и читателями, а отсутствием традиций правильного исправления допущенных ошибок в форме, доступной для читателей и МНБД.

Количество публикаций на английском языке (основном в коммуникации современной науки) может являться свидетельством о международном или национальном уровне издания (табл. 9).

У Франции и России этот показатель находится примерно на одном уровне (разница составляет всего 0,8 %), что почти в четыре раза меньше, чем в германских журналах. Примечательно, что отечественные исторические журналы показали результат чуть хуже общероссийского (84 %) [28]. Однако может ли высокий процент публикаций на национальном языке являться доказательством того, что российские и французские издания, в отличие от германских, не являются международными по своему характеру? Как показывают современные исследования, журналы, выходящие на английском языке, необязательно ориентированы на международный уровень, даже в США в области социальных и гуманитарных наук издается национально ориентированная литература [46]. Исследователи также отмечают факт, что за пределами страны происхождения англоязычные публикации читаются и цитируются чаще, чем на родном языке [51, р. 45]. Возникает вопрос о целесообразности перевода всех публикаций на английский ради дополнительных ссылок и повышения статистики, если учитывать, что исторический (гуманитарный) журнал ориентирован прежде всего на своего национального читателя. Такая практика од-

нозначно потребует больших финансовых затрат, а ее результаты сомнительны с точки зрения эффективности вложения средств.

Еще одним важным фактором, по которому ряд исследователей определяют уровень интернационализации журнала и, соответственно, его международный авторитет, является география авторов [14; 28]. В таблице 10 представлены данные о национальной аффилиации авторов изучаемых изданий. Обратим внимание на вероятность большой погрешности подобной информации в статистике изданий Франции и Германии, у которых много авторов не связано с тем или иным государством. Малая доля подобных статей в российских журналах – результат широкой практики оформления метаданных статей в соответствии с требованиями МНБД.

Данные таблиц 9 и 10 показывают расхождение у журналов между процентом опубликованных статей на национальном языке и национальной принадлежностью авторов. Однако если принять во внимание, что, по данным проекта «Ethnologue», русский язык является родным для 147 млн человек из 22 стран, французский – для 80,8 млн из 102 стран, а немецкий – для 75,3 млн из 46 стран [49], то удивляет малое количество работ из русскоговорящих стран в отечественных изданиях. Во Франции, например, доля подобных авторов составила 7 %. А если учитывать, что здесь 1240 исследователей (в таблице 10 их доля указана в графе «Неопределенные страны») опубликовали свои статьи на французском языке, то доля таких франкоязычных авторов может оказаться существенно больше.

В журналах России расхождение между языком и географией авторов минималь-

Таблица 9. Язык документов российских, французских и германских исторических журналов в 2018–2021 гг., %

Table 9. Language of documents in Russian, French, and German historical journals in 2018–2021, %

Язык документов	Россия	Франция	Германия
Английский язык	13,9	14,7	54,3
Национальный язык	85,5	83,0	40,6
Русский язык	–	0,9	0,0
Французский язык	0,1	–	1,6
Немецкий язык	0,01	0,2	–
Испанский язык	0,3	0,8	1,3
Итальянский язык	0,0	0,3	2,3

но (2,7 %). Этот процент – работы иностранных русскоговорящих ученых и переводные публикации. Низкая доля статей на неанглийских европейских языках (французском, немецком, испанском и итальянском и др.), на фоне более высокой доли авторов из этих стран в журналах России, может быть связан не только с редакционной политикой на увеличение англоязычного контента, но и с текущими юридическими и финансовыми ограничениями. В Российской Федерации публикация в СМИ материалов на языках, не указанных в регистрационных документах, может грозить редакции и учредителю СМИ денежным штрафом или отзывом регистрации [6, с. S8–S9].

Большой интерес в условиях современной международной ситуации представляют публикации в российских журналах авторов «восточного направления» и стран третьего мира. Специалисты размышляют прежде всего над тем, смогут ли эти авторы заменить «ушедших» европейских и американских исследователей [37]. Среди множества стран условного «Глобального Востока» потенциально больше таких возможностей у Китая. По предварительным данным, полученным в июле – августе 2021 г., в отечественных журналах довольно часто печатались авторы из КНР, в абсолютных цифрах – 97 работ, в то время как во французских журналах их было всего 11, а в германских – 15. Кроме этого, статистика показывала неуклонный рост публикаций из Китая в российских изданиях. В современных условиях это казалось позитивной

тенденцией и побудило более внимательно изучить работы китайских ученых. В результате были получены следующие данные: большинство статей за авторством (соавторством) китайских исследователей в 2018–2021 гг. было издано на русском языке (75 публикаций), 20 на английском и всего 2 на китайском. В 40 русскоязычных статьях китайские авторы имели аффилиацию с нашей страной (работа, обучение) или соавторов из России; в англоязычных обнаружено всего два таких случая. На основании такой статистики можно было бы сделать вывод о существовании тенденции на укрепление сотрудничества России и Китая в гуманитарной сфере. Однако случайно был отмечен факт, что 41 из 57 статей, у авторов которых не обнаружена прямая или скрытая аффилиация с Россией, вышли в «Вопросах истории»³. В 2018–2019 гг. в этом журнале не было опубликовано ни одной статьи исследователей из КНР, но в 2020 г. вышло 11 работ китайских авторов, а в 2021 г. их стало уже 30. И рост продолжается.

У китайских гуманитариев явно существует необходимость публикаций в высокорейтинговых журналах МНБД как по финансовым причинам (доплата китайского профессора за статьи в таких изданиях может быть равна зарплате начинающего профессора [33, с. 113]), так и по причине ограниченности мест для опубликования на родине (в 2021 г. в Scopus по истории индексировалось всего два (!) исторических издания Китая – «Journal of Ancient Civilizations»

Таблица 10. География авторов российских, французских и германских исторических журналов в 2018–2021 гг., %

Table 10. Geography of authors of Russian, French, and German historical journals in 2018–2021, %

Страна	Россия	Франция	Германия
Страна издания журнала	82,8	43,7	33,9
США	1,5	4,1	7,6
Китай	0,6	0,2	0,4
Германия	0,9	2,5	–
Франция	0,6	–	2,7
Италия	0,6	0,3	2,3
Великобритания	0,5	2,6	4,8
Россия	–	1,1	1,0
Испания	0,1	1,3	1,6
Другие страны	9,7	19,64	28,9
Неопределенные страны	2,6	27,2	16,9
Всего стран (наименований)	82	85	88

и «Journal of Silk»). Учитывая это, редакциям отечественных исторических журналов нужно внимательно и осторожно развивать это направление, так как вместо качественных исследований можно получить статьи низкого уровня, ценность которых не будет стоить потраченных усилий редактора и рецензента.

Анализ географии авторов, публикующихся в журналах России, Франции и Германии, выявил, пожалуй, главную особенность отечественных изданий – более высокий процент исследователей из стран, бывших республик СССР (табл. 11). Причины этого очевидны: наличие общей истории, схожие или общие проблемы современности и большая, в сравнении с западными изданиями, доступность российских журналов. Дополнительно отметим у этих государств ограниченное количество собственных изданий в МНБД. Из 14 бывших республик Советского Союза в 2021 г. только 5 имели издания в Scopus в категории «History»: Украина (6 журналов), Эстонии (5), Латвия и Молдова (по 3), Литва (1).

Интересна динамика публикаций исследователей из бывших республик СССР в ведущих исторических журналах России. Дан-

ные таблицы 11 показывают минимальную тенденцию к росту с 2019 г., прежде всего за счет авторов с Украины и Казахстана. Примечательно, что, несмотря на общий спад научного сотрудничества России с Украиной после 2014 г. [28], это несильно затронуло гуманитарную сферу. Однако, учитывая текущие серьезные изменения в международных отношениях, по итогам 2022 г. можно прогнозировать резкое падение количества публикаций авторов из Украины и Прибалтики в российских журналах.

Высокую заинтересованность в опубликовании результатов своих исследований в отечественных изданиях, входящих в МНБД, проявляют авторы из Казахстана (где публикации в МНБД необходимы для защиты диссертаций) и Беларуси, сохранившей с Россией наиболее тесные культурно-языковые связи. Отдельно отметим историков Азербайджана, которые в 2018–2021 гг. опубликовали в «Вопросах истории» 74 статьи. У них схожая с казахстанскими исследователями причина заинтересованности в публикациях в журналах МНБД, только акцент сделан исключительно на вхождение в «старший индекс» Web of Science – «Arts and Humanities Citation Index» [26]. Число российских журналов, включенных в этот

Таблица 11. Количество авторов из бывших республик СССР, опубликовавших работы в российских, французских и германских исторических журналах в 2018–2021 гг.

Table 11. Number of authors from the former Soviet republics who published works in Russian, French, and German historical journals in 2018–2021

Страна автора	Российские журналы					Французские журналы 2018–2021 гг.	Германские журналы 2018–2021 гг.
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2018–2021 гг.		
Украина	11	26	27	32	96	2	25
Казахстан	11	25	23	28	87	0	2
Беларусь	3	12	14	12	41	0	0
Узбекистан	4	3	9	2	18	0	1
Эстония	2	8	3	5	18	0	0
Армения	1	4	1	9	15	0	24
Литва	3	3	4	5	15	2	13
Латвия	0	6	4	3	13	0	1
Кыргызстан	1	5	4	1	11	0	1
Азербайджан	2	3	1	4	10	0	2
Молдова	1	2	2	0	5	0	1
Грузия	0	2	2	0	4	0	3
Таджикистан	0	0	1	1	2	0	0
Итого, число авторов	39	99	95	102	335	4	73
Итого, %	–	–	–	–	3,8	0,1	1,8

индекс, чрезвычайно мало, поэтому не стоит ожидать большого количества статей от азербайджанских ученых.

Рейтинги журналов в МНБД и цитирование публикаций. Для ученых многих стран в качестве ключевого критерия отбора журнала для публикации является его рейтинг в МНБД [18, с. 14]. Считается, что чем выше место журнала в рейтингах Web of Science и Scopus, тем серьезнее в нем система отбора поступающих рукописей, пропускающая через фильтры рецензирования только лучшие исследования; он более известен в научных кругах, и опубликованная в нем статья имеет больше шансов быть замеченной другими учеными. В странах, где «гонка за рейтингами» вышла на национальный уровень, публикация в высокоимпактных (квартильных) изданиях может оказывать существенное влияние на материальное благосостояние исследователя.

В МНБД рейтинг изданий основывается на отношении полученного цитирования к количеству опубликованных статей. В соответствии с рассчитанными показателями журналы распределяются по четырем квартилям («Quartile»). Они имеют обозначение Q1, Q2, Q3, Q4, где в Q1 включены 25 % журналов с наивысшими показателями, а в Q4 – 25 % с наименьшими.

В Scopus, на основе показателя CiteScore, для каждого издания в соответствующей тематической категории вычисляется процентиль («Percentile»). Процентиль (всего их 100) показывает относительное положение в научной категории, по которой индексируется жур-

нал (если изданию присвоено место на уровне процентиль 96 %, то он, согласно CiteScore, имеет рейтинг не ниже, чем 96 % журналов, отнесенных к этой же категории) [47; 52].

Журналы Scopus также распределяются по квартилям, однако этим занимается не Scopus, а портал SJR по более сложной формуле, чем отношение полученного цитирования к количеству опубликованных статей. В методике, которая получала название SCImago Journal Ranking (SJR), учитывается не только общее количество цитирований, но и отдельные нормированные показатели в зависимости от даты публикации, тематики цитирующего журнала или авторитетности источника ссылки [48].

Общие рейтинговые показатели исторических журналов России, Франции и Германии (SJR, процентиль) представлены в таблице 12. Эти данные показывают лидерство России по количеству наименований в первом квартиле (Q1), а также по более высоким средним значениям других рейтинговых показателей.

Возможно высокий общий рейтинг российских изданий – это частное проявление одной интересной тенденции, согласно которой более молодые журналы (если «юность» основной массы российских изданий приравнять к более позднему началу индексации в МНБД) показывают хорошие результаты в более короткие сроки (этот вывод был сделан на основе данных журналов Web of Science) [55].

На наш взгляд, объяснение такого феномена довольно простое и исходит из ранее рассмотренной специфики отечественной

Таблица 12. Рейтинговые показатели российских, французских и германских журналов по категории «History» на 2021 г. (по данным портала SJR и Scopus)

Table 12. Rating indicators of Russian, French, and German journals in the category “History” for 2021 (according to the SJR and Scopus portals)

Рейтинг	Россия	Франция	Германия
SJR, наивысшее значение	0,500	0,211	1,125
SJR, наименьшее значение	0,102	0,100	0,100
SJR, среднее значение	0,233	0,120	0,170
Количество журналов в Q1	20	3	6
Количество журналов в Q2	6	11	12
Количество журналов в Q3	3	10	16
Количество журналов в Q4	1	20	12
Percentile, наивысшее значение	95	82	98
Percentile, наименьшее значение	14	9	3
Percentile, среднее значение	55,0	39,1	49,9

периодики – более широкий охват различных тематических категорий. Известно, что статьи по социологии, экономики, политологии, археологии и другим социальным наукам цитируются в среднем быстрее и чаще, чем по «чистой» истории. Поскольку в МНБД к тематическим категориям относят весь журнал, а не отдельные статьи, то специфика цитирования разных научных специальностей распространяется целиком на издание. В результате журналы получают одно общее количество ссылок, которое в дальнейшем определяет их место в рейтингах в разных тематических категориях. В качестве примера приведем результаты журнала «Терапевтический архив», исключенного из данного исследования на первом этапе. В 2021 г. его 943 статьи, опубликованные в 2018–2021 гг., получили 1053 цитирования. На основе показателя CiteScore в 1,1 единицы журнал получил высокое место в рейтинге по категории «History», однако по медицинским направлениям, где статьи чаще цитируются в сравнении с гуманитарными науками, издание оказалось намного ниже (табл. 13).

Далее изучим показатели журналов, на основе которых Scopus и портал SJR рассчитывают рейтинги: количество цитируемых и цитирующих документов, CiteScore и уровень самоцитируемости. Конкретные показатели каждого из российских, французских

и германских журналов приведены в приложениях 5, 6 и 7.

Как видно из таблицы 14, российские журналы в целом имеют самое большое число цитирований, однако из-за количества опубликованных статей максимальные и средние значения CiteScore оказались выше у германских изданий. Последнее является следствием отсутствия у России высокоцитируемых журналов с показателем CiteScore выше 2 единиц. У Германии таких издания два: «Cliometrica» (3,08) и «Historical Social Research» (2,52).

Если рассмотреть все издания каждой страны как единый мета-журнал, то полученный «агрегированный CiteScore» (он рассчитывается так же, как CiteScore, только исходные данные по цитированиям и количеству публикаций берутся не для одного конкретного журнала, а для всех журналов той или иной страны) показал более высокий уровень у Германии и самый низкий у Франции. Примечательно, что значительный процент публикаций типа «Review» во французских изданиях (выше на 16,43 % российских и на 10,42 % германских показателей) не привел к более частому цитированию ни по одному из рассматриваемых параметров: цитирование обзоров в изданиях Франции составляет 49 % от общего цитирования. Это позволяет поставить под сомне-

Таблица 13. Рейтинговые показатели журнала «Терапевтический архив» в SJR и Scopus в 2021 г.

Table 13. Rating indicators of the journal “Therapeutic Archive” in SJR and Scopus in 2021

Категория	Quartile	Percentile
History	2	88-й
Family Practice	3	43-й
Internal Medicine	4	27-й
Endocrinology, Diabetes and Metabolism	4	21-й

Таблица 14. Цитирование российских, французских и германских журналов по категории «History» и показатели CiteScore в 2018–2021 гг.

Table 14. Citations of Russian, French, and German journals in the category “History” and CiteScore indicators in 2018–2021

Показатель	Россия	Франция	Германия
Количество цитирований	2795	896	1765
Количество цитируемых документов	7795	3876	3472
Агрегированный CiteScore	0,359	0,231	0,508
CiteScore журнала, наивысшее значение	1,97	0,80	3,08
CiteScore журнала, наименьшее значение	0,06	0,03	0,00
CiteScore журнала, среднее значение	0,43	0,25	0,46

ние в гуманитарных науках, как минимум в исторических, высокий потенциал цитируемости «Review» в сравнении с классическими исследовательскими статьями («Article»). В принципе, это было ожидаемо, так как в работах по истории принято ссылаться непосредственно на документы, а не на обзор других исследователей. Исключением являются историографические работы, в которых статьи типа «Review» выступают источниками.

Следует отметить, что общее число цитируемых документов оказалось меньше количества опубликованных статей, значения которых были указаны в таблице 7. В МНБД к цитируемым документам относят только исследовательские статьи, обзоры и материалы конференций («Article», «Review» и «Conference Papers») и не учитывают в расчетах работы без списка литературы («References»). Для России в конкретных цифрах расхождение между индексируемыми и цитируемыми статьями в Scopus составило 502 единицы, для Франции – 460 и для Германии – 260. У отечественных изданий самая большая разница (42,7 %) оказалась у журнала «Российская история». Это произошло не из-за большого количества неисследовательских материалов, а из-за отсутствия в статьях списков литературы на латинице, в результате чего система МНБД видит этот важнейший элемент научной публикации только в тех публикациях, где имеются ссылки на иностранные источники. В результате, в отличие от иностранных изданий, ни один из изучаемых отечественных журналов не имеет в Scopus цитирований из «Российской истории» за период 2018–2021 годов. Это снижает види-

мость ведущего исторического журнала России на международном уровне и приводит к незаслуженно низкому рейтинговому показателю. В 2018 г. «Российская история» среди всех отечественных изданий категории «History» в рейтинге SJR занимала 10-е место, в 2019 г. – 21-е место, в 2020 г. – 24-е место, а в 2021 г. – уже 33-е место.

Некоторые исследователи полагают, что относительно высокие рейтинги российских журналов обусловлены высоким уровнем самоцитирования [42, с. 150]. В связи с этим для более точной оценки влияния журналов на международном уровне были выявлены все случаи самоцитируемости журналов и сделан перерасчет показателя CiteScore с учетом влияния этого параметра. Полученные результаты представлены в таблице 15.

Действительно, в российских исторических журналах наблюдается более высокий процент самоцитируемости, чем в изданиях Франции и Германии. Это видно прежде всего по показателю «Коэффициент самоцитируемости журналов», который рассчитан как отношение самоцитирования всех журналов страны к их общему цитированию. Коэффициент самоцитируемости российских журналов в 40 % находится за пределами границ принятой нормы в 30–35 % [25, с. 193]. Теоретически такие высокие показатели могут быть у журналов, которые недавно приняты в МНБД и имеют мало проиндексированных публикаций. Поэтому озвученный исследователями показатель самоцитируемости в 45,5 % [42, с. 146] не вызывал особой тревоги в 2018 году. Однако в следующие 4 года он дол-

Таблица 15. Самоцитируемость российских, французских и германских исторических журналов в 2018–2021 гг.

Table 15. Self-citation rate of Russian, French, and German historical journals in 2018–2021

Показатель	Россия	Франция	Германия
Количество самоцитирования	1118	201	420
Коэффициент самоцитируемости журналов, %	40,0	22,4	23,8
Коэффициент самоцитирования статьи	0,14	0,05	0,12
Максимальное самоцитирование в журнале, %	90,55	100,0	85,71
CiteScore журнала с учетом самоцитирования, наивысшее значение	1,62	0,79	2,80
CiteScore журнала с учетом самоцитирования, наименьшее значение	0,03	0,00	0,00
CiteScore журнала с учетом самоцитирования, среднее значение	0,28	0,19	0,37
Количество журналов с процентом самоцитируемости >75 %	3	4	1
Количество журналов с процентом самоцитируемости >50 % и <75 %	4	4	5
Количество журналов с процентом самоцитируемости >25 % и <50 %	11	7	9
Количество журналов с процентом самоцитируемости <25 %	12	29	31

жен был нормализоваться, чего, к удивлению, не произошло.

На метауровне каждый цитируемый документ в отечественных изданиях категории «History» имеет шанс оказаться процитированным в своем журнале с вероятностью в 14 % («Коэффициент самоцитирования статьи»), во Франции такой шанс оценен в 5 %, а в Германии в 12 %. Однако показатель CiteScore 2021 г. даже с учетом самоцитирования у российских изданий по-прежнему выше французских журналов, хотя разница с германскими изданиями прилично увеличилась.

Количество отечественных изданий с процентом самоцитируемости, равным 50 % и больше, практически совпадает с французскими и германскими показателями (7 : 8 : 6). Однако существует значительная разница в частоте и количестве ссылок на собственные публикации. У России в этой группе на одно издание приходится в среднем 85 самоцитирований, в то время как у Германии – 40, а у Франции – всего 9 случаев.

Существует теория, что исключение самоцитирования, как правило, слабо влияет на рейтинг ведущих изданий и сильно на слабые, которые находятся внизу рейтинга [25, с. 193]. Проверить ее попробуем на сравнении и анализе журналов, входящих в пятерку «лидеров» своих стран по самоцитируемости.

У германских изданий такого типа два журнала имеют высокие рейтинги CiteScore и SJR: «Historical Social Research» (97-й процентиль в категории «History», Q1) и «Cliometrica» (98-й процентиль, Q1), после удаления самоцитирования их процентиль может снизиться на 1–6 позиций⁴. Оставшиеся журналы («Internationales Archiv fuer Sozialgeschichte der Deutschen Literatur», «Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte» и «Geschichte und Gesellschaft») имеют более низкие рейтинговые показатели – 46-й процентиль и Q4, 58-й и Q2, 64-й и Q2 соответственно. Корректировка у них CiteScore приведет к снижению процентилля на 15–37 пунктов.

У французских журналов наблюдается схожая картина: два издания с высоким рейтингом («Geneses», 82-й процентиль, Q1; «Annales», 79-й процентиль, Q2) могут упасть на 8–12 позиций, а три журнала («Archipel» 48-й процентиль, Q3; «Journal de

la Societe des Oceanistes», 60-й процентиль, Q1; «Annales de Bourgogne», 13-й процентиль, Q4) могут оказаться в соответствующем рейтинге на 5–22 пункта ниже.

А вот в российских изданиях – лидерах по самоцитируемости ситуация разительно отличается. Три отечественных журнала имеют высокие рейтинги CiteScore 2021 в категории «History»: «Terra Economicus» (95-й процентиль), «Вестник угроведения» (75-й процентиль) и «Новые исследования Тувы» (85-й процентиль). После корректировки показателей у «Terra Economicus» место в рейтинге может снизиться на 2 пункта, а вот у «Вестника угроведения» на 61 и у «Новых исследований Тувы» на 64. Оставшиеся два журнала имеют показатели, в целом сопоставимые с аналогичными изданиями Франции и Германии: «ЭНОЖ “История”» с текущего 32-го процентилля может опуститься на 23 позиции, а «Oriental Studies» – на 18. Вместе с тем необходимо отметить, что все эти отечественные журналы по рейтингу портала SJR относятся к 1-му квартилю. В итоге, кроме «Terra Economicus», отечественные журналы из группы «лидеров самоцитируемости» показывают результаты прямо противоположные ожидаемым: на издания с высоким рейтингом удаление самоцитирования оказывает сильное влияние, а на издания с низким – более слабое.

Очевидное выпадение из существующей модели последствий при учете самоцитирования у «Вестника угроведения» и «Новых исследований Тувы» задает соответствующие вопросы. Проведем анализ этих журналов и попробуем найти причины возникновения такой аномалии. Дополнительно рассмотрим «ЭНОЖ “История”», который находится на более низком уровне процентилля, но процент самоцитируемости сопоставим с «Вестником угроведения» и «Новыми исследованиями Тувы».

Прежде чем перейти к этим трем «лидерам самоцитируемости», уточним, что высокий коэффициент самоцитируемости может свидетельствовать о малой заметности журнала (поэтому почти никто, кроме него самого, не ссылается на его публикации), или о том, что издание специализируется на замкнутой научной дисциплине, или об определенных действи-

ях редакции, направленных на повышение библиометрических показателей [25, с. 192–193].

Российские «лидеры самоцитируемости» имеют большой процент коэффициента самоцитируемости: в «Вестнике угроведения» 115 таких ссылок, что составляет 90,6 % от общего количества цитирований, в «Новых исследованиях Тувы» – 193 ссылки, 82,8 % от всего цитирования. Первый журнал в рейтинге CiteScore 2021 по категории «History» занимает 360-е место из 1499, второй – 244-е место. Среди изучаемых 30 российских изданий по истории они по показателям SJR находятся на 4-м и 2-м местах соответственно. На национальном уровне они тоже имеют высокую самоцитируемость: у «Вестника угроведения» в РИНЦ двухлетний коэффициент самоцитирования 2021 г. равен 54 %, у «Новых исследований Тувы» – 52 %.

Основное предположение о высоком уровне самоцитирования этих двух изданий – достаточно узкая специализация. Рассмотрим их редакционную политику и проблематику публикуемых статей. Главной целью «Вестника угроведения» является «пропаганда фундаментальных и прикладных достижений в области гуманитарных наук и финно-угроведения на территории Российской Федерации и за рубежом»⁵. Редакция «Новых исследований Тувы» в концепции журнала указывает, что «большое внимание издание уделяет... сравнительному анализу результатов аналогичных (комплексных. – В. Г.) исследований по другим регионам (Калмыкия, Бурятия, Хакасия, Алтай, Якутия, ряд других регионов Сибири, а также Монголия и Казахстан. – В. Г.) с родственной этнокультурной основой»⁶. Такие формулировки целей и редакционной политики журналов расширяют тематику, в результате на их страницах можно встретить статьи по культурологии, истории, филологии, экономики, социологии и педагогики. В РИНЦ эти журналы в категории «История. Исторические науки» не индексируются: «Вестник угроведения» отнесен к мультидисциплинарным изданиям, а «Новые исследования Тувы» к направлению «Комплексное изучение отдельных стран и регионов». Эти особенности (сочетание предметной мультидисциплинарности и культурно-территориальных ограничений) не дают однозначный ответ на вопрос о том,

являются ли эти два журнала узкоспециализированными. В «копилку» их странностей можно добавить неравномерное цитирование других журналов. Так, от «Вестника угроведения» остальные российские издания категории «History» получили в 2018–2021 гг. всего 4 цитирования, а от «Новых исследований Тувы» – 72. Если это рассматривать в качестве доказательства наличия тематической связи между изданиями, то тогда предметное поле «Новых исследований Тувы» явно не относится к замкнутой дисциплине. Однако из его 72 цитирований 57 ведут на один журнал («Oriental Studies»), что делает такой вывод недостаточно убедительным. Поэтому вопрос о высокой самоцитируемости «Вестника угроведения» и «Новых исследований Тувы» требует отдельного изучения, которое на основании текущих данных провести невозможно.

Третий журнал из группы «лидеров самоцитируемости» («ЭНОЖ “История”»), у него 175 ссылок на себя из 211 цитирований, что составляет 82,9 % не является лидером CiteScore 2021: он находится на 1012-м месте среди всех изданий категории «History» и на 27-м среди российских журналов. По своему названию и проблематике публикуемых статей это классический исторический журнал, не ограниченный территориальными, временными или методологическими рамками.

Возможно, на результат его цитирования влияет слишком длинное наименование, усложненное парными знаками препинания (кавычками), которое при этом в Scopus указано несколько странно: просто «Istoriya», без каких-то дополнений или аббревиатур. Прибавим к этому традиционную проблему отечественных изданий – транслитерацию специфических кириллических букв («э», «ы», «й», «ь», «я»), имеющих различные варианты перевода в латинский алфавит. В результате резко повышается вероятность появления в цитирующих документах ошибок в оформлении ссылок на «ЭНОЖ “История”», что препятствует их автоматической привязки к цитируемой статье. Вместе с тем случаи самоцитирования видны прекрасно, так как благодаря работе редактора и корректора, выправляющих списки литературы в своем журнале, все они оформлены правильно. Однако с

версией «псевдовысокой самоцитируемости» не сочетаются показатели издания в РИНЦ, где двухлетний коэффициент самоцитирования 2021 г. равен 49 %.

Так почему «ЭНОЖ “История”» имеет высокую самоцитируемость на международном и национальном уровнях? Журнал не специализируется на публикациях по узкой тематике. Если судить по его содержанию, в нем публикуются интересные, качественные статьи, отнести его к «слабым» и неинтересным журналам довольно сложно. Поэтому основной версией становится особенность его распространения. О. Москалева и М. Акоев отмечают большую роль ОА для просмотра и цитируемости статей на неанглийских языках [51, р. 45]. «ЭНОЖ “История”» – один из пяти рассматриваемых российских журналов, материалы которого доступны исключительно по платной подписке, и из них единственный, кто выпускается в электронном сетевом формате. Поэтому в ведущих библиотеках страны отсутствуют его печатные экземпляры, высылаемые издателями согласно Федеральному закону от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов». В электронном каталоге Российской государственной библиотеки (далее – РГБ) удалось найти номера «ЭНОЖ “История”» только за 2010 год. В итоге его статьи менее доступны широкому кругу читателей, даже в сравнении с подписными изданиями, обязательные бесплатные экземпляры которых попадают в каталоги и читальные залы РГБ и других библиотек страны. Таким образом, при условии перехода на модель ОА, даже при наличии временного эмбарго, должно произойти резкое увеличение цитирования его статей внешними источниками, что подтверждает опыт других изданий [29, с. 8]. На данный же момент «ЭНОЖ “История”» является хорошим примером того, как прогрессивное «стремительное внедрение в повседневную практику гуманитарных наук интернет-технологий» [45], без учета особенностей функционирования механизмов распространения научной информации, может стать фактором, снижающим известность и влияние журнала. Видимо, неслучайно, если из расчета CiteScore издания убрать самоцитирование, то получим показатель, равный всего 0,03 единицы. Это самая низкая величина CiteScore с учетом са-

моцитирования среди всех российских изданий категории «History».

Далее рассмотрим другую крайность «экстремального самоцитирования» – его полное отсутствие. В России выявлено 4 подобных журнала, во Франции – 10 и в Германии – 7. С одной стороны, это может свидетельствовать о тщательнейшем отборе материалов или об уникальной редакционной политике изданий. С другой – это, возможно, проявление крайне низкого интереса к изданию со стороны авторов и читателей. В последнем случае журналы должны иметь небольшое количество цитирований. В случае с иностранными изданиями данное предположение находит подтверждение: французские журналы с нулевым самоцитированием в среднем имеют 12 ссылок, а германские – 9. Однако у отечественных подобных изданий ссылок намного больше – в среднем по 37 на наименование. Выявление причин расхождения этих показателей с результатами референтной группы в лице французских и германских изданий оказалось более простой и решаемой задачей, чем в случае «лидеров самоцитируемости».

Полное отсутствие самоцитирования у двух российских журналов («Российская история» и «Диалог со временем») является иллюзией. У «Российской истории» такой результат получился из-за отсутствия в статьях «References», в результате чего все случаи самоцитирования, оформленные в постраничных ссылках на русском языке, система Scopus не видит и не учитывает. На страницах «Диалога со временем» авторы тоже ссылаются на ранее опубликованные в издании работы (в 2021 г. в РИНЦ у него выявлено 19 подобных цитирований статей 2018–2021 гг.). Публикации журнала имеют «References», но редакция журнала выбрала, пожалуй, самый неудачный вариант их оформления: с 2020 г. разделы «Библиография» и «References» стали объединяться, и теперь после описания каждого источника на русском языке сразу, в продолжении строки, в квадратных скобках дается его транслитерация на латинице. Дополнительно используется устаревшая отечественная система оформления материалов из составного произведения с помощью разделителя в виде двух косых черт («//»). В результате

часть ссылок на русскоязычные издания становится «невидимой» для МНБД.

В журнале «Social Evolution and History» (ряд исследователей относят его к немногим отечественным журналам «настоящего» международного уровня) полное отсутствие самоцитируемости теоретически может быть случайностью, так как в нем, в сравнении с другими отечественными журналами по истории, издается меньше всего статей: от 17 до 27 в год. Однако в 2018 г. ситуация была совершенно иной: самоцитируемость издания в Scopus составляла 35 % [42, с. 147]. Можно предположить, что редакция этого англоязычного журнала, отдавая предпочтение обобщающим исследованиям и работам, основанным на «мир-системном» анализе, сумела найти свою нишу и привлечь внимание целевой аудитории. У издания, по данным РИНЦ, очень высокий процент публикации статей новых авторов (почти 58 %), что тоже оказывает влияние на этот процесс. Однако остается вопрос: почему даже постоянные авторы журнала не ссылаются на свои ранние публикации? ⁷ Специалисты отмечают и некоторые другие странности «Social Evolution and History» [16, с. 37], но их выяснение – это задача другого исследования.

Причину отсутствия самоцитирования у «Нового исторического вестника» можно объяснить только сознательной редакционной политикой, которая направлена на «публикацию научных статей... написанных на основе ранее неизвестных архивных документов» ⁸. При таком подходе у новых публикаций действительно могут отсутствовать прямые четкие связи с ранее опубликованными в журнале материалами. Это предположение подтверждается данными РИНЦ: с 2015 г. у «Нового исторического вестника» нулевые показате-

ли двухлетнего и пятилетнего коэффициентов самоцитирования.

Примечательно, что два журнала («Новый исторический вестник» и «Social Evolution and History») издаются частными лицами / организациями, что, вероятно, оказывает существенное влияние на отбор публикуемого контента, включающего том числе и строгий контроль списка литературы.

Для сравнения цитирования самых популярных статей журналов России, Франции и Германии категории «History» был составлен список, в который вошли наиболее цитируемые публикации, – своеобразный TOP-10. С этой целью все статьи каждого журнала были отсортированы в системе Scopus в порядке убывания цитирования. Из полученных результатов, после удаления фактов самоцитируемости, были отобраны 10 статей с наибольшими показателями. В случае когда за границами TOP-10 оказывалась работа, имеющая столько же цитирований, сколько и публикация на 10-м месте, все они включались в исследование. В связи с тем, что некоторые журналы в 2018–2021 гг. имели крайне низкое цитирование или оно вообще отсутствовало, временной период учета цитирующих публикаций был продлен до сентября 2022 года. В итоге у 15 российских изданий в конце списка TOP-10 оказались публикации с единичным цитированием, то есть в выборку попали все их цитируемые статьи. У Франции таких журналов оказалось 36, у Германии – 37.

Данные таблицы 16 показывают, что в российских журналах публикуется намного больше редко цитируемых статей, чем в изданиях Франции и Германии. При этом лучшие отечественные публикации цитируются с частотой, сравнимой с публикациями германских изданий. Отметим количество

Таблица 16. TOP-10 наиболее цитируемых статей российских, французских и германских исторических журналов, опубликованных в 2018–2021 гг.

Table 16. TOP-10 most cited articles from Russian, French, and German historical journals published in 2018–2021

Страна	Количество статей / процент от общего количества статей	Общее количество цитирований статей из TOP-10	Среднее цитирование статьи из TOP-10
Россия	560 / 6,7 %	1302	2,33
Франция	434 / 10,0 %	712	1,64
Германия	581 / 15,6 %	1429	2,46

работ с цитированием 10 и более раз: у России 10 таких работ (4 из журнала «Terra Economicus»), у Германии 22 статьи, а у Франции не выявлено ни одной такой публикации.

Выводы и обсуждение. Сравнение российских журналов, индексируемых в МНБД Scopus по категории «History», с референтной группой изданий Франции и Германии выявило следующие особенности отечественных журналов:

1. Позднее начало индексации отечественных исторических журналов в Scopus. Массовое включение российских изданий в МНБД произошло в 2016–2021 годах.

2. Российские исторические журналы обладают большей «междисциплинарностью» социогуманитарного характера: в отечественной научной периодике, индексируемой по категории «History», значительно чаще публикуются работы из других областей гуманитарных и социальных наук, нежели в Германии или Франции. Возможно, это является одновременно отражением существования разных подходов к определению границ понятия «история» как области научного познания в отечественной и зарубежной науке.

3. В России при меньшем количестве журналов категории «History» ежегодно выпускается в среднем почти в 3–3,5 раза больше статей, чем в изданиях Франции и Герма-

нии. Отечественный журнал более «толстый» и выходит чаще.

4. Абсолютное большинство исторических журналов России издается университетами и исследовательскими институтами (73 %), у Франции доля таких изданий составляет 32 %, а у Германии – 7 %. Прямым следствием заинтересованности изданий в получении коммерческой прибыли является наличие публикаций в открытом доступе. У России доля журналов ОА составляет 83 %, у Франции – 22 %, у Германии – 13 %.

Распространение изданий по подписке, действительно, способствует повышению их качества, но исключительно в условиях развитого конкурентного рынка научной периодики. В отечественных условиях создать коммерчески эффективный журнал практически невозможно в силу крайне ограниченного платежеспособного спроса и сильного влияния бюрократических критериев [20, с. 222]. Поэтому даже подписка – это сужение читательской аудитории. По данным О.В. Кириловой, показатели CiteScore отечественных журналов ОА ниже среднего по стране [15, с. 31]. Однако среди изданий категории «History» наблюдается противоположная картина: средний CiteScore подписных изданий значительно ниже, чем изданий открытого доступа (рис. 2). Возможно, здесь сработал фактор большой роли ОА для про-

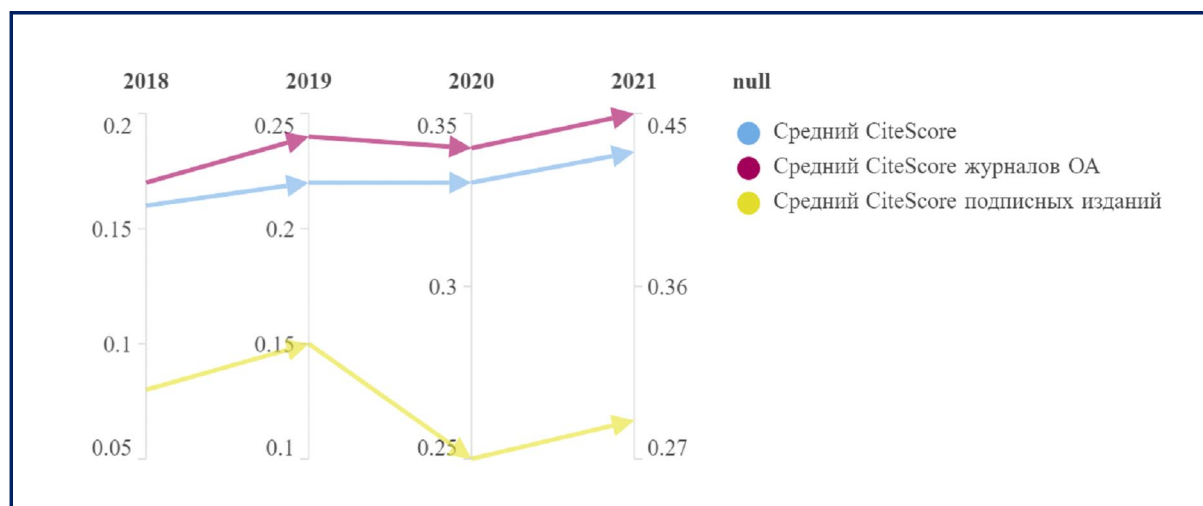

Рис. 2. Динамика изменения общего среднего CiteScore, среднего CiteScore подписных и ОА изданий российских исторических журналов с 2018 по 2021 г.

Fig. 2. Dynamics of changes in the overall average CiteScore and the average CiteScore of subscription and OA editions of Russian historical journals from 2018 to 2021

смотра и цитируемости статей на неанглийских языках [51, р. 45]. Поэтому, с учетом очевидного преобладания в отечественных исторических журналах русскоязычных статей, публикация по модели открытого доступа является важным условием развития отечественного гуманитарного журнала на международном уровне.

По типам и языкам публикуемых документов, а также географии авторов между изданиями трех стран существуют существенные различия. В России самая большая доля исследовательских статей и самая малая обзорных работ («Article» составляют 65,1 %, «Review» – 31,6 %), больше публикаций на национальном языке (85,5 %) и авторов с национальной аффилиацией (82,8 %). За исключением английского (13,9 %), остальные языки в отечественной исторической периодике в Scopus представлены ничтожно малыми величинами. Последнее объясняется особенностями российского законодательства в области СМИ, а не отказом редакций и авторов публиковать статьи на немецком, французском, испанском и других языках.

Большая доля статей на национальном языке, как показало проведенное сравнение, не является необычным явлением для исторических изданий. Так, во Франции такой показатель составил 83 %. Однако французские редакции значительно больше публикуют работ исследователей из других стран. В этом отношении российским журналам есть чему поучиться – необходимо усилить работу с русскоязычными иностранными авторами, стать для них культурно-исторической, научной точкой притяжения.

Использование английского языка, считающегося в настоящее время основным языком международной научной коммуникации, безусловно, обладает влиянием на читаемость и цитируемость издания [15]. Это подтверждается на примере германских исторических журналов, у которых процент англоязычных публикаций более чем в 3,5 раза превышает аналогичные показатели России и Франции, что дает им самое большое цитирование в расчете на одну статью.

При изучении российских исторических журналов корреляцию между рейтингом многоязычных и русскоязычных журналов и рей-

тингом англоязычных изданий, как происходит в других областях, выявить не удалось. Средний CiteScore многоязычных изданий показывает с 2018 по 2021 г. стабильный рост в 62–78 %, и в отдельные годы он выше аналогичных показателей англоязычных журналов: 2019 г. на 110 %, в 2021 г. на 3 %. Только в 2020 г. средний CiteScore англоязычных журналов был выше, но всего на 3,4 %. Также отметим, что из 10 российских статей с цитированием в 10 и более раз 50 % составили русскоязычные публикации и 50 % англоязычные. Но, скорее всего, такие данные – случайный результат, получившийся из-за малого количества журналов (в исследовании было всего три англоязычных издания России категории «History»).

Общепризнанный факт, что лучшие специалисты по истории Франции занимаются исследованиями во Франции, по истории России – в нашей стране и т. д. Разумеется, для них национальный язык – это родной язык, на нем пишется и издается основная масса работ (исключением из этого правила является изучение древних цивилизаций и международных отношений, включая военные конфликты). В основном проблемы национальной истории интересны прежде всего населению этих стран, что значительно сужает охват читательской аудитории на международном уровне. Для ученых из других государств знание языка изучаемого региона – необходимое условие качественного исследования, иногда он является более важным для работы, чем английский. Таким образом, аксиоматическое утверждение о том, что в современном мире английский язык – основной язык научной коммуникации, стоит применять к гуманитарным исследованиям с большой осторожностью, по крайней мере к историческим наукам. Статьи на качественном английском языке по международной проблематике, разумеется, привлекут внимание иностранной аудитории, даже могут стать наиболее цитируемыми в МНБД, но при этом может снизиться их «видимость» для отечественной аудитории, что в свою очередь окажет негативное влияние на важнейшую социальную функцию исторического исследования – сохранение национальной культуры и исторической памяти.

Не стоит воспринимать этот вывод как призыв к отказу от англоязычных публикаций в отечественных изданиях. Для многих иностранных авторов в наших реалиях публикация на английском языке будет единственно приемлемым решением, так как он, как правило, является единственным иностранным языком, отмеченным в регистрационных документах СМИ. Редакциям российских исторических журналов стоит в свою очередь больше внимания обращать на потенциальную читательскую аудиторию статьи: если она преимущественно национальная, то публикация на английском языке не привлечет особого внимания иностранных ученых.

Последние исследования показывают, что неанглоязычные издания находятся не в таком сложном состоянии, как это можно представить: низкие рейтинги и конкурентоспособность журналов неанглоязычных стран являются распространенным стереотипом [55]. Это проявляется в рейтингах и российских исторических журналов, две трети которых аналитической командой SCImago Journal & Country Rank отнесены к Q1, в то время как доля подобных высокорейтинговых изданий у Франции составила всего 7 %, а у Германии – 13 %.

Еще в 2019 г. казалось, что российским журналам достичь таких высоких библиометрических показателей, без углубления интернационализации, будет очень сложно [15, с. 23] или вообще невозможно [2, с. 128]. Гуманитарные российские журналы, как показано в работе М.А. Акоева и О.В. Москалевой, демонстрируют очень хорошие результаты, значительно лучше, чем в области общественных наук [1, с. 70]. Несомненно, важным фактором роста показателей цитируемости стало расширение присутствия российских журналов в Scopus [33, с. 114], которое произошло в том числе из-за приближения отечественных публикаций к международным стандартам. Гуманитарные науки, вероятно, смогли достичь высоких позиций благодаря рейтинговым показателям исторических журналов. По данным портала SJR, на 2021 г. из 60 российских гуманитарных изданий высокого уровня (Q1/Q2 по самой лучшей категории в SJR) 33 индексируются в категории «History». Всего же в области

гуманитарных наук выделяется 12 тематических журнальных категорий.

Исторические журналы России обладают высокими рейтингами SJR и на уровне всех других изданий страны. 12 из 30 отечественных журналов категории «History» имеют показатель SJR выше среднего национального уровня, 18 – выше медианного показателя SJR всех журналов России в Scopus. У Франции нет ни одного исторического журнала с показателем выше среднего национального уровня, и только 9 выше медианного. В Германии всего 2 журнала имеют SJR выше среднего и медианного уровней. Такие рейтинги российские журналы получили благодаря высокому цитированию. По ряду показателей они демонстрируют лучшую динамику, чем французские издания, но при этом заметно уступают германским.

Пожалуй, один из немногих количественных показателей, по которому отечественные журналы заметно уступают иностранным, – это коэффициент самоцитируемости журналов (40 %), который почти в два раза больше, чем у изданий референтной группы. Изучение причин такого явления поставило проблему определения границ между специализацией журнала на замкнутой научной дисциплине, выход за которые может оцениваться как излишнее, искусственное самоцитирование. Это, как и другие вопросы этического характера, безусловно, должно стать предметом специального исследования.

На наш взгляд, коэффициент самоцитируемости российских журналов в целом будет и далее превышать аналогичные показатели изданий Франции и Германии. Разумеется, можно и нужно стремиться к 20–30 % [32, с. 108], но только в будущем, если произойдет «диверсификация» отечественных социогуманитарных журналов в Scopus и значительно увеличится количество источников цитируемых документов, может снизиться показатель журнального самоцитирования. При этом надеемся, что появление российских изданий в Scopus в категории «History» будет проходить не за счет уже индексирующихся журналов, которые, как правило, обладают более низким рейтингом в «родных» категориях.

Изучение другой крайности «экстремальной самоцитируемости» неожиданно об-

нажило проблему оформления метаданных публикаций. Несмотря на то что это коснулось всего двух изданий, произошло искажение цитирования российских изданий: часть отечественных журналов не получили от них ссылки, что в какой-то степени повлияло и на средние показатели самоцитируемости.

На текущий момент почти 83 % авторов в отечественных изданиях имеют российскую аффилиацию, это практически вдвое превышает аналогичные показатели исторических изданий Франции и Германии. В условиях обострения современной международной ситуации и введения беспрецедентных антироссийских санкций в ближайшем будущем однозначно произойдет снижение количества авторов из европейских стран и США. С учетом больших редакционных портфелей и длительных сроков опубликования работ спад публикаций ученых из «традиционных» для российских журналов стран (США, Украина, Германия, Польша, Великобритания и др.) очевидно проявится в 2023 году. Одновременно существуют шансы увеличения запроса на публикацию со стороны российских авторов, которые столкнулись с рядом трудностей при подаче статей в иностранные издания. Этой возможностью должны воспользоваться наши редакции: при увеличении конкуренции со стороны авторов журнал сможет выбирать самые актуальные и качественные исследования.

Переориентация на условный «Восток», о чем часто говорят в последнее время, — очень сложная задача. Несмотря на явные стимулы, гуманитарии этих стран не спешат публиковаться в наших журналах. В российских изданиях по истории 2018–2021 гг. увеличение количества таких исследований не наблюдается, и стоит, действительно, говорить о стагнации [28]. Единственный журнал, где замечен бурный рост, — это «Вопросы истории», исключенный в 2021 г. из Scopus. Такое совпадение заставляет с осторожностью смотреть на «восточное направление», которое однозначно потребует от отечественных редакторов огромных затрат времени и сил.

Другие теоретически возможные направления поиска иностранных публикаций (страны Латинской Америки, Юго-Восточ-

ной Азии, Среднего Востока и Африки) потребуют еще больше усилий сотрудников журналов. Авторы из этих регионов почти не печатаются в российских исторических журналах (в 2018–2021 гг. их было менее 1 % от общего числа), распространенные у них языки редко встречаются на страницах наших изданий. Для расширения этого направления необходимо провести огромную работу. Начать ее можно с введения в языковую политику журнала французского, испанского и португальского языков; выделение на этих языках только метаданных статей выглядит достаточно перспективным [37, с. 32–33]. Смещение иностранных публикаций в пользу авторов из стран Азии и Африки [28] в гуманитарных науках не стоит ждать в ближайшее время. Задача поиска наиболее перспективных, интересных авторов, в силу недоступности в России поисковых возможностей систем Web of Science и Scopus, будет явно непростым и небыстрым делом.

Однако с этим можно справиться. Никто 10 лет назад не мог предположить такое большое представительство российских журналов категории «History» в МНБД Scopus. Они сейчас являются лучшими отечественными изданиями по истории и кратко увеличивают видимость публикуемых исследований российских историков. Не стоит вешать на отечественные гуманитарные издания ярлык «локальный / национальный» и укорять в недостаточно высоком уровне интернационализации тех или иных аспектов редакционно-издательской деятельности. Все эти журналы прошли строгий международный аудит и были признаны интересными международному сообществу в качестве лучших представителей национальной гуманитарной науки. Главная задача российских исторических журналов видится в усилении международных аспектов, прежде всего за счет увеличения разнообразия географии авторов. Необходимо продолжать выполнять функцию, указанную в той или иной формулировке практически у каждого журнала в качестве основной цели, — быть платформой, объединяющей ученых-историков разных стран. Сейчас, в непростых условиях международной обстановки, отечественные исторические журналы являются важнейшим каналом трансляции российской

точки зрения на мировую и национальную историю, а также сведений о культуре и обычаях народов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, ослабление влияния «Ab Imperio» на российскую науку наблюдается уже сейчас. После смены юрисдикции журнала происходит снижение его цитирования в РИНЦ. Так, в 2021 г. в российской базе данных на него сослались 405 раз, а в 2022 г. – всего 293 раза.

² На портале SJR при выборке российских исторических журналов за этот год указано наличие девяти российских журналов, однако нужно учитывать, что SJR показывает не год начала индексации издания в Scopus, а наличие публикаций этого периода в МНБД. Есть многочисленные примеры индексации Scopus статей за года, предшествующие времени включения журнала в эту базу данных.

³ Журнал «Вопросы истории» за публикацию берет с авторов денежные взносы, при этом издание распространяется по подписке, отдельные

статьи доступны для чтения только после оплаты. На сайте издания не указан состав редакционного совета, нет никаких сведений о главном редакторе, процессе рецензирования и др. В связи с этим затруднительно оценить качество публикуемых в нем статей, кроме как по внешним признакам, например по тому, что в нем кроме исследований по истории выходят работы по экономике, искусствоведению, педагогике, юриспруденции и другим социально-гуманитарным наукам.

⁴ Для оценки вероятного процентиля журнала был высчитан показатель CiteScore с учетом самоцитирования. Получившееся значение сравнивалось с уровнями процентов журналов категории «History» CiteScore 2021.

⁵ Вестник угроведения. URL: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/политика-журнала>

⁶ Новые исследования Тувы. URL: <https://nit.tuva.asia/nit>

⁷ По данным РИНЦ, 58 статей были опубликованы 4 авторами. Объем издания в РИНЦ – 411 статей.

⁸ Новый исторический вестник. URL: <https://nivistnik.su/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Основные рейтинговые показатели российских журналов категории «History» в Scopus

Appendix 1. Main rating indicators of Russian journals in the category “History” in Scopus

№ п/п	Журнал	ISSN	SJR, 2021	Quartile, SJR, 2021	Cite Score, 2021	Процентиль, 2021	Количество статей (2018–2021 гг.)
1	Вестник Санкт-Петербургского университета. История (далее – Вестник СПбГУ. История *)	1812-9323	0,500	Q1	0,58	73	320
2	Российская археология	0869-6063	0,433	Q1	0,53	71	193
3	Уральский исторический вестник	1728-9718	0,395	Q1	0,53	70	280
4	Международные процессы	1728-2756	0,327	Q1	0,67	70	156
5	Краткие сообщения Института археологии	0130-2620	0,316	Q1	0,24	44	370
6	Studia Slavica et Balcanica Petropolitana	1995-848X	0,304	Q1	0,26	47	98
7	Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология (далее – Вестник НГУ. История, филология)	1818-7919	0,28	Q1	0,13	26	315
8	Terra Economicus	2073-6606	0,265	Q1	1,97	95	155
9	Russia in Global Affairs **	1810-6374	0,262	Q1	0,55	72	183
10	Новейшая история России	2219-9659	0,256	Q1	0,41	61	248
11	Quaestio Rossica	2311-911X	0,254	Q1	0,30	51	367
12	Этнография	2618-8600	0,252	Q1	0,53	71	135
13	Oriental Studies	2619-0990	0,231	Q1	0,47	66	396
14	Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения (далее – Вестник ВолГУ. История)	1998-9938	0,227	Q1	0,28	48	388
15	Вестник древней истории	0321-0391	0,218	Q1	0,39	60	174
16	Сибирские исторические исследования	2312-461X	0,212	Q1	0,40	61	189
17	Вестник угроведения	2220-4156	0,202	Q1	0,62	75	224
18	Новые исследования Тувы	2079-8482	0,201	Q1	0,89	85	262
19	Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение (далее – Вестник ПСТГУ. Богословие)	1991-640X	0,197	Q1	0,14	28	177
20	Электронный научно-образовательный журнал «История» (далее – ЭНОЖ «История»)	2079-8784	0,196	Q1	0,16	32	1405
21	Золотоордынское обозрение	2308-152X	0,192	Q2	0,27	48	193
22	Актуальные проблемы теории и истории искусства	2312-2129	0,186	Q2	0,19	46	301
23	Social Evolution and History ***	1681-4363	0,169	Q2	0,72	80	82
24	Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение (далее – Вестник СПбГУ. Искусствоведение)	2221-3007	0,169	Q2	0,19	38	142

Окончание приложения 1

End of Appendix 1

№ п/п	Название журнала	ISSN	SJR, 2021	Quartile, SJR, 2021	Cite Score, 2021	Процентиль, 2021	Количество статей (2018–2021 гг.)
25	Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность (далее – Восток)	0869-1908	0,149	Q2	0,18	35	300
26	Российская история	0869-5687	0,147	Q2	0,21	41	408
27	Новый исторический вестник	2072-9286	0,125	Q3	0,18	36	144
28	Slovĕne	2304-0785	0,11	Q3	0,35	57	150
29	Диалог со временем	2073-7564	0,105	Q3	0,06	14	458
30	History of Medicine **	2409-5834	0,102	Q4	0,39	60	84

Приложение. * – в официальном сокращенном названии в аббревиатуре остался атавизм от прошлого наименования – буква «г», расшифровка которой («государственного») в текущем названии отсутствует; ** – английская версия журнала, оригинальная версия издается на русском языке; *** – журнал выходит на английском языке.

Note. * – in the official abbreviated name, an atavism from the previous name remained in the abbreviation: the letter “g”, the decoding of which (“государственный/state”) in the current name is missing; ** – the English version of the journal, the original version is published in Russian; *** – the journal is published in English.

Приложение 2. Основные рейтинговые показатели французских журналов категории «History» в Scopus

Appendix 2. Main rating indicators of French journals in the category “History” in Scopus

№ п/п	Журнал	ISSN	SJR, 2021	SJR Quartile, 2021	Cite Score 2021	Процентиль, 2021	Количество статей (2018–2021 гг.)
1	Journal de la Societe des Oceanistes	0300-953X	0,211	Q1	0,39	60	112
2	Geneses	1155-3219	0,207	Q1	0,80	82	145
3	Studia Islamica	0585-5292	0,199	Q1	0,74	80	35
4	Entreprises et Histoire	1161-2770	0,19	Q2	0,45	64	184
5	Temps des Medias	1764-2507	0,17	Q2	0,18	36	131
6	Oeconomia	2113-5207	0,165	Q2	0,65	77	76
7	Etudes Rurales	0014-2182	0,161	Q2	0,33	54	68
8	Annales	0395-2649	0,154	Q2	0,69	79	96
9	European Journal of American Studies	1991-9336	0,154	Q2	0,20	39	108
10	Cahiers d’Etudes Africaines	0008-0055	0,15	Q2	0,32	54	135
11	Revue d’Assyriologie et d’Archeologie Orientale	0373-6032	0,144	Q2	0,36	57	51
12	Revue Historique	0035-3264	0,139	Q2	0,14	29	99
13	Revue du Nord	0035-2624	0,138	Q2	0,10	21	132
14	Histoire et Mesure	0982-1783	0,132	Q2	0,30	51	37
15	Archipel	0044-8613	0,128	Q3	0,27	48	93
16	Revue d’Histoire Moderne et Contemporaine	0048-8003	0,126	Q3	0,33	54	107
17	Revue des Mondes Musulmans et de la Mediterranee	0997-1327	0,119	Q3	0,16	32	191
18	Tabularia	1630-7364	0,113	Q3	0,13	26	17
19	Revue Biblique	0035-0907	0,112	Q3	0,26	46	73
20	Dialogues d’Histoire Ancienne	0755-7256	0,112	Q3	0,12	25	149
21	Vingtieme Siecle: Revue d’Histoire	0294-1759	0,109	Q3	0,55	71	69
22	Romantisme	0048-8593	0,107	Q3	0,09	20	167
23	Mouvement Social	0027-2671	0,106	Q3	0,30	52	133
24	Revue des Etudes Slaves	0080-2557	0,105	Q3	0,05	12	131
25	Revue d’Histoire des Mathematiques	1262-022X	0,102	Q4	0,79	82	14
26	Maghreb – Machrek	1762-3162	0,102	Q4	0,07	16	89
27	Revue des Etudes Anciennes	0035-2004	0,101	Q4	0,09	19	64
28	Revue de Philologie de Litterature et d’Histoire Anciennes	0035-1652	0,101	Q4	0,04	11	29
29	Moreana	0047-8105	0,101	Q4	0,20	41	46
30	Histoire Medievale et Archeologie	0991-2894	0,101	Q4	0,22	43	56
31	Histoire et Societes Rurales	1254-728X	0,101	Q4	0,17	34	32
32	Diasporas	1637-5823	0,101	Q4	0,12	25	73
33	Cahiers du Monde Russe	1252-6576	0,101	Q4	0,23	43	69
34	Cahiers de Civilisation Medievale	0007-9731	0,101	Q4	0,04	11	81
35	Archives Juives	0003-9837	0,101	Q4	0,23	43	61
36	Clio: Histoire, Femmes et Societes	1252-7017	0,1	Q4	0,27	48	84
37	Annales de Bourgogne	0003-3901	0,1	Q4	0,05	13	105
38	Critique (France)	0011-1600	0,1	Q4	0,06	16	217
39	Revue d’Histoire du XIXe Siecle	1265-1354	0,1	Q4	0,08	18	91
40	Perspective (France)	1777-7852	0,1	Q4	0,04	11	120
41	Outre-Mers	1631-0438	0,1	Q4	0,09	20	67
42	Histoire Urbaine	1628-0482	0,1	Q4	0,15	31	106
43	Guerres Mondiales et Conflicts Contemporains	0984-2292	0,1	Q4	0,07	17	141
44	Gazette des Archives	0016-5522	0,1	Q4	0,03	9	252

Приложение 3. Основные рейтинговые показатели германских журналов категории «History» в Scopus

Appendix 3. Main rating indicators of German journals in the category “History” in Scopus

№ п/п	Название журнала	ISSN	SJR, 2021	SJR Quartile, 2021	Cite Score, 2021	Процентиль	Количество статей (2018–2021 гг.)
1	Cliometrica	1863-2505	1,125	Q1	3,08	98	69
2	Journal of African Archaeology	1612-1651	0,625	Q1	1,93	95	45
3	Historical Social Research	0172-6404	0,303	Q1	2,52	97	157
4	Glottology	1337-7892	0,291	Q1	0,48	67	37
5	Klio	0075-6334	0,265	Q1	0,54	71	96
6	TalTech Journal of European Studies (панее – Baltic Journal of European Studies)	2674-4600	0,225	Q1	1,21	90	65
7	Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft	0044-2526	0,186	Q2	0,57	72	120
8	Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche	0044-2615	0,182	Q2	0,42	62	48
9	Philologus	0031-7985	0,176	Q2	0,24	44	108
10	Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte	0042-5702	0,171	Q2	0,36	58	128
11	Geschichte und Gesellschaft	0340-613X	0,170	Q2	0,44	64	105
12	Historia - Zeitschrift für Alte Geschichte	0018-2311	0,163	Q2	0,59	74	88
13	Antike und Abendland	0003-5696	0,159	Q2	0,10	21	42
14	Sudosteuropa	0722-480X	0,154	Q2	0,65	77	89
15	Entangled Religions	2363-6696	0,148	Q2	0,49	67	80
16	Journal of Modern European History	1611-8944	0,147	Q2	0,44	63	156
17	Aethiopica	1430-1938	0,145	Q2	0,13	27	32
18	Historische Zeitschrift	0018-2613	0,132	Q2	0,42	62	84
19	Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte	0075-2800	0,128	Q3	0,35	57	80
20	Altorientalische Forschungen	0232-8461	0,128	Q3	0,33	55	70
21	Berichte zur Wissenschaftsgeschichte	0170-6233	0,126	Q3	0,46	65	123
22	Islam - Zeitschrift für Geschichte und Kultur des Islamischen Orients	0021-1818	0,125	Q3	0,50	68	63
23	Journal of European Integration History	0947-9511	0,124	Q3	0,42	62	67
24	Rechtsgeschichte	1619-4993	0,124	Q3	0,12	25	271
25	Vierteljahresschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte	0340-8728	0,120	Q3	0,34	56	51
26	Zeitschrift für Geschichtswissenschaft	0044-2828	0,120	Q3	0,12	25	177
27	Journal of Namibian Studies	1863-5954	0,118	Q3	0,63	76	45
28	Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde	0044-216X	0,117	Q3	0,14	30	72
29	Zeitschrift für Antikes Christentum	0949-9571	0,114	Q3	0,37	59	75
30	Archiv für Papyrusforschung und Verwandte Gebiete	0066-6459	0,113	Q3	0,26	47	78
31	Biblische Notizen	0178-2967	0,110	Q3	0,28	48	117
32	International Public History	2567-1111	0,109	Q3	0,13	26	67
33	Byzantinische Zeitschrift	0007-7704	0,104	Q3	0,31	52	88
34	Kirchliche Zeitgeschichte	0932-9951	0,104	Q3	0,10	21	81
35	Hansische Geschichtsblätter	0073-0327	0,103	Q4	0,09	20	13
36	Lithuanian historical studies / Lithuanian Institute of History	1392-2343	0,102	Q4	0,06	14	18
37	Militärgeschichtliche Zeitschrift	0026-3826	0,102	Q4	0,00	3	35
38	Zeitschrift für Historische Forschung	0340-0174	0,101	Q4	0,39	60	36

Окончание приложения 3

End of Appendix 3

№ п/п	Название журнала	ISSN	SJR, 2021	SJR Quartile, 2021	Cite Score, 2021	Процентиль	Количество статей (2018–2021 гг.)
39	Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung	0323-4045	0,101	Q4	0,18	36	60
40	Saeculum	0080-5319	0,101	Q4	0,15	31	42
41	Journal for the History of Modern Theology	0943-7592	0,101	Q4	0,14	28	44
42	Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz	0342-1201	0,101	Q4	0,12	25	73
43	Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung	0323-4142	0,101	Q4	0,05	13	41
44	Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur	0340-4528	0,100	Q4	0,21	46	104
45	Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung	0323-4096	0,100	Q4	0,14	28	75
46	Forum Stadt	0170-9364	0,100	Q4	0,04	11	117

Приложение 4. Книжные серии Германии и Франции по области «Arts and Humanities: History»

Appendix 4. Book series of Germany and France in the subject category “Arts and Humanities: History”

Страна	Книжная серия
Германия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2. Archiv für Kulturgeschichte. 3. Chiron. 4. Francia. Forschungen zur Westeuropaischen Geschichte. 5. Frühmittelalterliche Studien. 6. Historische Anthropologie. 7. Homme (Germany). 8. Jahrbuch für Regionalgeschichte. 9. Jahrbuch für Antike und Christentum. 10. Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 11. Journal of Asian History. 12. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 13. Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 14. Zeitschrift für Balkanologie
Франция	<ol style="list-style-type: none"> 1. Chateau Gaillard. 2. Etudes Celtique. 3. Syria

Приложение 5. Показатели цитируемости российских журналов категории «History» в 2018–2021 гг.

Appendix 5. Citation indicators of Russian journals in the category “History” in 2018–2021

Журнал	Количество цитирований	Количество цитируемых документов	Количество самоцитирований	Процент самоцитируемости	CiteScore 2021, с учетом самоцитирования
Terra Economicus	306	155	55	17,97	1,62
Новые исследования Тувы	233	262	193	82,83	0,15
ЭНОЖ «История»	211	1343	175	82,94	0,03
Oriental Studies	187	395	81	43,32	0,27
Вестник СПбГУ. История	185	319	35	18,92	0,47
Уральский исторический вестник	145	276	35	24,14	0,40
Вестник угроведения	127	204	115	90,55	0,06
Quaestio Rossica	108	360	37	34,26	0,20
Вестник ВолГУ. История	107	385	39	36,45	0,18
Российская археология	103	193	20	19,42	0,43
Новейшая история России	101	248	26	25,74	0,30
Международные процессы	95	141	44	46,32	0,36
Краткие сообщения Института археологии	88	370	31	35,23	0,15
Russia in Global Affairs	84	152	20	23,81	0,42
Этнография	72	135	23	31,94	0,36
Сибирские исторические исследования	70	174	8	11,43	0,36
Вестник древней истории	65	166	20	30,77	0,27
Актуальные проблемы теории и истории искусства	57	301	41	71,93	0,05
Social Evolution and History	57	79	0	0,00	0,72
Восток	53	300	29	54,72	0,08
Золотоордынское обозрение	53	193	28	52,83	0,13
Российская история	48	234	0	0,00	0,21
Slovène	47	134	9	19,15	0,28
Вестник НГУ. История, филология	40	315	17	42,50	0,07
History of Medicine	33	84	13	39,39	0,24
Вестник СПбГУ. Искусствоведение	27	141	8	29,63	0,13
Новый исторический вестник	26	141	0	0,00	0,18
Studia Slavica et Balcanica Petropolitana	25	95	4	16,00	0,22
Вестник ПСТГУ. Богословие	24	177	12	50,00	0,07
Диалог со временем	18	323	0	0,00	0,06

Приложение 6. Показатели цитируемости французских журналов категории «History» в 2018–2021 гг.

Appendix 6. Citation indicators of French journals in the category “History” in 2018–2021

Журнал	Количество цитирований	Количество цитируемых документов	Количество самоцитирований	Процент самоцитируемости	CiteScore 2021, с учетом самоцитирования
Geneses	112	140	18	16,07	0,67
Entreprises et Histoire	78	173	40	51,28	0,22
Annales	55	80	13	23,64	0,53
Oeconomia	49	75	11	22,45	0,51
Cahiers d'Etudes Africaines	43	134	3	6,98	0,30
Journal de la Societe des Oceanistes	42	108	18	42,86	0,22
Mouvement Social	38	125	7	18,42	0,25
Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine	33	101	0	0,00	0,33
Vingtieme Siecle: Revue d'Histoire	32	58	0	0,00	0,55
Revue des Mondes Musulmans et de la Mediterranee	26	166	5	19,23	0,13
Studia Islamica	25	34	2	8,00	0,68
Archipel	24	89	10	41,67	0,16
Clio: Histoire, Femmes et Societes	22	81	2	9,09	0,25
Etudes Rurales	22	67	2	9,09	0,30
European Journal of American Studies	21	107	5	23,81	0,15
Temps des Medias	21	116	4	19,05	0,15
Revue Biblique	19	73	3	15,79	0,22
Revue d'Assyriologie et d'Archeologie Orientale	18	50	5	27,78	0,26
Dialogues d'Histoire Ancienne	17	144	1	5,88	0,11
Histoire Urbaine	15	98	1	6,67	0,14
Romantisme	15	160	0	0,00	0,09
Cahiers du Monde Russe	14	62	1	7,14	0,21
Revue Historique	14	97	2	14,29	0,12
Archives Juives	12	52	6	50,00	0,12
Revue du Nord	12	124	5	41,67	0,06
Histoire et Mesure	11	37	5	45,45	0,16
Revue d'Histoire des Mathematiques	11	14	0	0,00	0,79
Critique (France)	10	157	0	0,00	0,06
Histoire Medievale et Archeologie	10	46	10	100,00	0,00
Guerres Mondiales et Conflicts Contemporains	9	124	1	11,11	0,06
Moreana	9	44	7	77,78	0,05
Revue d'Histoire du XIXe Siecle	7	88	2	28,57	0,06
Diasporas	6	50	0	0,00	0,12
Outre-Mers	6	64	1	16,67	0,08
Revue des Etudes Slaves	6	129	0	0,00	0,05
Annales de Bourgogne	5	99	3	60,00	0,02
Gazette des Archives	5	185	4	80,00	0,01
Histoire et Societes Rurales	5	30	1	20,00	0,13
Maghreb – Machrek	5	74	0	0,00	0,07
Perspective (France)	4	104	1	25,00	0,03
Revue des Etudes Anciennes	4	46	0	0,00	0,09
Tabularia	2	16	1	50,00	0,06
Cahiers de Civilisation Medievale	1	28	1	100,00	0,00
Revue de Philologie de Litterature et d'Histoire Anciennes	1	27	0	0,00	0,04

Приложение 7. Показатели цитируемости германских журналов категории «History» в 2018–2021 гг.

Appendix 7. Citation indicators of German journals in the category “History” in 2018–2021

Журнал	Количество цитирований	Количество цитируемых документов	Количество самоцитирований	Процент самоцитируемости	CiteScore 2021, с учетом самоцитирования
Aethiopica	30	4	1	25,00	0,10
Altorientalische Forschungen	70	23	2	8,70	0,30
Antike und Abendland	41	4	0	0,00	0,10
Archiv für Papyrussforschung und Verwandte Gebiete	76	20	1	5,00	0,25
Baltic Journal of European Studies / Baltic Journal of European Studies 2674-4600	107	130	4	3,08	1,18
Berichte zur Wissenschaftsgeschichte	110	51	13	25,49	0,35
Biblische Notizen	105	29	3	10,34	0,25
Byzantinische Zeitschrift	88	27	2	7,41	0,28
Cliometrica	66	203	18	8,87	2,80
Entangled Religions	76	37	12	32,43	0,33
Forum Stadt	82	3	2	66,67	0,01
Geschichte und Gesellschaft	104	46	16	34,78	0,29
Glottology	33	16	5	31,25	0,33
Hansische Geschichtsblätter	11	1	0	0,00	0,09
Historia – Zeitschrift für Alte Geschichte	88	52	6	11,54	0,52
Historical Social Research	157	395	199	50,38	1,25
Historische Zeitschrift	81	34	3	8,82	0,38
International Public History	64	8	1	12,50	0,11
Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur	102	21	18	85,71	0,03
Islam - Zeitschrift für Geschichte und Kultur des Islamischen Orients	60	30	7	23,33	0,38
Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte	79	28	3	10,71	0,32
Journal for the History of Modern Theology	44	6	1	16,67	0,11
Journal of African Archaeology	43	83	9	10,84	1,72
Journal of European Integration History	53	22	4	18,18	0,34
Journal of Modern European History	136	60	4	6,67	0,41
Journal of Namibian Studies	30	19	3	15,79	0,53
Kirchliche Zeitgeschichte	71	7	1	14,29	0,08
Klio	94	51	7	13,73	0,47
Lithuanian historical studies / Lithuanian Institute of History	18	1	0	0,00	0,06
Militärgeschichtliche Zeitschrift	34	0	0	0,00	0,00
Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz	50	6	0	0,00	0,12
Philologus	93	22	0	0,00	0,24
Rechtsgeschichte	219	26	11	42,31	0,07
Saeculum	40	6	2	33,33	0,10
Sudosteuropa	88	57	4	7,02	0,60
Vierteljahresschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte	50	17	4	23,53	0,26
Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte	118	43	16	37,21	0,23
Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung	56	10	7	70,00	0,05
Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung	41	2	1	50,00	0,02
Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung	74	10	2	20,00	0,11

Окончание приложения 7

End of Appendix 7

Журнал	Количество цитирований	Количество цитируемых документов	Количество самоцитирований	Процент самоцитируемости	CiteScore 2021, с учетом самоцитирования
Zeitschrift fur Agyptische Sprache und Altertumskunde	69	10	2	20,00	0,12
Zeitschrift fur Antikes Christentum	70	26	0	0,00	0,37
Zeitschrift fur die Alttestamentliche Wissenschaft	118	67	10	14,93	0,48
Zeitschrift fur die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Alteren Kirche	48	20	1	5,00	0,40
Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft	149	18	11	61,11	0,05
Zeitschrift fur Historische Forschung	36	14	4	28,57	0,28

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акоев М. А., Москалева О. В. Прогноз развития российских научных журналов: индексация в международных указателях цитирования (Scopus) // Наука и научная информация. 2020. Т. 3, № 1. С. 64–84. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-64-84>
2. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 124–139. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.8>
3. Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Третьякова О. В. Методы оценки качества научных экономических журналов // Journal of Institutional Studies. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–52. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.027-052>
4. Виноградова Т. В. Библиометрия и социогуманитарные науки не совместимы? // Наукоевческие исследования. М.: [б. и.], 2016. С. 90–106.
5. Горелкин В. А., Кузнецов О. В. 25 лет журналу «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 378–383. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.28>
6. Горелкин В. А. Регламентация издания научных журналов в России: проблемы и предложения // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1 (Suppl.). С. S6–S15. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-37>
7. Григорьева К. Н., Кузнецов А. Ю., Шварцман М. Е., Зельдина М. М. Анализ результатов проекта по поддержке программ развития российских научных журналов // Наука и научная информация. 2020. Т. 3, № 1. С. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-18-29>
8. Гришакина Е. Г. Публикационная активность российских исследователей: университетская наука // Управление наукой и наукометрия. 2016. Т. 11, № 4. С. 137–151.
9. Гуськов А. Г., Тихонов В. В. Российская научно-историческая периодика: индексы научного цитирования и проблемы оценки уровня журналов // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 410–424.
10. Гуськов А. Е., Косяков Д. В., Багирова А. В., Блинов П. Ю. Факторы цитируемости обзоров // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1128–1140. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958732012021X>
11. Захаров А. О. Журнал «Восток (Oriens)»: редакционный цикл в библиометрическую эпоху // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. № 5. С. 230–236. DOI: <https://doi.org/10.18334/np55190>
12. Иванчик А. И. Особенности оценки исследователей и исследовательских программ в гуманитарных науках // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 11. С. 985–991.
13. Ипполитов С. С. Российские научные журналы в пространстве защиты авторских прав, бизнес-интересов и редакционной этики // Новый исторический вестник. 2021. № 70 (4). С. 175–194. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2021_4_175
14. Касьянов П. Е. Интернационализация российских журналов как стратегия роста их авторитета // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 1. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-1-19-26>
15. Кириллова О. В. О влиянии языка статей на показатели научных журналов в международных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1/2. С. 21–33. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33)
16. Кириллова О. В. Как научному журналу сохранить родной язык и охватить англоязычную аудиторию // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1/2. С. 34–44. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44)
17. Кириллова О. В. О мерах, направленных на развитие и поддержку российских научных журналов, повышение их авторитета и достижение международного признания // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 3/4. С. 126–130. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-3-4-126-130](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-126-130)
18. Кириллова О. В., Тихонова Е. В. Критерии качества научного журнала: измерение и значимость // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 12–27. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-39>
19. Кириллова О. В. Конкурс программ развития журналов как зеркало состояния редакционно-издательской системы российской научной периодики / О. В. Кириллова // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. Т. 5, № 2. С. 56–74.
20. Кувалин Д. Б. Научный журнал в современной России: возможные модели поведения // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 6. С. 218–227. DOI: [10.18288/1994-5124-2017-6-11](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-6-11)
21. Москалева О. В. Российские журналы в Web of Science Core Collection // Научный редактор и издатель. 2018. Т. 3, № 1/2. С. 26–32. DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-26-32](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-26-32)
22. Москалева О. В., Акоев М. А. Публикации на разных языках в индексах цитирования, или Есть ли шанс у русского языка в науке // Университетская книга. 2018. № 3. С. 42–45.
23. Райович Г., Березовская Л. Г., Посохова Л. А., Тюрин И. В. Российский исторический журнал «Былые годы» (2006–2021 гг.): некоторые результаты // Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1057–1062.

24. Российская наука в 2021 году. URL: <https://issek.hse.ru/news/759541996.html?ysclid=ljm8fa4uuq547504594>
25. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 358 с. DOI: <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3154-3>
26. Список рекомендуемых научных изданий, для публикации основных результатов диссертаций по техническим наукам в Азербайджанской Республике. URL: <https://ict.az/ru/content/68>
27. Стерлигов И. А. Российский конференционный взрыв: масштабы, причины, дальнейшие действия // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 2. С. 222–251. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.2.1>
28. Стерлигов И. Иностранные публикации в российских журналах за 2000–2021 годы: анализ основных характеристик // SocArXiv. 2022. 29 июля. DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/q4x2a>
29. Тараканов В. В., Калинина А. Э. «Вестник ВолГУ»: история, современность, перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2016. № 1 (17). С. 5–15.
30. Тихонов В. В. Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 89–106.
31. Третьякова О. В. Интеграция российских журналов в международное научно-информационное пространство: точки роста для экономических изданий // Научное издание международного уровня – 2018: редакционная политика, открытый доступ, научные коммуникации. М.: Ваше цифровое изд-во, 2018. С. 139–144. DOI: <https://doi.org/10.24069/konf-24-27-04-2018.25>
32. Третьякова О. В. Российские экономические журналы в ESCI: ретроспектива и прогноз // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 4. С. 92–109. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-92-10>
33. Третьякова О. В. Российские социологические журналы в международных базах данных: что необходимо учесть в новой системе оценки // Мир России. 2022. Т. 31, № 4. С. 100–121. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-100-121>
34. Третьякова О. В. Российские экономические и социологические журналы в МНБД Scopus: существует ли зависимость между языком публикации и уровнем цитируемости? // Управленец. 2022. Т. 13, № 4. С. 38–53. DOI: [10.29141/2218-5003-2022-13-4-4](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-4-4)
35. Третьякова О. В. Импорт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 179–194. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.12>
36. Третьякова О. В. Российские экономические журналы, индексируемые в Web of Science: обзор состояния, пути повышения международной видимости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 292–311. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.17>
37. Тургель И. Д. Приоритеты трансформации редакционной политики научного журнала в условиях международных санкций // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-03>
38. Тюменцев И. О. Исторический «Вестник ВолГУ»: все только начинается // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2016. № 1 (17). С. 36–41.
39. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263>
40. Усачев А. С. Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России // Новый исторический вестник. 2013. № 1. С. 69–83.
41. Филюшкин А. И. Стратегии вхождения в базу данных Scopus для отечественных журналов по истории: проблемы и перспективы // Научное издание международного уровня – 2017: мировая практика подготовки и продвижения публикаций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 144–149. DOI: <https://doi.org/10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.24>
42. Филюшкин А. И. Цитирование российских журналов по истории, вошедших в Scopus: проблемы и пути их решения // Научное издание международного уровня – 2018: редакционная политика, открытый доступ, научные коммуникации. М.: Ваше цифровое изд-во, 2018. С. 145–151. DOI: <https://doi.org/10.24069/konf-24-27-04-2018.26>
43. Функ Д. А. Наукометрия в оценке качества публикаций в социальных и гуманитарных науках // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 8–26.
44. Хлюстова Я. Не публикуйтесь в мусорных изданиях! // Газета.ру. 2014. 9 апр. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5984625.shtml
45. Яблоков Б. В. Особенности развития сетевой научной периодики на примере Электронного научно-образовательного журнала «История» // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12, вып. 12 (110), ч. 2. DOI: [10.18254/S207987840017380-7](https://doi.org/10.18254/S207987840017380-7)
46. Moed H. F., Moya-Anegón F. de, Guerrero-Bote V., Lopez-Illescas C. Are Nationally Oriented Journals Indexed in Scopus Becoming More International? The Effect of Publication Language and Access Modality // Journal of Informetrics. 2020. Vol. 14, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2020.101011>

47. Fang H. Analysis of the New Scopus CiteScore // *Scientometrics*. 2021. Vol. 126, no. 6. P. 5321–5331. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-021-03964-5>

48. Guerrero-Bote V. P., Moya-Anegyn F. A Further Step Forward in Measuring Journals' Scientific Prestige: The SJR2 Indicato // *Journal of Informetrics*. 2012. № 6. P. 674–688. URL: <https://www.scimagojr.com/files/SJR2.pdf>

49. Languages with at Least 50 Million First-Language Speakers // *Ethnologue*. Statistics. Summary by Language Size. URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/>

50. Matveeva N., Sterligov I., Lovakov A. International Scientific Collaboration of Post-Soviet Countries: A Bibliometric Analysis // *Scientometrics*. 2022. Vol. 127. P. 1583–1607. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04274-0>

51. Moskaleva O., Akoev M. Non-English Language Publications in Citation Indexes – Quantity and Quality // 17th International Conference on Scientometrics and Informetrics, ISSI 2019 – Proceeding. In 2 Vols. Vol. 1. Rome: Edizioni Efesto, 2019. P. 35–46.

52. Scopus Journal Metrics. URL: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/14194/supporthub/scopus/

53. Szabó V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019) // *RussianStudiesHu*. 2020. P. 175–196. DOI: <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.6>

54. Winclawska B. M. Polish Sociology Citation Index (Principles for Creation and the First Results) // *Scientometrics*. 1996. № 35. P. 387–391. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02016909>

55. Yu-Wei Chang. Capability of Non-English-Speaking Countries for Securing a Foothold in International Journal Publishing // *Journal of Informetrics*. Vol. 16, iss. 3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2022.101305>

REFERENCES

1. Akoev M.A., Moskaleva O.V. Prognoz razvitiya rossiyskikh nauchnykh zhurnalov: indeksatsiya v mezhdunarodnykh ukazatelyakh tsitirovaniya (Scopus) [Forecast of the Development of Russian Scientific Journals: Indexing in International Citation Indexes (Scopus)]. *Nauka i nauchnaya informatsiya* [Scholarly Research and Information], 2020, vol. 3, no. 1, pp. 64–84. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-64-84>

2. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Konkurentsia rossiyskikh ekonomicheskikh zhurnalov na mirovom rynke [Competition of Russian Economic Journals in

the World Market]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 124–139. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.8>

3. Balatsky E.V., Ekimova N.A., Tretyackova O.V. Metody otsenki kachestva nauchnykh ekonomicheskikh zhurnalov [Evaluation Methods of Scientific Economic Journals Quality]. *Journal of Institutional Studies*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 27–52. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.027-052>

4. Vinogradova T.V. Bibliometriya i sociogumanitarnye nauki ne sovместimy? [Bibliometry and Socio-Humanitarian Sciences Are Incompatible?] *Naukovedcheskie issledovaniya* [Science Studies]. Moscow, s.n., 2016, pp. 90–106.

5. Gorelkin V.A., Kuznetsov O.V. 25 let zhurnalu «Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya» [The 25th Anniversary of the Journal «Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya»]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 378–383. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.28>

6. Gorelkin V.A. Reglamentatsiya izdaniya nauchnykh zhurnalov v Rossii: problemy i predlozheniya [Regulation of Scientific Journals Publishing in Russia: Problems and Suggestions]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2022, vol. 7, no. 1 (Suppl.), pp. S6–S15. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-37>

7. Grigorieva K.N., Kuznetsov A.Yu., Shvartsman M.E., Zeldina M.M. Analiz rezultatov proekta po podderzhke programm razvitiya rossiyskikh nauchnykh zhurnalov [Analysis of the Results of the Project to Support the Development Programs of Russian Scientific Journals]. *Nauka i nauchnaya informatsiya* [Scholarly Research and Information], 2020, vol. 3, no. 1, pp. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-18-29>

8. Grishakina E.G. Publikacionnaya aktivnost rossiyskikh issledovatelej: universitetskaya nauka [Publication Activity of Russian Researchers: University Science]. *Upravlenie naukoj i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics], 2016, vol. 11, no. 4, pp. 137–151.

9. Guskov A.G., Tihonov V.V. Rossiyskaya nauchno-istoricheskaya periodika: indeksy nauchnogo tsitirovaniya i problemy otsenki urovnya zhurnalov [The Russian Scientifically-Historical Periodical Press: Problems of the Assessment of the

Level of Journals]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*, 2014, no. 12, pp. 410-424.

10. Guskov A.E., Kosyakov D.V., Bagirova A.V., Blinov P.Yu. Faktory citiruемости obzorov [Review Citation Factors]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 12, pp. 1128-1140. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958732012021X>

11. Zakharov A.O. Zhurnal «Vostok (Oriens)»: redaktsionnyy tsikl v bibliometricheskuyu epohu [The Journal “Vostok (Oriens)”: Editorial Cycle in the Bibliometric Era]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scholarly Communication Review], 2015, no. 5, pp. 230-236. DOI: <https://doi.org/10.18334/np55190>

12. Ivanchik A.I. Osobennosti otsenki issledovateley i issledovatel'skikh programm v gumanitarnykh naukakh [Features of Evaluation of Researchers and Research Programs in the Humanities]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2018, vol. 88, no. 11, pp. 985-991.

13. Ippolitov S.S. Rossiyskie nauchnye zhurnaly v prostranstve zashchity avtorskikh prav, biznes-interesov i redaktsionnoy etiki [Russian Scientific Journals in the Field of Copyright Protection, Business Interests, and Editorial Ethics]. *Novyj Istoricheskij Vestnik* [The New Historical Bulletin], 2021, no. 70 (4), pp. 175-194. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2021_4_175

14. Kasyanov P.E. Internatsionalizatsiya rossijskikh zhurnalov kak strategiya rosta ikh avtoriteta [Internationalization of Russian Magazines as a Strategy for the Growth of Their Credibility]. *Nauka i nauchnaya informatiya* [Scholarly Research and Information], 2019, vol. 2, no. 1, pp. 19-26. DOI: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-1-19-26>

15. Kirillova O.V. O vliyaniy yazyka statey na pokazateli nauchnykh zhurnalov v mezhdunarodnykh naukometricheskikh bazakh dannykh [Publication Language and the Journal Scientometric Indicators in Global Citation Databases]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2019, vol. 4, no. 1/2, pp. 21-33. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33)

16. Kirillova O.V. Kak nauchnomu zhurnalu sokhranit rodnoy yazyk i okhvatit angloyazychnuyu auditoriyu [Preserving National Language and Reaching Out English-Speaking Audience of a Scholarly Journal]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], vol. 4, no. 1/2, pp. 34-44. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-1-2-34-44)

17. Kirillova O.V. O merakh, napravlenykh na razvitie i podderzhku rossijskikh nauchnykh zhurnalov, povyshenie ikh avtoriteta i dostizhenie mezhdunarodnogo priznaniya [On Measures Aimed at Supporting Russian Scholarly Journals for Increased Credibility and International Recognition]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2019,

vol. 4, no. 3/4, pp. 126-130. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-3-4-126-130](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-126-130)

18. Kirillova O.V., Tikhonova E.V. Kriterii kachestva nauchnogo zhurnala: izmerenie i znachimost [Journal Quality Criteria: Measurement and Significance]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2022, vol. 7, no. 1, pp. 12-27. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-39>

19. Kirillova O.V. Konkurs programm razvitiya zhurnalov kak zerkalo sostoyaniya redaktsionno-izdatelskoy sistemy rossiyskoj nauchnoy periodiki [Competition of Journal Development Programs as a Mirror of the State of the Editorial and Publishing System of Russian Scientific Periodicals]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scholarly Communication Review], 2015, vol. 5, no. 2, pp. 56-74.

20. Kuvalin D.B. Nauchnyy zhurnal v sovremennoy Rossii: vozmozhnye modeli povedeniya [Academic Journal in Today's Russia: Alternatives of Development Strategies]. *Ekonomicheskaya politika*, 2017, vol. 12, no. 6, pp. 218-227. DOI: [10.18288/1994-5124-2017-6-11](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-6-11)

21. Moskaleva O.V. Rossiyskie zhurnaly v Web of Science Core Collection [Russian Journals in Web of Science Core Collection]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2018, vol. 3, no. 1/2, pp. 26-32. DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-26-32](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-26-32)

22. Moskaleva O.V., Akoev M.A. Publikatsii na raznykh yazykakh v indeksakh tsitirovaniya, ili Est li shans u russkogo yazyka v nauke [Publications in Different Languages in Citation Indexes, or Is There a Chance for the Russian Language in Science]. *Universitetskaya kniga*, 2018, no. 3, pp. 42-45.

23. Rajovich G., Berezovskaya L.G., Posokhova L.A., Tyurin I.V. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal «Bylye gody» (2006–2021 gg.): nekotorye rezultaty [The Russian Historical Journal “Bylye Gody” (2006–2021): Some Results]. *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (3), pp. 1056-1061. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2021.3.1056>

24. *Rossiyskaya nauka v 2021 godu* [Russian Science in 2021]. URL: <https://issek.hse.ru/news/759541996.html?ysclid=ljm8fa4uuq547504594>

25. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Handbook for Scientometrics: Science and Technology Development Indicators]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2021. 358 p. DOI: <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3154-3>

26. *Spisok rekomenduemykh nauchnykh izdaniy, dlya publikatsii osnovnykh rezultatov dissertatsiy po tekhnicheskim naukam v Azerbaydzhanskoj Respublike* [List of Recommended Scientific Publications in the Republic of Azerbaijan]. URL: <https://ict.az/ru/content/68>

27. Sterligov I.A. Rossiyskiy konferentsionnyy vzryv: masshtaby, prichiny, dalneyshie deystviya [The

Russian Conference Outbreak: Description, Causes and Possible Policy Measures]. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice], 2021, vol. 3, no. 2, pp. 222-251. DOI: <https://doi.org/10.19181/smt.2021.3.2.10>

28. Sterligov I. Inostrannye publikatsii v rossiyskikh zhurnalakh za 2000–2021 gody: analiz osnovnykh kharakteristik [Foreign Publications in Russian Journals for 2000–2021: Analysis of the Main Characteristic]. *SocArXiv*, 2022, 29 July. DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/q4x2a>

29. Tarakanov V.V., Kalinina A.E. «Vestnik VolGU»: istoriya, sovremennost, perspektivy razvitiya [“Vestnik VolGU”: History, Modernity, and Development Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*, 2016, no. 1, pp. 5-15.

30. Tikhonov V.V. Rossiyskaya istoricheskaya nauka i indeksy nauchnogo tsitirovaniya [Russian Historical Science and Science Citation Indexes]. *Novyy Istoricheskij Vestnik* [The New Historical Bulletin], 2013, no. 2, pp. 89-106.

31. Tretyakova O.V. Integratsiya rossiyskikh zhurnalov v mezhdunarodnoe nauchno-informatsionnoe prostranstvo: tochki rosta dlya ekonomicheskikh izdaniy [Integrating Russian Journals into International Scientific and Information Space: Growth Points for Economic Publications]. *Nauchnoe izdanie mezhdunarodnogo urovnya – 2018: redaktsionnaya politika, otkrytyy dostup, nauchnye kommunikatsii* [World-Class Scientific Publication – 2018: Editorial Policy, Open Access, Scientific Communications]. Moscow, Vashe tsifrovoye izd-vo, 2018, pp. 139-144. DOI: <https://doi.org/10.24069/konf-24-27-04-2018.25>

32. Tretyakova O.V. Rossiyskie ekonomicheskie zhurnaly v ESCI: retrospektiva i prognoz [Russian Economic Journals in the ESCI: Retrospective Overview and Forecast]. *Terra Economicus*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 92-109. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-92-109>

33. Tretyakova O.V. Rossiyskie sotsiologicheskie zhurnaly v mezhdunarodnykh bazakh dannykh: chto neobkhodimo uchest v novoy sisteme otsenki [Russian Sociological Journals in International Scientometric Databases: What Should Be Taken into Account in a New Evaluation System]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2022, vol. 31, no. 4, pp. 100-121. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-100-121>

34. Tretyakova O.V. Rossiyskie ekonomicheskie i sotsiologicheskie zhurnaly v MNBD Scopus: sushchestvuet li zavisimost mezhdu yazykom publikatsii i urovnem tsitiruemosti? [Russian Economic and Sociological Journals in Scopus: The Impact of Publication Language on the Citation Rate].

Upravlenets [The Manager], 2022, vol. 13, no. 4, pp. 38-53. DOI: [10.29141/2218-5003-2022-13-4-4](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-4-4)

35. Tretyakova O.V. Impakt-reyting ekonomicheskikh zhurnalov akademicheskogo sektora: kriterii i metodika postroeniya [The Impact Rating of Academic Journals in Economics: Ranking Criteria and Methodology]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 3, pp. 179-194. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.12>

36. Tretyakova O.V. Rossiyskie ekonomicheskie zhurnaly, indeksiruemye v Web of Science: obzor sostoyaniya, puti povysheniya mezhdunarodnoy vidimosti [Russian Economic Journals Indexed in Web of Science: Current State and the Ways of Increasing International Visibility]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, vol. 12, no. 6, pp. 292-311. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.17>

37. Turgel I.D. Priorityety transformatsii redaktsionnoy politiki nauchnogo zhurnala v usloviyakh mezhdunarodnykh sanktsiy [Transformation Priorities in the Editorial Policy of a Russian Scientific Journal in the Context of International Sanctions]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], 2022, vol. 7, no. 1, pp. 28-38. DOI: <https://doi.org/10.24069/SEP-22-03>

38. Tyumentsev I.O. Istoricheskij «Vestnik VolGU»: vse tolko nachinaetsya [Historical Vestnik VolGU: Everything Is Just Beginning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*, 2016, no. 1 (17), pp. 36-41.

39. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2012 № 599 «O merah po realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya i nauki» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 599 “On Measures to Implement State Policy in the Field of Education and Science”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263>

40. Usachev A.S. Rossiyskie istoriki i zarubezhnye zhurnaly: nekotorye razmyshleniya spetsialista po istorii Rossii [Russian Historians and Foreign Journals: Some Reflections of a Specialist in the History of Russia]. *Novyy Istoricheskij Vestnik* [The New Historical Bulletin], 2013, no. 1, pp. 69-83.

41. Filyushkin A.I. Strategii vkhodeniya v bazu dannykh Scopus dlya otechestvennykh zhurnalov po istorii: problemy i perspektivy [Strategies Aimed at Inclusion into the Scopus Database for Domestic History Journals: Problems and Prospects]. *Nauchnoe izdanie mezhdunarodnogo urovnya – 2017: mirovaya praktika podgotovki i prodvizheniya publikatsiy* [World-Class Scientific Publication – 2017:

Best Practices in Preparation and Promotion of Publications]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017, pp. 144-149. DOI: <https://doi.org/10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.24>

42. Filyushkin A.I. Tsitirovanie rossiyskikh zhurnalov po istorii, voshedshikh v Scopus: problemy i puti ikh resheniya [Citation of the Russian Historical Journals, Included in Scopus: Problems and Ways to solve them]. *Nauchnoe izdanie mezhdunarodnogo urovnya – 2018: redaktsionnaya politika, otkrytyy dostup, nauchnye kommunikatsii* [World-Class Scientific Publication – 2018: Editorial Policy, Open Access, and Scientific Communications]. Moscow, Vashe tsifrovoye izd-vo, 2018, pp. 145-151. DOI: <https://doi.org/10.24069/konf-24-27-04-2018.26>

43. Funk D.A. Naukometriia v otsenke kachestva publikatsiy v sotsialnykh i gumanitarnykh naukakh [Scientometrics and Evaluation of Publications in Social Sciences and Humanities]. *Sibirskie i storicheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2016, no. 1, pp. 8-26.

44. Hlyustova Ya. Ne publikuytes v musornyye izdaniya! [Do Not Publish in Junk Publications!]. *Gazeta.ru*, 2014, 9 Apr. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5984625.shtml

45. Yablokov B.V. Osobennosti razvitiya setevoy nauchnoy periodiki na primere Elektronnoy nauchno-obrazovatel'nogo zhurnala «Istoriya» [Features of the Development of Online Scientific Periodicals on the Example of the Journal “ISTORIYA”]. *ENOZh “Istoriya”*, 2021, vol. 12, iss. 12 (110), pt. 2. DOI: [10.18254/S207987840017380-7](https://doi.org/10.18254/S207987840017380-7)

46. Moed H.F., Moya-Anegon F. de, Guerrero-Bote V., Lopez-Illescas C. Are Nationally Oriented Journals Indexed in Scopus Becoming More International? The Effect of Publication Language and Access Modality. *Journal of Informetrics*, 2020, vol. 14, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2020.101011>

47. Fang H.. Analysis of the New Scopus CiteScore. *Scientometrics*, 2021, vol. 126, no. 6, pp. 5321-5331. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-021-03964-5>

48. Guerrero-Bote V.P., Moya-Anegon F. A Further Step Forward in Measuring Journals' Scientific Prestige: The SJR2 Indicato. *Journal of Informetrics*, 2012, no. 6, pp. 674-688. URL: <https://www.scimagojr.com/files/SJR2.pdf>

49. Languages with at Least 50 Million First-Language Speakers. *Ethnologue. Statistics. Summary by Language Size*. URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/>

50. Matveeva N., Sterligov I., Lovakov A. International Scientific Collaboration of Post-Soviet Countries: A Bibliometric Analysis. *Scientometrics*, 2022, vol. 127, pp. 1583-1607. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04274-0>

51. Moskaleva O., Akoev M. Non-English Language Publications in Citation Indexes – Quantity and Quality. *17th International Conference on Scientometrics and Informetrics, ISSI 2019 – Proceeding. In 2 Vols. Vol. 1*. Rome, Edizioni Efesto, 2019, pp. 35-46.

52. *Scopus Journal Metrics*. URL: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/14194/supporthub/scopus/

53. Szabó V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019). *RussianStudiesHu*, 2020, pp. 175-196. DOI: <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.6>

54. Winclawska B.M. Polish Sociology Citation Index (Principles for Creation and the First Results). *Scientometrics*, 1996, vol. 35, pp. 387-391. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02016909>

55. Yu-Wei Chang. Capability of Non-English-Speaking Countries for Securing a Foothold in International Journal Publishing. *Journal of Informetrics*, vol. 16, iss. 3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2022.101305>

Information About the Author

Vitaliy A. Gorelkin, Deputy Chief Editor, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

Информация об авторе

Виталий Александрович Горелкин, заместитель главного редактора журнала, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Цели журнала:

Purposes of the journal:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Уважаемые читатели!

Dear readers!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года 3140 руб. 43 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 3140.43 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

